

МИДГАРД

ЯРОСЛАВ
ГЖЕНДОВИЧ

ВЛАДЫКА ЛЕДЯНОГО САДА:
В СЕРДЦЕ ТЬМЫ

Annotation

В Земле Огня, разоренной армией безумца, нет пощады, нет милосердия, монстры с полотен Босха ходят среди людей, а мертвые не хотят умирать окончательно. Близится Война Богов, в которой смерть – еще не самая страшная участь, Вуко Драккайнен – землянин, разведчик, воин – понимает, что есть лишь единственный способ уцелеть в грядущем катаклизме: разгадать тайну Мидгарда. Только сначала ему надо выбраться из страшной непостижимой западни, и цена за свободу будет очень высокой. А на другом конце света принц уничтоженного государства пытается отомстить за собственную семью и народ. Странствуя по стране, охваченной религиозным неистовством, он еще не знает, что в поисках возмездия придет туда, где можно потерять куда больше того, чего уже лишился; туда, где гаснут последние лучи солнца. В самое сердце тьмы.

- [Ярослав Гжендович](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

◦ 9

Ярослав Гжендович

Владыка Ледяного сада. В сердце тьмы

© 2007 by Jarosław J. Grzędowicz
© Сергей Легеза, 2017, перевод
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Древо

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.*

Речи Высокого [\[1\]](#)

Знаешь, что такое ад? Ад – это два подернутых туманом хребта, что жмутся друг к другу, словно ягодицы. Это все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Это видимые вдали два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Это семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Это рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как порченное мясо. Это искрящиеся пленки снежных шапок на вершинах. Это чудненький, словно прямо с открытки, горный пейзажик, который становится для тебя всем. Неизменный, скучный и красивый. С открытки, вдруг получившей роль вселенной. Это заключенные в слоях дерева вечные гнев и ярость. Это пересохшее деревянное горло, которое не ведает крика. Это и есть ад.

Это выющиеся, подобно червям, корни в каменистой горной земле, в отчаянном поиске хотя бы горсти питательного перегноя среди кислых и хрупких, как ногти трупа, плиток сланца. Это пахнущий липкой сладостью свет солнца.

Это торчащий в деревянных внутренностях узкий кованый наконечник. Это чужая мертвая ветка, пробивающая ствол, будто застывшая молния.

Это молитва о грозе. О внезапном приходе электрического

освобождения, громе, пепле и огне.
Это и есть ад.
Быть деревом.
Страшно... страшно... страшно...

* * *

Он появляется внезапно, прямо из осеннего тумана. Выныривает из-за края, бледное лицо рассечено зигзагом татуировки, выпученные черные глаза поблескивают в беге узкими полосками белков. Засохшие брызги крови на щеках и лбу.

Он хватается за корень и обломок скалы, пытается взобраться выше, но что-то тянет его вниз. Он молод. Ему лет семнадцать, и он крайне, смертельно испуган. Уже не обращает внимания, что слезы ручьями текут по лицу, что изо рта вырывается скулеж. Его заботит лишь неведомая сила, что тянет вниз, в пропасть.

Причина банальна. Бурый плащ, застегнутый на плечах серебряной фибулой с мотивами танцующих змей, зацепился за корень. Но парень тонет в приливах паники. Может лишь бессильно дергаться, переть вперед, как запряженный конь. Секунды текут меж пальцев, ручейки крови из раны на лбу бегут по щекам.

Парень... По здешним стандартам, он уже давно взрослый. Он воин. Рожденный с убийственным железом в руках, качаемый в люльке под песни о героях, закаленный видениями собственной героической гибели. И все же теперь он плачет, сражается с плащом, зацепившимся за корень, поскольку вблизи все выглядит иначе, чем в песнях. Собственная смерть, увиденная в упор, кажется вонючей, обычной и болезненной. Не будет трогательно-прекрасной гибели, достойной песни. А более всего – невозможно принять, что уже все. Что теперь. Сейчас. Навсегда.

Стрела с ядовитым шипением втыкается в сланцевую глыбу рядом с ладонью парня. Слышен сдавленный короткий вскрик, молодой наконец находит сплетенных серебряных змеев, давящих его глотку, и дергает застежку. Плащ падает со спины, фибула летит в пропасть, отскакивает от камня, а воин-подросток ползет на четвереньках по крутой тропке, цепляясь за кусты и скалы.

Они приближаются.

Слышны гортанные проклятия и частое дыхание. Слышен скрип толстых кож и звяканье стали.

Еще одна стрела вылетает из долины и порскает над самой головой беглеца, гудя, как рассерженный шершень.

Они приближаются.

Трое.

Они не носят красно-черные татуировки на руках и лицах, у них нет зачесанных к затылку, пропитанных дегтем косичек. Под очковыми наносниками шлемов и угловатыми нащечниками видны коротко подрезанные бороды.

Они кричат в его сторону, триумфально, хрипло. Из ртов вылетает пар, клубится в ледяном воздухе осени. Один перегибается за обрыв и кричит кому-то внизу; эхо скачет горами. Они смеются, глядя, как парень ползет на четвереньках вперед, как пытается побежать, но спотыкается, падает и снова ползет.

Тот первый, большой словно гора, снимает шлем и осторожно кладет его на землю, потом расстегивает плащ, высвобождая новые клубы пара, поднимающиеся из-под ламеллярного панциря. Снова кричит, издевательски, задорно – и неторопливо вынимает меч. Слышен стальной протяжный скрежет железа, великан распрямляется и словно гимнаст шевелит плечами, в его спине что-то похрустывает.

Парень беспомощно хватается за пустые ножны у пояса – напоминание об утраченном оружии, но продолжает ползти вперед, слепой и глухой от ужаса.

На миг он поднимает взгляд и видит Ствол. Распахивает рот и глаза еще шире; на его лице выражение недоверия и крайнего ошеломления. Кажется, он нашел нечто, что искал давно. На несколько секунд забывает о настигающих его преследователях и ведет взглядом вдоль толстого Ствола, скрывающего человеческую фигуру с широко раскинутыми руками. Между Ветвями виден нарост, похожий на голову с обезображенным болью лицом, а посередине Ствола торчит серебристое древко ясеневое копьё.

Длится это очень недолго.

Хриплый крик заставляет беглеца упасть на землю. Последние секунды жизни, вытекающие, словно пиво из разбитого кувшина. Преследователи, расслабленные, но бурлящие адреналином, снова ему кричат. Финал мучительной погони. Его уже поймали. Осталось всего пару шагов. Конец.

Сейчас его прикончат.

Резня у корней Древа.

Прикончат его, а потом сойдут в свои долины, к своим рекам и озерам. Разожгут огонь и напьются октябрьского пива, смеясь и хлопая друг друга

по спинам. Запахнет жаркое, пение и хохот живых взлетит под потолок.

Принесут цепи, смазанные драконьим маслом, и станцуют свой танец огня. Нагие, размалеванные дикими узорами девушки с волосами, спрятанными под платки, станут крутиться в пламени, прыгать среди прирученного жара, обметать гибкие тела косицами огня.

А его уже не будет.

Никогда.

Он боится Древа, но меньше, чем вечного мрака, заклятого в стали преследователей. Всккивает на ноги, двумя прыжками оказывается у Ствола и отчаянно дергает ясеневое древко. Вросшее в ствол копье неподвижно, как родная ветка.

Они окружают парня полукругом, смеются, покрикивают на него. Кто-то со вздохом садится на камень и отстегивает от пояса пузатую, обшитую тюленьей шкурой флягу. Другой втыкает меч в землю и потягивается, массируя заболевшую поясницу.

Верзила движется на парня танцующим шагом, из-за его спины доносятся ироничные советы, вызывающие взрывы смеха.

Меч в пальцах великана танцует, клинок чертит круги и восьмерки, рукоять умело обращается в спокойной руке. Акробатика. Шутовство.

Воин двигает бедрами, его ноги выполняют боксерский танец, склоненное тело колышется вместе с клинком – непросто поверить, что огромный мужчина может двигаться так легко и ловко. Он словно горная горилла. Большой, косматый и brutальный.

Короткий выпад, финт, уклонение, притворный удар в голову.

Парень заслоняется руками, втискивается спиной в Ствол, сползает по нему на землю. На его штанах вдруг расплзлось мокрое пятно.

Противник завершил танец с клинком, выставленным горизонтально, опирающимся в хребет второй ладони. Раскрывает руку, приглашающее машет лежащему: «Ну, подходи».

Беглец вьется, как змея, вокруг Ствола, ползает по мху и сохлому папоротнику, шаря ладонями, будто слепец. Что-нибудь. Хотя бы камень.

Огромный воин медленно приближается, вздыхает, качает с неудовольствием головой. Беспомощно разводит руками и бросает свой меч стоящим сзади, после чего дважды хлопает в ладоши, словно пытаясь разбудить противника, и снова приглашает его жестом, на этот раз – пустых рук: «Ну, подходи, меча уже нет».

Но – с тем же эффектом. Худой парень не желает бросаться с голыми кулаками на стокилограммовую гору жилистых мышц. Адреналин наполняет его ноги свинцом, страшная, смертельная усталость затапливает

легкие, как бетоном.

Гигант разочарованно опускает руки и идет длинными шагами, чтобы ухватить парня за загривок и выволочь из кустов, словно котенка. Это перестает быть смешным.

Большая ладонь тянется и хватает за ворот черной куртки как раз в тот миг, когда отчаянно шарящие пальцы натываются среди мха, листьев и сухой горной травы на нечто продолговатое. Уплощенный цилиндр, обмотанный прекрасно прилегающей к руке плетеной тесемкой.

Рукоять универсального меча разведчика. *Синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics.

После рывка за плечо парень подлетает вверх, разом встав на трясущиеся ноги. И тогда раздается шипение мономолекулярного клинка. А потом воздух прошивает блеск и в холодном осеннем воздухе раздается хруст разрубаемой плоти.

Гигант отпускает противника и медленно поворачивается к своим онемевшим, сидящим на камнях товарищам, показывая белое, меловое, неподвижное лицо, а потом из него вдруг бьет фонтан крови. Его грудь разделяется вдоль тонкой косой линии, открывая разъявленное, черно-красное нутро.

Мужчина делает слепой, неуверенный шаг в неизвестность и валится лицом вперед, как срубленное дерево.

Все немеют.

Сгорбившийся парень – выставив поблескивающий мономолекулярный клинок, по которому катятся и падают на землю капли крови, открывая сверкающую, чистую поверхность.

Воины сидят на камнях: один – замерев с наклоненной флягой в руке, вода льется ему на сапоги, второй – в испуге закусив кулак.

На ноги они вскакивают одновременно. Блеск стали, звон клинков и быстрое, размазанное движение.

Крик.

Резкий, внезапный крик боли. Один из нападающих вдруг переламывается пополам, хватаясь за горло. Между его пальцами брызгает ручеек светлой, пульсирующей крови. Второй отскакивает, со страхом и недоверием глядя на обрубок меча в руке. Не может поверить, что панический, неловкий блок противника перерубил его клинок словно сухую ветку. Отбрасывает оружие и молниеносно хватается за воткнувшийся в землю, осиротевший меч бородача.

Парень рубит наотмашь, кое-как, неловко управляясь со слишком коротким мечом со странной рукоятью и непривычным балансом.

Второй издает короткий звериный рык, его правая ладонь падает на мох, словно отброшенная перчатка, но крови еще нет. Он хватается оружие левой рукой и бросается на парня, сбивая его с ног. Оба тяжело валятся на землю, спина нападающего, в полукожухе, украшенном на спине вышивкой из трех танцующих в круге языков пламени, судорожно вздрагивает, а посередине, над самым вышитым знаком, торчит прямо в небеса клинок – по нему стекает кровь, открывая чистую, посверкивающую поверхность.

Тишина. Слышно лишь, как рядом, царапая сапогами каменистую почву и впиваясь пальцами в сухой осенний дерн, умирает тонущий в собственной крови человек.

А потом наступает тишина.

Парень с трудом отваливает труп в сторону, освобождается от его хватки, разжимая стиснутый на его куртке кулак, палец за пальцем. После чего встает, наступает противнику на грудь и, посапывая, вырывает из нее клинок.

Недоверчиво смотрит на него, а его ноги вдруг подгибаются, и парень тяжело садится на мох.

Меч трясется в руках, по всему телу пробегают судороги, молодой склоняет голову и начинает плакать. Станным сухим рыданием, которое подбрасывает его некрупное тело. Рыданием, что постепенно превращается в истерический смех.

Стоит так, на коленях, с запрокинутой головой, поднимая в окровавленных руках меч разведчика, *синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics. Хихиканье, что рождается из плача, перерастает в победный рык. Писклявый и странный, он кончается гремящим шипеньем, которое могла бы издать гигантская рассерженная змея.

Парень встает на ноги и смотрит на забрызганную кровью скалу, вдруг порывшийся круг серой осенней травы и три трупа рядом.

Откладывает в сторону меч, трет руками траву, скользкие красные камни вокруг мертвого гиганта, а потом прикасается к собственному лицу и в полупоклоне подходит к Стволу, чтобы оставить на нем отпечатки своих окрашенных рук. Стоит в траве и шарит ладонями, пока не отыскивает одиноко лежащие ножны. Меч со щелчком возвращается домой, парень берет оружие, но не знает, как приторочить его к поясу. Наконец закидывает меч на плечо, словно лопату, и уходит узкой тропкой.

В противоположную сторону, чем та, откуда он пришел.

Остается только Дерево, забрызганные скалы вокруг и три трупа Людей Огня. Две вершины, жмущиеся друг к другу, словно ягодицы. Снежные плевки на верхушках гор. Крик ворона в холодном осеннем воздухе.

Одеревеневший гнев, замерший в слоях и волокнах древесины.

Близится ночь.

А ночью приходят волки.

Порой между горами виден дым. Столпы черного дыма, пересекающие осеннее небо. Ночью вершины подкрашивает оранжевый отблеск огня. Порой ледяной осенний воздух доносит далекий крик. А порой – только карканье ворон.

* * *

Видны два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся пленки снежных шапок на вершинах.

Виден ад.

Тропинка идет резко вниз, где-то там, вне поля зрения, за границей вселенной. Но она не настолько отвесна, чтобы решительный человек не сумел ее покорить. Даже крепкий карлик может уговорить свои кривые ножки на такое усилие, заставляя одолеть горный путь и впряженного в тележку осла, похожего на уродливую помесь окапи и жирафа.

Он привязывает вожжи к одному из семидесяти трех скрученных хвойных деревьев. Вороны, выковыривающие остатки из уже разодранных волками трупов Людей Огня, взлетают хлопающей черной тучей и возмущенно каркают. Карлик присаживается на синей меловой скале и вытягивает из кармана тряпочку, в которую завернуты кусок копченого сыра и нечто, напоминающее черный помидор. Отрезает кусочек сыра и забрасывает на кончике ножа себе в рот, а потом осторожно откусывает от черного плода.

Минутку жует в молчанье.

– Это ловко, так спать в дереве, когда мир пылает.

Отрезает еще кусочек сыра.

Не похоже, что трупный запах и мертвецы хоть немного ему мешают.

– Говорю, это ловко. Я дал тебе хорошее имя, Спящий-в-Дереве. Ты говоришь, что предпочитаешь странствовать ночью. А я тебе говорю, что ты предпочитаешь, чтобы на тебя срали вороны. Предпочитаешь искать воду между камнями и ждать, пока осветит тебя солнце. Знаешь, по чему видно дурака? По тому, как он закончит, Спящий-в-Дереве.

Снова кусает черный плод, потом, охая, копается в карманах, пока не находит небольшую плитку соли, которую давит на камне рукоятью ножа. Плод, посыпанный грязной солью и наверняка украшенный муравьями, становится куда лучше.

– Ты видел, что такое Деющий. Видел живые тернии из железа. Видел движущийся замок с миллионом клинков и колес. Видел людей, заклётых в деревья и камни. Видел тварей из холодного тумана. И что? Ты ведь наверняка отправился с ним говорить? Сказал, что заберешь его за море домой? Может, напомнил ему о делах, которые остались там, в далеких краях? А может, ты решил взять его за загривок и отнести на то место как щенка, который вылез из псарни?

Карлик съедает плод до конца, тщательно заворачивает сыр в тряпицу и прячет нож. Со стоном встает, вытирает ладони о штаны.

– А теперь мир пылает – или встанет в огне через миг. Ты сидишь в Стволе и думаешь, как бы произвести на свет желуди. Деющий делает, что пожелает, и вскоре задумается над тем, что пора отыскать твое дерево. Это близко. Ничего не улучшилось, но сделалось еще хуже, – он поднимает ладонь и направляет ее в сторону вершин, что прижимаются друг к другу, словно ягодицы, туда, куда указывает длинная тень дерева. Тень, выглядящая словно нож. – Смотри на восток, Спящий-в-Дереве. Смотри на дым горящих селений. Слушай Крысиного Музыканта, который ночью вызывает детей из домов. Смотри, как дикие звери тянутся за голосом его флейты, прямо под ножи Башни. Цена соли уже выше цены золота. Змеям нужно много мяса, а это значит, когда пройдет зима, они двинутся на Побережье. Сиди в дереве и смотри. Смотри, как встает война богов, после которой наступит иной мир. Приходит время неволи. Время трупов, Змеев и волчьего воя. Настанет рассвет, на который не захотят взглянуть даже деревья.

Он идет к своей одноослиной повозке, поднимает грязный брезент и роется среди узелков, бочоночков и тючков. Наконец поворачивается и показывает короткий, массивный топор с широким клинком и массивным обухом.

«KILL ME».

Древо не двигает и Ветвью. Древа не могут двигаться, разве что подует ветер. Древо неподвижно. Оно погружено в мертвенность древесины. Оно – одеревенелый гнев. Оно – трухлявеющее отчаяние.

Древо – это дерево.

Карлик еще раз вытирает ладони о штаны и с усилием поднимает топор.

А потом разворачивает его и лупит обухом по концу торчащего из Ствола серебристого ясеневое копьё, словно заколачивая гвоздь. Глухой, деревянный стук прошивает молчание ледяного воздуха осени. А потом – снова и снова.

Где-то высоко каркает ворон. Через какое-то время слышен скрип, звучащий словно отчаянный, протяжный стон. Трещат зажатые вокруг древка волокна лыка и белые слои древесины. По гладкому Стволу с отпечатанными кровавыми следами ладоней ползет ручеек сока. Копье начинает двигаться, все глубже втыкается в Ствол.

Не слышно отчаянного, дикого крика, ничего не отражается эхом, не летит над горами. Дерево молчит.

Дерево – это дерево.

Копье входит в ствол все глубже, по самый разбитый обухом кончик древка. Воронова Тень откладывает топор и обходит Ствол. Упирается ногой, стонет от усилия, но деревянный прут сидит крепко. Его держит вся сердцевина Ствола. Карлик дергает древком вверх-вниз. Осторожно, но сильно. Старается расшатать твердый ясеневый кол в ране Древа, словно больной зуб, однако не хочет его сломать. Не слышно стонов, криков, рыданий и мольбы о пощаде.

Дерево – это дерево.

Деревья не кричат.

Слышен только треск лопающихся волокон. Карлик падает на спину, копьё катится по земле.

– Я продаю деющие предметы, – поясняет он, вставая на ноги. – Не знаю, что оно может сделать, но я чувствую, что в нем есть сила. Может, ввергнет владельца в несчастье, а может – оно никогда не промахивается, если бросить его во врага. А может, оно превратит его в дерево? Назову его Копьем Дураков.

Вертит копьё в руке, сует его одним концом под мышку, а потом смотрит вдоль древка. Наконец упирает его в землю и большим пальцем критично проверяет состояние наконечника.

– Ты некогда просил совета, Спящий-в-Дереве. И сейчас я дам тебе совет. Ты больше не сыграешь со мной на него в «короля». Ты проиграл свою партию. Но знаешь, что сделать, чтобы выиграть, когда уже проиграл?

Карлик вбрасывает копьё в тележку и сует его между узлов, но древко торчит наружу, выступая из короткого ящика. Стоило бы обвязать его красной лентой.

– Тогда нужно сбить фигуры и расставить их снова. Когда проиграл – выиграть можно, только начав сызнова.

Он садится под своей повозкой, опираясь о колесо, и поигрывает топором, перебрасывая его с колена на колено.

– Дам тебе совет. Послушай, может, будет тебе с него толк, хотя я сомневаюсь. Никто не сможет вытащить тебя из дерева, точно так же, как никто не мог показать Деющему с рыбьими глазами, как оживить железные тернии. Он шел по стране в одной куртке, даже без меча. Ходил, где хотел, а теперь ему кланяются сотни Людей Змеев. Он сидит в своем железном дворе из кос и топоров, а ты спишь в дереве, и на тебя мочатся волки. Отчего так случилось? Чем он отличается от тебя? Вы настолько отличались там, откуда прибыли? Он приказывает туману, лепит из него тварей и наводит на Змеев безумие, а ты хочешь справиться с ним, выхватывая меч? Вы оба – извне. И ты, и он. Он поколебал равновесие мира. Он – словно нож, воткнутый в доску для «короля». Когда люди играют с высокой ставкой, порой кто-то тянется за железом. Льется кровь, и кто-то забирает деньги. Но выиграл ли он партию? Идет война богов. Есть те, кому она на руку. И есть те, кто желает, чтобы мир снова стал доской для «короля», а не схваткой на ножах. Они будут советоваться о тебе, но их советы тебе не пригодятся, пока ты спишь в дереве. Ты должен проснуться. Или торчи здесь и жди, пока Деющий с рыбьими глазами обольет твой ствол драконовым маслом. Проснись, Спящий-в-Дереве. Таков мой совет.

Он отвязывает своего жирафьего окапи и распутывает вожжи. Колеса телеги поскрипывают, она осторожно катится по отвесной тропке. Воронова Тень двигается рядом, потом натягивает вожжи и останавливается. Долго ищет что-то в телеге, роясь в тюках.

– Ты дал мне Копье Дураков, Спящий-в-Дереве. Нужно дать тебе что-то взамен.

Он расшнуровывает кожаный мешочек и осторожно достает нечто, что выглядит бесформенным пурпурным грибом-дождевиком, поросшим желтыми колючками. Карлик подбрасывает его на ладони и вдруг быстрым уверенным движением с размаха мечет прямо в деревянное лицо, венчающее Ствол, между двумя тянущимися к бурым осенним тучам Ветвями.

Плод разбрызгивается о поверхность коры, оставив пятно яркого сока и разбросав тучку желтых спор. Воронова Тень хихикает, встряхивает вожжами и сходит тропинкой вниз, за границу мира, пытаясь удержать свою тележку.

– Проснись, Спящий-в-Дереве! – кричит еще раз через плечо.

А потом устанавливается холодная, туманная тишина горной осени.

Заходящее солнце обметывает красным плевки снежных шапок.

* * *

Проснись. Легко сказать.

Древо не может пошевелиться, не может треснуть или повернуться влево. Древо может расти, может отворачивать Листву от солнца, может ее сбрасывать, когда приходят осенние холода. Может поглощать углекислый газ из воздуха, тянуть из почвы воду с минеральными солями, может насыщаться сладким светом солнца. Может еще молчать, ждать и жаждать.

Древо стоит неподвижно. Оно все еще Древо, но что-то изменилось. Исчезло пробившее его копьё. Появилась округлая рана с разбитыми краями, два кровавых отпечатка ладоней и пятно в том месте, где странный гриб ударил в Ствол.

Если терпеливо ждать, может, кто-то еще вырежет перочинным ножом сердечко.

Но изменилось и еще что-то. Что-то такое, что остается незаметным.

В атмосфере поляны есть нечто зловещее. Нечто, чего раньше не было. Вороны взлетают и кружат над обочиной, крича, словно кто-то рвет на куски черные тряпки. Несмотря на холод, воздух дрожит и волнуется, как во время большой жары.

Волки, что возвращаются с приходом ночи, тоже останавливаются как вкопанные. Они огромны: метра три длиной, мощные клыки. Но они боятся. Прижимают уши, шерсть на загривках встает дыбом. Вожак стаи осторожно принюхивается, порывая и скалясь, искоса поглядывает на Древо, на пятно инея, что проступает вокруг Ствола, словно Древо выпускает из своих глубин азот.

Наконец он делает несколько осторожных шагов и, нюхая, на ровных лапах, подходит к месту, где лежат останки недоеденных Людей Огня.

Древо молчит.

Но желание Древа освободить заклятый в волокнах и лубе гнев, выплюнуть погруженного в древесину человека кажется почти ощутимым. Воздух схватывается ударом холода, на поляну лентами втекает внезапный туман. Вьется между Ветвями, облизывает Ствол, сочится из почвы. Холодный туман. Очень холодный.

Под отчаянный скулеж и писк вожака терпеливо ожидающая стая бросается наутек. Большой, словно теленок, волк вьется и мечется по поляне, визжа от ужаса, будто проглотил раскаленный уголек. Конвульсии

бросают его на землю, выворачивают в невероятные для четвероногого позы, подбрасывают тело в воздух. Это напоминает безумный танец, который мог бы показаться забавным, когда бы его не сопровождал отчаянный визг умирающего зверя. Кажется, невидимый гигант развлекается с волком, приказывая ему ходить на двух лапах и танцевать. Один его глаз взрывается, рассаженный перепадом внутричерепного давления, язык, превратившись в лохмотья, свисает из пасти, а под кожей волка, словно паникующие змеи, выются мышцы. Невидимый гигант пытается сжать бедного зверя, словно пластилин, вылепить из него человекообразную карикатуру. Слышно, как с глухим хрустом ломаются ребра, трещат суставы. А сильнее всего слышать жуткий визг и скулеж. На миг кажется, что невидимый великан достигнет успеха. Волк, стоящий вертикально, словно прибитый к воздушному кресту, с раскинутыми и сломанными лапами, на миг напоминает гротескного волкулака. Морда пульсирует, будто нечто пытается изнутри изменить ее форму.

Вокруг сплетаются ленты тумана, потрескивают крохотные электрические разряды. Кажется, земля дрожит и вибрирует. Поляну внезапно сковывает преждевременный иней.

Стоящий посредине поляны волкулак дергается в невидимых сильных лапах, что мнут его, словно глину. На долю секунды посреди хруста костей и брызг крови его морда меняет форму, становясь призрачной карикатурой на лицо мужчины, скованное ужасной болью. Длится это лишь мгновение, потом несчастное, искалеченное создание валится на землю, словно куча тряпок, и опять превращается в волка. Он растерзан, порван в клочья, в нем нет ни одной целой кости, и выглядит он так, будто его переехал горный комбайн.

Древо молчит.

Древо не может встать, не может шевельнуть Веткой, не может выплюнуть утопленного в древесину и лыко человека. Но Древо не страдает. И никогда не отступает.

Слои тумана выются над поляной, дрожа, как мутная белая вода. Дрожит земля. Мелкие камешки падают со склона и градом сыплются в пропасть.

Встань и иди!

Проснись!

Слышен шелест, и расклеванные воронами, разодранные волчьими клыками Люди Огня начинают шевелиться. Поднимают расколотые, ободранные от кожи черепа, хлопают кровавыми ямами глазниц. Двигаются вслепую, словно черви, пытаются ползти, волоча остатки

конечностей, рассыпая вокруг червей и жуков, которые успели поселиться в их внутренностях. Один из трупов встает и нетвердо пытается подняться на ноги. Еще один пробует неуверенно шагать вперед, но у него нет правой ноги, которую отгрызли волки. Он опрокидывается прямо в пропасть и исчезает во тьме; внизу слышен грохот осыпи и гром катящихся камней, но остальные уходят. Уходят мертвым, механическим шагом куда-то в ночь. Во тьму и полосы тумана.

Вверху призрачно, исполненными ужасом голосами орут вороны.

Древо не страдает. И не отступает.

Ствол одевается в косматый гриб инея. Ветки покрываются пышной белой сажей, одна из скал внезапно взрывается, разбрасывая вокруг тучу пыли и посвистывающих осколков, а вместо нее остается незаконченная статуя стоящего на коленях мужчины с продолговатым лицом, перекошенным болью. Статуя – словно крик. Словно аллегория рождения.

Склон дрожит. Слышно, как вниз по нему катятся камни, как с треском отламываются каменные плиты, как в долину с грохотом сходит каменная лавина.

Встань!

Иди!

Проснись!

Поверхность близкого ручья покрывается вдруг стайкой серебряных проблесков; небольшие рыбки, блестя словно монетки, бегут на берег и отчаянно выпрыгивают из потока, а через миг вода вскипает.

Из леса выцедивается ледяной густой пар и вьется по склону, как гигантская змея, ползет прямо на поляну, чтобы проглотить ее вместе с Древом, тропкой и семьюдесятью тремя артритно скрученными кустами.

Продолжается это долго. Очень долго. Но Древо не страдает.

Не отступает. Древо – это дерево.

Утром туман исчезает. Расплывается, всасывается в скалы и ствол. Даже иней тает. Остается лишь памятник коленопреклоненного мужчины, спекшаяся земля и разодранные стволы соседних деревьев: словно что-то разломило их изнутри. А еще шесть ясеней, разбросанных вокруг. Ясеней, которых вчера не было.

Все они выглядят так, будто проглотили человека с лицом, перекошенным болью. Ветки напоминают направленные к небесам руки. Изображения эти застыли в разных позах, словно одеревенев в танцевальном хороводе. Словно остановив фазы движения несчастного, бьющегося в конвульсиях. Некоторые стволы прошивает ветка, похожая на копье, у других посередине дупло в форме раздерганной округлой раны.

Земля вокруг растрескавшаяся, смешанная с разломанными камнями, словно деревья выросли из внезапного взрыва, за долю секунды разнося в клочья все, что встало у них на пути.

Кроме этого, на поляне царит спокойствие. Только вороны кричат отчаянно, боясь на нее приземляться.

* * *

Яркий утренний свет разрезан на полосы щелями жалюзи, скользкое белье, под окном шипит старый кондиционер, откуда-то просачивается устойчивый запах лаванды. Где я?

Лаванда.

Поросшая лиловыми кустами возвышенность, покрытая россыпью белых скал. Пинии и лаванда. Лежащая в снопах, сносимая в каменную давящую, из которой поднимается тяжелый лавандовый дым.

Лавандовый дым.

Лавандовые поля.

Гвар.

Дом.

Я встаю. Нагой, лоснящийся от пота, несмотря на сопящий кондиционер под окном. В голове моей шумит, и потею я наверняка ракией. Скверно. Ничего не помню, но мне нет до этого дела. Нет сил на переживания.

Отодвигаю дверь и выхожу на террасу.

Внизу – улица, залитая утренней жарой, забитая неспешно идущими людьми. Впереди, в проливе, – движение как на автостраде. Яхты, миную друг друга, режут изумрудные волны, трепеща парусами; на горизонте движется гигантское судно «Ядролиний» на воздушной подушке. Короны пальм колышутся на ветру.

Плитки террасы горячи, словно кухонная решетка.

Смуглая, стройная, черноглазая кельнерша расставляет стулья в кафе внизу, смотрит на меня и хихикает.

– *Dobar dan, Vučko!*

– *Dobar dan, Milenko. Može espresso!* [\[2\]](#)

Боже святой, я ведь голый. Отступаю, Милена взрывается злым смешком.

– *Oprosti, Milena.*

– *Polako, Polako! Kuham kavu.* ^[3]

Я иду в душ и стою там бесконечно. Мне кажется, что я не купался месяцы. Чищу зубы, не выходя из-под выплевываемых восемью форсунками водных струй, натираюсь гелем, пахнущим кедром. Игнорирую безбожные цены на воду в Гваре, душевой счетчик жадно набрасывает куну за куну.

Чувствую досадную, угнетающую боль где-то в грудной клетке. А еще у меня тянет нога. Подвернул? Когда? Массирую грудину и убеждаю себя, что это нервное. Ведь не будет сердечного приступа. Я на склерофаговом лечении, сердце у меня – как у двадцатилетнего.

Быстро одеваюсь, чувствуя, как ко мне возвращается жизнь. Но горящая светом улица невыносима без черных очков. Я сажусь в тени маркизы под стеной и с умилением гляжу на круглый, чистый столик. Мне кажется, я проснулся от кошмара. Меня все радует. Хоровод туристов, бесконечно идущих через площадку над морем, ветер в кронах пальм, красно-белые зонтики пива «Карловачко». Конец сухому закону. Свобода. Мы снова взрослые.

Радуюсь даже тому, что маленькая чашечка снова легального итальянского эспresso «Альфредо» безукоризненно чиста. И я могу бросить в нее два кубика настоящего сахара.

– *Milenko, može orangina, kruk i salata od hobotnice?*

– *Može, Vučko! Sigurno!*

– *Hvala!* ^[4]

Черный как смоль кофе покрывает густая бежевая пена. Запах крепкой арабики. И лишь где-то в душе – тень беспокойства. Неопределенная тьма. Чувство, будто что-то здесь не так. Что-то с моей головой. Все так, как и должно быть, и все же мозг работает как после сотрясения. Куски реальности разделены темным ничто. Где я был вчера? Кто я такой? С какого времени все вновь сделалось нормальным? Сажу в кафе, а значит, «бархатный тоталитаризм» исчез. Не помню, когда именно. После Топливной Войны? Что я тогда делал? Что делал вчера? Откуда я здесь взялся?

– *Milena, imaš cigarety?*

– *Imam! Larsy hoćeš?* ^[5]

Они снова легальны?

Я подношу чашечку к губам, но прежде чем успеваю сделать глоток, белый фаянс разбивается у меня в руках, кофе проливается на тротуар, а я резко вскакиваю, пытаюсь спасти светлые штаны.

Он бесцеремонно присаживается за столик, пододвигает себе стул. Крупный седеющий мужчина в шляпе и ярко-красной шелковой рубаше. Расхлюстанные полы открывают смуглую волосатую грудь, увешанную множеством золотых цепочек и кулонов. Он не похож на хорвата. Серб? Цыган? Турок? Я смотрю на него в раздражение, но внезапно каменею. У него лишь один глаз, зато совершенно черный, без следа белка, продолговатая капля смолы. Второй скрыт за округлой костяной нашлепкой, привязанной кожаным ремешком. На пальцах, опирающихся на эбеновую трость, что увенчана головой ворона, блестят перстни. На голове – оригинальный белый стетсон, сплетенный из панамской рафии.

– Здесь полно свободных столиков, дружище, – цежу я. Еще и кофе мне разлил. Я что, выгляжу окулистом? Чего он уставился на меня своим кровавым буркалом?

– Проснись, Спящий-в-Древе, – рычит он со злостью. – Тебя ждут.

Добрый день. *Dobrodoszli*. Безумец.

– Прошу прощения, но я завтракаю. Может, поищите кого другого? Клиника – в той стороне. За *ribaric*’ей ^[6].

Он выпрямляется на стуле, а потом сует в рот два пальца и пронзительно свистит. Мгновенно, в шуме тысяч крыльев и оглушительном карканье, чернеет небо. Я смотрю вверх и вижу птиц. Гигантская, покрывающая весь небосклон стая больших, словно гуси, смоляно-черных воронов. Они садятся на крыши, на мачты яхт, на деревья, на головы и плечи прохожих, которые внезапно делаются недвижимы, будто манекены. Заслоняют даже яркое сияние балканского солнца. Я не могу выдавить ни слова. Слышу беспрестанное карканье, словно кто-то рвет на куски черные тряпки. Все застывает, как погруженное в янтарь. Двигаются лишь вороны. Сидят на плечах и на голове Милены, что стоит в дверях кафе с подносом в руках. Большой ворон бьет крыльями, развевая ее волосы, второй садится на плечо девушки и одним движением серого, огромного как острие чекана клюва вырывает ей глаз. Милена стоит неподвижно, замерев на полушаге, по смуглой щеке стекает ручеек крови – на белую, окаменевшую улыбку.

У меня открыт рот, а глотка вдруг превратилась в старое дерево.

– И как тебе, когда кто-то приходит и поджигает твой мир, Спящий-в-Древе? – спрашивает мужчина.

Я, ошеломленный, молчу. Не знаю, где я. Не знаю, кто я.

Мужчина встает, входит в кафе, бесцеремонно протискиваясь мимо окаменевшей, искалеченной, истекающей кровью Милены, а потом снимает со стены рекламу «Гиннеса» – обрамленное морозными, точеными узорами, оправленное в рамку зеркало.

– Взгляни на себя, Спящий-в-Древе, – говорит он. – Взгляни в свои глаза.

Я машинально гляжу, и за серебристой голограммой с надписью «Гиннес» вижу странное, чужое лицо. Оно похоже на мое, но – чужое. Вытянутое, почти конское, с носом, узким как плавник; прилегающими к черепу узкими, но длинными ушами. И глаза. Глаза. Как у него, наполненные темным ореховым цветом, напоминающим копченые миндалины. Кто я? Кто я такой?

Сижу как деревянная статуя.

Я – Вуко Драккайнен. Сын Ааки Драккайнена и Аниты Островской.

Нет.

Я Ульф Нитй’сефни. Ночной Странник.

Мидгард.

Древо.

Я начинаю кричать.

Не хочу просыпаться.

Не хочу.

Весь мир погружается в смоляную тень тысяч воронов.

Воронова Тень.

Они каркают.

Я иду следом за ним, безвольно; мы протискиваемся между остановившимися как на стоп-кадре туристами, среди бьющих крыльями воронов. Он поднимает свою кретинскую трость и бесцеремонно раздвигает группку неподвижных японцев.

Мы идем.

Он ведет нас в отель, стеклянные двери с шумом разъезжаются. Я ощущаю на лице дуновение прохладного, кондиционированного воздуха. Цыгано-турок с вороновой тенью властно проходит вестибюлем, потом через ресторан, еще одни двери раздвигаются перед нами, выводя на террасу.

Я иду следом и вдруг оказываюсь в огромной мастерской. Нет террасы, нет вида на залив, только помещение, выложенное измазанными плитками; гудящий очаг, кран под потолком, позванивающий цепью. Бьет управляемый компьютером пневматический молот, некий бородатый огромный человек, с лицом, прикрытым зеркальной маской, склоняется над сложной стальной конструкцией с перчаткой управления на руке, механическое плечо, что заканчивается соплом сварки, свешивается с потолка и то и дело постреливает снопами искр среди стальных кишков.

– Отключи это, Укко! – орет мой проводник. – Тут же сбрендить

можно! Мы должны поговорить!

Бородач поднимает на нас зеркальную маску и, наверное, смотрит – молча. Расставляет пальцы. Молот замолкает, токарный станок давится замирающим свистом, сварка внезапно прячет форсунки и гасит плюющийся ацетиленовым пламенем клюв, а потом уезжает под потолок. Тишина, только в ушах моих продолжает звенеть.

Я знаю это место.

Это мастерская дядюшки Атилаайнена. Даже стоящие вокруг, привезенные из Америки крейсера шоссе, похожие на хромированные фортепиано, – те же, что и тогда, в детстве.

Мужчина, которого называют Укко, поднимает с лица зеркальную маску и отводит ее на макушку, а потом кивком указывает на кабинетик. На крохотную клетку с письменным столиком и компьютером, стенами, увешанными рекламами запчастей и с календарем, оскорбляющим женщин, выставляя их сексуальными объектами.

Негде присесть.

– Я пришел не за топором или подковами, Кузнец, – ворчит Воронова Тень. – Нам нужно посоветоваться.

Кузнец открывает небольшой чешский холодильник и вытягивает две банки пива. Для себя и Вороновой Тени. Я чувствую себя оскорбленным.

– Это – тот? – спрашивает Кузнец, похоже, риторически. – Ты меня оскорбляешь, Ворон. И это – наша надежда? Приблуда, заключенный в дерево? Еще один приблуда?

С шипением открывает банку, пена заливает густую бороду.

Кузнец пьет, мой проводник садится на пластиковый стул для клиентов и открывает пиво. Его глаза полны глубокой морской синевой.

– А как справляются твои Люди Огня, Кузнец? Мы еще увидим, как девушки этой весной будут танцевать с огнем в честь возвращения Света? Или – вечный мрак, руины и Змеи?

– Сейчас ты скажешь мне, что мир меняется. Будто не знаешь, к чему такое приводит. У нас проблема, Ворон, – цедит рассерженный Кузнец. Щелкает пальцами, и на его ладони появляется огонек. Небольшой танцующий огонек, словно от таблетки сухого спирта. Мужчина играет им, лепит из него – машинально – фигурку танцующей девушки, а потом некоторое время на нее смотрит. Огненная фигура вьется меж пальцами, словно тренируется танцевать у пилон. Кузнец дует, и огонек исчезает. – Проблема наша в чужаках, которые воруют песни, нарушают правила и равновесие. Тех, кто прибыл с силой, о которой они не имеют понятия, творят, что придет в голову, и разносят мир на куски. К счастью, есть

Торговец, Бродяга, Друг Людей, и у него есть идея. Идея вот такая: добавим еще одного пришельца с факелом. У тебя – лисы в курятнике, и потому ты решаешь отправить туда волка. Волк передушит лис, а потом гуси заклюют волка. Разве что волк после поклонится птицам и уйдет себе. Я ничего не пропустил? У меня много работы, Ворон. Ответ мой – нет. Чужак в дереве – чужак неопасный. Умиротворенный. Он – решенная проблема.

– Те – уже не одни, – повышает голос цыган. – У них есть союзники на нашей стороне. Чужаки – уже элемент мира, и кто-то это использует. Против нас. Может, ты поговоришь со Змеем?

– То есть нам стать такими же, как они? Признать, что без обмана мы не справимся?

– А мы и не справимся. Что ты противопоставишь Песням, используемым налево и направо? Я скажу тебе, что. Спустишься лично и сам примешься петь. И это – согласно правилам? А знаешь, что будет дальше? Те сделают то же самое. Змей, Сука, Вихрь, Мороз и остальные. Полагаешь, они не осмелятся? Один за другим. Нынче главные правила еще не нарушены. У нас есть Деющие, но из нас пока никто не вступил. Это они. Те. Чужаки. Они ломают законы. У нас кризис, но еще не война. Ты дашь им повод для войны. Они об этом мечтают. Я предлагаю кое-что другое.

– ...Это еще один чужак, верно. Но он прибыл сюда, чтобы вернуть равновесие. А значит – позволим ему так поступить.

У меня болят ноги. И я начинаю злиться. Сжимаю зубы.

Копаюсь в карманах и наконец нахожу пачку «ларков». Ну, давай, дед, скажи мне, что здесь нельзя курить. Ну, давай, испорти мне день, мудак. Увидишь, что будет дальше.

Он меня игнорирует. Как и Воронова Тень.

Кузнец тянется за большой отверткой и задумчиво закручивает ее вокруг пальца, словно кусок резины.

– С кем ты уже говорил?

– Ты первый. Пойдем к ним вместе.

Отвертка превращается в очень толстую пружину.

– Кто еще хочет говорить? – спрашивает наконец Укко.

– Вепрь и Самум.

– Так он жив? Уже все потерял.

– Я слышал, он испугался того, что происходит, и хочет вернуться.

– Оттуда, куда он ушел, нечасто возвращаются.

– И все же.

Я хмыкаю, стряхиваю столбик пепла и присаживаюсь под стеной. Все напрасно. Меня нет. Я прозрачен.

Кузнец втыкает свернутую в пружину отвертку в стол и встает.

Мы выходим через раздвижные двери, за которыми должен быть паркинг, а потом шоссе на Рованиemi, что вьется над фьордом среди сосен и березок. Оба главных – впереди, а я – скромно сзади. Невидимый и несущественный. Во мне все кипит. Мне не нравятся их принципы, меня раздражает полный умолчаний разговор о вещах, о которых я понятия не имею.

Открой я рот – они меня проигнорируют. Совсем как десятилетнего ребенка, вмешивающегося в разговор взрослых, который он не понимает.

И точно.

Не понимаю.

За дверями ангара нет паркинга с отреставрированными столетними «Кадиллаками», «Шевроле» и «Бьюиками», в которые дядюшка Атилаайнен вставлял водородные турбомоторы Ванкла и электронику. Уже поколения большая часть исторической продукции автомобильной промышленности Детройта лежит на диких кладбищах Кубы либо попала в рай в Финляндии.

Там вообще нет Карелии.

А есть сенегальская база Иностранного легиона в Аль-Хамме. Третий полк воздушной кавалерии. Море песка, старая касба, что выглядит как осыпающийся песчаный замок, ряды бараков, лысые пальмы и баррикады из пенобетона, ошестинившиеся автоматическими пушками: стволы непрестанно движутся, подмигивая глазком датчиков, и нюхают горизонт.

За рядами перестроенных бараков садится медэвак. На корпусе переливаются размытые узоры из бурых, желтых и песочных пикселей. Поставленные совмещенные поля поднимают тучи пустынной пыли, слышно пульсирующее гудение моторов. Группа легионеров в охлаждающих комбинезонах бежит трусцой в сторону столовой, хором поют «Allouette» ^[7].

Мы идем, склонившись, под сыплющим в глаза песком, придавленные адской жарой. Погружаемся в песок по щиколотки.

Обходим форт и бредем к большой бурой палатке, поставленной сразу за кордонами базы. Бордель. О, да, я прекрасно помню. Ясное дело, нелегальный.

Wies' mir bardak, wsje liudi – bljadi — как говаривал сержант Шеваль.

Внутри – полевые столики на козлах, составленные в длинную столешницу, складные стулья, самоходные бутылки. Под стеной

захлебывается и брызгает водой небольшой кондиционер. Грядет вечеринка.

За столом сидит лишь один мужчина, одетый в полосатый бурнус; смуглые ладони, выступающие из рукавов халата, поигрывают кривым туарегским ножом; накрытая белой мятой кепкой голова скрывается в тени.

– Давно не виделись, Самум, – говорит Кузнец. Он, кажется, уже потерял терпение. – Мы не могли встретиться нормально? Зачем эта комедия?

– Беру то, что есть, – бурчит бедуин из-под кепки, после чего снимает головной убор и бросает его на стол, открывая большеухую круглую голову не то шакала, не то пантеры. – У меня нет ни сил, ни времени копать в снах. Сюда мне – ближе всего. Этот – он?

Это он обо мне. Я – «этот».

Мне нужно представиться? Как кому? Капралу Островскому?

– Как вам это нравится? – спрашивает девушка, отодвигая входной клапан. Она одета как будто сошла с плаката двадцатого века, какие собирал мой отец. У нее десантные ботинки, порванные чулки в сеточку и расстегнутый мундир, обвешанный амуницией. У нее есть фляга, шесть магазинов, гранаты, штурмовой нож, кобура. Но больше на девушке нет ничего. У нее короткие волосы, лицо же пересекают полосы боевого камуфляжа. На плече вытатуирован череп. Девка-коммандос.

– Тебе очень идет, – цедит Воронова Тень, обмахиваясь ладонью.

– Похоть и война, – хихикает девушка. – Мои стихии. Классная рубаша, Ворон.

Воронова Тень сплевывает сквозь зубы и придвигает поближе пачку датских крекеров.

Я беру туристический стул, бутылку минеральной воды и сажусь подальше от стола.

Мне оно на фиг не нужно.

Я – дерево. Что они еще могут мне сделать? Срубить, пустить на доски и сколотить из меня сортир?

По крайней мере, что-то происходит. Нет нужды смотреть на вершины гор, прижатые друг к другу, словно ягоды, увенчанные плевками льда. Все лучше, чем это.

– Взгляните на него, – говорит Воронова Тень. – Почувствуйте его гнев. Ощутите его несогласие со всем этим. Задумайтесь. Я говорю: освободим его и пусть убивает своих. Ничего другого он не желает.

– Он слаб, – говорит псоглавый туарег. – И он один. Те прибыли, чтобы узнать. И остались, чтобы перелепить мир по-своему. Чтобы деять. С ним

может случиться то же самое. Они так работают. Все. Песни льнут к ним.

– Этого мы не знаем, – вмешивается Кузнец. – Не знаем, почему случилось то, что случилось. Может он – другой.

«Почему случилось то, что случилось». Прекрасно. Мастер тавтологии.

– Если он станет деять, с ним может случиться то же самое. Если не станет деять – погибнет. В любом случае плохо. Так я говорю.

– Положимся на судьбу. На военное счастье, – хихикает девушка. – По крайней мере, хоть что-то встряхнет это болотце. Если ничего не станем делать, они сделают это за нас. Так или иначе, закончится одинаково. А он мне нравится. Умеет биться и умеет трахаться. Чувствую, у него давно не было женщины.

– Я все еще утверждаю, что мы должны поступить честно, – крутит головой Кузнец. – Мы не исправим ситуацию, ломая очередные правила. Убьем его, быстро и безболезненно. А потом поступим, как должно.

– Повторяю, мы не ломаем правила! – злится Воронова Тень. – Это они их ломают. Тот чужак, – указывает на меня крекером, – единственный элемент, которому здесь место. Он не один из нас, и у него есть хотя бы шанс. Последний и для нас, напомним вам.

Встаю. Каждой игре наступает конец.

– Насколько я понимаю, вашей проблемой остаются мои родичи, – они глядят на меня ошеломленно и в смущении, словно заговорил кондиционер. – А также то, что они овладели так называемыми Песнями. Хорошо ли я понимаю, что они таким образом получили слишком много сил, власти, мощи, или как там это назвать? Так вы правите своим миром? Эти сопливые Песни лежат, как понимаю, на улице, а когда кто-то их поднимет, вы впадаете в истерику и плачете над какими-то правилами. Может, кто-то должен сказать вам, что в жизни не бывает нерушимых правил? О чем идет речь? Что я тоже стану магом и начну превращать людей в кроликов или летать на лопате? Ну, так получите еще одного мага, а не нескольких. Если хотите, чтобы я вам помог, дайте мне больше информации. Локализация, окружение, возможности объекта. Объясните мне, где находятся мои земляки и что с ними произошло. Я прошу инструкции насчет Песен богов и о холодном тумане. А если не дадите, ухреначивайте. Я выйду из этого дерева и заберу их отсюда. А если это будет невозможно, – убью. Или останусь и расцвету.

– ...Приоритет моей миссии – возвращение равновесия вашему миру. А проблема туманов, говорящих ведер, гномов, эльфов и мечей-кладенцов мне до жопы. Если решите, что можете мне помочь, только если я завяжу

яйцо на сосульку, вырежу изо льда кнут и что-то там еще, то и это мне до жопы. Вот просто так вот. Более того, жопа эта настолько велика, что там запросто поместитесь и вы.

– ...Я в своей жизни не встречал банды настолько неумелых богов. До свидания. *Hvala*. Сердечно прощаюсь, господин Призрак. Целую ручки, госпожа Лихорадка. Прощайте, господин Кошмар. Тень, поблагодари собравшихся, мы уходим. Прошу снова включить мне Гвар, вставить глаз Миленке и прибраться за воронами. А еще ты вылил мой кофе, *jebem ti majku!*

Устанавливается тишина. Они продолжают глядеть на меня, словно я устроил стриптиз перед папой.

– Ну, – говорит Кузнец. – Это мне даже нравится. Я люблю таких людей. Говорит со смыслом и коротко. Подумаем над этим.

– Я ухожу, – заявляю я. – В случае чего, вы знаете, где я расту. Я занят, должен сбросить листья. Осень, понимаете ли. Полные ветки работы.

– Ладно, – говорит шакал в кепке. – Сейчас ты уйдешь. Мы посоветуемся и решим. Если решим тебя убить, ты легко все поймешь.

Я выхожу из палатки. Тоже люблю, когда кто-то говорит со смыслом и коротко.

* * *

Видно два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай. Рассыпанные окрест бело-серые глыбы меловых скал, синеватые, как испорченное мясо. Искрящиеся пленки снежных шапок на вершинах, прижимающихся друг к другу, словно ягодицы. Шесть искореженных ясеней, разбросанных тут и там по поляне. Каждый выглядит так, будто его ствол проглотил человека, замершего в конвульсиях.

Древо аж вибрирует от сконцентрированной силы. Его окружает нимб дрожащего воздуха и пятна косматого инея, покрывающего скалы, сухую траву и кусты.

Высоко вверху формируется тяжелая туча, похожая на наковальню. Вихрящийся воздух, наполненный паром, вверчивается туннелем до самой стратосферы, где внезапно охлаждается. Выброшенные на края цилиндра шарики льда снова валятся к горячей основе тучи. Превращаются в пар, который засасывается внутрь туннеля и снова мчится вверх, чтобы в

ледяных слоях атмосферы превратиться в тяжелые глыбы льда – и так без конца. Внутрь – вверх, снаружи – вниз. Воздушный туннель в туче превращается в гигантский конденсатор, набитый медленными электронами, отяжелевшими от добавленных зарядов. Разница потенциалов между тучей и поверхностью земли растет с каждой секундой.

Все стремится к выравниванию. К равновесию. А оно как раз нарушено. Разница потенциалов достигает миллионов фарадеев, и выдержать это становится невозможно. Все вибрирует энергией. Раздерганным, электрическим гневом.

На верхушке Древа на несколько наносекунд появляются маленькие, изгибающиеся, будто змеи, пилотные разряды. Прыскают вверх и замыкают контур. Гигантский водопад энергии рушится вниз, плывя сквозь Древо, до корней в глубине земли. Один миг, и между тучей и верхушкой дерева с ужасным треском проходит ослепительная, гигантская змея плазмы.

Раскат грома проносится по горам: мощно, точно расселось само небо.

Остается только разорванный, обожженный обрубок Ствола, бьющийся оранжевым огнем.

А потом на все рушится стена воды.

Глава 2

Башня

*Прамать Матерей,
черти свой круг!
Самка Самок,
открой свой дом!*

*Дави нашу душу,
ешь наше сердце.
Единство – сладко!
Единство – велико!*

*Сплоти наши мысли,
стопчи нашу волю.
Ты есть светом,
ты есть лоном!*

*Поглоти нас!
Поглоти час!
Пусть сгорят дни,
умолкнут сны.
Тьма! Влажность! Единство!*

Амитрайская Жертвенная Песнь [\[8\]](#)

Место это было небольшим. Размером с поселок. Уже не кишлак, но еще не город. Первый увиденный мной после той страшной грозовой ночи, когда вспыхнул бунт, и я смотрел, как мой дворец, Облачные Палаты, умирает в гудящем пламени. И видел, как под ударами серпов конницы и коротких мечей солдат «Каменного» тимена гибнет Маранахар. Потом были лишь бездорожье, леса и тракты. Теперь мы впервые должны были ехать сквозь город. Лучше бы этого избежать, но река Фигисс, что текла с близких гор, оказалась слишком бурной и опасной, даже после долгой засухи. Однако сушь миновала, вместе с победой Подземной Матери

вернулись дожди, оросив горы и поля и заново наполнив реки. Потому нам нужно было перейти мост, а единственный мост в окрестностях соединял берега здесь – в селении Аширдым.

Потому я глядел на приближающиеся строения – я, Владыка Тигриного Трона, Пламенный Штандарт, Господин Мира и Первый Всадник, глядел на мир, ступая рядом с двуколкой, на которой под зонтом сидел мой охранник и проводник, последний подданный, какой у меня остался. На мне были мешкообразные портки и переброшенная через плечо красная туника адепта культа Подземной Матери, а искалеченная кожа на моей голове горела после наскоро совершенного бритья.

Брились мы поспешно, укрывшись среди кривых деревьев подальше от тракта, помогая друг другу. Брус без малейшего колебания отрезал свою косицу ветерана, пробормотав лишь, что уже давно должен был это сделать.

Волосы мы прикопали в песке. Мои и Бруса, смешанные вместе.

Трупы жреца и адепта мы оттащили подальше от дороги и затолкали в песчаный яр, и песком же забросали. Все случилось тихо и как-то вдруг.

Жрец властно позвал нас и приказал помочь своему адепту, который пытался вернуть на место соскочившее колесо. Мы помогли ему, и я никак не ожидал того, что случилось, когда Брус вдруг развернулся и ухватил жреца одной ладонью за голову над затылком, а второй – толкнул его подбородок в сторону. Проделал он это так молниеносно, словно хватал брошенный ему плод. Раздался треск позвонков, и человек в маске свалился с сиденья двуколки, жутковато подрагивая. Мгновение и я, и адепт глядели на происходящее в ошоломлении, пока до меня не дошло, что теперь моя очередь, и я поднял палицу шпиона, чтобы выхватить скрытый клинок.

– Нет! Без крови! – крикнул Брус. Прыгнул с козел повозки, оттолкнулся одной ногой от спины осла и пал убегающему адепту на спину. Оба рухнули на землю и некоторое время крутились, будто сражающиеся змеи. Наконец замерли, молодой адепт дергался из стороны в сторону все резче, поднимая клубы пыли подошвами сандалий, с головой, пойманной между сплетенными руками Бруса. Продолжалось это бесконечно. Я не знал, что делать, и потому лишь смотрел, считая удары своего испуганного сердца.

Наконец отчаянное брыканье стихло, только одна нога адепта еще подрагивала, била пяткой в песок. Но потом и это движение прекратилось. Брус потрянул мальчишку еще раз – словно леопард пойманного кролика, расплел руки и столкнул с себя безвольное тело.

– Помоги мне положить их на повозку, – прошипел. – Быстро! Сейчас еще кто-нибудь придет! Всегда так бывает. Если тебе кто нужен, все вокруг словно вымирает. А когда никто не нужен – лезут как на свадьбу.

Жрец был тяжелым, а адепт выглядел ужасно. Глаза его выкатились, налитые кровью по тем белым частям глаза, которые обычно скрыты под черепом, словно что-то вытолкнуло их изнутри, а торчащий изо рта опухший язык походил на странный фиолетовый плод.

Мы съехали с дороги, повозка ехала, раскачиваясь, мой желудок завязался узлом.

– Не сейчас! – процедил Брус. – Через минутку тебе полегчает.

Когда мы оказались в относительно безопасном месте, он бросил мне с повозки кожаную баклагу, наполненную водой с капелькой уксуса. Я напился, а потом резко выблевал все на землю, кашляя и давясь в болезненных спазмах, от которых из глаз моих ручьем текли слезы. После всего я был настолько слаб, что мне пришлось сесть.

– Обычное дело, – успокаивающе сказал мой соратник. – Ты привыкнешь к крови и смерти, но для этого понадобится время. А вот когда человек перестает чувствовать себя от такого больным – значит, какая-то его часть умерла. И кусок его сердца превратился в камень.

Избавившись от тел, мы заглянули в повозку. Нашли небольшой сверток с вещами адепта, корзину с пищей – главным образом, лепешки из дурры и лука, сушеные медовые сливы, – воду и сундук с одеждой жреца.

Никакого мяса, никакого пряного пива или пальмового вина. Не было даже кусочка сыра.

– Мне это не нравится, – заявил я внезапно. – Может, и прошло некоторое время с того момента, как вспыхнул бунт, но еще небезопасно. Мы и сами недалеко отсюда наткнулись на мародеров. Отчего этот жрец путешествует в одиночестве, будто прогуливаясь? Разве они не привыкли двигаться с эскортом? Если даже не выделили ему войск, отчего адептов не было восемь, да с крепкими палками?

Брус сидел на корточках, осматривая одежду жреца, но замер и поднял на меня удивленный взгляд.

– Давай-ка внимательнее обследуем повозку, – сказал он. – Я и понятия не имею, отчего так случилось. Возможно, он был из Башни в Аширдыме? Отъезжал недалеко?

– Тогда к чему запасы воды и провианта? – сомневался я. Сам не знаю, из-за инстинктов ли, из-за подозрительности, или от того, что я страсть как не желал надевать одежду еще не остывшего мертвого парня. Не хотел и выдавать себя за жреца. – Его одежда слишком хороша. Знаю, что они

неплохо устроились, но даже у имперских чиновников из таких дыр, как Аширдым, не хватило бы средств одеваться в шелка каждый день. Глянь на эту резную ложку из черепахового панциря, на миску или на шкатулку с инструментами для письма. Таких предметов не постыдились бы и в Доме Киновари. Мои и то были скромнее. Это не обычный жрец. И я тем более не понимаю, отчего он путешествовал в одиночестве.

– У нас нет выхода, – заявил Брус. – Мы должны перебраться через мост. Когда сможем, спрячем повозку и вещи. Только после моста. Поедем быстро. Вот только нам нужна легенда.

– Какая легенда, ситар Тендзин?

– Ловкая ложь. Историйка, которую надо рассказывать вместо правды, если кто-то станет расспрашивать. После не будет времени ее выдумывать. В таких ситуациях нужно заранее приготовить легенду и выучить ее наизусть. Ты должен знать, кто ты, что делаешь и почему. Всегда. Даже если полагаешь, что тебя никто не станет расспрашивать, легенда необходима.

Мы еще раз обыскали их узелки и сундуки, а также саму повозку. Брус осмотрел ее с расстояния в несколько шагов, заглянул под колеса, ощупал упряжь. Подергал за оковку. Ничего.

Мы обстучали и ящик повозки.

Я заново осмотрел кипу вещей обоих путников в поисках хотя бы паспортов. Это были небольшие деревянные плитки с выжженным именем и фамилией человека, а еще – с печатью императорского чиновника. Во времена правления моего отца они были нужны, лишь когда требовалось доказательство истинности фамилии. Обычно в управе или в суде. Но раньше, согласно Кодексу Земли, каждый был обязан постоянно носить такую дощечку, привязанную ремешком к запястью или подвешенную на шею. Без этого, просто так ездить не разрешалось. На всякую поездку выдавали специальное разрешение. Я не знал, так ли все нынче. Вводит ли Ифрия старые обычаи, успела ли их реализовать. Не знал я также, касаются ли эти обычаи жрецов. Потому мне не нравилось, что нам придется их изображать. Слишком мало мы о них знали.

– Мы ведь не станем проводить обряды, – сказал Брус. – Речь идет только о переправе через мост.

– Ты сам сказал, что нам нужна легенда, – возразил я. – И как ты хочешь ее создать, если мы даже не знаем, как их зовут?

– Имена их амитрайские. Низшим кастам во времена Кодекса не позволялось носить фамилии – только имена. Но жрецы были вне каст. Как Освященные – они над всем. Мы используем амитрайские фамилии,

например, Чугай Текедей и Харшил Акердим. Я знавал двух с такими именами, и знаю, что они точно мертвы.

– Отчего они запрещают фамилии? Ведь таким образом лишь ввергают себя в хаос.

– Потому что это связывает людей с их предками и семьями. А семей быть не должно. Семья – зло, фамилия – тоже. Они лишь увеличивают человеческий эгоизм. Когда у тебя есть семья, ты заботишься о ней куда сильнее, чем об остальных, а ведь именно Мать устами жрецов решает, кто более важен, а кого нужно принести в жертву. Все дети принадлежат всем женщинам и Подземной, а отдельный человек ничего не значит. Важны лишь группы: дома, селения и так далее. Человек получал прозвище, которое умирало вместе с ним. Все должно стать единым, вспомни. Люди – тоже. К тому же, тогда нет необходимости их контролировать – только следить. Люди должны работать и сражаться ради Подземной Матери и вместе отдавать ей почести. Когда у тебя стадо овец, ты не даешь имя каждой. Следишь за всем стадом. Достаточно просто их считать. Имя нужно скакуну, собаке или леопарду. А здесь таких нет. Есть только овцы. Не раздумывай долго, Арджук. Слишком много думать – хорошо, когда ты находишься в безопасности и сидишь у очага с чашкой отвара. Теперь это вызвало бы в тебе лишь страх. Не знаю, отчего этот жрец странствовал в одиночестве. Может, здесь безопаснее, чем мы полагаем. Может, у него была некая миссия, и потому он желал пробраться незаметно, не привлекая внимания. Может, он был дураком. Наша же цель – перебраться через мост, и только. Остальное – глупые подробности. Мы должны спрятать наши вещи. Когда уйдем достаточно далеко, жрец и его адепт исчезнут, а двое синдаров, возвращающихся в Камирсар, вновь отправятся своей дорогой.

– А легенда?

– Сейчас что-нибудь придумаем... – простонал он, взбираясь на сундук повозки и ощупывая козлы. Потянул за что-то, и вдруг раздался тихий щелчок.

– Я знал! – крикнул он с триумфом.

– Что? – спросил я.

– Тайник. Не хотел открываться ни вверх, ни снизу, ни спереди. Сиденье как сиденье. Но открывается назад.

– И что там находится, ситар Тендзин?

– Лучше сам посмотри, Арджук.

Внутри деревянных козел лежал красный плащ с капюшоном и маты для ночлега.

Я не понимал, что Брус, собственно, хотел мне показать, пока не

увидел, что в свернутом плаще находится нечто тяжелое и пузатое.

Мы вынули сверток и осторожно его развернули: показался небольшой железный сундучок. К выпуклой крышке был привязан кованый и выкрашенный в красное символ странной формы. Ремешок, с каждой стороны завершавшийся полукруглыми крюками, посредине перетянутый тремя короткими веревочками. Сундучок был дополнительно обернут толстым красным шелковым шнуром, а все сложные узлы оказались запечатаны воском, на котором был оттиснут такой же знак.

– Откроем? – спросил я.

– Ни в коем случае, – решительно провозгласил Брус. – У нас есть легенда. Это – посылка, и это – важная посылка. Я готов поспорить, Арджук, что за полдня перед нами этой дорогой проехал большой окованный дорожный фургон, истинный дом на шести колесах, запряженный восемью огромными жеребцами, а сопровождал их, как минимум, хон конных лучников с флажками храма Подземной Матери на спине да человек двадцать адептов.

– А что было внутри?

– Несколько жрецов, может, адепки или адепты для компании, корзины с едой, духи, опашала и муслин. И точно такая же шкатулка, наполненная песком. Настоящая посылка – здесь.

Я раздраженно фыркнул.

– Ты должен был придумать легенду для стражников на мосту, а не для меня. Может, там просто запас запретного пальмового вина для жреца?

Он покачал головой.

– Знаю, что когда в опасные времена собираются переслать нечто важное, так и поступают. Иногда так перевозят даже важных персон. Вооруженный конвой отвлекает внимание, а в это время княгиня едет в сельской одежде. Не знаю, так ли было на этот раз. Но знаю, что так могло случиться – и мы станем вести себя, словно все так и есть. Этот символ может иметь значение. Что он тебе напоминает?

Я пожал плечами.

– Ничего. Может, колючую ветвь? Станный кузнечный инструмент? Какая-то гребенка?

– А если бы он мог двигаться?

Я взглянул снова.

– Ядовитая сколопендра!

– Именно! Я тоже это заметил. А сколопендра означает опасность, нечто ядовитое или ужасное. То, что вызывает страх. Она – на печатях, сундуке и на груди у жреца. Обычно у них есть это, – показал один из

золотых амулетов, содранных с шеи мертвеца. Круг с малым треугольником посередине, от которого отходит тонкий золотой прут, чуть выступающий наружу. В последнее время я частенько видел этот знак. Его рисовали на стенах, вырезали на груди трупов, что находили на улицах с рассветом. Поспешно рисуемый углем или клинком, он был лишь кругом с рискою, но я все равно его узнал. Подземное Лоно. Я сглотнул. Перед моим внутренним взором вновь явился пылающий город. «Глядите в пустыню! Пламя близится!».

– Но у этого было и еще кое-что, взгляни. Точно такая же, как на сундуке. Железная сколопендра. И почему она на такой длинной цепочке? Смотри.

Брус повесил амулет на шею и спрятал его под кафтан.

– Знак этот, похоже, не должен быть замечен – в отличие от остальных. Он даже не золотой, а железный. Но когда нужно, его легко достать и показать, не сходя с повозки. О, да. Полагаю, что если покажу его любому командиру стражи на мосту, мы перейдем без вопросов.

Я не чувствовал себя убежденным, но другого выхода не было. Я присел подле разложенной на плаще добычи – той самой, что мы сняли с обоих странников. Мы так мало знали. А ведь, в случае чего, резня раскроется. Хватит одного неосторожного слова.

Брус крутил в руках богатые сложные одежды, пытаюсь сообразить, как их носить. И размышляя, что будет, если мы наденем что-то неправильно, навыворот или вверх ногами.

– Это просто малое поселение и один мост, – успокаивающе повторил Брус, будто прочтя мои мысли.

Станный, лишенный одного рукава кафтан адепта, открывавший левое предплечье, имел за пазухой глубокий карман, в котором я отыскал костяную ложку и небольшую дощечку с пропущенным сквозь нее ремешком.

– Адепта звали Агирен Кысальдым, – сказал я. – Странно. Что за имя «Прыщавый»? А фамилия – как название поселения. Кто же зовется «Солнечные Хаты»?

– Потому что он был овцой, – заявил Брус, надевая штаны. – Животных ты тоже называешь, исходя из того, что сразу бросается в глаза, так их имена проще запомнить. У одного – вислое ухо, и ты зовешь его Вислоухом, у второго – пятно на спине, и потому он Пятнаш. Этот был прыщавым. А Кысальдым – наверняка кишлак, из которого он происходил. Доживи он до инициации, получил бы, как жрец, новое имя. По крайней мере, мы знаем, как тебя зовут. У жреца таблички не нашлось. У него была

личная печать, но на ней виден только знак. Водяная черепаха. Умеешь ли ты говорить на Языке Единства?

Я вздохнул.

– Немного... – начал неуверенно, но Брус покачал головой.

– Немного будет недостаточно. Ты не можешь ошибиться. А потому притворишься немым дурачком.

Я приподнял брови.

– Просто бессмысленно улыбайся, верти головой по сторонам и время от времени невразумительно бормочи. Я же займусь прочим.

Се я. Владыка Тигринога Трона, Пламенный Штандарт, Господин Мира и Первый Всадник. Держащий вожжи, шагающий подле повозки с лысой, поцарапанной башкой, Прыщавый из Кысальдыма, адепт Подземной Матери. Тронутый разумом немой.

Се я.

* * *

Таким образом я оказался на дороге, глотая пыль, глядя на задницы ослов и на приближающийся город. Держа вожжи, я старался успокоить учащенное дыхание, а мой желудок скручивался болезненным узлом. И я не знал, от голода ли, от испуга или от того и другого одновременно.

Прежде чем мы вернулись на тракт, Брус приказал мне сходить в кусты и очистить брюхо.

– Всегда старайся делать так, когда знаешь, что тебя может ждать схватка или нечто опасное. Это слегка помогает, а в случае чего позволяет сохранить лицо. Я видел людей, которые, несмотря на то что умело сражались, даже не замечали, как ходили под себя от одного вида врага. Так случается частенько, хотя ветераны и вожди стараются о таком не вспоминать.

Теперь, идя трактом, я чувствовал благодарность за этот совет.

Обычно перед городом располагается базар. Перед любым поселением на дороге ведется торговля. Странствующим купцам нужны еда, фураж, загородка для животных и место для постоя, а взамен они охотно продадут часть товара. Некоторые погонщики ведут собственные дела, и порой это их единственная плата за провод каравана повозок и вьючных животных. Благодаря этому городам на путях есть с чего жить.

Но не сейчас. Базар был пуст и безлюден; лавки, похожие на глинобитные домики, стояли с забитыми досками окнами, а перед колодцем

тянулась длинная очередь из путников с разнообразными сосудами в руках. Но никто не черпал воду. У колодца стояли на страже двое воинов в бурых куртках, с копьями в руках. Они носили толстые кожаные доспехи, настолько запыленные, что я не смог различить цвет тимена. Никто не спорил, никто не хотел узнать, отчего нельзя черпать или покупать воду. Ждущие даже не разговаривали. Сидели на корточках или стояли, все в кафтанах и юбках кастовых цветов, обычно бурых, серых и бронзовых. Хируки, карахимы и ударайи. Ближе к колодцу виднелось несколько желтых кафтанов синдаров, но и они не наполняли свои емкости. Над площадью висела мертвая тишина: раздавалось только жужжание мух. Сидящие казались совершенно равнодушными, а когда мы проезжали мимо, один из парней свалился и лежал в пыли, но никто не наклонился, чтобы ему помочь. Он просто лежал, а по его босым ногам ползали мухи. Я заметил, что в очереди к колодцу стоят исключительно мужчины.

Постоялые дворы и загоны для животных тоже выглядели запертыми, хотя мы повстречали немалое число бредущих по улицам странников. Мы миновали с десяток-другой хируков с головами, повязанными идентичными платками. Их старший в дорожной шляпе на голове нес привязанную к поясу палицу с флажком, на котором было написано: «Восемнадцать селян из Кагардыма, работающих во имя Матери. Пусть все станет единым».

Слова располагались одно под другим, флажок хлопал, и я приостановился, чтобы прочесть надпись. Тогда Брус хлестнул меня прутом. Я непроизвольно взглянул на него и увидел лишь собственное отражение в зеркальной маске жреца. В отверстиях маски почивала непроницаемая тьма.

Я не понимал, что именно вижу. Властители порой требуют глупых вещей, но всегда ради чего-то. А то, что я видел здесь, казалось исключительно странным и неуместным.

Через некоторое время я увидел больше таких флажков на спинах путников и перестал чему-либо удивляться. Напротив, ждал, что вот-вот увижу кого-то с вьющейся на ветру надписью: «Овца из Аширдыма, идущая по надобности. Пусть все станет единым».

У убитого нами жреца подобного флажка не было, что означало, что не все должны их носить.

Медленно бредущая вереница путников казалась единственным проявлением движения в поселке. Я глядел на затворенные ставни лавок и постоянных дворов, видел следы от сбитых вывесок с названиями. Пыльные улочки пугали пустотой, ветер гонял здесь лишь мусор. Но не было и следа

битв. Ничего не сожжено и не разрушено, на желтых глиняных стенах нет брызг крови.

Город должен с чего-то жить. В городах не бывает полей или стад. Как они хотят получать налоги, если ничего не делается? Не виднелось ни одной вывески, только голые, выжженные солнцем стены. Где что-нибудь съесть? Где подлатать или купить сапоги? Откуда взять еду? Как найти дом лекаря?

Были лишь мертвые, заслоненные жалюзи окна, пыль и жара.

И густеющая толпа, бредущая в странном молчании, улицей, которая пересекала город и вела к мосту. На другую сторону реки Фигисс. К дороге. К свободе.

Бредущие вперед люди не были обычными странниками. Они не ехали по делам, не отправились посетить друзей и близких, не искали себе новое место. Эти люди убегали.

Женщины, мужчины, дети. Толкали груженные повозки, волокли тюки и корзины. Вели животных. Несли то, что смогли спешно упаковать. Случайные, порой неуместные вещи. Котелок, миска, мешочек дурры, но и сломанный зонт, раскрашенную противосолнечную ширму, какие-то сапоги, тряпки. У одного мужчины не было ни мата для ночлега, ни миски, зато он тащил на спине корзину, полную свитков.

Тогда я не отдавал себе отчета, что именно так выглядит война. Где-то там идут битвы, льется кровь, слышны крики и звон стали, но все это временно. Войско марширует дорогами с одного места к другому. Кони ступают шагом, пехота волочит по жаре ноги, солдаты тащат не только щиты и копья, но и котелки, одеяла, запасные сапоги и лопаты. Миски и тряпки. За ними тянется вонь и рой мух.

Но этими же дорогами идет куда более густая толпа. С остатками скарба в корзинах, тысячи полунагих нищих бегут, куда глаза глядят. Как можно дальше от жрецов, императоров, командиров и их безумия. У них уже нет дома, мастерских, стад и полей. Только котелок, миска или фигурка со стола. Все идут с опущенными головами, даже младенцы и те не плачут. Слышны только кашель и шорох тысяч подошв.

Они расступались перед нашей повозкой с поникшими головами, откладывали на землю корзины и узлы, после чего преклоняли колени, прижавшись к земле и втыкая в пыль кулаки. Казалось, наша повозка подрубает им колени. Словно вокруг нее – некая зараза, валящая всех наземь. Однако когда повозка проезжала, болезнь отступала. Люди вставали и отправлялись дальше, в свой безнадежный поход в никуда.

Наша двуколка катилась сквозь толпу, пока мы не достигли площадки

перед мостом. Некогда это была большая, округлая торговая площадь, куда сходились все дороги, ведущие сквозь город. Ее окружали постоянные дворы и караван-сарай, а в лавках можно было купить товары из самых дальних уголков империи.

Некогда.

Теперь посредине вился флажок с надписью: «Торговля – это алчность! Только Мать кормит своих детей! Пусть все станет единым», а лавки исчезли. Вместо этого там толклись беглецы, слышался плач детей и рев животных.

В империи Подземной Матери нельзя было и мост просто перейти. Везде клубились толпы, ожидая невесть чего. Ни зачерпнуть воды из колодца, ни перейти реку. Я не мог понять, почему так.

Мы неторопливо подъехали, рассекая толпу, что расступалась перед нашими онаграми и припадала к земле, словно трава на ветру, поднимаясь лишь в трех шагах позади нас.

Мост перегораживал поставленный поперек лагерный фургон. Тяжелый, из толстых балок и досок, с бортами, увешанными черно-зелеными лентами с узорами свернувшейся в спираль горной змеи – тридцатого тимена, называемого «Змеиным», – он преграждал часть дороги на мосту. Второй, точно такой же, стоял дальше, подвинутый ко второй балюстраде. Толпа беглецов, словно змея, вилась мимо одного и второго фургона, соблюдая дистанцию: людей разделяла пара шагов, остальные ждали перед строем солдат бесформенной массой.

Внизу Фигисс билась меж пены и скал, как рассерженная гадина.

Когда мы приближались к заставе, я чувствовал, как меня охватывает душная, ревущая тьма. Бедное мое сердце рвалось из груди, прыгало в горло, и мне казалось, что каждый его удар посылает в мои вены струи крови, рвущиеся и пенящиеся, будто река вниз.

Я был адептом Подземной Матери. Немым идиотом. Прыщавым дураком из Кысальдыма, взятым Освященным, который заметил в моем темном разуме редкий талант. Ведь Мать, отобрав у кого-то быстрый разум, зрение или речь, в щедрости своей часто одаряла его чем-то иным, во славу своего Подземного Лона, из которого все вышло и в которое все вернется, став единым. Может, я прекрасно пою, рисую или вышиваю?

Я, «Прыщавый» Агирен Кысальдым. Кузнец. Пусть все станет единым.

Я уже видел потные лица солдат, очерченные нащечниками из чешуйчатой кожи каменных волов. Раскрашенные черно-зелеными полосами копыа, бодающие небо. Такого же цвета платок, повязанный на

голове командира, его кожаный полупанцирь с наплечниками десятника. Между фургонами стояли три лошади группы преследования, но без всадников. Загонщики влезли на блокирующий дорогу фургон, откуда им открывался прекрасный вид, и расселись поудобнее, однако ни на миг не откладывали свои короткие клееные луки, из которых, говорили, они могли на скаку попасть в летящую птицу.

«Я не слишком хорошо разбираюсь в жречестве, – сказал ранее Брус, – но я разбираюсь в армии. На мосту будет стоять армия, а мы – не пустое место. Перейдем, Рыжая Голова. Доверься мне».

Некоторых из подходивших к заставе людей солдаты выводили на площадь, где им приказывали сесть к тесной и растущей группке, а их узелки кидали в увеличивающуюся кучу подле моста. Эта кипа нищего скарба пугала меня сильнее, чем группка подорожных, которых заставляли сидеть на корточках со сцепленными на затылке руками. Когда у людей так бесцеремонно отбирают последнее, это не предвещает ничего хорошего. Бедолага несет с собой все, что у него есть. И если узелок бросают в беспорядочную кучу, это воспринимается как злое: «Он тебе больше не понадобится».

Командир сидел на складном стуле за столиком, на котором стояли украшенная, расписанная живицей бутылка и оправленная в золото тыква для питья пальмового вина. Он обмахивался похожим на миску пехотным шлемом и уставшими глазами поглядывал на шедшую мимо толпу.

Мы пройдем. Это всего лишь армия. А мы принадлежим к Освященным. Слушаем доносящийся из-под земли голос Матери да ее Пророчицы, пришедшей из пустыни, неся истину. На груди Бруса висит железная сколопендра. Ключ, который отворит все двери на нашем пути. Мы везем сундук. Через мост. Далеко. В Кебзегар. Ко вратам Нахель Зима. На край света.

Наша повозка протиснулась сквозь толпу и приблизилась к заставе. Один из ослов, вытянув морду, понюхал бутылку на столике десятника.

Я молчал. Я – дурачок. «Прыщавый» Агирен. Едва умею говорить, да бормочу так, что меня понимает только мой господин.

Я бессмысленно зачмокал губами, словно что-то жевал, и сунул палец в нос. Желаящие миновать мост подорожные стояли вокруг нас на коленях с опущенными головами.

Десятник поднял глаза и встретился взглядом с зеркальной маской жреца, посверкивающей, словно полная луна. Поднялся с кресла и прижал ко лбу кулак.

– Пусть все станет единым, – сказал он.

Когда Брус заговорил с козел, его жестяной, вибрирующий, как струны синтары, голос звучал чуждо и повелительно. В первый миг я не понял ни слова. Почесался под курткой, продолжая трудолюбиво копать в носу. Язык Единства – старый амитрайский. Его можно было понять, но у него была странная грамматика, и вот уже несколько поколений на нем говорили лишь жрецы.

– О, проклятые птицы военного насилия, что сдерживают Слово Матери в его дороге к сердцам потерянным. Для странствующего Слова поспешность – благословенная обязанность.

Так оно – примерно – звучало. Насколько я понял из горловых слогов древнего языка, Брус сказал десятнику, что он – курьер. И что он спешит.

Я понял – солдат нет. До него дошло только «проклятые птицы» и «война», а потому он принял это на свой счет и решил, что Брус его ругает.

– Господин, у нас просто приказ, значит, блокада на мосту. Прости, Освященный, значит, или, там, Освященная... Храм приказал... Прости, что не говорю с тобой на старом языке, я – из Насима...

Брус склонился с козел, вытащил из-под одежд амулет в виде железной сколопендры и протянул вперед. Его голос звучал будто скрип проржавевших ворот.

– Пospешность. Это важно. Отвори блокаду, хон-пахан.

Командир, отерши пот с лица, бросил через плечо приказ. Загонщики соскочили с фургона и, упершись в тяжелые борта, перекатали его в сторону. Теперь оба фургона стояли по одной стороне, оставив узкий проезд, которым могла бы пройти наша двуколка. И тогда я увидел старуху.

Она сидела на табурете за фургоном, за ее спиной стояли два адепта: один – с зонтиком, второй – с соломенным опахалом. Она не носила жреческие одежды или зеркальную маску, только бесформенные бурые тряпки. Зато была ими плотно укутана, словно тряслась от холода.

Всякий, кто проходил сквозь заслон, у кого не отбирали узелок и пускали дорожкой между лагерными фургонами, подходил к ней, и тогда она поднимала лицо, на котором поблескивали мутные, покрытые золотистыми бельмами глаза, и касалась старческой ладонью их лиц. Ее губы двигались, точно старуха беспрестанно бормотала какие-то заклинания или молитвы.

Когда я ее увидел, почувствовал, что мое сердце расщедается, будто глиняный кувшин. Кувшин, наполненный страхом.

Ведающая.

Ведающая со слепыми глазами, такими же, как глаза убийцы, зарезавшего мою Ирису. Как глаза леопардов Пророчицы. Золотые бельма.

Что она увидит, прикоснувшись к моему лицу?

Ведающая встала с табурета и, поддерживаемая под локоть солдатом, похромала на левую половину моста. Адепты забрали зонтик и табурет, чтобы открыть нам проезд, а я вынул палец из носа и схватился за вожжи.

Колеса повозки поскрипывали.

Ведающая вдруг обернулась с задранной головой, как если бы принюхивалась. А потом вырвала локоть у солдата и подняла руку с растопыренными пальцами, после чего двинулась прямо в нашу сторону, желая прикоснуться к моему лицу.

Брус повернулся к старухе, но его маска, подобная лужице ртути, не выражала ничего.

Я обмер.

Она была уже так близко, что я слышал ее беззубое бормотание, беспрестанно сочащееся из сморщенных губ.

«Глаз на ладони... Ладонь, глаз Матери... Мать чувствует... когда дитя лжет... Мать всегда знает...».

Я видел раскрытую ладонь Ведающей. Еще два шага, и она дотронется до моего лица.

Внизу яростно шумела река, металась между скалами, что напоминали ощеренные клыки.

Слишком высоко.

Слишком мелко.

Слишком много скал.

И прекрасно.

Я напряг мышцы.

И тогда раздался мрачный, протяжный рев рога. Он накатывался со стороны башни, торчащей над городком вроде гнилого зуба.

По ту сторону реки началось движение.

Солдаты, охранявшие противоположный берег, засуетились, фургоны, такие как тот, что стоял с нашей стороны, двинулись с мест, их перекачивали один за другим, были слышны крики командира, звон толстых цепей, которыми связывали повозки.

Мост закрыли.

Один из солдат вдруг вырос словно из-под земли на пути наших ослов, потом схватил одного из них за трензеля и дернул назад. Повозка остановилась.

– Прости, Освященный... или Освященная... Солнце заходит. Никто не может перейти мост после того, как прозвучит рог, – десятник стоял перед нами на коленях с кулаками, опертыми в песок и с опущенной

головой.

– Проезд важен, – голос Бруса зазвенел, словно под маской заблудился шершень. – Неслыханная наглость! Должно тотчас открыть мост!

Старуха продолжала стоять с вытянутой рукой, но теперь нас разделяли солдаты, а она, казалось, позабыла, зачем шла. Только ее слепые глаза неотрывно глядели в меня: мутно, желтовато, невидяще.

– Это дурное время, Освященный... или Освященная. До ближайшего поселения далеко, ночь застанет вас в пути. Нельзя ночевать на дороге. Здесь полно преступников и предателей... Это приказ храма, господин. В смысле... или госпожа... Так, значит, говорит Мать. Вы должны идти в Башню. К Матери. Там вас примут на ночь, а утром отправитесь в дальнейшую дорогу, – приговаривал командир.

– Поспешность требует, чтобы другие вещи утратили свой вес, – запел Брус. – Пусть военные сопровождают Слово, если так гласит Приказ. Но пусть не удерживают его в пути.

Я окаменел. Брус, похоже, требовал эскорт. Я не знал, как мы управимся в сопровождении армии, но он, кажется полагал, что нам лучше изображать жрецов перед солдатами, чем перед другими жрецами. Я и сам уже не знал, что пугает меня больше: путешествие в сопровождении эскорта или ночлег в Красной Башне.

– Решение примет храм, – решительно произнес хон-пахан, поднимаясь с колен. – У меня свои приказы, пусть все станет единым.

Похоже, мы перебрали с настойчивостью. Мы свернули с моста прямо в собравшуюся на площади толпу, между пиками и шлемами солдат, в мертвый город.

Нам не показывали дорогу. Красная Башня вставала над каменными домами селения Аширдым, как огромное гнездо степных термитов. Потеряться было невозможно, хуже того – нельзя было даже делать вид, что ты потерялся.

Двое солдат устроили нам проход в море сидевших на корточках людей. Их грубо и бездушно сгоняли с дороги ударами древков и пинками, словно овец. Сразу за забитой площадью город будто вымер. Все двери и ставни затворены, нигде ни живой души. Солнце еще стояло высоко, но тени уже удлиннились и заполонили всю улицу. До сумерек оставался минимум час, но несмотря на это нам не позволили ехать дальше. Что же случилось с придорожными постоялыми дворами и местами постоя? Как функционирует транспорт, если всякому приходится ночевать в городе? А если оговоренный час застанет его вдали от селений, кто запретит ему странствовать дальше или ночевать у дороги?

Я не мог отвыкнуть от такого способа мышления. Сколько бы я ни сталкивался с новыми приказами, сразу представлял, как оно станет выглядеть в повседневности и к чему приведет. Ремень, мой учитель, был в этом нестигаем и объяснял, что каждый ребенок в определенном возрасте хотел бы исправить мир простыми приказами. Ребенок властителя – в том числе. Только он должен понимать, что всякий приказ обладает последствиями, о которых никто наперед не думает, или он может исполняться так или эдак. И что нет таких эдиктов, после которых солнце внезапно погаснет или река остановит свой бег. Оттого и приказы такие нельзя отдавать. Поэтому он неумоимо заставлял меня проверять, к чему мои идеи могут привести. «Не направляй ветер и не приказывай людям ходить на руках», – говаривал он. Это означало, что есть вещи слишком большие и сложные, чтобы они могли меняться иначе, чем естественным путем, а еще – если эдикт непросто выполнить, подданные постараются его игнорировать, где возможно. И ничего с этим не поделать, поскольку тут лежит предел власти. Вот только жрецы Подземной об этом будто не знали. И на каждом шагу я видел попытки направлять ветер и заставлять ходить на руках.

Я не должен так думать. Я не был ни наследником трона, ни, тем более, императором. Я был «Прыщавым» Агиреном. Дурачком, адептом великого жреца, сидящего надо мной на облучке. Меня охватила ярость, но я лишь вперил взгляд в собственные сандалии и полную мусора рыжую пыль улицы.

Когда наша повозка катилась по пустым улицам, на которых не было ничего, кроме мусора и распадающихся халуп из камня и самана, Брус поднял маску, показывая потное и красное от жары лицо. У маски было две части. Одна сидела на голове, вторая, с лицом, поднималась и опускалась в случае необходимости наподобие крышки.

Он набросил капюшон плаща и склонился ко мне с облучка.

– У нас нет выхода, – прошептал. – Мы – жрецы и нам следует идти в храм. Нигде более в городе мы не отыщем ночлега, не вызвав подозрений. Мы справимся. Помни нашу легенду и не бойся. Без этих одежд мы, полагаю, не перейдем через мост.

– Лучше было остаться в кустах при дороге, сын Полынника. Сбросим эти тряпки и переждем в закоулке, как обычные путники, – пробормотал я еле слышно, стараясь не повышать голос. Но я знал, что Брус прав. Только проход с помпой и в одеждах жрецов мог уберечь меня от прикосновения старухи на мосту. От смертельного касания ее пальцев и взгляда в глаза, прикрытые золотыми бельмами. «Ладонь, глаз Матери...»

Я вздрогнул, Брус отер со лба пот и с треском захлопнул маску. Его лицо снова исчезло под блестящей вытянутой личиной, не выражающей ничего.

Красная Башня стояла на большой округлой площади. Она была скверной. Я видал множество разнообразных храмов. Некоторые должны были пробуждать в верных набожный испуг, другие – вводить в возвышенное состояние духа, а некоторые – склонять к глубоким мыслям, столь же далеким от повседневных дел, как звездное летнее небо. Красная Башня выглядела как те странные каменные натеки, что мне приходилось видеть в пещерах и гротах. Широкая у основания, она сужалась кверху, увенчанная странными, высокими бланками, напоминавшими рога или клыки. Выглядела как нечто, выросшее само по себе, а не возведенное каменщиками, плотниками и архитекторами.

На площади царили хаос и толчея. Почти вся она была забита повозками, полными дурры, мекающими овцами и красными буйволами, среди которых ходили солдаты и разнообразнейшие люди в одеяниях множества каст.

Все улицы, ведущие к площади, были заперты армией и забиты толпой, которая в молчанье стояла и таращилась на открывающееся зрелище. Овцы блеяли, крупная скотина отчаянно мычала, и не требовалось быть селянином, чтобы понять: вся эта живность долгие часы не получала питья.

Когда мы подъезжали, толпа медленно поворачивалась в нашу сторону и преклоняла колени. Как и при въезде в город, мы ехали улицей среди склоненных голов и хребтов.

Площадь защищала ошетиленная заостренными кольями деревянная ограда, с тыла подпертая упорами. Два солдата-пехотинца, стоящие по другую сторону, увидав нас, оттянули засеку в сторону и впустили повозку.

Сбоку возносилась голая глыба гарнизона, напротив – каменный храм Простирающего. По крайней мере, так мне казалось, поскольку все статуи были разбиты, а голова приязненного к людям гиганта лежала у подножия лестницы. На дверях был начертан знак Подземного Лона.

Я шел рядом с повозкой, ощущая странную усталость. Весь мой страх сгорел на мосту при виде старухи с протянутой рукой. Он сгорел, и мое тело внутри стало точно обугленным. Казалось, что мне не под силу сделать очередной шаг. Я и правда желал одного: чтобы нас раскрыли и убили.

Я смотрел на огонь, что пылал у стены гарнизона, и на длинный хоровод людей, движущихся между строем солдат и бросающих в огонь свитки. Письма, повести, трактаты и поэмы. Те падали в гудящее пламя, а

потом взлетали черными пылающими птицами.

Одни из свитков говорили об одном, другие – об ином. Одни прославляли, другие проклинали. Несли в себе сомнения, тоску, мечты. В Доме Стали мы полагали, что свитки ценнее золота. Что они содержат мысли и души тех, кто давным-давно ушел Дорогой Вверх, но продолжает петь, учить и удивлять. Что свитки живут. Дед мой призвал специальных чиновников, которым надлежало отдавать любой ненужный свиток, за исключением сугубо частных записок. Они решали, нужно их уничтожить или сохранить. За преднамеренное уничтожение свитков грозило пять лет галер.

А теперь все это шло в огонь. Зачем разносить жар в души? Зачем делать так, чтобы человек тосковал о недостижимом или невозможном? К чему восхищаться отдельными мыслями, а остальные встречать пожатием плеч? Лучше, чтобы все стало единым.

Есть только одна книга. Кодекс Земли. Там можно найти все, что важно, остальное пусть поглотит огонь. Есть лишь то, что сейчас – и перед носом. Есть приказания Матери и будущий мир, когда Та, Из Которой Все Вышло и В Которую Все Вернется, обретет свое наследство. Когда не будет уже ни дня, ни ночи, не будет женщин и мужчин, воды и огня – только единство. Все, что уводит мысли от этой цели, является сомнением, а потому идет в огонь.

Люди с охапками свитков носили на головах высокие шапки из тростниковой бумаги. Они шагали между рядами стражников, бросали свой груз в пламя и отходили в сторону, где их расставляли в растущей толпе. Шапки выглядели фиглярски и одновременно страшно. Я подумал, что их надели на головы людей насильно, как некий знак позора.

Дым от горящих свитков вставал над площадью, когда мы подходили к огромному, закругленному подножию храма. Все отверстия здесь были округлыми, в том числе красные, каменные двери, в которые мы въезжали. Были в них те же самые мягкие линии – чтобы напоминать о материнском лоне, но мне казалось, что они напоминают разверстую пасть. Стоявшие у дверей двое солдат расступились, а ворота распахнулись сами, словно ожидали нас.

Солдаты, охранявшие ворота, не носили черно-зеленые куртки «Змеинового» тимена или щиты со знаком святой змеи. Их одежды были цвета крови, а круглые, как у кебирийцев, щиты отмечены знаками Подземного Лона и маленькими двойными лунами вверх. Храм принялся создавать собственную армию.

Пока мы входили внутрь, я сжимал во вспотевшей ладони вожжи,

чувствуя, как кровь молотит у меня в висках, и смотрел на свои сандалии. Врата словно поглощали нас, как будто вбирала нас сама Подземная Мать.

Я так много дней убежал от нее, а теперь входил в ее пределы.

Когда мы вошли, ударил холодный ветер, а небо затянуло тучами, как обычно бывает к вечеру в степных предгорьях Востока. Однако для меня это выглядело так, будто в миг, когда я переступил порог храма, свет погас.

За воротами я увидел еще одну площадь, а то, что считал куполом, было лишь стеной, склоненной, точно перевернутая и лишенная дна миска. Перед нами вставала еще одна выпуклая стена, а прямо впереди тянулась мощенная камнем дорога, ведущая сквозь линию округлых врат – в очередных стенах, друг за другом, а еще два коридора, что бежали в стороны, уходящие вдаль в мягкой кривизне. Внутренности храма были комбинацией спиральных лабиринтов.

Мы остановили повозку, не зная, что делать дальше. Врата перед нами были Вратами Тайн. Я вспоминал, как слушаю одним ухом туманные и противоречащие друг другу обрывки сведений, что доходили к нам о Культе Праматери. Как я со скукой выношу звенящий, будто оса, голос учителя и блуждаю взглядом по саду и плывущим по небу облакам, а думаю о ладонях Айины на моем теле. Был Внешний Храм – так называли все, что можно увидеть, не став посвященным. Ограниченные знания, предназначенные для обычных мужчин, законы Кодекса, принципы жизни, науки Паломников. А еще был таинственный мир только для избранных Освященных и женщин – Храм Внутренний. Какие-то жертвы, круги таинств, Врата Тайн. Все это начиналось здесь, куда мы вошли и о чем знали немного. Были здесь места, доступные некоторым мужчинам, неосвященным женщинам, Освященным, которых считали ни женщинами, ни мужчинами, но существами Единства, а также – для высших жриц, которых звали архиматронами. Куда мы имели право отправиться и как туда попасть, мы понятия не имели. Только-только прошли сквозь врата, и здесь наше знание закончилось. Храм окружал башню сложными кругами, а сама башня растягивалась вверх и вниз, под землю.

И мы точно не могли стоять на первом же подворье, словно ослы.

– Колесо! – прошипел Брус сквозь маску, не двигаясь с козел.

Я понял. Ухватился за борт повозки и, напрягая все силы, чуть приподнял ее, а потом пнул в пятку то самое колесо, которое нам уже приходилось однажды подправлять.

Мне показалось, что оно перекосилось – чуть-чуть. Брус едва заметным движением шлепнул осла тростью, и повозка дернулась вперед, заехав обручем колеса на выступающий из мостовой камень. Раздался

треск, колесо соскользнуло с оси, повозка накренилась и остановилась.

– Прыщавый осел! – заорал Брус из-за маски и хлестнул меня тростью. – Ты туп, как сын луны! Исправляй, дурак!

Мне оставалось только неловко крутиться вокруг повозки, ковыряя в носу и неумело дергая перекинувшееся колесо. Теперь мы могли ждать в безопасности, пока что-нибудь произойдет.

Тот, кто к нам вышел, был высок – это все, что я мог о нем сказать. Одежды жрецов настолько сложны, что формы тела теряются в их складках, а округлое, жесткое от вышивки оплечье, выглядящее, словно переброшенный через плечи нагрудник в форме круга, не позволяет сказать, есть ли у человека грудь. Лицо скрыто маской. Но даже когда посланник заговорил с Брусом и повел нас сквозь Врата Тайн, где открыл лицо, я не мог понять, имеем мы дело с женщиной или с мужчиной. У этого человека была обрита голова, подкрашены красным губы, веки покрыты золотом и бирюзой. На лбу и щеках вытатуированы спирали. Лицо же Бруса выглядело нормально. Что хуже – оно носило следы с полей битв, щеку пересекал длинный шрам, а кожа обгорела на солнце. Его череп был покрыт царапинами от поспешного бритья. И у него не было татуировок. Он совсем не напоминал бледное подкрашенное существо, которое вело нас сквозь очередные врата. Потому он не снял маску. Я надеялся, что это посчитают лишь гордыней важного курьера, который презирает провинциальный храм.

– Удаление от повозки недолжно. В ней странствует Слово. Прерывание пути – тоже обещает проблемы, – пояснял Брус на горловом жаргоне Языка Единства еще до того, как мы двинулись, после чего сунул руку за пазуху за знаком сколопендры.

– Где же Слову быть в безопасности, как не в Доме Матери? – ответил жрец, складывая раскрашенные в спирали ладони и склоняя лысую голову. Его голос мог оказаться и высоким мужским, и низким женским. – Приказ будет отдан адептам. Повозка, животные и груз будут восприняты со всем уважением.

Однако Брус вынул сверток из тайника на козлах и отдал мне.

Сундучок был удивительно тяжелым для своих размеров и пугающе холодным. Даже сквозь плащ он кусал меня за кожу, словно ночь напролет лежал на морозе.

В старом языке нет слов «я», «ты», как «он» или «они». Не говорится на нем: «я голоден», но: «в эту пору дня чувствуется голод», или более решительно: «тот, кто не ел, чувствует голод». Легко ошибиться и непосто что-то сказать.

Брус старался, чтобы даже его руки – с обломанными ногтями, ввевшейся в кожу грязью дороги и неделями бесприютных скитаний, – оставались скрыты в рукавах.

Я также знал, что мы оба воняем. Уже не чувствовал этого, но иначе и быть не могло, раз нам было негде умыться. Мы мылись в последний раз, гостя у Лемеха, сына Корабела, амитрая, который изображал киренена. Но это было несколько дней назад.

– Во Внутренних Кругах в маске нет необходимости среди тех, кто повстречался, – холодно заметило сопровождавшее нас существо.

– Лицо одного не имеет значения. Один не существует. Важно Слово и его путь во славу Матери. Несчастный перерыв в пути должен быть коротким.

– Отдых в безопасном месте хорошо служит Слову, – ответил жрец. – Бережет его от зла, а тому, кто его ведет, позволяет удвоить усилия. Вода, одежды и пища – суть вещи, которые нужны, когда едется сквозь разломанный мир, полный самовлюбленного зла и похоти.

Так мы болтали себе, идя вдоль вьющихся, словно змеи, искривленных стен. Несколько раз мы свернули в округлые переходы, ведущие в очередные коридоры, и мне стало ясно, что без помощи отсюда не выйти. Изгибающаяся, как горная река, полоска неба над головой оставалась все той же, а на стенах повторялись сходные узоры. Я не заметил ничего, что могло бы помочь найти обратную дорогу.

Однако я чувствовал, что кто-то здесь есть. Порой слышал сзади шаги и останавливался – тогда шаги смолкали. Я осматривался и краешком глаза мне удавалось поймать некое быстрое размазанное движение. Неясное пятно алого цвета, ничего более. Может, это был отблеск, а может – просто пятно в моих измученных страхом глазах; а может я слышал эхо, отражающееся от искривленных каменных стен?

Порой мелькали небольшие круглые подворья, а под кривыми стенами виднелись круглые входы в некие мрачные помещения, подобные малым пещерам. Мне казалось, что порой внутри нечто движется. Проводник указал нам на один из входов, легко поклонился и удалился.

Потолок оказался кривым, словно комната была положенной на бок бочкой. Посередине стояла новая железная печка, на каменном полу лежал толстый вышитый матрас.

Кроме того, я увидел еще маты, амитрайский столик из буйволового рога, такой низкий, что за ним приходилось сидеть на земле, а еще маленькую каменную статую Госпожи Страды. Танцующую беременную женщину с серпом и миской, лицом чудовища и головой, увенчанной

чепцом из злаков. Она стояла в неглубокой стенной нише, освещенная масляной лампадкой.

Я положил на землю сундучок, завернутый в жесткий от холода плащ, и принялся массировать замерзшие, уставшие от усилий руки.

Брус влез в нишу через низкие дверки и тотчас пал на колени перед статуей.

Я открыл рот, но ничего не сумел сказать.

Услышал, как Брус бормочет, упирая кулаки в пол и уткнувшись лбом в камень.

– Мать... из которой все вышло и в которую все вернется. Ты, что рождаешь, ты, что кормишь, ты, что делишь, ты, что отбираешь. Все, что ни родишь, сама и пожрешь, ибо все есть твое. Лоно, вечный круг, цвет, плод и семя, начало и конец, сила Матери...

Я замер с полуоткрытым ртом. С лицом, какого не устыдился бы Агирен Кысальдым, прыщавый дурачок. Мы были здесь совершенно одни, в пустом помещении, подобном глиняной миске. Здесь не имелось даже углов, где что-то могло бы укрыться.

Я стоял на полу на коленях и глядел на моего соратника. Моего проводника и защитника. Смотрел, как он трижды прикасается лбом к полу, на коленях подползает к статуэтке и тянется к продолговатому, похожему на черное перо предмету в нише.

К небольшому ножу из черного обсидиана.

Я ничего не мог поделаться – видел лишь коленопреклоненного, всего в складках алой материи жреца Подземной, скрытого под длинной маской, подобной голове серебряного шершня.

Я смотрел молча, чувствуя, как мороз, ожегший мои руки, волной разливается по всему телу, как ледяные иглы втыкаются в лицо и сердце.

Брус взял ножик и надрезал свой мизинец. Уронил три капли крови в миску в правой руке Госпожи Страды, после чего размазал алую жидкость по зубастому рту и по лону фигурки.

Он охранял меня. Убивал для меня. Вел сквозь страну, сожженную святым огнем. Отчего бы ему предать меня теперь? Я знал это, но все же недоверие разгоралось в моей душе и тлело. Словно искра во мху.

Брус отложил каменное острие, выпрямился и лишь теперь поднял и снял маску. Я увидел, как он, управляясь с ней, на миг сложил руку в кулак и дотронулся большим пальцем до уголка рта. На военном языке это означало «молчи!». Я почувствовал облегчение, но мой страх не исчез.

Брус вытащил из одежд платок и отер им залитое потом лицо.

Я сел и оперся о стену, а когда мой взгляд привык к полутьме нашей

комнатки, увидел глиняный кувшин с водой.

Брус пнул меня в бок раньше, как я прикоснулся к его горлышку. Я свалился под стену, чувствуя, как треснули мои ребра; серебряный кубок покатился по полу.

– Не смей протягивать свои паршивые руки, сын луны! – рявкнул он. – Сколько времени должно пройти, пока я не выбью из тебя паршивый эгоизм твоего рода! Не смей тянуться первым! Кто пьет первым, паршивый пес?

Я взглянул на него, но разрубленное шрамом и опаленное солнцем лицо выражало исключительно ярость.

Некоторое время он шумно дышал, потом быстро взглянул вверх и по сторонам. Только на миг, а потом снова воткнул в меня черные безжалостные глаза.

– Сперва Мать, потом... э-э... архиматроны... потом существа освященные, потом, э-э-э... я, – пробормотал я голосом идиота, шмыгнув носом, стоя на коленях с кулаками на полу.

– Потом – дочери земли, пес! – рявкнул он. – И только затем такой пес, как ты! Только палка и может прояснить в твоем мутном лунном лбу, пусть все станет единым! И если ты еще раз произнесешь «я», вырву твой язык!

Он подошел к кувшину, поднял с пола кубок, налил в него воды. Сперва понюхал ее, потом смочил палец и прижал тот к своим губам. Затем коснулся воды кончиком языка и некоторое время ждал, прежде чем отпить малый глоток.

Наконец почти незаметно кивнул и, выпив весь кубок, бросил его мне под ноги.

Потом мы молча сидели под глиняным куполом кельи.

Брус вытер тряпкой внутренности своей маски, надел ее на голову, подняв лицевую часть. Сплел ноги, ладони положил на колени и прикрыл глаза.

Я сидел напротив него: собственно, полулежал на одном боку, поглядывая сквозь округлый вход на мощеную площадь.

Под наклонными стенами маячили темные круглые отверстия точно таких же келий, как наша, но я не мог ничего разглядеть. Казалось порой, что я вижу некое движение во тьме, но это мог быть и обман зрения.

Царила полнейшая тишина и мертвенность. Только небольшие зеленоватые птички прыгали по камням подворья.

Храм был старым. Старым и, кажется, до недавнего времени заброшенным. Слой побелки отвалился от каменных стен, лишай напелзали на поблекшие фрески, в некоторых коридорах еще валялись

старые решетки и мусор. Как случилось, что пребывающий в упадке культ Праматери внезапно возродился? Как случилось, что мы не обращали на это внимания? У нас были Ведающие, сильнейшая в мире армия, шпионы и стратеги. Но хватило безумной пророчицы, полгода суши и одной ночи. Одной ночи, в которую все пало. Богатая, пульсирующая жизнью империя превратилась в мертвое поле боя. От всей Тигриной Империи остались лишь я и Брус. Ну, может, еще горсточка недобитков, прячущихся по лесам.

Да благородные безумцы, такие как Лемех, сын Корабела.

Я поймал себя на мысли, что предаюсь зряшным воспоминаниям. Расходую жизненную энергию на пустые, болезненные размышления, которые мучают и ослабляют, но ничего не меняют к лучшему. У меня была крыша над головой. У меня всего-то болели ноги и бок – там, куда попал пинок Бруса. Я успокоил жажду, а из-за постоянного страха не чувствовал голода. Пока я не был и раскрыт. Оставался беглецом. И только. Потому интересоваться меня должны лишь дела беглеца. Душевные порывы, свойственные императорам, нужно оставить для императоров. Я ощущал себя адски уставшим, а потому мне надо бы поспать. Собраться с силами. Они понадобятся мне утром.

Я спал недолго и чутко, а потому вскочил, едва услышав эхо шагов. Приближались двое. Один – в деревянной обуви, второй – в мягких войлочных сапогах с ременной плетеной подошвой.

Когда я открыл глаза, на лице Бруса уже была маска, в остальном он сидел настолько же неподвижно, как прежде.

Бритый налысо мужчина в башмаках встал на колени перед нашей кельей и склонил голову. На нем была бурая одежда, напоминавшая мешок, а еще потрепанные штаны до коленей. Рядом с ним кто-то стоял, но я видел только маленькие стопы – может, женщины, а может, ребенка, да еще край красных одежд.

– Я принес еду и воду, освященное существо... мудростью Матери...

Он поставил на пол деревянный поднос в форме ящичка, вполз в келью и уставил низенький столик раскрашенными мисками и чарочками.

Я взглянул на стол. Миска вареных овощей, печеные пирожки катмуль, несколько коржиков хлеба, кубики фасолевого сыра, деревянные щипчики для еды.

Брус поднял миску с горячим овощным хишмишем и подсунул его под серебрёные ноздри своей маски.

– Не употребляются тела детей земли, – в его голосе прорезалось отвращение. – Только Праматерь может их пожирать. В этой пище чувствуется присутствие тела рыбы и приправы. Грешные приправы,

ослабляющие тело и дух, суть такой же грех для здоровья. Эта пища нечиста и должна быть забрана. Хлеба, сыра и воды хватит для подкрепления тела, а дух принадлежит Матери.

Он отставил миску, после чего нервно вынул платок и принялся вытирать пальцы, которых коснулся пар.

Второй пришелец, в одеяниях жреца, тот, от кого я видел лишь стопы, внезапно пнул стоящего на коленях слугу в бок. Я услышал глухой стук и сдавленный стон.

– Лунные козлы! Ты перепутал миски, вонючка! Ты опозорил храм!

Пришелец пал на колени с кулаками на брусчатке рядом с корчащимся от боли стариком и склонил бритую маленькую голову. Одно плечо у него было обнажено, а на челе был начертан красный знак: раздвоенная линия, что заканчивалась спиралями-близнецами. Поднял лицо. Я увидел глаза, форму губ и бровей и решил, что это, скорее всего, девушка. Адептка. В ее чертах было нечто беспокойно знакомое, но я не мог понять, что именно.

– Непростительно! Случилось нечто позорное! – кричала она. – Слуги войны могут порой получать живое тело в пищу, это дозволяют приказания пророчицы. Эта крыса перепутал миски и принес нечистую пищу, предназначенную для лунных псов. Его постигнет суровое наказание, пусть все станет единым!

– Хлеб, сыр и вода, – повторил Брус. – Остальное должно забрать.

Мы остались одни, все так же не говоря ни слова. Я запомнил лекцию, которой Брус меня оделил, когда я пытался напиться, а потому не пошевелился.

Брус произнес короткую благодарственную молитву, после чего повторил все, что делал ранее с водой. Притронулся к губам кусочком хлеба, через некоторое время прожевал маленький кусочек и выплюнул его на ладонь, затем, подождав еще немного, оторвал кусок, который решил съесть. Я подумал, что таким образом он проверяет, не отравлена ли пища. Может, это и было действительно, но я решил, что он тут перебирает лишку. Как и с тем, что отослал прочь тушеные овощи и пирожки. Раз уж нас угостили, я бы охотно съел не только хлеба с водой.

Я смотрел, как Брус неспешно ест, а потом кладет остатки на тарелку и подталкивает ее в моем направлении. Я съел сухой хлеб, кислый фасолевый сыр с острым неприятным запахом и выпил кубок воды. Я все еще не ощущал голода и надеялся, что ничего не случится. Что нам позволят сидеть до утра, а после выпустят в дальнейшую дорогу.

Однако прошло немного времени, и я снова услышал шорох ног по камням: кто-то приблизился. Тот самый жрец, который привел нас сквозь

ворота. Похоже, им здесь непросто найти для себя занятие.

Существо с раскрашенным лицом встало на колени перед низким входом, полностью его закрыв.

– Вскоре Мать поглотит солнце, – заявило. – Рога проревут Хор Тьмы. Придет время вечернего жертвоприношения. Обычай наш таков, чтобы проводила его жреческая персона, которую мы дарим приютом. Это будет честь для Башни.

Я омертвел.

Брус мог знать несколько случайных молитв, но откуда бы ему знать, как проводить обряды? Я понял, что теперь у нас точно нет и шанса. Подходя так близко к обиталищу Подземной Матери, мы привлекли бы ее внимание. Не справились бы. Не тут, под ее носом.

– Странствующий не обладает нынче достаточно чистым духом, чтобы сойти в святой санктуарий, – заявил Брус суровым, скрежещущим голосом.

– Кто распознает грех даже в миске, – тот достаточно чист, чтобы вынести встречу с божеством, – холодно ответил жрец, и на этот раз мне показалось, что он – мужчина. – Когда раздастся призыв Матери, нельзя, чтобы ожидание длилось слишком долго.

Брус медленно встал, словно на его спине лежала корзина с камнями.

– Агирен, никуда не уходи, – сказал он на нормальном языке. – Стереги Слово.

Я понял, что должен бежать. Только как? Через лабиринт у стоп башни, сквозь запертые врата? И как бы я потом пересек мост? Имея на себе лишь одеяния адепта? Наши корзины с одеждой и пищей, наши посохи шпиона и все остальное – лежат в повозке. И что же, мне оставлять Бруса на милость храма?

– Место адепта – подле его мастера, – заявил жрец. – Надлежит ли назначить иного? Как тогда совершится жертвоприношение?

Так все и решилось. Нам пришлось снова войти в лабиринт склоненных стен и отправиться путаницей коридоров в неизвестность.

Однако на этот раз мы отправились иной дорогой, поскольку быстро оказались во внешнем дворе, что окружал башню и лабиринт. Здесь стояла толпа. Женщины в кастовых, многослойных платьях, сбитые в шумную группку. Одни чего-то ждали, другие, похоже, чего-то требовали. Некоторые сидели под стенами, скрючившись, порой с опущенными головами. Одни выглядели возбужденными, другие – отчаявшимися.

Я полагал, что внутренние пространства покинуты и едва ли не безлюдны. Я привык к пустым, выющим коридорам, наполненным лишь тенями да эхом. Мне казалось, что толпы остались снаружи, на площади, за

воротами башни.

Мы шли сквозь толпу, но тут никто не падал пред нами на колени. Женщины протягивали руки и либо касались наших одежд, либо пытались поймать их скрюченными пальцами. Чего-то они от нас хотели, но в общем шуме было не разобрать, чего именно.

– Его зовут Алтай Кирдигал! Мы должны добраться в горы, к нашей семье! Мы из Ахардыма! Отдайте мне мужа! Он ничего не сделал! Алтай Кирдигал!

– Впустите нас к архиматроне! Мы хотим говорить с Матерью!

– Отдайте мне сына! Тугалай Меррек! Он хороший! Это послушный парень! Позвольте мне с ним поговорить! Он больной! Не может носить камни!

– Мать! Благословения больной! Проведите меня к архиматроне.

Ведущее нас существо шло сквозь толпу молча и неудержимо, отбрасывая тянущиеся со всех сторон руки, а мы брели следом.

Женщины остались позади, мы же прошли сквозь округлые врата, попав на очередное узкое подворье, кольцом опоясывающее башню. Я подумал, что надобно убить этого жреца и бежать. Лучше всего – сейчас же. Чем дальше и глубже мы входим, тем сложнее будет выбраться. Однако Брус шел рядом совершенно спокойно. Я не знал, каковы его намерения, но приходилось ему доверять.

На втором подворье нам тоже встречались люди. Они сидели под наклонной стеной, на каменных ступенях, окружающих площадку с разбитым пересохшим фонтаном.

Все в бирюзовых и карминовых одеяниях афраимов и аразимов, с капюшонами на головах. Несмотря на богатые одеяния, они выглядели уставшими и помятыми, будто сидели здесь долгие часы. Увидав нас, встали с фонтана и каменных лавок под стенами, а потом пали на колени, упираясь в булыжники кулаками. Проводник наш вышагивал энергично и, похоже, не имел намерения останавливаться. Мы просто сокращали дорогу через эту площадь. Однако коленопреклоненные не дрогнули. Не поднялись с колен, преградив нам дорогу баррикадой склоненных, обтянутых сверкающим бирюзовым либо алым шелком спин. Жрец остановился и просопел с яростью сквозь маску:

– Это непозволительно! – рявкнул. – Проход!

Один из мужчин неторопливо поднялся. Он был мощным и кряжистым, обладал широким амитрайским лицом, теперь красным и залитым потом, а еще у него были сияющие синевой, непроницаемые глаза. Щеки пересекали косые полосы афраимской татуировки.

– Я – Фардих анх Сабалай из рода Чиндегая, из племени афраев. Мы ждем здесь в покорности уже второй день без воды и еды, посланные по приказу наших святых женщин. Род Чиндегая уже десять раз по десять поколений хранит поля храма Праматери, от реки до самых горелых взгорий. Матери рода стоящего рядом, Мерадука анх Ургатала из рода тагалаев, окружали опекой стада Праматери – пять раз по тысяче овец. У нас есть печати. У нас есть железные знаки. Проклятая чужеземная династия пала, и плоды Матери возвращаются в ее владение, пока все не станет единым. Мы ждем уже второй день, но у благородной архиматроны нет для нас времени. Животные на полях умирают. Слуги войны не умеют о них позаботиться. Овцы ломают ноги. Животинка мрет от жажды! Дурра лежит в скирдах и влечет к себе крыс и насекомых. Молим тебя, освященное существо, передай наши покорные просьбы архиматроне. Пусть пришлет она нам слово истины. Позволь нам внести добро храма по нашим амбарам и скотным дворам, пока все не пропало!

– *Хара!* Молчать! – крикнул жрец. – Скоро Праматерь поглотит солнце. Подземное Лоно голодно! Если проход не будет сделан тотчас, то ваша кровь накормит богиню! И так и будет, пусть все станет единым, если раздастся еще хоть слово сомнения!

– Мы послушны, – прошептал афраим и сошел с дороги, склоняя голову.

И мы отправились дальше, вышли в главный коридор, где перед нами открывались и позади нас закрывались Врата Тайн, расходясь в веретенообразных порталах. Все дальше и дальше. А я чувствовал, как с каждым разом, когда за нами затворяются кованые двери, во мне гаснет надежда. Чем дальше мы шли, тем темнее становилось. В коридоре плыл дым, я вдыхал запах трав и масел, а откуда-то снизу бил резкий, отвратительный запах падали. За третьими вратами уже не было наклонных стен и темнеющего неба над головой – только туннель.

Освещен он был моргающими лампами, чей свет ползал по каменным телам женских демонов, сплетенных в экстатическом танце. Призрачно отсвечивал на вытаращенных глазах, украшенных белыми перламутровыми раковинами, на кровавых зубах, подобных крюкам, нагих грудях и ногах. Казалось, по ним ползли огненные змеи.

Очередные врата сомкнулись за нами, я слышал мрачное, низкое бурчание, словно во тьме вопили тысячи морских созданий. Звук тот переливался в воздухе и заставлял бурчать мой живот. Смерд сделался отчетливее.

Разошлись последние врата. Железные, с заходящими друг за друга

зубцами – словно вертикальная пасть. Звук разносился отовсюду, перекашивался, заставлял волосы у меня на загривке вставать дыбом. Я чувствовал, как мои ладони делаются влажными, как ноги наполняются жидким свинцом.

«Жизнь не имеет значения. Она – лишь миг, – подумал я. – Я пришел из ниоткуда и странствую в неизвестность. Есть только Дорога Вверх, где меня ждет встреча с Создателем. Дорога Вверх трудна, поскольку путь каменист. Есть только слезы и камень. Куда уходят все, туда пойду и я, поскольку там меня ждут. Затем я и иду, чтобы дойти. Дорога не важна. Дорога – просто мгновение».

Я произнес молитву за умерших, как солдат перед битвой. С этого момента я должен был считаться неживым, но это мне мало помогло.

Ремень учил концентрироваться на дыхании. Следить, чтобы воздух проходил сквозь тело. Учил, что страх рождается из мысли. А ведь важно лишь то, что ты видишь, а не то, что ты можешь увидеть. То, что происходит, а не то, что может произойти. Я сосредотачивался на дыхании и гасил мысли, в которых бился страх. Есть только сердце, мышцы и легкие.

Внутреннее пространство башни было большим, мрачным и круглым, словно перевернутая вверх дном миска, – но увенчанная шпилем. Оно вздымалось к небу, а мы стояли словно внутри огромной печи. Я взглянул и увидел у вершины крохотный кружок темнеющего неба – и тотчас попытался избавиться от мысли, что вижу его в последний раз.

Зал напоминал мрачную пещеру, освещенную лишь снопом света, падающим сквозь круглое окошко в стене башни – и тот пронизывал ее как копье, падая на неясный памятник из черного камня на дне башни. Круглая галерея, на которую мы вышли, была самой большой, но и над и под нами я видел их еще несколько. Со дна то поднимался, то спадал шум, наполняя помещение, словно густая жидкость. Казалось, что из моих ушей и глаз вот-вот польется кровь. Это было будто рык слона или жужжанье огромных, с вола, пчел в пустом дереве. Я уже встречал в своей жизни вещи, которые, чтобы их уразуметь, требовалось пережить, но о них было невозможно рассказать словами. И я знал, что этот звук никогда не забуду.

С темного дна пещеры шел влажный, подземный холод с привкусом трупного запаха. Этот смрад было невозможно ни с чем спутать, хоть он и не был слишком сильным.

Столп света делался все краснее. Отверстие было выполнено так, чтобы ловить свет заката и направлять его прямо на памятник. Кажется, была это большая фигура сидящей женщины, но я не мог различить точно.

Отсветы ложились на нее кровавыми пятнами.

Мы не могли сбежать дорогой, которой пришли, потому что Врата Тайн за нами заперли. А потому придется пробираться темными коридорами на четвереньках и на ощупь. Двигаться, готовясь свалить любого, кто встанет на пути. Через минуту-другую начнется некий ритуал. Ритуал, в котором нам придется принимать участие, не зная, что нам должно во время него делать. Что хуже, это могли оказаться вещи, которых никто из людей не должен бы совершать. Мы должны накормить кровью статую? Что еще нужно сделать, чтобы выжить и выполнить последний приказ моего отца?

Сноп света покраснел и угас, и установилась внезапная тишина.

И мрак.

А потом загорелись круги ламп на галереях. Я увидел, как толкуются во тьме фигуры в свободных одеждах с капюшонами, едва заметные во тьме.

Я видел их на галереях и там, внизу, на дне пещеры.

Адское гудение раздалось вновь, но уже тише и ниже. Мне казалось, оно и тоскливое, и зловещее. Мрачная, дрожащая бессловесная песнь, наполняющая печалью и отчаянием. Как если бы она отравляла самую душу.

На дне пещеры загорелось масло в трех огромных мисках, в каждой без труда можно было целиком поджарить барана.

Скульптура была огромной, и только сейчас я разглядел ее в подробностях. Никогда ранее я не видел изображений Подземной Матери. Видел лишь ее воплощение, что звалось Госпожой Страды. Или, возможно, то была ее дочь. Но Подземная уродиной не казалась. Огромная коленопреклоненная женщина с ласковым, улыбающимся лицом, волосами из цветов, веток и плодов. Между ее ногами дремал подземный мрак. На вытянутых руках она держала кувшин и плоды дурры, словно хотела вручить их своим детям. Та, из которой все вышло и в которую все вернется. Госпожа Урожая. Жизнедавица и Мать.

Трубы – если это были трубы, – смолкли.

А потом я увидел огоньки. Два ряда дрожащих язычков в ладонях фигур в капюшонах, которые вышли на дно пещеры из скрытых дверей и полукругом встали напротив статуи.

Я услышал песнь. Ласковую, пронзительную песнь об успокоении в объятиях матери. О справедливом сердце той, кто заботится о своих детях. Песнь, выводимую высокими голосами, столь прекрасную, что я ощутил, как слезятся мои глаза. От ласковых голосов девиц или детей у меня перехватило горло. Я ощутил себя уставшим, одиноким и обиженным.

Жаждал покоя и ласки, тех, о каких пелось. Затосковал об ином мире, в котором нет необходимости ни за что сражаться, в котором ни с кем ничего не случается, но все получают из справедливых рук матери. Тепло и ласково, словно в моем детстве, проведенном в Доме Киновари, где не существует войны, крови и пыли.

Ведущий нас жрец потряс за плечо Бруса.

– Время, – сказал.

Я неохотно двинулся вперед. Мне ни за что не хотелось прекращать слушать.

Круг поющих одновременно склонился, поставив лампадки у своих ног, а потом одним движением отступил, расстегивая плащи, что стекли на землю. Я увидел маленькие фигурки, груди, безволосые лона. Увидел деликатный рисунок спиралей и кругов на их телах и свесился через каменную балюстраду. Но это продолжалось лишь миг.

– Пора! – рявкнул жрец еще раз и дернул меня за рукав.

Он повел нас вниз по отвесной каменной лестнице, где в нишах таился свет ламп. Я уже не боялся. Подумал, что мы спускаемся на дно пещеры, туда, где стоят девицы, и откуда все еще разносилась сладкая песнь. Я был наполовину без сознания и – уж не знаю, отчего, – теперь мне казалось, что мы справимся.

Помещение, в котором мы наконец оказались, от пещеры отделял только ряд колонн, испещренных умелым растительным орнаментом. Девицы издали мелодичный оклик, поднимая руки, а после повернулись вокруг себя.

Я остолбенел.

Показалось, что зрение меня подводит, что в мигающем свете, благоуханном дыму и в пятнах тени я приметил у некоторых танцовщиц мужские члены. Небольшие, безволосые и странные – но над ними были груди, подпрыгивающие в такт танцевальным движениям.

– Быстрее! – снова рявкнул проводник.

Колонны и скалы покрывали узоры. Цветы, ветки и плоды, переплетенные друг с другом. Вот только их не высекло долото каменщика.

Это были кости.

Череп, ребра, челюсти и позвонки, купно с костями рук и ног, выложенные так, что их было непросто различить. Виделись мастерски исполненные листья, кувшинки, лозы и плоды. До того момента, как я различил первый череп. Потом я разглядел и остальное.

Везде вокруг меня.

Песнь продолжала течь. Успокаивающая и прелестная.

Брус и жрец встали над каменным столом, на котором лежали в ряд кривые базальтовые ножи. Гладкие и поблескивающие, словно когти какой-то огромной твари, с резными костяными рукоятями.

– Быстрая милость, – проворчал жрец, словно о чем-то вспомнив. – Она нам понадобится, иначе не удастся закончить и до ночи.

Он положил на стол клевец. Оружие, подобное молоту на длинной рукояти, но с шипом вместо ударной части. Шип вырезали из такого же базальта, что и ножи. Строгого, твердого и поблескивающего, будто черное стекло.

Скрежет цепей и железа я услышал несмотря на песню, продолжавшую танцевать в воздухе.

Поднялась кованная из толстых прутьев решетка, что закрывала отверстие в стене рядом с нашей нишей.

И я увидел их.

Нагих мужчин, сбитых в тесную кучку, с поспешно и грубо обритыми головами – точно так же, как у меня с Брусом. Они стояли длинными рядами, зажатые между стенами, и могли идти только вперед, всякий – прижимаясь к спине предыдущего, за решетку, узким проходом, между двумя каменными стенами, что вели на середину пещеры.

Я видел, как они трясутся, кто-то что-то монотонно бормотал, кто-то плакал, кто-то громко и судорожно дышал. Одни мужчины, и всего одна-две женщины между ними. В тесноте, как буйволы в ограде, с большими, широко распахнутыми глазами. Старые, молодые, некоторые моложе меня.

Я услышал тонкий детский голос, который выводил тихонько:

– Нет... Еще нет... Еще немного... Прощу... Еще чуть-чуть... – и я превратился в лед.

Взглянул на Бруса, но увидел только собственное отражение в зеркальной маске.

Он стоял неподвижно и даже не вздрогнул.

Я взглянул на его руку, высунувшуюся из рукава. Хотел убедиться, что она будет грязной и жилистой – или окажется изящной и разрисованной спиралями.

Они были сходного роста. Не ошибся ли я?

Я взглянул на железный крученный прут с посаженным на конце базальтовым зубом. Сумею ли я его схватить?

«Быстрая милость».

Через миг ее тебе дадут.

Брус продолжал стоять неподвижно. Намеревался ли он что-то делать в надежде, что сообразит, как поступать? А потом – убить тех несчастных,

только бы избавить своего подопечного от проблем?

Я не хотел умирать, но не хотел и выжить такой-то ценой.

«Прости, отец, – начал я немо. – Знаю, что ты поймешь».

– Время! – рявкнул жрец жестяным голосом. – Ожидание недопустимо! Надлежит обнажиться! Тьможители сейчас будут введены. Время для гнева Матери! Время воздать за обиды мира!

Да.

Время для гнева.

Время.

Я зачерпнул воздуха, как учил меня мой Мастер Войны, разжег внутренний огонь внутри моего тела. Бросил туда всю усталость, страх, гнев и обиду, как если бы разжигал печь. А потом позволил, чтобы этот огонь наполнил мои вены.

– Есть дела поважнее! – раздался вдруг голос. Сильный женский голос. Я взглянул на дверь и увидел фигуру, облаченную в плащ с капюшоном. – Это обычная жертва. Пусть этим займутся те, кто должен. Те, кто идет, неся Слово, должны говорить.

Жрец медленно опустился на колени и уперся кулаками в пол.

– Архиматрона, *хафрам акидил*! Ты сказала истину, – произнес.

Брус тоже поклонился. Я пал на колени, будто ломая сталь, застывшую в моих суставах, упер кулаки в каменные плиты и коснулся лбом пола.

Огонь в моих венах загудел. Пылал в голове и подбрасывал мне образы. Короткие, горящие, как удары молнии. Прыжок, оправленная в кость рукоять клевца – в руке, короткий скрип железа, прямо в лысый, раскрашенный череп, прыжок на стол, нож в другой руке. И тотчас прыжок на лестницу, удар железом под колени и – ножом в глотку.

В жилу духа, что бьется сбоку на шее. Обсидиановый коготь, острый, словно обломок стекла, и твердый, точно алмаз. А потом – кто нас удержит, если мы поведем за собой архиматрону с клинком у горла?

Молния ударила и погасла, а я не сделал ничего из того, что пронеслось у меня в голове.

Когда мы шли каменными ступенями в свете лампадки, а потом – сквозь крутые коридоры, опутавшие башню, до меня еще доносилась сладкая песнь успокоения. Вскоре я перестал ее слышать, и тогда донесся первый отчаянный крик. Приглушенный, бьющийся где-то за стенами внутри башни.

Мы вышли наружу, в подступающие сумерки. На синем небе башня прокалывала тучи игольчатыми, подобными рогам стенами, а вокруг верхушки кружили вороны, словно клочья сажи от пылающих свитков.

Глава 3

Колдунья и драконы

*Лучше живым быть,
нежели мертвым;
живой – наживает;
для богатого пламя,
я видел, пылало,
но ждала его смерть.*

*Ездить может хромой,
безрукий – пасти,
сражаться – глухой;
даже слепец
до сожженья полезен —
что толку от трупа!*

Речи Высокого

Кожа Дейрдре гладка как пергамент. Бледная, почти белая, типичная для женщин народа, что веками обитает под хмурым небом, омываемая вечным дождем и овеваемая влажным морским ветром. У женщин, у которых, как у Дейрдре, волосы рыжи и блестят, словно полированная медная проволока, пигментация – не такая, как у остальных. Отсюда алебастровая, прозрачная кожа. Ей бы еще быть веснушчатой, но у нас есть генная инженерия. Потому у Дейрдре Маллиган не слишком много веснушек. Я исследую ее тело, легонько проходя губами по взгорьям и долинам. Дейрдре подобна своему острову. Гладкие равнины, ласковые холмы. Никаких горных хребтов, немного леса. На миниатюрном, залитом светом свечей теле нет ничего, что могло бы испортить его географию. Только мягкие взгорья и долины. Под тонкой, прозрачной кожей подрагивают небольшие, но крепкие мышцы, когда она шевелится в моих объятиях. Ее лицо – под моим, я смотрю в прищуренные, немигающие глаза, зеленые как Ирландия. Красивой формы капризные губы шевелятся рядом с моими. Я слышу вздох. Чувствую, как маленькие пальчики

странствуют по моей спине и затылку.

– Проснись, Спящий-в-Древе, – стонет Дейрдре. – Уже пора.

Я гляжу на нее испуганно, прямо в птичьи глаза, желтые с круглым, будто отверстие ствола, зрачком. На поблескивающие черные перья и торчащий в небо раскрытый клюв, словно лезвия секатора. Перья заканчиваются на шее, дальше раскидывается гладкое тело, бледное и алебастровое, ирландское тело Дейрдре.

– Проснись! – каркает Дейрдре.

Я вскрикиваю.

Вскрикиваю с лицом, уткнутым в горячий пепел, под потоками ледяной воды. Вскрикиваю, лежа нагим среди камней и скал, слыша рев пламени. Давлюсь криком и плачем, словно новорожденный. Вскрикиваю, подавившись первыми вдохами пахнущего озоном воздуха. Рожденный деревом и молнией. Я – сама боль. Боль бытия. А потом остается лишь дождь, шипение гаснущего пламени, боль и ночь.

Просыпаюсь я от холода. И дрожи.

И осознания того, что я жив. А если жив, нельзя оставаться в неподвижности и бессмысленной тьме. Жизнь означает движение. Деяния. Я ощущаю всем телом камни и мокрый мох, на котором лежу. Мне неудобно. Это и значит, что я жив.

Я в своей жизни просыпался таким образом уже пару раз. Чаще всего – посреди больничной белизны. Удивленный, что продолжаю существовать, слабый и наполненный болью.

Но еще никогда не было так.

Я собираюсь, неловко и тяжело, словно бетонный голем. У меня щелкают зубы, ледяная дрожь пронзает до мозга костей. Лежу в странной позе, с выкрученными конечностями – тряпичная куклолка. Я видал людей, которые лежат в подобных позах. Жертв взрывов. Сметенных ударной волной, вбитых в то, что оказалось на их пути, бесформенных, как смятая одежда. Однако я, похоже, цел и невредим.

В десятке метров дальше, посередине поляны, пылает огонь. Остатки моего ствола ярятся жаром и постреливают язычками пламени, что шипят под каплями дождя. Хорошо. Огонь – это огонь. Надо начать с тепла. Иначе все это кретинское чудо электрического воскрешения окажется зряшным из-за обычной гипотермии.

Мои мысли разбегаются во все стороны, будто стайка испуганных рыбок.

И только когда я приседаю около угольев выжженного ствола и протягиваю руки к теплу, начинаю собираться с мыслями.

Это я.

Я жив.

Или это очередной бред в довесок ко Гвару, пустыне, мастерской дядюшки Атилаайнена и вороноголовой Дейдре.

Я сижу с протянутыми к угольям руками как неандерталец, позволяя теплу проходить сквозь мои ладони, охватывать грудную клетку и вливаться в ноги.

Моя кожа парит, словно в сауне, разодранные мысли медленно и несмело, одна за другой возвращаются, начиная опять собираться в стайку.

Это я. «Нижеследующим докладываю, что я снова существую».

Одежда порвалась. Все, что было на мне, включая сапоги. Пояс, кафтан, рубаха. Дерево появилось изнутри. Дерево, которое было мной. Тогда отчего я сижу перед огнем, который пожирает остатки ствола? Я был деревом, или дерево было мною? Что горит под моими руками? Вот вопрос, исчерпывающий список риторических дилемм нынешнего утра. Я и правда точно первобытный человек. Нагой и ошеломленный. У меня нет буквально ничего, даже огонь этот мне не принадлежит. Я думаю об оборудовании, которое осталось в доме Грюнальди. О Ядрене. Но и об одежде, мачете, одеялах, о множестве предметов, которые я оставил. Это не слишком далеко. Я должен добраться до Грюнальди. Самое большее – три дня пути. Вот только – пути в сапогах. Через долину, запертую городком, который я поджег, полным разъяренных Змеев. Потом – по скальной стене, на которой либо висит, либо нет моя веревка. И все это – голышом.

Хорошего мало.

Все еще трясась от холода, я неуверенно поднимаюсь на ноги и обхожу пепелище, разыскивая остатки вещей. Какой-то сукин сын свистнул мой меч. Мой *синоби-кэн* от Nordland Aeronautics. Это я помню. Но были ли там и другие?

Потеря меча мучает меня так, будто с ним вместе исчезло что-то еще, словно забрали кого-то близкого. Он был с Земли. Из дома. Не сосчитать, сколько раз он спас мне жизнь. Не хочется прикидывать, какие у меня без него шансы добраться до следующего мерзкого туманного утра.

Я активирую цифрал. Просто так, чтобы помочь себе в поисках и почувствовать себя увереннее.

Активирую цифрал.

И ничего не происходит. Только кружится голова. И я чувствую, что внутри, впервые с очень давнего времени, появляется страх. Жуткий, подкашивающий страх, о котором я уже успел позабыть.

Это такое чувство, что я даже присаживаюсь на землю и на миг

сворачиваюсь в клубок. Пытаюсь успокоиться и снова активировать свой бортовой компьютер – но он молчит. Мой паразитарный мозговой ангел молчит.

Меч – просто инструмент. А без цифрала от меня будто осталась половина.

И дело не в боевом режиме, без которого я все же имею, говоря статистически, шансы выйти живым из трех или четырех схваток из десяти. Но как теперь выглядит моя сопротивляемость, память, куда девались знания, полученные в ходе обучения?

Отчаяние и чувство бессилия заставляют меня трупом лежать на мху, свернувшись в клубок – и это продолжается минут двадцать. Потом я чувствую, как начинают давить камни, и что мокрый мох неудобен, что кусают муравьи.

Ладно, хватит.

Я встаю и еще раз обыскиваю поляну. Систематически и тщательно. Все пригодится. Каждый ошметок, каждая мелочь. Сперва я нахожу горсть золота. Отдельные монеты рассыпаны то тут, то там, в траве, лежат между камнями. Их немного. Главные запасы, ссыпанные в пояс с потайными кармашками, остались в сумках. У Грюнальди. Были тяжелы, как несчастье, да я и не собирался за покупками. Как раз золото мне нынче меньше всего необходимо. Будь у меня возможность вызвать такси и приказать отвезти меня прямо ко двору Грюнальди Последнее Слово – тогда конечно.

Я нахожу остатки пояса, клочья ткани, рваные фрагменты чего-то, что, полагаю, некогда было моим сапогом: теперь сапоги разбухли от влаги и ни на что не похожи. Я все время вспоминаю очередные утраченные мелочи, распиханные по карманам: перочинный нож. Складной ножичек со множеством инструментов и знатным клинком. Остатки припасов – несколько кусочков халвы и полосок мяса. Ложку. Трубку.

Моя трубка, кисет с табаком и пробойник. Кресало. Как жить без кресала?

Я ищу. Обхожу пепелище по спирали, обследую на четвереньках, систематически прочесывая пальцами траву, мох и камни. Меня по-прежнему бьет дрожь.

Стараюсь не думать о цифрале, холоде и пронизывающей меня слабости. У меня раскалывается голова и кровь пульсирует в висках. В грудной клетке стоит мерзкая, гнетущая боль. Там, где торчало копье, виден неровный, продолговатый шрам, заросший слоями, как на древесном стволе. Не понимаю, почему я все еще жив. Наконечник был длинным, с ладонь, и прошил меня навылет. Древко, вошедшее в грудь, тоже было

сантиметров пять в диаметре. Ужас. Наверняка было повреждено сердце, пробита сердечная сумка, плевра, наверняка и ткань легких. Может – пробито ребро и уж точно проломлена лопатка. Не понимаю, откуда у той скотины столько сил. Может, меня сумела бы спасти медицинская группа, если бы оказалась точно на месте. Если бы меня сразу заморозили. Потом медэвак, и прямо в отделение интенсивной терапии. Возможно. Процентом тридцать шансов. Тем не менее, я, похоже, выздоровел.

Очередное чудо.

В траве снова замечаю металлический блеск, но это камешек, покрытый слюдой. Слюда. Золото дураков.

Я ищу дальше, прочесывая камни, под монотонное карканье, прошивающее серый воздух туманного утра. А позже отмечаю палочкой место, до которого я добрался, и возвращаюсь на пожарище, чтобы согреться. Увы, жара осталось всего ничего. Он едва переливается и шипит между угольями.

Часом позже я отыскиваю нож. Мой длинный нож в ножнах, пара к утраченному мечу. Он лежит метрах в десяти от пепелища, запутавшись в безлистые уже ветки одного из кустов. Я рыдаю от счастья, прижимая к себе нож, и в моей голове мелькает мысль, что, похоже, со мной что-то не так. Находка переламинает несчастливую полосу, и я быстро отыскиваю многое – клочки одежды, разодранную жилетку и, наконец, сагайдак с луком, что висит в ветвях. Немного, но, надеюсь, мне хватит. Лук, кажется, поврежден, но, думаю, его можно починить.

Я складываю все это в одном месте – нищевродство, но лучше, чем ничего. Ведь у меня есть нож. А у человека, у которого есть нож, есть все. Имея нож, можно смастерить почти любой необходимый инструмент, оружие и даже укрытие. Можно рубить, резать, поддевать, пилить и копать. Нет более нужного инструмента, чем нож. Я знаю об этом хорошо, поскольку помню времена, когда власть запретила иметь ножи.

Уцелевший фрагмент кожаного жилета не велик, но его хватит на два примитивных мокасины. Вырезаю ножом два куска кожи соответствующей формы, а потом ставлю на каждом ногу и обвожу углем. Это будет подошва. Потом должным образом подрезаю края и заворачиваю их на ноги, как учили на курсах.

Жаль жилет, но теперь у меня есть обувь. Я накладываю самые длинные фрагменты разорванного пояса на ствол и вырезаю ремешки. Не слишком длинные, но связываю их друг с другом и стягиваю мокасины, продергивая ремешок сквозь проверченные ножом дырочки в коже.

Работая, я то и дело отчаянно пытаюсь активировать цифрал. Почти

непроизвольно. Руки у меня трясутся. Я мокрый и замерзший. Следующая задача – чем-то прикрыться. Базовая проблема – одежда и укрытие. Не цифрал.

Я стою спиной к пожарищу, ровно так, как стоял в момент, когда за мной выросло дерево. Это легко. Достаточно развернуться так, чтобы вид, который почти выжжен у меня в мозгу, оказался перед моими глазами.

Два затуманенных хребта, что жмутся друг к другу, словно ягодыцы. Все те же рваные линии гор, затянутые голубоватой дымкой. Видные вдали два пятна леса, взбирающегося по склонам, пылая царскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, скрученных, будто они вышли из-под рук мастера бонсай.

Да.

Так я стоял, когда мое тело взорвалось деревом.

Меч был за спиной. Разорвало портупею, и меч полетел назад, туда, где его нашел тот проклятый щенок. Живой труп, который понятия не имеет, что он ходит по земле только из-за временных технических проблем.

Ходячее тело с отсроченным приговором на шее. Вор, который осмелился обокрасть Древо.

Нож висел высоко слева, на бедре. Он полетел в сторону, определяемую моей левой рукой, прямо в те кусты. Расстояние – около десяти метров. Там я его отыскал. Кошель и ножны с перочинным ножом висели на поясе, чуть сзади, на правом бедре. Я отмерял расстояние шагами. На этот раз мне нет нужды обыскивать всю поляну, лишь треугольный фрагмент в том направлении, куда, предположительно, полетели мои вещи. То, что я заставил себя мыслить аналитически, вознаграждается: нахожу еще ложку и полу кожуха. Кусок размером, может, с пару ладоней, но именно тот, который был для меня очень важен. Левая пола, в которой размещается потайной карман, где находится кисет с трубкой и горсткой табака. Экспериментальное зелье, купленное еще в Змеиной Глотке, пропало – и я не стану о нем плакать. Не могло пригодиться.

Я собираю охапку веток и бросаю ее в огонь, а потом сижу, попыхивая трубкой. Я возвращаю себе равновесие. Вот новое знание: в костер хворост нужно подбрасывать, а не стонать, что он прогорает. Человек постоянно учится. Облачко дыма, благовонно пахнущее сушеными сливами, просветляет мой разум, и я вдруг отчетливо осознаю свою глупость. Мне даже не хочется комментировать собственное состояние.

Я встаю и длинными шагами направляюсь туда, где произошла битва.

Люди Огня ушли живыми трупам, воскрешенными холодным

туманом. Ушли, оставив лежащую на камне флягу, плащ того огромного воина, его шлем, все еще валяющийся на тропинке, но прежде всего – мечи. Два меча, невероятный я кретин.

Они коротковаты, качество клинков вызывает, скорее, мысль о садовом инвентаре, а не о произведении кузнечного искусства, и все же это – оружие.

Я поднимаю меч, принадлежавший первой жертве моего Нордланда. Оружие большого бородача. То самое, которое схватил воин, когда его клинок переломился от удара. И еще один, другого Человека Огня. Рядом с рукоятью по-прежнему лежит его рука, зеленоватая и покрытая муравьями.

Я подхожу к краю пропасти и нахожу запутавшийся в корнях плащ мальчишки. До него непросто дотянуться, но хватит малости скалолазания и длинной палки с сучком на конце.

Плащ Змея послужит мне, чтобы изготовить одежду. Простейшую в мире. Килт.

Хватит отрезать полоску соответствующей длины, обернуть бедра, перебросить через плечо и укрепить ремешком от фляги. Остаток плаща я режу, посередине проделываю треугольное отверстие, куда засовываю голову, и импровизированную – под пончо – блузу связываю под мышками кусочками ремня. Плащ огромного воина великоват и из хорошей ткани, а потому я набрасываю его на спину. Все тряпки, которые у меня на теле, жестки от ледяной влаги. К тому же плащ обоссан волком.

И, естественно, я забираю осиротевшую стрелу, воткнувшуюся в ствол, а еще – шлем бородача.

Базовым приготовлением к искусству выживания является так называемый «тест кирпича». Умение придумать, что можно сделать с любым случайным предметом, например, с кирпичом – кроме строительства домов, ясное дело. Такой шлем – одновременно котелок, подручная наковальня, таз, примитивный щит, кастет, маска, непромокаемая шляпа и так далее. Достаточно подумать.

Я забираю даже клочья тряпок и фрагменты пояса, из которых нарезаю ремешки. Из кусочка голенища делаю мешочек, в котором размещаю все находки, и привязываю его – наискось – через грудь.

А потом ухожу.

Схожу тропкой, что ведет вниз, на север. К Земле Огня.

Я ухожу, даже взглядом не попрощавшись с прижавшимися друг к другу вершинами, презрев собственные экспрессивные памятники и деревья, что напоминают выгнутые фигуры Драккайненов, замерших в танце святого Витта. Оскользываюсь на мокрых камнях, спотыкаюсь о

корни. Я одет в лохмотья, но жив.

Я слаб как младенец, меня сотрясает дрожь, я умираю от голода. Но я жив.

Я жив и еще посражаюсь.

На дно долины, к шумящему между хвойными кустами и скалами потоку я схожу больше часа и едва держусь на ногах. Пью воду – на четвереньках, словно конь, осторожно, чтобы не вызвать заворот кишок. Вода ледяная, и судороги сотрясают мои внутренности, пустой желудок выворачивается, я едва сдерживаю рвоту. Плещу в лицо и некоторое время сижу на мху, дожидаясь, пока дыхание выровняется.

Я все еще ощущаю направления в голове или это иллюзия? Мне кажется, я знаю, где находится страна Людей Огня, где стоит адский босховский Диснейленд, возведенный ван Дикеном, и где высится его безумный Замок Шипа. Вот только это может быть иллюзия. Я не могу активировать цифрал. Опасаюсь, что тот остался в дереве. В том дереве, которое было мною. Может, его сожгла молния? Откуда мне знать, какова механика гребаного чуда?

Потом я иду по течению ручья, дном долины, среди встающих по сторонам скал, среди мороси и – порой – криков воронов.

Иду.

Первых людей я встречаю около полудня. Мертвых.

Сперва я вижу волка. Он серый и огромный, напоминает теленка. У него пологая спина, зад низкий, как у гиены, но спина и затылок – высотой метра полтора. Каждая лапа толщиной с мое бедро.

Я делаюсь неподвижен, медленно опускаю ладонь на сагайдак, но вспоминаю, что лук поврежден, и у меня – всего одна стрела. Взрыв, превративший меня в дерево, сбил ролики, переменял натяжение тетивы; в луке, полагаю, сбит прицел. Потому я отвожу руку и тянусь за мечами. Стою и внимательно наблюдаю, с руками, скрещенными на рукоятках. И жду.

Волк что-то рвет – застрявшее между камнями, придерживая лапой, а потом вдруг поднимает огромную башку, ставит торчком треугольные уши. Шерсть его встает дыбом, на спине, словно у ехидны, поднимается несколько вертикальных игл.

Чудовище.

«Волк» – звучит хорошо, но скотинка весит за триста кило. Его череп – полметра длиной.

Из пасти свисает кусок мяса, оторванный миг назад. Но на нем, поспешно проглатываемом, не видно меха. Он покрыт гладкой золотистой

кожей.

Волчара приподнимает губу и показывает мне зубы. Обнажает клыки размером с долото, а те, что поменьше, – с мой большой палец. Весь гарнитур поблескивает под сморщенной верхней губой, из его горла начинает вырываться мягкое рычание, которое больше напоминает львиный рык.

Я стою неподвижно, отчаянно пытаюсь активировать цифрал, хотя мало что выходит. Непросто объяснить, как он работает. В нормальном человеческом организме, пожалуй, ничего не включается по желанию. Вот и обслуживание цифрала – инстинктивное. Происходит само по себе. Нет необходимости ни в заклинаниях, ни в усилиях. Он действует естественно, как гнев или печаль. И все же я напрягаюсь, мои мышцы подрагивают. Я сцепляю зубы, словно могу заставить свой мозг выйти на более высокие обороты.

Волк без усилия, пружинисто соскакивает между скалами и поворачивается в мою сторону, его рычание я ощущаю грудиной, все еще бессильно пытаюсь войти в боевой режим – словно бы отчаянно нажимая на мертвый выключатель.

Он смотрит на меня исподлобья, демонстрируя белый частокор зубов; его глаза гипнотически горят грязным янтарем.

Я гляжу в те глаза и пытаюсь навязать ему свою волю, но это все равно, что желать взять верх над тигром. Это вам не брешущая у калитки дворняга.

Единственным результатом становится струйка горячей крови, что стекает по моему лицу на губы, и ледяная дрожь, сотрясающая тело. Мне вновь становится холодно, теперь, полагаю, главным образом от страха. Я чуть высовываю оба клинка из-за пояса, но чувствую, насколько они смешны рядом с почти полутонной горой мышц и челюстей.

Холод охватывает меня как саван, в висках стучит, я вижу только волчьи глаза – грязно-желтые, пылающие странно разумной жестокостью.

Я чувствую его движения, хотя он не шевелится. Чувствую, что он прыгнет парой длинных перескоков, а потом, на высоте того камня, выстрелит в мою сторону будто ракета. При первом шаге зверя я отпряну влево, оттолкнувшись ногой от камня и брошусь спиной на стену, между тем торчащим камнем и стволом крученой горной сосны. Если я все еще нечто умею и упрусь там ногами, в моих руках уже будут мечи, а он не сумеет меня достать. По крайней мере, не сразу. Нос, горло, глаза. Три быстрых удара, а потом короткий миг, чтобы вползти на спине туда, где еще выше и теснее.

Скажем так.

Вижу я это все в едином быстром проблеске, словно некий расклад. Длится оно долю секунды. Волк смещает центр тяжести, наклоняет голову еще ниже, а я уже знаю, что он прыгнет иначе, что пойдет с другой лапы – и весь расклад молниеносно распадается, замещается другим. Теперь уклонение в другую сторону, поворотом, словно тореадор, перед самими ощеренными зубами, с непростым двойным рубящим ударом. Левая рука – развернутым клинком в глотку, правой сверху в основание черепа, одновременно, как закрывая ножницы. Меняю хват ладони на обратный.

Холод пронизывает меня до мозга костей. На тропинку падает шишка, по склону скатываются мелкие камешки. На миг устанавливается густая, мертвая тишина. Мы смотрим друг на друга.

Вороны, до того ждавшие на ветвях конца волчьего пира, внезапно с криками, панически мельтешащей тучей, взлетают над долиной, а волк начинает отступать. Все время порывивает, но отступает на толстых лапах маленькими шажочками, не спуская с меня глаз.

Проходит минута, волк делает еще несколько шагов назад, а я заставляю окаменевшие мышцы прийти в движение и чуть наклоняюсь в его сторону. Тогда он разворачивается и убегает быстрой рысцой. Это не выглядит как приступ паники, волчара, скорее, производит впечатление того, кто вдруг вспомнил о чем-то важном.

Вороны вновь садятся на ветви, и опять устанавливается тишина.

* * *

Волк исчез. Дракайнен миг-другой постоял неподвижно, потом сполз в траву и с усилием отпустил судорожно сжатые рукояти обоих мечей.

– Ох, мужик... – пробормотал он по-хорватски. – *Piczku materi...* Мужик...

Сидел и глядел, стискивая кулаки, на свои руки, будто не был уверен, что те действуют.

Поток обтекал каменистую отмель, покрытую гравием и валунами; на ней росло рахитичное деревце.

Трупы лежали рядом. Молодой мужчина с жестоко разрубленными шеей, плечом и загривком, мальчишка, самое большее лет десяти, со стрелой, торчащей в затылке, и светловолосая девушка с перерезанным горлом. У всех – вырванные куски плоти из бедер и боков, но это сделали волчьи зубы. Все трое нагие, с руками, выкрученными за спину,

распухшими большими пальцами, перехваченными ремнями, и все лежали друг рядом с другом, ровно уложенные лицами к земле. У них была гладкая кожа, и только на плече мужчины Драккайнен заметил вытатуированный знак, похожий на сложный листок. Но ни у одного не было зигзагообразных змеиных знаков на конечностях или спинах.

Драккайнен присел подле них, придерживая одной рукой сагайдак с луком. Осторожно повернул к себе бледное, размокшее лицо девушки, с синими губами и матовыми глазами. На камнях крови не было. Края раны выпуклые и бледные.

Драккайнен поднялся и, склонившись, прошел быстрым шагом вдоль ручья, затем – медленно – вернулся назад, почти нюхая землю, перевернул пару камней, легонько провел пальцами по песку и гравию, словно читая знаки некоего тайного текста.

– Убили вас не здесь... – пробормотал он. – Привели по руслу ручья. Девять конных Змеев на странно подкованных лошадях и с десятков крабов. Вели пару тяжелых повозок, с одиночной упряжкой, не лошадей. Животные были массивнее и медлительнее. Повозки застревали на камнях, а потому вам разрезали ремешки на больших пальцах и приказали толкать. Было вас восемь человек. Здесь воз крепко засел и начал переворачиваться. Строй растянулся и разорвался, всадники сгруппировались вокруг повозки и принялись подгонять вас кнутами или чем-то таким. Кто-то упал и оставил след крови на камне. И тогда мальчишка бросился наутек. Туда... И туда... Потом берегом. Стреляли дважды, но промазали. Достали только здесь, на пляже. В затылок.

...Он упал на колени, и тогда кто-то из Змеев поймал его каким-то лассо или бичом за шею. А потом поволок, умирающего, на отмель. Тогда ты бросилась на ближайшего всадника, но он тебя отогнал. Ты прыгнула еще на одного. Сумела стянуть его с коня и повалить, когда тебя рубанули. Высоко, с седла. Ты заслонила предплечьем. Тот, на кого ты напала, освободился и перерубил тебе плечо. Второй конный ударил снова и перерубил шею. Потом вас отволокли на отмель. Но сперва, – обратился он к мертвой девушке, – он изнасиловал тебя и перерезал горло. Другой еще был жив, умирал от потери крови, но ему приказали смотреть. Когда ты умерла, они положили вас здесь. А повозки отправились дальше. Прямо в Музыкальный Ад. Везли, например, мясо, железо, шкуры, соль и селитру. Может, больше пушечного мяса для нашего колдуна из Амстердама. Для безумца и социального экспериментатора, которому захотелось войны.

Вуко поднялся и обтряхнул колени.

– Пожалуй, мне стоит изменить путь. Слишком тут серьезное

движение.

И все же он пошел вдоль ручья.

Примерно через километр склоны понизились настолько, что можно было свернуть в лес. Он шел, будто старик, отдыхая каждые несколько метров. В лесу Драккайнен некоторое время рылся в подлеске, наконец нашел растущие прямо из земли папоротники, немного похожие на пальмовые листья. Постанывая от усилия, он вырвал их, а потом снова отдохнул, тяжело дыша и опершись о ствол. Отрубил папоротнику листья, оставив лишь толстый крученный корень, который он оскоблил ножом до белых внутренностей. Нашел неглубокую котловинку с видом на дорогу, что вилась дном ручья, и сел там, хрупая свои корешки. Старался жевать неторопливо, но ему все равно приходилось сдерживаться, чтобы не проглотить их целиком.

– *Jebem ti duszu*, что за мерзость, – проворчал он. – Еще и рыбьим жиром воняет.

Позже он выполз из котловинки поискать больше папоротников.

Они ехали шагом, хрупая бронированными лошадьми о камни на осыпях; уставшие, увешанные оружием, в странных черненых доспехах. Кони, закрытые броней, вызывали в памяти рисунки глубоководных рыб. Вокруг вставал туман, последний из всадников держал бунчук, увенчанный черепом с длинными волосами, его древко оплетали танцующие змеи, как на адском кадуцее. Руки всадников украшали зигзагообразные татуировки, напоминающие колючую проволоку.

Люди-Змеи.

Драккайнен лежал на земле совершенно неподвижно, укрытый своим плащом, лицом уткнувшись в пахнущую грибами листву, и мечтал о ручном гранатомете. Керамическом, со шрапнелью.

Их разделял десяток шагов, а он лежал на обочине, скрытый листвой, в нескольких метрах над их головами, во тьме бора. Если не выпадет невероятное невезение, или если он сам не сделает никакой глупости, они не должны его заметить.

Один из Змеев отозвался резким приказным тоном, и Драккайнен едва не поднялся из укрытия. Ему ответил второй, и оба рассмеялись, но слова звучали так, словно на гравиевое дно ручья падали бильярдные шары или словно кто-то сунул металлический прут в спицы колеса. В звуках, которые Вуко слышал, не было ничего подобного понятным словам. Только скрежещащее лопотание, гортанные вскрики и угловатое гроыханье чужого языка.

Он ничего не понимал.

Ничего.

Змеи говорили на языке Побережья Парусов.

На языке, который недавно звучал для Драккайнена так же естественно, как и языки Земли, а теперь он был понятен не больше звуков, издаваемых китами, или волчьего воя.

Ему казалось, что он никогда не смог бы воспроизвести и, тем более, запомнить услышанное.

Всадники проехали, установилась тишина. Драккайнен уселся в котловинке и завернулся в плащ. Сидел неподвижно, двигалась лишь рука с ножом, скребущая съедобный корень папоротника. Медленно, с болью, поверхностной систематичностью. Бесконечно. Наконец он выскреб корень в лохмотья, воткнул нож в землю под ногами и продолжил сидеть.

Сидел долго.

– Ладно, драть все это, – сказал он лесу. – Я могу действовать с голой жопой, без меча и подмоги. Но с пустой башкой я не справлюсь. Мне жаль. Конец миссии.

Он сжал зубы и влупил затылком в ствол.

– Нужно всего-то пробиться к дому Грюнальди, где я ни с кем не смогу договориться, отыскать радиолярию и вызвать эвакуационный паром. Сори, Последнее Слово, но лучше сматывайся из страны. Мой земляк, увы, стал каким-то всемогущим гребаным магом и расхреначит вам тут все в пыль. Умеет превращать людей в деревья, оживлять трупы и духов, летать по воздуху – истинный Носферату. Потому садись на корабль, дружище, и ухреначивай, прежде чем он превратит тебя в картинку Босха, Брейгеля или Пикассо. А паром – либо прилетит, либо нет. Миссия у меня нелегальная, дружище. Если возвращаешься с пропавшими без вести, могут за тобой и прилететь. Эвакуация ученых хоть как-то оправдывает нарушение инструкций. Ценная информация тоже оказалась бы весомым аргументом. Можно вытянуть агента потихоньку, стоит рискнуть. Но за засранцем, который испортился, ничего не сумел сделать и ни о чем не узнал, паром никто не пришлет.

Он сжал веки и снова ударил затылком в ствол, так, что загудело.

– Включись, стерва!

А потом снова замолчал.

Наконец сплюнул, поднял нож, вытер его о килт и аккуратно вложил в ножны.

Встал, перетянулся своим свертком, набросил на спину плащ и пошел через лес, вдоль ручья. Осторожно и как можно тише.

Раз-другой он останавливался, тревожно поглядывая через плечо, с

ладонью на рукояти меча.

Встряхнул головой и отправился дальше.

Присмотрел себе не слишком отвесный склон рядом с устьем долины, километрах в полутора, и решил туда добраться. Взгляд с высоты мог дать понимание, верно он оценивает направление или ошибается. Мог помочь выбрать путь и начать интересоваться местом для ночлега. В нормальных условиях, имея доступ к воде, Драккайнен мог не есть неделю, но он и понятия не имел, в каком нынче состоянии. Ощущал себя странно и, сказать правду, не очень хорошо. У него кружилась голова, и потому каждые несколько сотен метров приходилось усаживаться, отдыхать и ждать, пока успокоится сердце.

По крайней мере, он чувствовал, что сердце у него бьется, что оно не разодрано копьем в клочья. Отирая мокрое от пота лицо, чувствовал, что это нормальная человеческая кожа, которая потеет и мерзнет, царапины на которой кровоточат. Кожа, а не одеревеневшая жесткая кора.

Некоторое время Драккайнен видел в уголке глаза какие-то плавающие пятнышки света, почти за гранью зрения. Мороки. Это могло означать усталость, слабость или истощение. Что хуже, они появлялись и исчезали, но каждый раз движение на краю зрения вызывало тревогу. Будто нервы и так не были на пределе.

Через несколько сотен метров он решил, что это не просто мороки и забеспокоился всерьез.

Эффект не напоминал серебристые искры, что беспомощно плавали по краю поля зрения. Скорее это было похоже на световой блик. Солнечный зайчик, пущенный зеркальцем, но казалось, он обладает собственной волей и специально поддразнивает, подкрадывается со стороны, а затем, при малейшем движении головы, сбегает.

Когда Драккайнен сошел в долину и двинулся в сторону встающего перед ним склона, он видел это чуть ли не постоянно. Световое пятнышко, движущееся параллельно ему. Мог наблюдать за ним краешком глаза, одновременно глядя вперед, а потому заметил, что солнечный зайчик, который должен оставаться лишь сбоем зрения или секундным обманом сетчатки, прячется за стволами деревьев и скалами, что, пробираясь между камнями, освещает их небольшим пятнышком света, как фонариком, что в свете том травинки и камешки на миг обретают дополнительную тень.

Он всматривался в скалы и изломы, пытаясь заметить шутника, пускающего зайчиков. Кто-то мог хотеть обратить на себя его внимание без криков — достаточно безрассудных в горах, где продолжалась то вспыхивающая, то угасающая война. Хватило бы поймать отблеск солнца

на клинок ножа или на край щита. Только, во-первых, тогда попытались бы светить ему в лицо, во-вторых, не стали бы прятаться, и, в-третьих, нынче было пасмурно.

Это исчерпывало список разумных объяснений, а потому Вуко просто шагнул дальше.

Дорога, которую, похоже, облюбовали штурмовые отряды ван Дикена, не была лучшей трассой, и Драккайнен хотел побыстрее с нее сойти.

Остановку он сделал на середине пути к вершине, в довольно густом лесу, среди скал и папоротника.

Драккайнен снял шлем, развязал плащ, влажный на спине от пота, и уселся на поваленном дереве, осторожно попивая из трофейной фляги. Пятнышко яркого света все еще мелькало где-то с краю зрения, но он старался в него не всматриваться.

Сперва нужно добраться наверх и найти укрытие. Потом добраться до Земли Огня, отыскать Ядрана и оборудование. По дороге немного обучиться языку. Позже – прибраться за ван Дикеном и разобраться с тем, что тот натворил. Поглумиться над трупом и отлить на его могилу. Затем найти и эвакуировать остальных. Вернуться на Землю. Полно работы. К окулисту и неврологу он мог сходить, только закончив все дела, потому нынче не оставалось времени на какие-то световые феномены.

Когда она пронеслась в воздухе и повисла в полуметре от его лица, похожая на ожившую куклу Барби, охваченную переливами света, он как раз отпивал из фляги.

– Может, тебе пора начать думать, безмозглый ты мясник? – спросила она по-английски и довольно раздраженно.

Попытка заорать с полной глоткой воды дает единственный эффект: можно захлебнуться. Драккайнен фыркнул и с каким-то удивительный взвизгом свалился, надсадно кашляя, со ствола, навзничь.

Вскочил он еще быстрее, облившись из баклажки. Отсвечивающая фигурка маленькой девушки отлетела чуть дальше и снова повисла в воздухе, скрестив ноги в щиколотках. Она была голой, светящейся, сантиметров тридцати ростом, с золотыми волосами. Не блондинистыми, а металлически золотыми, похожими на тонкие проволоочки. Золотым был и кустик волос на ее лоне. Она обладала микроскопическим пупком, едва различимыми ноготками и маленькими, будто головки шпилек, выпуклыми сосками на грудях, размером с вишенки.

Драккайнен откашлялся, после чего вытер лицо и глаза.

– А любой бы сбрендил, – сказал сдержанно. – Это был непростой день. Я воскрес, едва держусь на ногах, вчера еще был деревом, узнал, что

утратил все навыки, даже языка не знаю, странствую с голой жопой по горам, обернувшись в кусок плаща, на ногах у меня – остатки кожуха. Впрочем, что я знаю о чудесных воскрешениях... Может, просто нельзя не сбрендить. Но отчего у меня не может быть человеческого бреда? Вот ведь, *piczku materinu, perkele saatani vittu, zaszto Disney?*

Он помассировал веки, словно желая воткнуть глазные яблоки поглубже в череп.

А потом снова открыл глаза.

Маленькая феечка все так же висела перед ним в воздухе, с ручками, заброшенными за голову и с одним подтянутым к груди коленом. Он сумел отметить, что черты ее лица человеческие. Незнакомые, но человеческие. Строго-красивые, как у модели.

– *Sug elg y helvete*, – произнес Драккайнен по-фински, хотя и грубо.

Она развернулась на месте, после чего оттопырила в его сторону маленькую круглую попку и профессионально, точно стриптизерша, крутанула ею.

– Насмотрелся? Может, мне у шеста потанцевать?

– Подрасти раз в пять – и я найду для тебя применение. Я понимаю, мое подсознание дает мне понять, что я эмоционально незрел. Взрослый, ответственный мужчина не соглашается на участие в тайной программе и не покидает орбиту Земли. Впрочем, мне об этом говорили всю жизнь. Синдром Питера Пэна, и все такое. Отсюда и Динь-Динь. Нахер, Динь-Динь. Скажи Капитану, чтобы подтерся крюком. Доброй ночи.

Он взмахнул рукой, но она ловко отскочила и встала на торчащей из ствола ветке. Окружающий ее переливчатый отсвет оказался парой быстрых, опалесцирующих крылышек, похожих прожилками на стрекозиные, но в форме тех, какие можно видеть у больших тропических бабочек. Она распростерла их и теперь мерно ими двигала, совершенно как бабочка.

– Лапы, селюк, при себе держи! Можешь смотреть, но не прикасайся. А если не хочешь меня, зачем звал?! – Последнюю фразу она уже выкрикнула, а потом стала плакать. – Сказал на меня – стерва... И еще – чтобы я с лосем... – всхлипнула.

Драккайнен смотрел на это равнодушно, с абсолютно неподвижным лицом.

– Ты – цифрал, – произнес он мертвым голосом и – третий раз в жизни – потерял сознание.

Я прихожу в себя парой минут позже. Над головой – частокол стволов, слабый свет мрачного дня разрезан ветвями, подо мной – каменистая почва, подлесок, полный шишек. В желудке скверное, давящее чувство, несущее ощущение болезни.

И еще – этический закон в сердце.

Я перекатываюсь на бок и тяжело встаю. Надо взобраться на вершину.

Кошмар все еще горит у меня в мозгу, но я не вижу вокруг ни огней, ни фей. Стараюсь не думать об этом. Это больше меня.

Я сошел с ума. Абсолютно. Видение, бред, *welcome to Cockooland*. А может, цифрал уцелел. Уцелел, перестроившись в нечто такое вот. Я утратил контроль над телом, гиперэдреналин, тактические возможности, умение фехтовать, искусство сражения и знание языка, но получил дурацкую феечку, летающую вокруг моей головы с кретинскими комментариями. Сам не знаю, какой вариант лучше.

Займусь этим позже.

По очереди.

Это больше меня. Просто-напросто случаются такие дни.

По дороге я вырезаю себе приличный посох. Не те времена, когда я прыгал по горам, что козочка. Теперь я едва перебираю ногами и опираюсь, словно пилигрим, на посох.

Марш мой монотонен и мучителен, но позволяет использовать мозги. Собираться с мыслями, делать выводы. Например, примем как рабочую гипотезу, что меня и вправду временно превратили в дерево. Но можно предположить, что я был загипнотизирован. Провел некоторое время, торча на вершине горы, погруженный в кататонию, а все остальное – просто бред. Так значительно гигиеничнее. Но это не объясняет копыя.

Я вижу заросший продолговатый след посередине грудной клетки, помню агонию, все время чувствую легко узнаваемую, тянущую боль, что сопровождает заживление, только пульсирует она где-то внутри меня, стегая органы, которые не имеют права так заживать. И все же заживают. Сердце работает, я чувствую это, особенно бредя шаг за шагом вверх по лесистому склону; оно все еще лупит внутри меня, как затягивающаяся рана. И эта тлеющая на грани ощущений тянущая боль проникает сквозь ребра и легкие, отдается в лопатке. Ровно там, где проходило древко. А если меня действительно превратили в дерево, можно понять, отчего я не умер. Согласно некоей кретинской логике, это объяснимо. Спас меня ван

Дикен. Переусердствовал. Проткнул копьем, но наложил на меня нечто, что – в рабочем порядке и с отвращением – я готов назвать заклятием. Прежде чем умереть, я успел стать деревом. И не умер потому, что деревья не умирают из-за повреждения ствола. По крайней мере, не сразу. Дерево может умереть от болезни, недостатка света или воды. Корневая система может не пережить, если срубят ствол, но порой она способна породить следующее деревце. Оттого я, как дерево, выжил.

Но если бы я каким-то чудом, проявляя знание, волю и умения, которыми не обладаю, поскольку слишком прост, сумел бы перепревратиться в человека, я стал бы человеком, пробитым копьем. Пробитым смертельно. Двойная страховка. Но когда я был деревом, Воронова Тень вырвал из меня копье, и потому я проснулся живым. *Quod erat demonstrandum.*

Раненый, больной, бредящий – но живой. Очередной вопрос: что вытащило меня из ствола? Воронова Тень сказал, что никто не сумеет сделать это, лишь я сам. Будто сквозь туман я помню, что пытался. Помню усилие и какие-то кошмары. Ночь, волки и дождь. Но также помню, что не справился.

Кажется.

Я выхожу из леса и бреду вверх, через луг, поросший острой сероголубой травкой. Опираюсь на посох, упираюсь в колени ладонями и бреду вверх по склону, к вершине, которая, кажется, лишь отдаляется, словно гора растет по мере того, как я на нее поднимаюсь.

На вершине, среди рассыпанных вокруг светлых меловых скал, я сперва тяжело сажусь, а потом подставляю потное лицо под холодный осенний ветер. Трава на склоне пахнет тяжело и медово, аромат вдруг напоминает мне ренклюд. Сладкий зеленый ренклюд в сиропе, который продавали в банках во времена моего детства. Мечтаю о ренкловом компоте и о пряниках. Соединение этих вкусов кажется мне чем-то совершенным. Я убил бы, чтобы сожрать литровую банку ренклода, заедая глазированными польскими пряничками. При мысли об этом мои челюсти сводит судорога.

Тут нет ни ренклода, ни пряников. Есть только глоток тепловатой воды из воняющей козлом деревянной баклаги.

А потом я поднимаюсь и гляжу в сторону, откуда пришел.

Вершина моя не очень высока, но вид с нее открывается недурственный. Горы встают вокруг мрачным гранитным поясом с северо-востока дугой на запад. Оттуда я пришел.

Кажется, я вижу плечи и руку Плачущей Девушки, а за ней –

идиотский шар на колонне, назовем его, например, Глобусовый Верх, шип, протыкающий шар. Дальше к северу он тонет в тумане и вливается в низкие тучи. Все это, как мне казалось, находится несколько в стороне от моего положения и значительно дальше. Где-то справа должна находиться долина, ведущая в Сады Наслаждений, а за поворотом – к Музыкальному Аду и Замку Шипа.

Туда я должен вернуться, хотя от одной мысли об этом по телу бегут мурашки. Вернуться как тайному убийце.

Меня охватывает гнев. Не столько на прибабахнутого ван Дикена, сколько на себя. Воронова Тень был прав. На что я рассчитывал? На эффект неожиданности? Мое поведение можно объяснить лишь тем, что я не в состоянии принять чудеса. Просто не могу. Это глупо. Я смотрю на вращающиеся элементы железного замка и вижу машину. Не больше. Отчего-то это кажется мне более рациональным, хотя этот мир дремлет в вечном средневековье и здесь нет технологий, которые позволили бы выстроить нечто подобное. Чутьочку магии – и я сразу чувствую себя идиотом.

Я смотрю в сторону Земли Огня и вижу размытые столпы дыма, мне кажется, что ветер несет отвратительный смрад выпущенных кишок и свежей крови, смешанный с тяжелым запахом пепелища. Мне кажется, я слышу крики, но это не более чем фантазия. Я просто-напросто знаю, как воняет на месте резни. А при всей здешней сказочности – резня тут правдива. Несмотря на чары, кровь здесь проливается настоящая.

И я понял еще, что я словно бушмены, которые не принимают во внимание существование вертолетов, ноктовизоров и автоматов. Они видят ночью и у них есть копья, которые могут проткнуть человека на расстоянии? Летают по воздуху в железных ящиках? Сказки!

Однако мое отрицание не собьет вертолет и не спасет меня от очереди из электромагнитного автомата.

Я решил идти на восток и перебраться через цепь более низких гор, что тянулись на северо-востоке. Так я сокращу путь и доберусь до Земли Огня с другой стороны, да и путь будет легче, и подальше от нашего чародея с его веселой компанией. Сегодня – через закрытую лесистыми хребтами долину и ту котловину, скрытую в тумане. А потом придется искать укрытие на ночь.

Во время спуска ноги у меня, кажется, болели сильнее, но в других местах, чем когда я карабкался наверх. У меня все еще дергает ахиллесово сухожилие, которое я повредил до того, как меня превратили в дерево. Вот свинство.

Через какое-то время я снова иду, а собственно – бреду вдоль потока, и тут до меня доходит, что я не рассчитал силы. И доходит только сейчас. Нужно окончательно прийти в себя, выздороветь.

Просматриваю россыпь вымытой гальки, пока наконец не нахожу несколько кусочков кремня. Проверяю их, ударяя о клинок одного из моих коротких мечей, высекаю снопы искр и прячу камешки в узелок.

Будет огонь.

Хорошо бы еще найти что-то, что можно испечь.

Мечтаю отыскать место для ночлега и отдыха, но я еще слишком близко. Знаю это. Просто чувствую.

Не знаю, это предчувствие или просто истерия.

Как это действует? Какие на самом деле возможности у ван Дикена?

Он чувствует меня на расстоянии, как сказочный колдун, сидя на башне и оглядывая горящим, далеко видящим оком горизонты? Передает сообщение в какой-нибудь хрустальный шар? На какое расстояние?

Я иду.

Я иду и мечтаю о еде. Иду вниз, к окутанному туманом перевалу. Тут нет ничего, на что можно охотиться, ничего, что можно было бы сорвать и пожевать. Только несъедобные купы кустарника, похожего на горную сосну, скалы, означенные яростно-желтыми кляксами наростов, что выглядят так, будто кто-то обрызгал их краской, а еще – клубы тумана. Я иду на перевал, сражаясь с рвущимися от боли мышцами, а перед моими глазами стоят *dagnje na buzara* с аппетитно раскрытыми раковинами, плавающими в отваре из олив, чеснока, трав и белого вина. Или *janjetina iz rod reke*, пахнущая тимьяном и чабрецом, среди золотистых луковичек и булькающего соуса.

Чем ближе перевал, тем холоднее становится. Туман окружает меня густыми, как вата, влажными клубами, вокруг маячат только скалы.

Нужно взойти на перевал, а потом спуститься вниз, в долину. Я не проживу до утра среди этих скал. Тут нет деревьев, нет воды, не из чего сделать шалаш, нечего есть. Придет осенняя ранняя ночь, и до утра я замерзну.

Мне уже немного осталось.

Обувка распадается. Мягкая кожа кожуха слабо подходит для подошв. Она разодрана о скалы, и внутренности мокасинов медленно пропитываются кровью.

И все же я иду.

Я вспоминаю свои сапоги. Никогда не любил ходить босиком. В Гваре я и к морю выходил в специальной обуви из пенки и пластика. Везде

скалы и морские ежи. Кто хоть раз наступил на ежа, уже никогда не войдет в море босиком. Дома у меня – целый куль старой обуви. Сбитой, немодной или просто-напросто той, что мне надоела. Любую бы сюда. Хотя бы лакированные туфли. Старые резиновые сапоги. Кеды. Что-нибудь.

На перевале я останавливаюсь и гляжу вниз. Долина, большая и округлая, раскидывается передо мной, напоминая миску с молоком. Она наполнена туманом. Ее окружают зубастые валуны, ощеренные словно края щербатого глиняного кувшина. Но делать нечего. Я должен сойти вниз, в этот туман, пробиться сквозь долину. Что бы оно там ни было.

Ветер бьет мне в лицо. Ветер со дна долины, из-под белого кожуха тумана. Тяжелый запах сероводорода и немного – гнили.

Я схожу. Осторожно, шаг за шагом, опираясь на скалы и хромая на раненых ногах.

Смрад становится отчетливее. Я минуя булькающие озерца, среди скал мелькают странные, мутировавшие деревца. Печальное место.

Туман немного расступается. Он все еще скрывает окружающие долину хребты, заслоняет небо, но чуть развидняется. Недавно я видел метра на два, теперь мой взгляд уходит на полсотни.

Я спускаюсь в котловину, минуя группы скал, похожих на рассыпанные, выбеленные солнцем кости. Вот торчащие в небо частоколы ребер, огромные, словно элементы каких-то конструкций. Единожды пробудившись, игра воображения не может остановиться. Я минуя ряд камней, стоящих один за другим, и мне кажется, что они выглядят как упавший и рассыпавшийся спинной хребет. Я отчетливо вижу отдельные позвонки, из каждого можно соорудить табурет. Чуть поодаль замечаю совершенно явственный череп, огромный, словно кабина военного грузовика. Все это призрачно расплывается в клубах тумана.

А потом я слышу откуда-то издалека плач, будто звук неисправной сирены. Не знаю, труба это или, может, животное. Я никогда не слышал ничего подобного.

Поэтому иду осторожно и тихо, от укрытия к укрытию, непроизвольно пытаюсь запустить цифрал, хоть и знаю, что мне это не удастся.

Крадусь, выглядываю из-за скал, проверяя местность, прежде чем идти дальше.

И тогда я вижу дракона.

В первый момент я принимаю его за скалу, но скала шевелится и через несколько шагов оказывается бесформенным, подобным динозавру созданием с зубастой пастью; тварь стоит на задних ногах.

Я не в состоянии ни испугаться, ни заорать, ни убежать. Прежде чем

успеваю сообразить, что вижу, падаю, перекатываюсь за скалы и делаюсь неподвижен. Мгновенно. Просто-напросто исчезаю с тропинки.

Понимаю, что из обучения, похоже, кое-что сохранилось, лишь когда гляжу в ту сторону.

Животное не слишком велико. Метра четыре в длину, не считая хвоста, но это – архетипичный дракон. Довольно длинная шея, башка рептилии, гребень костистых отростков, хвост. Ну – дракон драконом.

Собственно, виверна.

Нас разделяют метров тридцать.

Я лежу. Жду.

Чудовище выпрямляется, запрокидывает голову и раскидывает крылья. Банальные, каких и стоит ждать от дракона. Нетопырные, кожистые крылья, растянутые на костном скелете. Он раскрывает их медленно, с усилием, и я вижу, что только одно крыло нормальное, второе – деформированное, частично срослось с редуцированной передней конечностью, скрученной и будто высохшей.

Дракон открывает пасть и издает ужасающий рык. Высокий, стонущий, подобный скрипу огромных ржавых ворот. Из тумана отвечают подобные звуки, все – ужасно отчаянные, словно больные.

Виверна внезапно бьет крыльями, как лебедь, усохшее двигается конвульсивно и жалко, но даже если бы они оба развернулись правильно, не подняли бы дракона в воздух. Весит он, полагаю, с тонну. Тонна мяса и костей. Даже если бы его наполнял чистый гелий, не полетел бы. Крылья, разверни он их, раскинулись бы метров на пятнадцать. Возможно, он сумел бы некоторое время парить, но я сомневаюсь.

Создание тем временем исторгает громкий рык и все отчаяннее бьет крыльями, скорченное, начинает разворачиваться и распрямляться, зверь берет короткий хромающий разбег. Я сжимаю зубы, поскольку хочу, чтобы законы физики и биомеханики выиграли. Не хочу видеть, как бочковатое тело отрывается от земли и криво, приняв во внимание неразвитое крыло, но все же летит. Потому что, типа, магия.

Я не согласен.

Предел веса создания, которое может подниматься в воздух благодаря силе мышц, – примерно двадцать килограммов. Больше мышц – больше массы и скелета, а это значит – больший вес. И опять нужно больше мышц. И так должно быть. Даже если у этой скотинки другие мышцы и другая биохимия, тогда, скажем, и предел раза в два больше. Но не в двести же!

Логика должна сохраняться. Драконов нет. И так должно быть.

Он бьет крыльями, я чувствую порывы ветра, он прыгает между

камнями все быстрее, я корчусь, поскольку вижу, что он пробежит в паре метров от моего укрытия. Дракон делает прыжки все длиннее, совсем как взлетающий лебедь, наконец раскрывает крылья и, ударяя ими с сильным шумом, поднимается в воздух.

Пролетает четыре, может, пять метров, после чего с шумом валится на скалы и осыпи на дне долины. Я слышу грохот, чувствую дрожь земли, между скалами поднимается столб пыли.

Физика – один, магические бредни – ноль.

Я пережидаю минутку и прокрадываюсь к месту катастрофы.

И нахожу бойню. При столкновении со скальными глыбами тварь разбрызгалась, как арбуз. Теперь она – куча давленного мяса, сломанных костей, что торчат во все стороны из массы, будто иголки. Тварь еще жива, большой глаз медленно затягивается подрагивающей белесой пленкой, которая раскрывается по-птичьи, снизу. Из полной сломанными зубами рептильной пасти на скалы льются каскады крови. В воздухе стоит смрад. Из уголка птичьего глаза медленно сползает бесцветная жидкость.

Виверна умирает.

И плачет.

Я ухожу.

Снова пытаюсь воззвать к боевому режиму, как если бы я беспомощно взывал к молчаливому Богу, и всматриваюсь в туман, не снимая ладони с рукояти меча.

Проклинаю туман, проклинаю идею идти через эту долину, а более всего проклинаю сказки.

И иду вперед. Беспомощно взывая к цифралу.

* * *

Он увидел ее в самый неподходящий момент. Выходя из кустарника, чтобы осмотреть очередной кусок пути. Следующие десяток-другой шагов надо было преодолеть осторожным бегом на полусогнутых – до следующего укрытия.

Она сидела на камне отвернувшись, рядом с его лицом, и разглядывала ногу, упертую в колено – будто занозила пятку. Радужно переливающиеся крылышки, сотканые из сияющих перепонки, легонько двигались.

– Я с тобой не разговариваю. Ты мерзкий, – сказала она обиженным тоном.

– *Haista paska*, – непроизвольно выдохнул Драккайнен.

– И вульгарный.

Он смотрел, как она улетает, похожая на героиню дурацкого комикса. Крылышки двигались так быстро, что превратились в отсвечивающий бликующий фон. Феечка сплела стройные ножки в щиколотках, будто сидела на качелях. Она приземлилась на вывороченном стволе среди скал, в идеальном месте для следующего укрытия, в десятке шагов дальше.

Он добежал туда и снова рухнул, борясь с присвистывающим дыханием. Она сидела спиной, надутая; ее маленькая попочка, размером со зрелую сливу, находилась в паре сантиметров от его носа.

Недолго думая, Драккайнен наклонился и хотел вывалить язык, но не успел. Цифраль встала и оттолкнулась от ствола, будто прыгала в воду, а затем перелетела на новое место, как сотканный из света мотылек.

Он сперва – из чувства противоречия – хотел занять какое-то другое место, но, увы, идеальным укрытием было это. Спрятанное во встающих горных соснах, среди скал – то, что нужно.

Драккайнен переместился туда и повалился, одной рукой придерживая болтающийся на боку узелок.

На дне долины отсвечивало круглое озерко – словно темное зеркальце. Пруд, занимающий середину котловины, с полкилометра в диаметре. Наверное, поскольку второй берег тонул в тумане. Вода булькала, над ней поднимались клубы пара; она была темного, неприятного кофейного цвета, и только подле самого берега, на скальных отмелях, желтовато отсвечивала.

Черная вода. Выглядела неаппетитно.

А в воде лежал еще один дракон. Этот был огромен, башка на длиннее высовывалась на берег метров на пятнадцать, раскинутые кожистые крылья подошли бы и для крыши над баварским пивным шатром.

И этот тоже подышал.

Его бока тяжело вздымались, тварь сражалась за каждый вдох; на продолговатой морде двигались ноздри, выдувая клубы пара. Крылья легонько двигались, вздымая волны, но над водой не поднимались. По хребту виверны прохаживалось несколько воронов, бессильно поклевывая ороговевшие чешуйки.

– Ты слишком велик, – прошептал Драккайнен. – Потому не можешь встать. Не можешь дышать. Сердце не в силах гнать кровь. С чего ты так вырос? В этой воде? Крылья у тебя прилипли поверхностным натяжением. Как паруса опрокинувшейся яхты. Ты не сможешь ими шевельнуть.

– Начинаем немного думать? – ядовито спросила Цифраль, все еще отвернувшись.

– Я начинаю думать. Ты же – лишь анимированное проявление

шизофрении.

Он обошел дракона по широкой дуге, проползая среди зарослей горной сосны, неохотно пользуясь теми местами, где приседала Цифраль. А из очередного своего укрытия заметил людей.

С десятков-полтора неимоверно оборванных и бородатых Людей Огня, толкавших огромный закрытый фургон с надстройкой, прошитой железными полосами, как бронированная повозка, набросанная пьяным Леонардо да Винчи. Вокруг стояли Змеи. В своих черных одеждах, вооруженные копьями, под предводительством огромного толстого типа, одетого в меховые штаны и высокие, солидные сапоги. Лысый череп прятался под кожаным капюшоном, доходившим до самого рта, плотным, с прорезями для глаз. Мощные предплечья оплетали змеиные зигзаги татуировок.

Группка толкала фургон по тропе вокруг пруда, остановилась в нескольких шагах от воды. Скрипнули завесы, размещенная впереди рампа отвалилась со звоном цепей.

Драккайнен окаменел, внимательно всматриваясь между скалами и кустами горной сосны.

Гигант в кожаном капюшоне проорал некий приказ. Толкавшие фургон люди отступили и один за другим присели, сплетя руки на затылке. Змеи сняли с борта фургона примитивные жестяные заслоны, окружили рампу полукругом, выставив копья. Лысый толстяк что-то хрипло крикнул, похоже, приказывая одному из невольников войти. Тот поднялся по наклонной плоскости на подгибающихся ногах, потом раздался звук, словно железная куча обрушилась на деревянный пол, а человек выскочил изнутри как ошпаренный, волоча за собой длинную цепь, которую тут же перебросил через большое железное кольцо, висящее посередине рампы. Цепь у него отобрали и приказали присоединиться к сидевшим на корточках.

Еще один крик, и щиты встали полукруглой стеной. За цепь потянули.

Из повозки вышел привязанный к другому концу цепи еще один дракон.

Совершенно другой. Похожий на варана или пятиметровую агаму, с яркой оранжево-зеленой спиной, на которой торчало несколько рядов зубастых отростков. Гад распластался на рампе, но когда его дернули за цепь, внезапно приподнял плоское тело и сбежал вниз, между копейщиками.

Драккайнен немного подтянулся, поскольку видел только спины людей и их баклеры, но потом вдруг понял, что Змеи дразнят дракона. Животинка

крутилась то в одну, то в другую сторону, предупреждаяще шипя, копейщики кололи ее и прятались за щитами. Дракон нападал, но цепь застряла в заушине, натянулась, и весь фургон на добрый метр проволокся по гравию.

Зверя снова укололи, теперь с другой стороны, и создание вновь яростно развернулось, оскаливая ряды совершенно идентичных зубов и шипя, будто компрессор.

Щиты с грохотом ударили в землю, создавая металлическую стену, цепь затарахтела в кольце.

– Что это, *piczku materi*? – пробормотал Вуко. – Коррида?

Внезапно дракон начал менять цвет – на все более яркий – и потеть крупными маслянистыми каплями. Он как-то странно присел и раскинул ярко-оранжевый капюшон вокруг шеи, что заканчивался венчиком шипов.

– Ну, теперь, ребята, вы его разозлили, – заметил Драккайнен.

Тварь принялась судорожно работать боками, словно ее тошнило; ее горло раздулось как оранжевый шар.

Раздался предупредительный хриплый крик. Драккайнен отчаянно пытался различить в нем хотя бы одно знакомое слово, но безрезультатно. Это был звук, напоминавший стук лопаты щебня, ссыпаемого в жестяное ведро – ничего более.

Дракон странно, точно ухмыляясь, раскрыл широкую пасть, а потом брызнул струей какой-то субстанции.

Жидкость полетела в чей-то щит и на камни осыпи, принялась дымиться.

Вторая порция была обильнее и сразу занялась огнем.

Дракон привстал на передних лапах идохнул пламенем.

Драккайнен ошеломленно выругался.

Щитоносцы отскочили в стороны, прячась под металлом щитов, а с приподнятой драконьей морды ударил оранжевый коптящий огонь.

Недалеко. Где-то на пару метров. Пламя не было сильным, но хлестнуло по камням, осмолило скалу и подняло клуб черного, воняющего рыбьим жиром дыма. Дракон надулся снова, издал отчаянный визг. Следующая порция огня оказалась светлее и полетела немного дальше, ударила в щиты. Кто-то бросился наутек прямо в озеро, с боком и одной ногой, обросшими огненным мехом, а дракон внезапно стал корчиться и виться, с полной пастью пламени.

Визг летал над долиной, отзывался эхом в горах. Дракон дергал головой во все стороны, как укушенный осой пес, а гудящее пламя било из его пасти, будто пожар на складе фейерверков. Вдруг голова дракона

взорвалась несколькими струями огня, сноп искр выстрелил из пары мест на хребте; зверь исполнил судорожный танец, чуть не опрокинув повозку, а потом превратился в бесформенный пылающий клубок. Дракон сгорел.

Обожженный Змей выполз на четвереньках из пруда и с трудом начал вставать на ноги.

Остальные отскочили от него, заслоняясь щитами. Он что-то хрипло орал, показывая руки. Толстяк подскочил сзади и коротким ударом всадил ему в спину топор.

Обожженный миг стоял неподвижно, выгнувшись назад и хрипя, а потом его голова поросла колючками. Кто-то подскочил и проткнул его копьем. Древко начало дымиться, а проткнутый человек мигом выпрямился и бросился вперед тяжелым юзом. Ему подбили ноги ударом копья. Он рухнул на землю, встать не сумел. Драккайнен заметил только спины остальных, поднимающиеся и опускающиеся клинки, град ударов, наносимых человеку, корчившемуся на земле.

Дракон тем временем превратился в кучу вонючих обугленных останков, но продолжал гореть.

– Что тут происходит? – недовольно проворчал Драккайнен.

Фургон отволокли чуть подальше от горячей рептилии, невольников снова загнали внутрь. Вуко медленно и осторожно подполз чуть ближе и выглянул снова, заняв позицию получше. Невольники по очереди выходили из фургона, неся корзины, в которых на соломе лежали белые круглые объекты размером со спелые баклажаны.

Осторожно ступая по камням, невольники относили корзины к озеру и опускали в воду. Аккуратно и бережно, пока те не исчезали в черной запруде. Один из носильщиков поскользнулся на мокрых камнях и ступил в воду. Раздался панический крик, пленник выскочил на берег и принялся убегать; его мокрая нога начала пульсировать, словно под кожей что-то клубилось. Бегущий с криком упал на землю, его настигли и рассекли с той же яростной систематичностью, что и предыдущего человека. Драккайнен отвел глаза, сглотнув слюну, но продолжал слышать отчаянный крик, свист раз за разом падающих клинков и хруст рубленого мяса.

Вопль стих.

Рампу подняли, и фургон, хмуро поскрипывая, покатился прочь от озера.

На берегу остался дымящийся, обугленный труп дракона, два кровавых пятна и ни на что не похожие останки невольников.

В месте, где погрузили корзины, вода слегка побулькивала, выпуская фонтаны пара.

– Напомни мне, чтобы я там не купался, – процедил Драккайнен.

Он ждал, пока Змеи уедут. Фургон катился вдоль озера, подталкиваемый пленниками. Из клубов тумана донесся далекий рев умирающего дракона. В остальном царила мертвая тишина. Не было слышно даже вездесущих воронов. Дурная земля.

– А должен был это оказаться путь к землям за Змеями, – прошептал Вуко. – Поздравляю, Драккайнен.

Долина была овальной, окружена негостеприимными скалистыми зубцами. Он мог бы туда взобраться, но в нормальном состоянии, в сапогах и одежде, а не больной, ослабленный и едва живой от голода. Не в лаптях из кусочка кожи да укутанный в две тряпки.

В этой ситуации он был обречен на перевал. Даже на два. Тот, которым пришел, и второй, на другом конце долины. Куда поехал фургон в сопровождении Змеев и ободранных пленников.

Драккайнен встал и неохотно пошел в ту сторону, пытаясь игнорировать порхающую вокруг Цифраль.

Среди скал и кустов горной сосны лежали драконьи трупы. В разной степени разложения. От некоторых остались лишь рассыпанные кости, будто останки брошенных на берегу кораблей. Они не напоминали динозавров. Черепа были явственно обезображены, бесформенны и полны случайных наростов. Другие, чуть посвежее, выглядели еще хуже. Ни дать ни взять – мутанты после ядерной войны. Челюсти, вырастающие из плеч, безглазые, слепые головы, покрытые рогами, клыки настолько большие, что протыкали небо. Три глаза, головы, сросшиеся в единую бесформенную массу, полную ощеренных зубов. Собственно, каждый был другим, отличным. И все мертвы либо подыхают.

Драккайнен крался, воздух был наполнен мухами, вокруг стоял едкий запах падали. Он то и дело прятался, мокрый от пота, с болезненно колотящимся в груди сердцем, уверенный, что встретить чудовище достаточно бодрое, чтобы оно начало за ним охоту, – вопрос времени. Но пока все они были мертвы либо в агонии.

– Мне бы побольше отдыхать и восстанавливаться высокобелковой диетой. Пить много жидкости и избегать стрессов, а не прогуливаться по аллее драконов. Еще вчера утром я был деревом, *piczku materinu!*

Чуть дальше он снова остановился, ошеломленный. Скалы окружали это место, как кельтские менгиры. Обычные меловые столпы разнообразнейших форм, похоже, естественные. На двух висели разорванные трупы. И в каждом торчало железное кольцо, вбитое в камень примерно на высоте метра, а среди валунов и гальки на земле валялись

кости. Человеческие кости. Черепа, ребра и бедренные.

Драккайнен некоторое время молча глядел на все это.

– Это полигон, – сказал он Цифраль. – Опытная лаборатория. Вон на том большом еще видны остатки паланкина, видишь? Ван Дикен готовится к войне и желает заполучить драконов. Он колдун и потому жаждет их. Армию драконов. Полагаю, тут есть некая связь с черной водой. Он наложил на нее заклинание. Что бы туда ни попало, рождается дракон. На условиях мутации или гребаной магической трансмутации, неважно. Эти весельчаки пытаются разводить драконов, но у них ничего не получается. Почему?

– Потому что драконов не бывает, кретин, – заявила Цифраль.

– Разумно. Не бывает. Невозможно физиологически. Потому онидохнут. Магия призывает их к жизни и поддерживает этот процесс, создавая то, что чародею необходимо. Но – онидохнут. Потому что его драконы родом из сказки. Они выдуманы и не имеют права на существование. То есть его заклинания являются чем-то искусственным и имеют свои ограничения. Он может приказать магии превратить ребенка в гнома, но тот не выживет. Потому что его сердце устроено как человеческое, и такие же мышцы. Потому что метаболизм организма человека слишком медленный, чтобы поддерживать жизнь в теле, которое весит двести кило; легкие при таком строении работают слабо, кровь слишком густа и так далее. У такого человека должны быть органы, как у мыши. Но ван Дикену все равно. Он хочет драконов, или гномов, или, я не знаю... ковры-самолеты. И создает их, после чего наталкивается на физиологию или аэродинамику. Потому что он кретин.

– Один раз ты уже не воспринял его всерьез.

– Я просто ищу его слабые стороны. Что толку признавать его полубожественным и всемогущим? Он не всемогущ. Его заклинания не в силах изменить законы природы. Он может лишь исказить их на короткое время. А наш коллега, как и всякий социальный реформатор, невежда. Особенно когда речь идет о технических подробностях. Важна лишь общая идея. Модель, накарябанная на салфетке, а не нудные вопросы, как и почему это должно работать. Тут у нас конфликт идеи и материи. Пока материя выигрывает.

– И почему они такие отвратительные?

– А потому, – заявил Драккайнен поучающим тоном, прячась за очередной скалой, – что это гребаное заклинание – нечто динамичное, пытается обойти ограничения случайными мутациями. И в конце концов... В конце концов оно натолкнется на подходящую, и сукин сын получит

своих драконов. Или не получит...

* * *

Дома были построены из камня, и потому он заметил их лишь через какое-то время: они полностью сливались с фоном. Прямоугольные либо круглые, со стенами, тщательно сложенными из идеально подогнанных кусков скалы. С плоскими крышами; на кривых жердях вились красные и черные флажки. Их не окружала стена, нигде не было видно и стражников. Вот только дома преграждали дорогу на перевал.

– Стен нет, потому что они ощущают себя в безопасности, – проворчал Драккайнен. – Лишь записной кретин полез бы в долину, где рождаются драконы. Нормального человека сюда на аркане не затащишь. Да и не выходит отсюда никто.

На вершине перевала стоял еще один дом; сквозь его узкие окна можно было заметить пламя в очаге. Хуже, что между скалами бродили две приземистых фигуры, похожие на бронированных цыплят. Крабы.

Плохо. Значит, перевал все же охраняется.

– Ладно. Дождемся ночи, – решил Драккайнен. – И мне понадобятся тепловидение и боевой режим. Сейчас же!

– *Kaikenläista, läameri!* – рявкнула Цифраль с чистейшим лапландским акцентом.

– Ты – проекция моего мозга, – терпеливо пояснял Драккайнен. – Если меня убьют, тебя убьют тоже. Понимаешь? Ты существуешь потому, что существую я. Пройти этот перевал, не став пищей драконов, – твоя задача тоже. Пусть меня *kaikenläista*, но тебе лучше бы начать думать.

– Сам начни думать, – крикнула она с плачем. – Думаешь, я не переживаю? Когда я была в тебе, я всегда знала, что делать! Просыпалась и была частью тебя! А сейчас я просыпаюсь так! Сразу снаружи!

– Значит, у нас проблема, – вздохнул Драккайнен. – Серьезная проблема. Пока следует затаиться и ждать ночи.

Он высмотрел подходящее место высоко под скальным козырьком, среди одной из каменных гряд, что окружали долину. Драккайнен ползал там почти час, прилаживая к телу веточки горной сосны. Медленно, сантиметр за сантиметром, от одного укрытия к другому, ранясь о скалы и ощущая, как его покидают силы.

Становилось все холоднее.

Туман делался гуще. Драккайнен трясся так, что думал, будто,

несмотря на весь его импровизированный камуфляж, виден из-за трясучки за полкилометра. Когда прошла еще одна вечность, он понял, что его руки и ноги деревенеют. Хуже того, боль начала подниматься изнутри. Казалось, копье все еще торчит в теле. Он ощущал его тяжесть и горящее болью древко – словно застывшую молнию.

Тогда он ложился и отдыхал, дыша сквозь сжатые зубы, мял на груди импровизированную рубаху.

Чем выше Драккайнен вползал, тем хуже становилось. Когда сердце не колотилось, приходилось растирать внезапно терпнущие руки и ноги, из которых утекала жизнь.

Когда он скорчился в какой-то щели, подтянув замерзающие ноги под себя, пытаясь согреть их теплом собственного тела, он просто угас. Потонул в спокойной черной пустоте.

– Проснись! Не спи! – орала Цифраль прямо ему в ухо. – Не умирай, скотина! Сейчас же перестань умирать!

– Не надрывайся так... – прохрипел Драккайнен, удивляясь, как звучит его голос. Почти не понимал ничего из того, что говорил.

– Давай дальше, ты, проклятый дурак! – кричала феечка. – Двигайся! Уже недалеко!

Вуко поднял тело на колени и локти, выходя в ледяной воздух, стегавший его словно кнут. Издал громкий хрип и пополз – еще один подышающий дракон.

Когда добрался до скального навеса, почти ничего не чувствовал.

И не помнил, как сюда добрался. Помнил только, что начал сыпаться снег. Мелкий, колючий, он сек горизонтально, несомый ветром.

– Могло быть и хуже, – еле слышно просопел Вуко. – Например, мог пойти дождь.

А потом остался лишь ледяной холод и снег. На последних метрах он даже не забивал себе голову ползаньем. Все равно его никто бы не заметил.

– Не сюда! – упрямо кричала Цифраль. – Отсюда тебя увидят, дурень! Нет, не туда, там замерзнешь! Под ту скалу! Там – пещера! И она заслонена от ветра! Двигайся! Перестань подышать! Ну же! Что, не можешь? *Piczku materinu*, двигайся!

В так называемой пещере было метра полтора высоты и два глубины, но, по крайней мере, она защищала от ветра. Драккайнен вполз туда, волоча за собой две ветки горной сосны, привязанные к спине ремнем от баклаги и вторым – из тряпок. Третью ветку он потерял на склоне. Он вполз в яму, слыша собственные хриплые стоны, похожие на плач, после чего бессильно повалился на скалу.

В глубине, под стеной, сочилась вода. Он пополз туда и, прижав губы к камню, всосал немного ледяной жидкости, будто поцеловал камень. Сумел слизать несколько глотков, а потом повалился на пол.

– Не спи, дурак! – металась над ним Цифраль. – Зенки открой! Подними веки, давай!

Веки весили килограмм по двадцать. Он не мог их поднять, хоть и старался. Наконец ему это удалось, но с усилием, от которого затрещал череп. В этом не было смысла, потому что глаза все равно закатывались.

– Дай мне спокойно умереть, – застонал он, сминая рубаху на груди.

– Высекай огонь!

– Нельзя... Увидят...

– Да хрен там увидят в такую-то метель! Отломи немного веточек! И хвою! Больше!

Это напоминало кошмарный сон. Картинка расплывалась, пальцы словно вырезаны из дерева. Сперва он не мог отыскать кремень. Потом не мог вспомнить, что с ним делать. Наконец сумел справиться с силами на минуту-другую. Состругал немного древесины, чуть не отрезав себе пальцы, положил на стружки хвою и сухие просмоленные ветки. Несколько раз ударил ножом, высекая пучки пахнущих порохом искр.

И заснул, убаюканный воем ветра.

– Невероятно! – орала Цифраль. – Да высекай же огонь! Что за хрен? Еще раз! На растопку их, а не на стену! Дуй! Дуй на них, а не кашляй, дурак, а не то погасишь! Дуй!

– Смотри, чтобы я тебе сейчас не вдул... – захрипел Драккайнен.

– Ага, я ведь ровнехонько твоего размера! – засмеялась феечка. – Ну, дуй, а не то мы оба тут подохнем!

Пара искорок на миг вспыхнули, но сразу погасли. Потом вспыхнули снова. Поднялась тоненькая струйка дыма.

А затем блеснул огонек.

– Подкладывай! Да не столько, это тебе не барана печь!

Мелкие веточки загорелись сразу, темные внутренности пещеры осветились теплым, желтым пламенем.

– Ладно, а теперь – раздевайся! Без шуточек, просто снимай эти мокрые тряпки! Иисусе, да подними же ты свою дурную башку! Заслони вход плащом! Не так, прижми сверху камнем! И вторую сторону! Не сдвигай это, упадет! А теперь раскрой нож. Ну что ты таращишься? В рукояти у тебя есть подогреватель, а от двух веток не согреешься!

Он снова заставил работать одеревеневшие пальцы. Найти защелку и разложить массивную рукоять казалось превосходящим человеческие

возможности.

Кто его спроектировал?

Грелка была металлической баночкой, выложенной керамикой, которая скрывала угольный штифт.

Цифраль кричала на него, ругала и плакала от злости, пока Драккайнену наконец не удалось выщелкнуть грелку, выковырять из нее палочку прессованного угля и приложить к пляшущим на миниатюрном костерке язычкам пламени. Он подул на жар, позволяя маленьким шипящим искоркам охватить кончик вкладыша. Появилась яркая горящая точка, потом – обводка из серого пепла. Он закрыл вкладыш внутри грелки и некоторое время баюкал его в ладонях, чувствуя, как постепенно нагревается поверхность. а в пальцы болезненно возвращается жизнь. Драккайнен разместил грелку в районе солнечного сплетения, прижал ремнем. Подбросил еще несколько кусочков древесины потолще, лег на том, что осталось, и свернулся вокруг грелки, горевшей на животе, как маленькое личное солнце.

Снег, несомый ветром, начал засыпать с одной стороны вход в миниатюрную пещерку.

* * *

Он проснулся, когда было уже темно, в полной уверенности, что миновало два часа и сорок минут. От костра осталась кучка пепла, но обогреватель еще был горячим.

Цифраль истекала теплым сиянием, освещая пещеру и хлопающую на ветру полу плаща. Снег до половины засыпал вход, и будто стало теплее.

Драккайнен, трясясь, надел свою странную рубаху и обернулся килтом. Вещи немного подсохли.

– Слушай, ты светишься...

– Знаю! – рявкнула она.

– Я о том, нормальный ли это свет? Другие тоже видят или только я?

– Не знаю, – она пожала плечиками. Приподняла ладошкой одну светящуюся грудь и критически ее осмотрела, затем облетела крохотную пещеру.

– Я отбрасываю тень, – заявила. – Но это ничего не значит.

– Посвети-ка мне сюда, – ворчливо попросил Вуко, развязывая свой узелок. – Мне бы соорудить какие-нибудь онучи. Эти тапочки начинают разваливаться.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хуже, чем выгляжу, – прорычал он. – Я ослаб, да еще больно, как черт знает что. И, кажется, мне никогда не было так холодно. Ну, может, кроме как пару часов назад. Выживу. Пока.

Он собрал чуть теплый уголь, растер в ладонях и измазал выступающие части лица: нос, лоб, скулы и подбородок. Окрутил ноги кусками тряпок и зашнуровал мокасины. Защелкнул клипсу обогревателя на краю килта и зафиксировал его на высоте солнечного сплетения. Сложил и спрятал нож, собрал мелочовку в узелок, после чего осмотрел оба экземпляра трофейного оружия.

– Свекольные ножи, а не оружие, – проворчал зло. – У обоих слишком тяжелая рукоять, потому они так любят ими крутить... *Jebem ti duszu*, как же не хочется работать... Ладно, идем. По траверсу вдоль склона, прямо к левому флангу форта. Девушки вперед. И лучше не отсвечивай.

Набросил влажный плащ, так, чтобы тот сложился в подобие капюшона, и препоясал его. Вьюга продолжалась. Он шел, наклонившись, держа одну руку на скале и пытаясь высмотреть хоть что-то в ревущей, бьющей снегом тьме.

«Просто проскользнуть рядом с фортом, – подумал он. – Что вам за охота торчать во дворе, никто не придет. Холодно, как не знаю где, еще снег... А в комнате – огонь, пиво, ужин, спать тянет».

Поскользнувшись на камнях, он свалился на осыпь. Невысоко, но ударился крепко. Залег за камни и замер, но громыханье камней потонуло в визге ветра. Несколько валунов покатились вдоль склона. Он задержал дыхание, пережидая. Полагал, что до форта еще далеко, но так уж его выучили: если подобное произойдет, нужно притаиться на некоторое время. Ничего не происходило, никто не зажег лампы, вдали не появились факелы, не было слышно ни криков, ни собачьего лая.

Только долина, покрытая белым саваном, чуть сияла отраженным светом.

Цифраль появилась перед его лицом, когда он пересчитывал языком зубы и осматривал раны на локтях и коленях. Уперла руки в бока. Локон волос падал ей на лицо, и она дунула на него нетерпеливо.

– Так и будешь лежать? – спросила.

– Отвали, Барби! Если не помогаешь, по крайней мере, не мешай.

– Если бы не я, ты бы уже был как кость. Двигайся! Я могу тебе посветить.

– Нет. Пока я не буду уверен, видит ли тебя кто-то еще, – нет.

Он пробирался в метели от одной скалы к другой, от одного пятна тени

к другому. Косматый плащ облепил снег, как и его импровизированный капюшон.

Обогреватель еще действовал, разливая по животу пятно тепла, но Вуко чувствовал, что начинают замерзать руки. Остановился, вкладывая ладони под мышки, когда услышал скрип двери.

Створка отворилась буквально в паре метров, залив его прямоугольником света. Драккайнен сделался неподвижен в странной, сгорбленной позе, глядя прищуренными глазами на черную фигуру, вставшую в дверях напротив него.

Человек сказал нечто, прозвучавшее как проклятие. Миг-другой возился со штанами, опершись плечом в лутку двери, а потом выпустил в сторону Драккайнена дугу мочи, что блестела в пламени горящего в комнате огня. Мужчина мочился, стоя в комнате, посвистывая и продолжая смотреть Драккайнену прямо в глаза. Вуко стоял неподвижно, свернувшись под плащом в клубок, скрытый в тени капюшона, лишь медленно сдвигая правую руку к рукояти меча.

Но ничего не случилось. Змей закончил, поправил штаны, а потом закрыл тяжелые скрипящие двери.

Снова воцарилась темнота.

Драккайнен сглотнул. Некоторое время ему казалось, что он примерз, присев в неудобной позиции, и что его ладонь окаменела на ременной оплетке рукояти. Сердце колотилось в груди, как большой боевой барабан. Он поднялся и двинулся дальше между каменными домами, растворяясь во тьме.

Крался, оставляя каменную стену мрачного, длинного цейхгауза, который посчитал жилым домом, слева. Постройки, мимо которых он проходил, казались скорее чем-то хозяйственным. Какие-то сараи? Он хотел лишь выплутать между домами форта и выйти на перевал. Согласно плану, должен был выйти сбоку, на высоте сторожки, но похоже, сбился в метели и теперь двигался через центр форта. Исправлять это было поздно, а Цифраль куда-то исчезла.

Он рассчитывал только на ночь и вьюгу. Из узких бойниц каменного дома бил свет, остальное пространство тонуло во тьме и легкой белизне снега.

Сперва он почувствовал вонь.

Не честный теплый дух животных, навоза и старой соломы, но запах человеческого пота, отходов, грязи и испуга, который невозможно ни с чем спутать. Помещение закрывалось большими воротами, сколоченными из досок и закрытыми старейшим под солнцем способом – балкой,

положенной поперек ворот на всаженные в стену стальные крюки. Самый примитивный замок в мире, но изнутри его не открыть.

– Нет, – проворчал он себе под нос. – Ты должен просто перебраться через перевал. Воспользуйся метелью и уходи отсюда.

Но почему-то он не мог отойти от этих дверей и просто уйти. Их было легко открыть, а что дальше? Узники скованы. Расковать их? Как? Чем? Потом ему придется штурмовать перевал с группой шумных, изможденных невольников. И уходить, имея на загривке погоню Змеев. При этом он сам едва стоял на ногах. Метель засыпала тропы, но не так, чтобы те исчезли полностью. Наверняка это была первая метель, и она могла прекратиться в любой момент. Снег не пролежит больше нескольких часов, но ему хватит и этого. Цепочку следов на белой поверхности заметит даже полный идиот. А тропа от десятка-двух узников будет как автострада.

В результате он сам окажется в цепях не позднее, чем через пару дней и накормит идиотских, неудачных драконов ван Дикена.

– Нет! – прошипел он, пытаясь заставить себя идти дальше. – Просто сваливай отсюда, debil.

Он неохотно отошел, чувствуя себя исключительно скверно. А ведь его предупреждали. «Ты не исправишь мир. Не поднимешь революцию. Ты должен появиться, эвакуировать цели и бесследно исчезнуть».

Легко сказать.

Тем более что ему нужно прибраться.

Драккайнен сжал зубы и пробрался вдоль дома, пытаясь не прислушиваться к звукам внутри. Мерз. И снова чувствовал, как начинают деревенеть конечности.

Пришел к выводу, что до того, как гипотермия его одолеет, пройдет полчаса, не больше.

За каменным зданием тюрьмы маячила угловатая глыба фургона, который он видел днем. Потом еще какие-то сараи, за ними – несерьезный двухметровый каменный забор, двести метров вверх – и сторожка.

И наконец-то перевал и покой.

Он осмотрелся на подворье. Здесь все было неаккуратным, будто временным. Дома раскиданы бессистемно, под стенами – деревянные ведра и всякий мусор. И это исследовательская лаборатория?

Он двинулся дальше, согнувшись, как под обстрелом, легкой и бесшумной трусцой.

И наткнулся на клетку.

Она стояла за колодцем, в случайном месте на подворье. Кованная из железных прутьев, закрытая на нечто вроде примитивного замка. Внутри

был труп девушки. Она сидела на полу, с руками, оплетавшими переброшенную через спину жердь, со свесившейся головой и волосами, облепленными снегом.

Драккайнен остановился лишь на секунду и взглянул на нее со стиснутыми зубами. Дописал и этот пункт в счет к ван Дикену, приготовился бежать дальше.

И тогда девушка вдруг подняла голову.

Зазвенели цепи, сквозь завесу спутанных волос он увидел худое лицо со странной татуировкой на одной щеке, блестящие узкие глаза.

Она глухо закашляла и попыталась встать на ноги.

Еще миг – и закричит.

– Ш-ш-ш... – отчаянно зашипел Драккайнен, пытаясь успокоить ее каким-то жестом, но на самом деле только замахал руками. Заслонил рот ладонью – и она, кажется, поняла, поскольку не издала ни звука.

Он ощупал клетку, потом внимательно осмотрел замок. Это был простой блок металла на петле. У замков такой конструкции задвижка наподобие якоря. Ее вдвигали в замок через круглое отверстие, эластичные усы якоря складывались, а потом раздвигались внутри, блокируя бугель. Заперто.

Ключ делают в форме трубки. Его втыкали в отверстие с другой стороны, вновь сгибая усы и выталкивая всю конструкцию наружу. Откуда бы встрясти такую трубку?

Он ничего не мог поделать. Девушка распознала, что он не из Людей Змеев. Ей удалось встать на колени и поднять голову, и теперь она глядела на его попытки взлома с надеждой. Если он попытается уйти, не избежать воплей.

Драккайнен дернул прутья, но те держали крепко. Петли, хоть и ржавые, тоже выглядели солидными. Это были примитивные пальчиковые петли, их можно поддеть, но для такого требуется лом. Ни один из его мечей не выдержал бы такого. А перочинный нож со струнной пилой куда-то делся.

Потому он вынул нож, произнес короткую молитву об успехе технической мысли заводов «Нордланд» и сунул его под дверь. Присел, сплел ладони на рукояти и уперся ногами в каменистое подворье, изо всех сил напрягаясь в бедрах и спине.

Ничего.

Драккайнен поправил клинок, чтобы получить лучший рычаг, и попытался снова. Его лицо покраснело, на лбу выступили вены. Из горла вырвался придушенный стон. Петли скрипнули, и вся конструкция

легонько дрогнула.

И тогда он услышал шаги.

Медленно, с ножом в руке, развернулся.

Лысый гигант, на этот раз без капюшона на лице, зато укутанный в меховую куртку, смотрел на него, остолбенев.

Их разделяли всего пара метров. Драккайнен прыгнул в его сторону, как пантера, видя, что лысый, почти равный ему ростом, раскрывает рот и набирает в грудь воздуха для вопля, что поставит на ноги всю околицу, не исключая драконов. Одновременно жестом фокусника выхватил из-за спины короткий широкий тесак отвратительного мясницкого вида.

Вуко выбросил левую ладонь и клюнул гиганта чуть ниже подбородка, так, чтобы рука между напряженным большим пальцем и остальной ладонью ударила его прямо в кадык. Крик не вышел. Гигант лишь издал свистящий хрип и покачнулся, но устоял на ногах и, закашлявшись, широко хлестнул тесаком.

Драккайнен вдруг услышал в голове отчаянный, испуганный вопль Цифраль, а потом все, что он видел, залило красное сияние.

Ему показалось, что он теряет сознание.

То, что случилось позже, было лишь размазанным мигом, лихорадочным бредом. Казалось, все длилось лишь секунду и случилось почти месяц назад.

Ему показалось, будто острие тесака превратилось в размытый серебряный полумесяц. Кусок сверкающей плоскости делил пространство и его тело на две части. Выходил откуда-то из руки противника и погружался в его тело. Длилось все долю секунды, не больше. Он сделал шаг в сторону, и теперь плоскость резала только воздух, а потом исчезла, и точно по тому же пути мелькнуло острие. В воздухе загорелась другая полоса, на этот раз она была словно копье из лунного света. Выростала из ниоткуда и прошивала его грудь, а потому он сошел с ее пути. В тот же миг ушедший вослед своему удару великан оказался там, откуда вытекала сверкающая полоса, и его рука выстрелила ровно по той же линии, клинок чуть не отерся о грудь Вуко и ушел в никуда, потянув за собой противника.

Драккайнен выхватил левой рукой меч, держа его обратным хватом, щербатый клинок скользнул по горлу лысого, потом Вуко сошел полуоборотом с дороги Змея и упал от усилия на колени.

У него потемнело в глазах, а красная подсветка исчезла.

Цифраль перестала кричать.

Противник грузно и бессильно, словно мешок, рухнул на снег.

Драккайнен, тяжело дыша, уперся рукой в землю и сблевал.

Оттолкнулся, поднял меч и подполз на четвереньках к умирающему Змею. Схватил его за плечо и приподнял, после чего воткнул меч глубоко под ключицу, почти вертикально вглубь тела, ощущая, как клинок трет о кости. Толстяк напрягся, издал ужасный хрип и забился как рыба, а потом обмяк и упал лицом в ржавую жижу. Драккайнен поднялся, вытер клинок горстью снега. Двигался словно пьяный, что пытается изображать трезвого и все делает предельно старательно.

Он спрятал меч, качнулся, удержался за клетку. Потом присел на корточки у лежавшего вниз лицом мужчины. Тот был неподвижен, только вокруг головы на снегу росло большое темное пятно. Вуко содрал с него куртку, ощупал пояс, нашел кольцо со странным ключом в виде трубки и продемонстрировал его девушке. С усилием поднялся, обошел труп с другой стороны и, постанывая, стянул с него меховые сапоги. Уселся в снег и натянул их, сделав перерыв между одним и вторым. Сапоги оказались маловаты, потому он не завязывал тесьму, стягивающую их в щиколотке.

Драккайнен открыл клетку, развернул девушку и перерезал ремни, привязывавшие ее руки к жерди. Руки бессильно упали, от боли девушка свернулась в клубок, но не издала ни звука, лишь закусил губу, а по ее щекам покатились слезы.

Он вытянул ее из клетки и усадил на землю, чуть не упав на нее, и молча принялся растирать ей плечи. Она не отозвалась ни словом. Потом девушка попыталась поднять руку и тихо охнула. Драккайнен ощупал ее плечо, потом взялся за руку выше локтя и чуть прикоснулся пальцем к губам. Она кивнула, притянула второй рукой полу его плаща и закусил ее. Он потянул плечо девушки, оно хрустнуло, крик утонул в толстой шерстяной ткани.

Потом Вуко поднялся, ухватил толстяка под мышки и усадил в клетку, забросил на шею жердь и привязал руки. Закрыв дверку, защелкнул замок, а ключ выбросил куда-то в темноту и веющую снегом поземку. Взвесил в руке тесак, казавшийся ножом-переростком шеф-повара, небрежно оправленным в дерево, презрительно скривил губы и послал тесак в темноту следом за ключом.

Девушка молча и терпеливо ждала. Он был за это благодарен. Зачерпнул немного снега, засыпал пятна крови, и они двинулись в темноту и вой метели, поддерживая друг друга, как пара пьяниц.

Меховая куртка толстяка начала его понемногу отогревать, хотя он все равно чувствовал себя ужасно. Будто короткая схватка высосала из него остаток сил. У него кружилась голова, призрачное древко пухло в грудной клетке, а тело за границами пылающего столпа боли напоминало

оледеневшую форму из снежинок.

Игрушечная стеночка, сложенная из шершавых камней, почти призывающих на нее взобраться, оказалась непреодолимой преградой. Драккайнен оперся о нее боком, сплел ладони, и кивнул девушке на ее ногу. Она поняла, сунула стопу в замок из его ладоней, оттолкнулась от земли – и они оба повалились в снег.

Он собрался и некоторое время дышал, сунув ладони под кафтан и массируя грудь. Она озабоченно смотрела на него, но молчала.

Они попытались снова. Он подбросил девушку на стену, та перевесилась на ее хребте и исчезла по ту сторону. Он нащупал камни, подскочил, но удалось ему это только раза с третьего. Перебросил тело через верх стены и свалился по другую сторону, будто мешок картошки.

– Худо мне, – прохрипел девушке по-польски. – Скажи Цифраль... А впрочем, ничего ей не говори. Все равно не имеет смысла.

Она помогла ему встать. Они двинулись вверх, прячась за камнями, уже успевшими порости сугробами странных форм, словно дюны Сахары.

Каменная сторожевая башенка стояла среди вьюги тихая и неподвижная, лишь огонь очага бил сквозь оконца.

Драккайнен стиснул зубы и сконцентрировался. Шли они очень тихо, вой ветра заглушал хруст снега под ногами.

Они почти прошли.

Почти.

Стражник вышел по нужде, когда они уже входили на перевал.

И сразу их увидел.

– *Jebem ti duszu*, – произнес Вуко уставшим голосом. – Что вы, суки, жрете, что вас так гоняет? Третий за сегодня.

Стражник что-то крикнул и бросился в их сторону, вытягивая меч.

Изнутри башенки, за закрытыми дверями, раздался грохот, словно что-то перевернулось, и началась какая-то паническая беготня.

– Встань за мной, – сказал Вуко девушке, доставая клинок.

Стражник приближался с криком, перед самой атакой сделал странное, легкое обманное движение, как хоккейный вратарь, и подло рубанул снизу. Драккайнен уклонился сонным движением и отбил удар своим трофейным мечом, после чего пнул Змея в колено и попытался ударить в загривок, но наткнулся на блок. Клинки со звоном столкнулись, нападавший качнулся, внезапно выстрелил хитрым уколом. Вуко пропустил его под мышкой, чувствуя, что проигрывает, не в силах удержать темп. Нападавший был здоровым, отдохнувшим и согревшимся, а он – лишь тучей снежинок вокруг горящего столпа боли. Остатком сил он заблокировал Змею локоть,

с мечом, пойманным где-то за спиной; его же собственный клинок запутался в меховой поле куртки, а потому он ударил Змея шлемом в лицо, и оба свалились на землю, будто нечто единое развалилось на две части.

Раздался крик, в дверях появился второй Змей с луком в руках и колчаном на спине, уже натянутой тетивой.

Драккайнен все еще лежал, но подтянул ноги и принялся вставать, шаря по снегу в поисках оружия. Его противник вскочил чуть покачиваясь, но увереннее, размазывая кровь по лицу, и вытянул меч, вычерчивая им одну из местных сложных фигур, напоминавших танец.

Драккайнен нащупал рукоять, уперся клинком в землю и тяжело поднялся.

Клееный лук тихо заскрипел, перо, пойманное между указательным пальцем и надетым на средний железным кольцом, подъехало к уху змеиного лучника.

Драккайнен, покачнувшись, встал боком к стрелку, чувствуя, что его тело тяжелое, как ствол дерева, и что ничего из этого не выйдет.

И тогда девушка, дотоле тихо стоявшая в сторонке, засияла холодным ледяным блеском, залившим перевал и ударившим в окрестные скалы, будто их накрыл плащ из звезд.

Оба Змея стояли сосредоточенно, Драккайнен раскачивался с поднятым, трясущимся мечом, пытаясь следить за обоими.

Девушка подняла руку.

Тетива брякнула, стрела ядовито зашипела и с глухим хрустом воткнулась в цель. Все слилось в один печальный звук.

Меч упал на землю и с тихим звоном заскользил по камням.

Все трое замерли. Наконец под Драккайненом подогнулись колени, и он бессильно свалился лицом вниз с грохотом, который, казалось, сотряс горы.

Шлем покатился по снегу, качнулся и стал неподвижен.

Девушка продолжала сверкать ледяным звездным блеском.

Оба Змея тоже не двигались.

Только ветер выл между скалами и бросался снегом.

Один из Змеев закашлялся и фыркнул кровью. Ухватился за торчащую из груди стрелу, воткнувшуюся чуть ли не по оперение, потянул за нее и сломал. А потом мягко опрокинулся набок и сжал липкие от крови пальцы на выступающем из груди обломке.

Лучник все еще не двигался.

Девушка продолжала стояла с поднятой вверх рукой, рассеивая призрачный, неоново-голубой проблеск.

Стрелок аккуратно положил лук на землю, стянул со спины колчан и положил рядом, а потом снял куртку и рубаху, открыв бледную грудь, перечеркнутую красно-черными зигзагами татуировки.

Вытащил меч и, развернувшись к стене, пытался воткнуть рукоять между камнями. Меч выскользнул, Змей поднял его и повторил манипуляцию с тупым упорством, втискивая рукоять несколько старательнее и фиксируя кончик собственным телом.

Упер ладони в стену, губы его все время шевелились в некой бесшумной литании, а по щекам текли слезы и талый снег, оседавший на сплетенных в косички волосах.

Раздался хруст и сдавленный крик, утонувший в вое бури.

Красный клинок вышел из украшенной татуировкой спины, а Змей прижался в конвульсиях к стене и свалился набок.

Девушка опустила руку, мягкий звездный свет погас.

Она подошла к лежащему Драккайнуну, перевернула его на спину, а потом присела и положила ладонь ему на губы. После сунула руки под его спину и подняла совершенно без усилия, словно он был тряпичной куклой.

В каменной ограде раздался звон брони, и в небо взлетела тоскливая, мучительная жалоба двух крабов. В глазах девушки вновь мгновенно разгорелся свет, короткий как вспышка.

Крик внезапно стих, словно обрезанный ножом.

Девушка развернулась и легко зашагала вверх, к перевалу. Были видны ее маленькие плечи и свисавшие по одну их сторону ноги, по другую – голова и руки рослого мужчины. Казалось, девушка не чувствует его вес.

Через миг-другой они исчезли в метели.

Глава 4

Имена богов

*Тигр с горящими глазами,
гибкий, желтый, стерегись,
уже факелы пылают,
приближается охота.*

*Берегись же, тигре лютый!
Враг ворвался в пущу утром,
клык и коготь на охоту,
на борьбу за жизнь готовь!*

*«Песнь о Короле-Тигре», традиционная песнь,
исполняемая во время Праздника Высокого
Трона, Киренен*

Архиматрона вела нас крытыми коридорами, не говоря ни слова. Я чувствовал лишь облегчение и огромную усталость. Радовался, что мне удалось выйти из пещеры – но и только. Однако мысль о том, что происходит там сейчас, не давала мне покоя и точила мою душу, как червь древо. Я не знал, отчего она пришла к нам лично. Может, все прочие принимали участие в мистерии, но тогда отчего ее там не было?

Она провела нас в большой и круглый, словно миска, зал, выстеленный коврами. Помещение было почти пустым, стоял там только округлый столик с роговыми ножками и освещенная двумя лампадами фигура Праматери.

Мы пали на колени, а жрица глубоко поклонилась, после чего прикоснулась ладонью к своим губам, груди и лону.

А потом уселась на подушках и указала нам место подле столика.

Вернее, я решил, что она указывает Брусу, а потому сам скромно присел на пятки у самых дверей.

Архиматрона лениво потянулась за маленькой металлической палицей, обернутой кожей, и ударила в гонг, стоявший рядом со столом.

Адептка вошла в зал еще до того, как звук стих. Поставила на столике

высокий кувшин и два металлических кубка, наполнила их и бесшумно вышла. Мне показалось, что это та же, которая ассистировала старику, который принес нам еду.

Конечно, только два кубка. Я – лишь адепт. Овца. Я был невидим, но меня это устраивало.

Брус же принялся ворчать.

– Не дозволено пить ферментированные напитки. Радость, которую они дают, неестественна и пробуждает зло. Только...

– Ох, да перестань уже! – рявкнула жрица. – Мне нужна настоящая беседа, и я не стану заниматься эквилибристикой Старого Языка. Ты что, приказов не знаешь? Впервые доставляешь поддержку?

Я непроизвольно сглотнул, надеясь, что этого не слышно в комнате. Подумал, что нигде не видно стражи. Мы все еще могли сбежать, захватив архиматрону. Этот фарс не мог продолжаться долго, скоро один из нас – а то и оба, – совершит что-то непростительное.

– Маска! Сними эту проклятую маску! – крикнула она. – Ты не на торжище!

Брус очень медленно отстегнул ремни, поднял маску и снял ее с головы.

– Ну да! Я была уверена! – она отпила глоток из кубка, встала, быстро прошла по комнате. – Я знала!

Была в ярости. Я напряг мышцы – на пробу – и аккуратно изменил позу на ту, из которой мог одним прыжком оказаться на ногах.

Жрица пнула какую-то посудину, и та со звоном покатила по полу.

– Неофит. Проклятый неофит. Поэтому святее самой земли. Как долго ты служишь Матери? Месяц?! Полгода?! И сразу стал жрецом, освященным существом единства? Стараешься быть истовой самой пророчицы, чтобы смыть грехи своей проклятой насильем лунной крови?

Она вернулась к столу.

– Пей!

Брус послушно выпил из кубка.

– Вот теперь мы одинаково грешны, разве нет? Только я – дочь земли, не забывай об этом! Полагаю, это все еще нечто значит, верно? Или и здесь уже все изменилось? Неофиты с мордами, изрубленными железом, становятся глашатаями и курьерами только потому, что в соответствующий момент они поддерживали пророчицу, а я служу Матери с той поры, как родилась. В Саурагаре, потом в этой дыре! Я стала адепткой, чтобы отомстить отцу, который принуждал мою мать к нечестивой жизни и выслуживался перед чужеземной династией. Он хотел ко мне прикасаться!

Хотел также прикасаться к моей матери без согласия богини! Пил вино и отвары! Приходил, воняющий вином, и принуждал ее! Я каждую ночь это слышала! Он ел мясо! Все для него было неважно, кроме императорского золота. Все, что зарабатывал, проигрывал в кости, а мы ходили голодными!

– ...Богиня приняла меня, когда было мне шесть! Я убила отца во сне и сбежала в храм. Двадцать лет я трудилась, чтобы достичь освящения. А что осватило тебя? Сушь? Пророчица? А может, тебе надоело вечное ожидание войны и бредни о торговле, мире и строительстве кирененского порядка? Ведь за милю видно, что ты был легионером. И совсем недавно. Носил императорские знаки и постоянно жаждал трофеев и крови, но война не приходила. А теперь ты станешь поучать меня насчет кубка кобыльего молока? Я амитрайка, мне можно пить молочный огонь! Даже пророчица не в силах это изменить.

– Я не могу слушать... – пробормотал Брус и склонился в поклоне.

– Неофит! Мне не нужен был Огонь Пустыни, чтобы пробудиться! Я всю жизнь бессильно смотрела, как треснувший мир обижает дочек земли. Как всюду вздымается кирененский грех и мерзость! Я видела девиц, которые отдаются в мерзейших храмах. Видела, как их продают мужчинам, будто овец. Как они лебезят пред сынами луны, которые должны бы им служить! Как моя мать. А теперь ты – важный посланник, а я жду здесь в одиночестве. Все еще жду!

Она наполнила кубки, выпила половину своего и опять села.

– С десяти лет я сижу в одиночестве в разваливающейся башне с единственной, столетней, абсолютно сбрендившей Ведающей. Над нами смеялись и бросали в нас грязью, а я ждала. Бывали годы, когда мне приходилось кормить Праматерь собственной кровью, но я ждала. Дом Женщин стоял пустым. Порой украдкой приходили несколько дочерей земли, чтобы пожаловаться на свою судьбу в расколоте мире и взяться за руки в обряде круга слёз. А теперь, когда истинная вера наконец возвратилась, у меня лишь пара освященных да горстка ничего не стоящих адептов и жрецов. Да еще бинхон пехоты и едва хон легкой кавалерии. По пустошам бродят бунтовщики, народ идет куда-то на восток через мой мост, а я должна вводить Кодекс Земли одна! Пустыми руками! Ты видел, что происходит в городе. Я собрала богатства, принадлежащие Матери, и не знаю, как быть дальше. Армия стережет мост и город, но кроме этого делает, что хочет. Пока я держу их в узде, они еще думают, что я обладаю силой храма, но когда пьют пряное пиво, курят бакхун да бесчестят дочерей земли из низких, неосвященных каст, мне приходится делать вид, что я об этом не знаю. Смотрю в мерзкие лунные глаза бинхон пахан-дея и

вижу в них хитрость.

Жрица склонилась к Брусу, который сидел совершенно неподвижно, глядя на нее безо всякого выражения. Я чувствовал в комнате напряжение. Чувствовал, что женщина чего-то от нас хочет. Меня учили основам торговли и дипломатии. Я понимал, что она сейчас станет просить. Если это не даст желаемого результата, использует «другую руку». Так делались дела. «Правая рука» – оплата, услуга, предложение, просьба, мольба, притворное товарищество, союз. Или «левая» – шантаж, угроза, донос, насилие.

– Взгляни на мою площадь. Там гниет зерно, которого в этом году и так немного. Я отобрала храмовые стада, на площадях Внутреннего Круга дожидаются мужчины высоких каст. Если я отдам стада и землю их женщинам, утрачу над ними контроль. Башня окажется у них в кармане. Мне нужна сила! Тем временем, я жду безрезультатно. Барабаны ничего не говорят. А единственный глашатай давным-давно мне не нужен, даже для здравниц. Они просто минуют мою старую, пустую башню. Слушай, глашатай! Я знаю, что ты не везешь вести. Ничего не говори. Знаю, что тебе нельзя. Ничего не говори!

Она склонилась над столом еще сильнее, отодвинула кубок и осторожно дотронулась до ладони Бруса.

– Я знаю, что ты везешь Слово.

Воцарилась тишина.

Я подумал, что если она желает нашу шкатулку, мы должны ее отдать. Пусть берет, что захочет, а мы перейдем через мост. Как можно скорее. Однако Брус молчал.

Пока не услышал предложение, он мог молчать. Потом – нет. Потом ему придется показать руки. Левую и правую. Молчание сперва только молчание, затем – угроза. Причем серьезная. Как обвинение.

– Не знаю, для кого оно, но должно быть – для меня, – сказала архиматрона снова ласковым голосом. – Оно мое. Я должна обладать силой. Я родилась в стране, что издавна лежит под кирененским сапогом. Я не помню времен Кодекса. Старуха помнит, но она постоянно бормочет свои молитвы и читает людей. Приводит очередных темножителей под нож жрецов, лишь это для нее важно. Только кровь для Богини. Что ж, я тоже хочу, чтобы Мать оставалась сыта. Может, это и правильно, может, тогда начнет она нас благословлять, пусть все сделается единым. Может, взглянет на одинокую Башню, которая столько ей дает. Старые порядки словно болезнь, которую нужно выжечь, чтобы отстроить Кодекс Земли. Жертвования помогают держать народ в узде, но это зависит от силы

армии. А если барабаны отправят армию в другое место? Если вспыхнет бунт? Нынче не те времена, когда низкие касты гордились, когда их дети отправлялись кормить Мать. Я собрала уже хон храмовой стражи, но этого мало, и ими некому командовать. Без силы Имени из этого не будет толка. Прощу тебя. Молю и требую. Мне нужно нечто для контроля высших каст. Мне нужны люди, чтобы выстроить амбары. Мне нужны пахари, чиновники и надзиратели. Но для всего требуется сила Имени.

Снова установилась тишина.

– Архимать, – осторожно начал Брус. – Что бы ни было везено, оно должно добраться до места. Тот, кто везет, не существует. Один не важен. Нет и права решать, куда добираются Слова, и кто им нужен. Дорога ведет, куда должно, и торит ее высшая мудрость, к которой никто не имеет доступа. Но когда персона вернется туда, где ждут, будет выполнено изреченное, и сама пророчица узнает о положении в этой Башне. Ты не станешь долго ждать Слова или освященных в помощь, чтобы все стало одним. *Salakh akydulla*. Сказано.

– Там, за мостом, нет ничего важного, – заявила она. – Ничего более важного, чем селение Аширдым, на перекрестке дорог, у моста, через который бегут те, кто должен стоять здесь, где приказано, и работать для Праматери. Ничего более важного, чем одинокая архиматрона, которой грозит бессилие, хаос и зависимость от нескольких высоких родов. Такие посланники, как ты, едут ко всем Башням. И что за разница, какое Имя в какую попадет?

– Уже решено, – отрезал Брус, и я подумал, что он увлекся ролью. Сейчас должен бы выторговать нечто для нас.

Или он и вправду хотел защищать проклятый ящик любой ценой? Другое дело, что архиматрона все еще не показала «правую руку». Чем она хотела заплатить? Золотом? Что жрецу Праматери золото? Особенно когда ликвидированы даже простые уличные лавки и нельзя купить себе ничего – ни тыквы пива, ни пуговицы, ни горсти орешков?

Он влез за ворот своих жреческих одежд и показал женщине железный угловатый медальон.

– Это, – сказал он, – означает смерть. Смерть для всякого, кто сорвет печати и не будет при этом тем, кто должен их срывать. Как и для меня, если я подведу. Ты знаешь об этом, архиматрона. Впрочем, это ты полагаешь, что я везу Имя. А я тебе скажу, что не мне знать, и не мне об этом судить.

Я заметил: Брус отбросил напевный акцент и вывернутую грамматику старого языка. Показал, что подпускает собеседницу ближе. Жест «правой

руки».

– Ох, ты точно везешь Имя, – ответила она. – И я знаю, что оно может сделать. Знаю, что может случиться с тем, кто Имени не знает. Но я готова. Всегда. Меня Имя послушается. Я уверена, что некогда я его видела. И что оно видело меня.

Она выпрямилась и уселась по-другому, более удобно, оперлась на руки и расслабилась. Словно получила желаемое или решила на что-то. Брус не двигался, продолжал сидеть в позиции «левой руки», говорящей «нет». А жрица так нам ничего и не предложила.

– Извини старухе ее нетерпение, – отозвалась архиматрона чуть более теплым тоном. – Я полагала, что, по крайней мере, нужно попытаться. Сложное положение. Я лишь прошу, чтобы ты мне рассказал. Некогда... некогда любая Башня имела собственное Имя. Но когда Праматерь заснула, имена умерли или ушли. Эта Башня, – она хлопнула по ковру рядом с собой, – тоже его имела. Даже когда я сюда пришла. Немного от него осталось, но достаточно, чтобы я могла узнать, что такое сила одного из Имен богини. Сила эта все еще тлеет, но уже слишком слабо, чтобы я могла ее использовать. А тем временем все утекает у меня из рук. Просто скажи обо мне, где следует. Напомни, что селение Аширдым ждет Имя. Если я его не получу, может случиться что угодно. А теперь... – она потянулась за палочкой и снова ударила в гонг, на этот раз дважды. – Я угощу тебя так, как угощают посланника. Чтобы ты не забыл о моей Башне.

Адептка внесла поднос, уставленный несколькими металлическими мисками, а еще какие-то странные посудины. Серебряные, покрытые отверстиями, что складывались в узоры, и стоящие на ножке, подобной ножке бокала.

– Да, – улыбнулась архиматрона. – Это именно то, о чем ты подумал... Ты сможешь разделить со мной укус. Мы сделаемся едиными во славу Подземной. Только это мне и осталось от древнего Имени, дремлющего в пещере моей Башни. Благодаря тому ты запомнишь меня, и это даст тебе силы для дальнейшего пути. Когда почувствуешь, что такое единство Матери, выдержишь всё.

Жрица сняла поблескивавшую посудину с подставки и чуть встряхнула ее. Сквозь сеточку мелких дырочек было видно, что внутри что-то движется.

– Дай мне ладонь, – попросила она, поднимая защелку.

Брус явственно вздрогнул, по лицу его пробежала дрожь. Я с трудом сдержал крик. На руку жрицы выползла сколопендра. Не настолько большая, как та, что должна была некогда убить меня, в моих комнатах в

Доме Стали. Эта была покороче моего мизинца и ярко-красная, в желтую полосу. Я смотрел, как она ползет по руке архиматроны, проскальзывает между пальцами и разводит ядовитые клешни. Брус отдернул руку.

– Я клялся в чистоте, – сказал он. – Я должен возвращаться туда, где Слово. Я – посланник. Глаза и ноги Слова, мне нельзя его покидать.

– Ш-ш-ш... – успокаивающе произнесла архиматрона. – Ты ведь не глуп. Взгляни, какая она маленькая. Это подданная. Взгляни на полосы. Разве ты не видел таких? Бронзовая королева убивает, желтая одаривает послушанием, а эта дает единство и контакт с божеством. Ну, давай ладонь. Пусть она нас укусит. Пусть все станет одним. Мне осталось уже не так много. Имя почти ушло. Они уже почти не рождаются. В подземелье моего храма полно обычных, черных сколопендр. Их яд не дает ничего – только хворости и боль. Но теперь мы должны остаться одни.

Она повернулась к адептке, стоявшей на коленях под стеной с опущенной головой.

– Забери этого лунного щенка в его келью. Пусть отдохнет перед дорогой и охраняет их Слово. Пусть поест и хорошенько выспится.

Я молча поклонился, следя, чтобы на лице моем был виден не испуг, а лишь честная, тупая глупость «Прыщавого» Агирена.

Я понятия не имел, о чем она говорила. Она воспринимала ядовитое насекомое так, словно оно было подарком или угощением. А если его яд и вправду может деять? Если жрица прочтет мысли Бруса или, что еще хуже, взглянет на него сама Подземная Мать? Тогда легко догадаться, что случится.

Я шел за девушкой, которая в одной руке несла тяжелую корзину с крышкой, во второй – лампу. Небо над выющимися коридорами лабиринта сделалось черным, лишь тусклый огонек освещал нам дорогу.

Девушка шла впереди и молчала, а я был благодарен за роль идиота. Мне ничего не нужно было говорить или делать. Только глуповато улыбаться, чесаться и ковырять в носу. Это было легко.

Она без раздумий поворачивала в коридоре и уверенно выбирала дорогу между стенами, что скручивались, будто кишки овцы, а потому до места мы дошли за несколько минут. Я все время с колотящимся сердцем вслушивался, уверенный, что вот-вот – и случится что-то неожиданное. Раздастся звон, звук рога, или просто-напросто придут жрецы или храмовые стражники, чтобы меня схватить. Я знал, что стану сражаться. Но знал и сколько это продлится. Ровно столько времени, сколько понадобится, чтобы загнать меня в слепой закоулок, даже если я раздобуду оружие. Решил, что если сумею вырваться за стену, не буду пытаться переходить

через проклятый мост. Сбегу в степи, может, найду еще мост или брод.

Однако пока ничего не происходило. В лабиринте стояла тишина, порой прерываемая писками ночной птицы. Мы добрались до места, адептка склонилась, входя в келью, а потом я услышал, как она высекает внутри огонь. Заколебалось пламя, комнатку залил теплый желтый свет.

Я пал на колени перед статуэткой Госпожи Страды и уткнулся лбом в пол. Адептка зажгла фитиль второй лампы, той, что освещала нишу с фигуркой, а потом наклонилась над корзиной.

– Ты умеешь говорить? – спросила она. – Отвечай! Можешь носить куртку адепта, но это я дочка земли, и ты должен меня слушать!

Я мечтал, чтобы она побыстрее ушла. Взглянул на нее как можно более испуганным взглядом, глуповато разевая рот в надежде, что она отстанет. Но выглядело так, что она не собирается отступить.

– Отвечай, говорю! Умеешь говорить?

– Ну, – сказал я.

– Сколько тебе лет?

– Будет двадцать, – соврал я. Но бедняк из Кысальдыма не выглядел бы в семнадцать так, как я.

Она открыла корзину и стала вытягивать оттуда накрытые крышками миски. Сказать честно, мне казалось, что желудок мой умер, и я сомневался, что в состоянии хоть что-то съесть. В корзине находилось и еще кое-что – упакованное в сверток немаленьких размеров, к которому она не прикасалась и которого, как мне показалось, боится.

– А кто тебе так голову побрил? Боевая колесница? Как тебя зовут?

– Я – Агирен. В храме брили. А в дороге я сам брил, потому что отросло.

– Ты не такой уж и прыщавый, Агирен. И не говори «я», а не то ударю.

– Меня так сызмальства зовут.

– Оставили тебе имя? Так может, ты и дальше – пес, а? Тебя охолостили?

– Я лунный пес, – согласился я.

– Покажи-ка! – она внезапно потянулась мне между ног и ощупала штаны. Я почувствовал себя так, словно в меня плеснули кипятком. Отскочил и заслонился.

– Нельзя! – крикнул я хрипло, вращая глазами. Все это мне надоело. Охотно оглушил бы ее.

– Вот же дурень! Это тебе нельзя. Я дочка земли, мне все можно. И ты должен меня слушать! Покажи-ка... Ну вот. Все тебе оставили... Что ж такое. Непорядок, Агирен. Не знаешь разве, что в этом сидит зло?

- Не прикасайся, – сказал я. – Нельзя. Мастер будет меня бить.
- Еще сильнее он тебя побьет, если узнает, что ты меня не послушал.

Я не понимал, что ей нужно, но предчувствия были самые дурные. Я отодвинулся от нее под стену, но она тут же подползла на четвереньках и снова потянулась мне между ног. Я заслонился, и тогда она ударила меня по лицу и отодвинула мою руку.

Я взглянул на ее корзинку, которую мне удалось пнуть, пока мы толкались. Платок, обертывавший сверток, слегка разошелся, и сквозь щель на меня взглянуло почерневшее железо, перечеркнутое красным шнурком с красной восковой печатью.

Все стало ясно. У нее была шкатулка, идентичная той, которую везли мы.

Мне пришло в голову, что, возможно, лучше позволить девушке и дальше делать то, что она делала, и дать ей возможность подменить пакет. Тогда нас быстренько вытолкают в дальнейший путь. Вот только на мосту будет торчать ошалевшая Ведающая со своим «глазом на ладони». Потом мне внезапно пришло в голову, что, будь я на их месте, мне пришлось бы убить посланников. Это как игра в таргисс. В своей голове я увидел расклад пешек и представил себе все движения, по очереди. Она даст мне удовольствие и, пользуясь моей невнимательностью, незаметно подменит шкатулки. А потом запугает. Ведь бедный кретин знает, что ему грозит за общение с женщиной без согласия богини. Знает также, что никто не поверит сыну луны, адепту низкого ранга, к тому же идиоту. Значит, он будет сидеть тихо. Но странники отправятся дальше, а на месте окажется, что шкатулка не содержит ни Имени, ни писем, или что там могло быть? Сразу станет ясно, чье это дело. Те, кто должен получить посылку, такое не спустят. Я сомневался, что они посчитали бы это славной шуткой и лишь погрозили пальчиком ловкой архиматроне, которая позаботилась о своем храме. Это безжалостно, но я видел результат, будто рассчитывал какой-то пример. Было лишь одно решение. Смерть посланников. Посылка не доберется до места, но можно сказать, что она не добралась и сюда. Хуже того, раньше или позже кто-нибудь найдет два трупа, лежащие в овраге под городом. А мы – накормим богиню, а наши кости украсят еще одну комнату. Эта интрига могла завершиться только так.

Я продолжал сопротивляться, но девушка тоже не зевала, а я не видел женщин так давно, что казалось, с того момента прошли века. Она стиснула руку, подняла голову, глядя на меня прищуренными глазами, с легкой озорной улыбкой чуть приоткрытых губ, и я снова почувствовал, что несмотря на выбритый череп, несмотря на украшающие ее лоб и щеки

спирали, она кажется опасно, явственно знакомой. И это испугало меня еще сильнее.

Я уже знал, что должен сделать, но поймал себя на мысли, что специально оттягиваю этот момент. Еще минутку, еще одно движение ее ладони...

Я вырвался и оттолкнул адептку.

– Ты плохая! Нельзя! Богиня смотрит! Нельзя так делать! Мне говорили об искушениях! О дурных мыслях! Ты – искушение! Дурномысленная!

– Тихо, дурак! – рывкнула она. Я специально орал во всю глотку. – *Хара!* Замолчи, пес!

Она ударила меня наотмашь, в висок. Я не стал закрываться, но мне пришлось в голову, что ее стоит убить. Я мог сделать это тихо и без следов крови. Прежде чем поймут, что она исчезла, прежде чем ее найдут, мы будем в пути. Но это было неразумно. Где, например, спрятать тело в пустой каменной путанице стен и коридоров?

– Не то я скажу, что ты ко мне прикасался, – пригрозила она. – Скажу, что ты пытался меня раздеть. Что ты дотронулся до моего святого лона. Думаешь, они мне не поверят? Знаешь, что тогда с тобой сделают?

– Ступай! Уходи! Мастер притронется к моей голове и все узнает! Он сам увидит!

Она заколебалась. Кто знает, в нынешние времена всякое возможно. Вдруг мой жрец и вправду Ведающий?

– Ш-ш-ш... – сказала она тепло и притронулась пальцем к моим губам. – Тихо... Я буду с тобой доброй... Ты ничего не понимаешь... Когда я разрешаю, можно притрагиваться. Богиню это радует, понимаешь?

Она вновь протянула ладонь и начала расшнуровывать мои штаны. Толкнула меня в грудь, приказывая лечь навзничь. Ее пальцы были удивительно умелыми для адепки, презирующей мужское. Она знала, что делает, и мне снова показалось, что я ее встречал.

– Это чтобы нам стало лучше... – прошептала она. – Твой мастер не скоро вернется, он глядит в гармонию единства... Ну, давай, успокойся... Все... Вот так...

Она взглянула на меня, снова прищурившись.

Я вырвался, таращась и выгибая тело в странных конвульсиях. Она отскочила, глядя в удивлении и страхе, как я бьюсь на ковре, точно испуганная рыба. Я ударился лицом о собственное колено, а потом, крича, принялся стучать головой о стену, словно хотел себя за что-то наказать. Не слишком сильно, чтобы не потерять сознание, но достаточно, чтобы

разбить нос и перемазать лицо в крови. Я перевернул столик, миски покатались по полу, лампа упала в лужу соуса и, к счастью, погасла. Я издавал хриплые рыки, слабо похожие на человеческий голос; хрипел, хватаясь за горло и молотя головой в подушки. Мне даже удалось вспенить слюну на губах, после чего я выплюнул ее на подбородок. Девушка смотрела еще миг-другой, на ее побледневшем лице потрясение смешивалось с испугом. Я увидел, как она отступила на четвереньках к выходу и наконец, прихватив корзинку, сбежала. Я остался один.

Какое-то время я издавал разнообразные дикие звуки, мечась по келье, потом захрипел и стих, словно ослабев. Только настороженно прислушивался.

Знал, что если адептка вернется поменять шкатулки, в надежде, что я потерял сознание, мне придется ее убить.

Потому что я вспомнил. Узнал ее.

По крайней мере, так мне показалось. Это было почти невероятно, но если я не ошибался, знал наверняка: останься она еще на минуту, загляни мне в глаза, притронься я к ней, и она тоже меня узнает.

На свою и мою гибель.

Мирах.

Наложница, с которой моя учительница и любовница Айина, единственная моя Айина, века назад приказала провести ночь в любовных соревнованиях.

Мирах, что должна была проверить, сколь многому я научился. Века назад, в далеком городе, в павильоне дворцового комплекса, называемого Облачными Палатами. Молодой князь – и она. Прекрасная, смуглая, как кебирская княжна. Она сбрила красные волосы, сменила полупрозрачную, словно туман, одежду на широкое полотно наряда адептки, сняла тонкие цепочки с лодыжек и запястий, вытатуировала на щеках и лбу святые знаки, исхудала, но у нее оставались те же глаза, подобные изумрудам. Те же губы. Те самые ладони, которые я прекрасно помнил.

Я сидел на постели, вытирал куском тряпки кровь из носа и чувствовал, как от страха, усилия и восторга лупит мое сердце.

Внизу живота я чувствовал острую боль от неразрешенного бремени, и чувствовал, как трещит у меня в побитой голове.

Я надеялся, что ошибся, что, возможно, это был кто-то похожий, может, ее родственница. Однако я знал, что обманываю себя. Есть вещи, которые невозможно забыть. Порой можно промыть мысли, как под дождем. Можно лишиться воспоминаний даже о том, что раньше казалось

предельно важным. Но ласки и взгляды любовников остаются. Особенно те ласки, какими сумела одарить меня Мирах. И те ее взгляды. Ее губы, ее глаза и пальцы. Я был уверен.

* * *

До утра я сидел и слушал. Глубокая темная ночь лабиринта несла какие-то звуки: не то шепот, не то шаги, но когда я выглядывал из ниши, никого не видел. Я начинал дремать, но хватало свиста ветра или крика птицы, чтобы я просыпался.

Для уверенности я перенес шкатулку, стараясь не прикасаться к ней иначе как через тряпку, и разместил так, чтобы до нее невозможно было дотянуться, не потревожив мой сон.

И все равно я спал мало и беспокойно.

Брус вернулся лишь под утро. Вполз в нишу и уселся под стеной, растирая руки, словно трясаясь от холода. Он был бледен, а на плече его появилась пурпурная припухлость от укуса.

Он взглянул на меня, но дотронулся кулаком до губ, прежде чем я решился заговорить. Я сидел неподвижно и знал, что он борется с усталостью. Его голова то и дело падала на грудь, но через миг он снова просыпался. Так же, как и я.

На рассвете нам принесли ведро воды для омовения, немного каши из овощей и даже сладковатые ореховые коржики. Все это принес лысый старикан, Мирах не появилась.

Мы молча собрали свои вещи. Я понятия не имел, что случилось в комнатах архиматроны. Мне лишь пришло в голову, что если бы Брус ее убил, как подсказывал рассудок, он бы вернулся ночью. Кроме того, он не приказывал спешить. Сразу после завтрака надел маску и говорил со мной, только издавая короткие приказы, подобные тем, какие отдают собаке. А чаще просто указывал на что-то пальцем.

Едва мы завернули шкатулку и привели в порядок одежды, появился тот же жрец неясного пола, сопровождавший нас вчера.

– Архиматрона передает корзину плодов и пожелание, чтобы дорога, которой идет Слово, была выстелена благословениями Подземной Матери, – промолвил он.

– Пусть Мать опекает эту Башню и всех, кто укрылся в ее тени, – ответил Брус, впервые в тот день заговорив.

Нас вывели на внешний двор. Я шел молча, чувствуя, что сердце мое

выскакивает из глотки. В любой момент ожидал увидеть храмовых стражников, стену круглых щитов с рисунком Подземного Лона и копий. Мне казалось, что их приведет Мирах или архиматрона, а порой я думал, что нас ждут у ворот.

Вместо этого я увидел нашу трофейную повозку с отремонтированной осью и впряженными в нее теми же животными. Брус взгромоздился на сиденье и замер на кожаных подушках, потом движением пальца приказал раскрыть над собой большой зонт. Я сделал, что он приказал, окинув взглядом тылы повозки, и убедился, что наши корзины, шпионские посохи, узлы с одеждой лежат так, как мы их оставили.

Я взял вожжи и длинный хлыст.

Потом мы долго стояли в молчании и ждали.

Я услышал скрежет запоров, и наконец ворота отворились, впуская немного солнечного света. Я хлестнул мулов прутом, двуколка тронулась, и мы выехали в город. И снова поехали в сторону моста.

Идя, я задрал лицо к солнцу, думая, что вижу его заново. Даже забитая, вонючая площадь, бедные улочки и кривые халупы поселения Аширдым казались мне красивыми.

Однако я знал, что радость моя преждевременна.

Мы катили через город, и где бы ни появлялась наша повозка, люди падали на колени, упираясь кулаками в землю. Я шел и ни разу не оглянулся на торчавшую над окрестностями Красную Башню.

На этот раз перед мостом было немного людей.

Но армейские стояли точно так же, как накануне.

Я взглянул на преграждающие мост боевые фургоны, обвешанные щитами, и снова почувствовал себя так, будто в глотке моей свернулась змея.

– Ни слова, – прозвенел голос из-под маски Бруса.

За столом сидел уже другой десятник. Он обмотал голову платком, попивал воду из баклаги, а ноги поудобнее положил на стол.

В очереди ждали едва несколько человек: одинокий путник, семья с несколькими детьми, старик, опирающийся на палку.

Под стеной, неподалеку от моста, еще не было толпы задержанных. Пока там сидели на корточках лишь трое путников, с руками, сплетенными за головой. Их охранял солдат с копьем, сидевший на бочке и жрущий фрукт. Остальные бродили по площади или сидели в тени под стеной в крикливых группках и играли в кости. Между ними стояла оплетенная ремнями тыква, солдаты передавали друг другу глиняную трубку, бесцеремонно выпуская клубы бакхунового дыма.

Я подумал, что хватило бы хона кавалерии, чтобы разбить их в пыль. И чуть больше, чтобы захватить весь город. Только что дальше?

Когда мы подъехали к первому посту, его командир как раз заканчивал разговор с семьей, сбившейся в тревожную группку. Мужчина и женщина нервно копались за пазухой и в одеждах, а рядом со столиком стояла большая корзина, из тех, в каких носят хлеб, где лежали самые разные предметы. Нож в деревянных ножнах, горсть медяков, украшенные черепаховым панцирем коробочки, немного дешевой бижутерии, цветные тряпки. Или путникам полагалось платить заставе, или были это запрещенные предметы, поскольку я заметил в корзине две украшенные металлом тыквы на ремнях, в которых в дороге носили пальмовое вино, а еще красивую трубку из серебра и дорогого дерева.

Женщина с головой, укрытой платком, вздрагивая от сдерживаемых слез, развязала узелок, из которого вынула две маленькие серебряные сережки с хрустальными глазками. Командир оглядел их презрительно, бросил в корзину и кивнул в сторону прохода между повозками.

Прежде чем все попадали при нашем появлении на колени, между повозок успел войти еще и одинокий путник. Высокий мужчина в потрепанном дождевике, с посохом на плече, с лицом, прикрытым полями шляпы путника. Носил он одежду синдара, но по тому, как она на нем сидела, и по осанке он напоминал мне киренена. Путник бросил в корзину горсть новых железных гвоздей и пошел навстречу старухе.

На этот раз нам не пришлось объясняться или ссориться. Хватило двуколки, одежд и тени Башни, что волочилась за нами. Брус даже не стал тянуться за висящим на шее знаком.

Повозку откатали на другую сторону моста, освободив нам проход.

Но едва мы проехали несколько шагов, раздался крик. Сперва хриплый вопль старухи, затем топот и суeta. Как только я услышал ее карканье, чуть не потерял сознание, убежденный, что дело во мне.

А в следующий момент увидел, как она бросается к высокому мужчине, хватая его за одежду, тянется к его лицу сухими, искривленными, будто когти, пальцами с большими желтыми ногтями. Путник вырвался и бросился наутек. Безнадежно, на тот берег, навстречу еще двум фургонам.

– Грех! Темнец! Темнец! – верещала Ведающая голосом, что звучал, словно крик сойки.

Один из всадников вскочил на лошадь, но не нормально, а встав ногами на седло, легко, будто вспрыгивая на стол. Еще в воздухе сорвал со спины лук, во второй руке уже держал стрелу, вертанул ими в воздухе в сложном движении и моментально, не целясь, выстрелил – от бедра,

плоско.

Бегущий рухнул на землю с оперенным древком в загривке, но сразу подтянул ноги, встал, покачиваясь, и упрямо двинулся на другую сторону моста, к двум следующим повозкам.

Загонщик по ту сторону упер ногу в борт повозки и тоже выстрелил, таким же моментальным движением, словно не раздумывая. Мужчина остановился на полушаге и покачнулся, на его плетеном плаще появилась кровавая точка и проблеск стали. Брякнула тетива солдата, стоявшего рядом с нами на седле, через миг, с коротким шорохом прилетела стрела с той стороны повозок. Но мужчина продолжал идти. Остановился на миг, сломал стрелу, торчавшую у него в груди, потянулся рукой за спину, схватил древко и вытащил вторую. И сразу же его прошили еще две. Стоявший на седле стрелок захихикал.

Казалось, лучники соревновались, кто свалит путника. А мужчина продолжал идти. Весь залитый кровью, наспигованный торчащими во все стороны древками с пурпурными перышками, держа в ладони обломанный наконечник. Я не мог отвести от него глаз и молился, чтобы он дошел до той повозки. Чтобы удалось ему хотя бы это.

Но через несколько шагов путника пронзили еще две стрелы, и он свалился на камни моста. Попытался ползти, но замер, а я понял, что он все равно победил. Никто не потащит его в башню, никто не разделает, голого, среди дыма и криков, каменным ножом, никто не накормит его кровью старую статую.

Старуха тяжело, со свистом дышала, адептка придерживала ее за плечо. Вторая несла столик.

– Дураки... – выцедила баба. – Его кровь для Матери... Растратили его кровь...

А потом Ведающая услышала громоуханье колес нашей повозки и подняла голову. Я смотрел вперед, стараясь не встретиться взглядом с ее слепыми глазами, прикрытыми золотыми бельмами. Старуха вырвалась из рук адептов и, ощупывая перед собой воздух, стала принохиваться. Вытягивала шею как собака, ноздри ее двигались, словно в поисках следа.

Лучник по ту сторону моста подошел к лежавшему мужчине и легонько пнул его сапогом. Присел и дотронулся до трупа, после чего развернулся в нашу сторону и провел выпрямленной ладонью по шее.

Я знал, что сейчас будет.

Брус продолжал сидеть точно кукла, старуха уже взяла направление и двинулась мне навстречу. «Ладонь, око Матери...».

– Стоять! – раздался крик.

Я оглянулся.

Увидел архиматрону. Она сидела в паланкине, ее сопровождали четверо вооруженных людей со щитами храма и в доспехах.

Я почувствовал, как в горле моем рождается странный, истерический смех. Он медленно наполнял меня изнутри, словно вода – еще миг, и ему придется пролиться.

Что еще? Или над мостом этим висит некое проклятие?

– Стоять! – крикнули снова, когда все замерли.

– Темнец! – завывала Ведающая. – Я чую зло! Эгоизм! Жадность! Чую ненависть! Чую кровь для Матери!

– Хватит! – носилки с архиматроной двигались нам навстречу, я уже видел лица храмовых стражников.

Я решил, что закончу так же, как путник, напомнивший мне киренена – меня не поволокут к подножию статуи. Не получают мое сердце, кровь, кости. Я не накормлю их Мать. Умру на бегу, в безумной атаке на повозки с той стороны. Я слегка притормозил, чтобы в случае чего успеть потянуться за мечом, скрытым в посохе странника, лежавшем на задней части нашей повозки.

Архиматрона внезапно прикрикнула на тех, кто ее нес, и приказала поставить себя на землю. Все вокруг – воины, путники – уже стояли на коленях, уткнувшись лбами в землю. Жрица выпуталась из муслиновых занавесей и двинулась в нашем направлении, ее лицо пряталось в тени, красный плащ развевался.

– Хватит безумств! – крикнула она. – Ты не можешь удерживать посланника! У нас достаточно темножителей!

– Молчи! Я чувствую! Я – око Матери! Ты знаешь, что я не ошибаюсь! Он там есть! Я чую его смрад! Не смей становиться у меня на пути. Это я нахожу! Это я знаю! Это я чую! Мать не ошибается!

– Поезжайте! – бросила нам архиматрона через плечо. – Только быстрее!

Потом снова крикнула на старуху:

– Перестань говорить «я»! Ты знаешь, что значит это слово! Перестань проклинять!

А мы поехали, оставив их орать друг на друга посреди коленопреклоненных людей.

Копыта стучали о камни, колеса тарахтели, внизу среди пены гудела река.

– Он означен! – донеслось до меня сзади. – Это носитель судьбы!

Так кричала старуха. Но говорила она не о Брусе, как могла бы

подумать жрица. Это я был означен. Это я был носителем судьбы.

Что бы это ни означало.

Сперва мы миновали лежащую на мосту шляпу путника, окрашенную светлой смолой, потом – дорожку кровавых капель, в конце которой лежал мужчина. У него было бледное, измазанное кровью лицо, и внезапно он показался мне похожим на моего отца.

Я отвернулся.

Одну из повозок оттолкнули в сторону, копыта ослов оказались на дороге, колеса скатились с моста. Река, город и башня остались позади. Мы снова были на дороге и шли на восток.

Брус сидел все так же – под зонтом, на подушках, не снимая с лица маску, а я шел рядом с прутом, глядя на задницы ослов.

Он все еще был жрецом, я – адептом. Прыщавым Агиреном, которым я был сыт по горло. Если бы мог, убил бы его еще раз.

Я мечтал содрать с себя эти одежды и найти воду, что смывает с меня пыль, пот и страх.

Дорога была пустой. Мы потихоньку поднимались среди скал и небольших осыпей. Деревья росли здесь редко, больше было кустов с плотными мелкими листьями и белыми, словно пепельными, ветками, щетинящимися крупными шипами.

Не было никого, только наша двуколка, птицы, кружащиеся в небе, солнце и рыжая пыль дороги.

– Что случилось на мосту? – спросил я. Мне казалось, что я не говорил нормально уже столетия.

Ответом мне было молчание. Существо на повозке смотрело вперед, словно меня не было.

Мы проехали еще несколько шагов.

– Я хочу знать, что случилось вчера ночью и нынче на мосту, – повторил я громче.

Ничего.

Я забросил прут на повозку. Брус привстал на подушках словно бы с возмущением и повернул ко мне блестящую овальную маску.

– Дай мне воды! – обронил я.

Маска сияла как зеркало, в отверстиях ее таился мрак.

– Слишком близко, чтобы гасить жажду, – сурово выговорил он мне. Слова произносил нормально, без распеваемости Языка Единства, но фразы выстраивал похоже.

Я зашел за повозку и потянулся к посоху шпиона, одним движением провернул кольцо, потянул за деревянную рукоять. Сверкающий клинок

зашипел, как разозленная змея, выскальзывая из своего ложа, сверкнул на солнце. Я взглянул на оружие в руках и вдруг снова почувствовал себя человеком. В кирененской поэзии меч порой называли «изменяющим судьбу».

– Дай мне воды, сын Полынника, – сказал я резко. – И подними эту маску. Я хочу увидеть твоё лицо. Сейчас же! Вода и маска, а не то, клянусь, через миг ты будешь мертв!

Он смотрел на меня из-за маски, неподвижно сидя на подушках: должно быть, он не понимал, что я говорю.

– *Агира, аскаро!* – рявкнул я внезапно по-кирененски. «Это приказ, солдат!» Он вздрогнул, словно его кольнули. Мы оба не слышали звуков собственного языка с незапамятных времен. Даже во дворце его использовали только по праздникам.

– *Агира!* – повторил я чуть громче и еще более требовательным тоном, который использовали командиры. Не крик. Не как десятник в пехотном лагере. А как возмущенный несубординацией император.

– *Кано! Слушаюсь!* – рявкнул вдруг Брус из-под маски и поднял ее.

И я увидел лицо безумца. Брус был бледен, залит потом, глаза его сверкали, будто в горячке. Он смотрел на меня полубессознательно, с идиотской, нервной улыбкой на губах, все его лицо подрагивало, словно он вот-вот взорвется хохотом или плачем.

Я стиснул потную ладонь на деревянной рукояти.

– *Ишида тарай но! С повозки!* – процедил я. Он соскочил на дорогу, глядя на меня диким взглядом, с лицом, искривленным странной гримасой. Мне показалось, что в нем поселился демон, который теперь пытается вырваться наружу.

Я был уверен, что через миг он на меня набросится. Чувствовал я себя так, словно стоял перед большим боевым леопардом, который внезапно взбесился. Потому я не изменил позу, не поднял меч. Если бы я принял боевую позицию, Брус почувствовал бы, что я боюсь. Я стоял, выпрямившись, и властно глядя на него.

Мы стояли так миг-другой, меряясь взглядами. Я позволил моему лицу принять выражение еле сдерживаемой ярости и приподнял меч. Не как для битвы, но так, словно был он палкой, которой хотят наказать собаку.

Брус затрясся точно в лихорадке. Отстегнул ремни и снял маску, опустив ее на землю.

А потом рухнул на колени, вбивая кулаки в рыжую пыль дороги и склоняя голову.

– *Агиру кано! Кодаи масса, тохимон!* Слушаюсь, прошу прощения!

Он говорил по-кирененски странно, будто слова не хотели протискиваться сквозь его горло, а поклон был амитрайским. Верноподданным. Далеким от достоинства кирененских военных обычаев. Он поднял лицо, показывая широкую кретинскую ухмылку, но в глазах его читалось отчаяние.

– *Матагеи*. Хватит, – сказал я. Еще не хватало, чтобы какой-нибудь прохожий увидал жреца, покорно бьющего поклоны адепту. Мы стояли на дороге, неподалеку от проклятого поселения.

– Подай мне воды, – сказал я спокойно. Он встал, заглянул в повозку и вынул баклагу. Я сделал несколько глотков, после чего отдал посудину Брусу и приказал пить. Сомневался, что холодной жидкости хватит, чтобы привести его в чувство. То, что происходило с моим соратником, было ужасно. Он сошел с ума, а может, его пожирала болезнь. Я понятия не имел, что делать. Вокруг ранки на его плече разливалась мерзкая пурпурная опухоль размером с золотой дирхем.

– Что с тобой? – спросил я. Брус все еще трясся, пил крупными глотками. – Это от укуса?

Он покачал головой.

– Нет... Да... Неизвестно... Прости, тохимон. В такой ситуации мыслится Старым Языком. Трудно говорить нормально. Прошу простить меня... *Агиру кано*...

Плохо дело.

– Полежай на повозку, – сказал я. – Мы должны ехать дальше, пока не найдем безлюдное место, чтобы спрятать одежду проклятых жрецов. Лучше поспи. Не надевай маску, но пусть она будет под рукой, на случай, если мы кого-то встретим.

Брус послушно взгромоздился на двуколку и снова сел на подушках под большим плоским зонтом.

Я ударил осла прутом, и мы двинулись дальше.

Дорога была пустой. Никого ни там, куда мы направлялись, ни позади нас. Однако, чтобы избавиться от повозки, нужно было отъехать подальше.

Путь вился по скалистой пустоши, над берегом реки, что пенилась и билась между камней. В раскаленном небе кружили птицы, мошкара лезла в рот и глаза, обсаживала широкие спины онагров.

Брус, в конце концов, сполз на подушках и заснул. Я решил, что так лучше. У него по-прежнему было бледное, пепельного цвета лицо; его сотрясала дрожь.

Поэтому я шагал сам.

Через некоторое время жара начала давать о себе знать, у меня

разболелись ноги. Я мало спал прошлой ночью, а страх пожирает человека не хуже тяжелой лихорадки. Потому я влез на козлы и ехал с удобствами, поедая медовые сливы из корзины и стараясь не уснуть.

Не смог бы объяснить, что именно меня насторожило.

Дорога вилась, как и раньше. Пейзаж оставался таким же. Скалы, тернистые кусты, рыжая пыль тракта и кустики узкой травы.

Яростно ревущая река внизу.

Все по-прежнему.

Но все-таки я чувствовал беспокойство и не мог понять, отчего. Может, пустая дорога, по которой еще вчера тянулись десятки беженцев? Может, мне не понравились скалы на повороте? Путь проходил между двумя скалистыми хребтами, а потом шел вдоль пропасти, где с одной стороны был отвесный, оцетинившийся камнями берег реки, с другой – высокая, словно дерево, скальная стена. Идеальное место для засады.

Так я подумал, вдруг почувствовав, как что-то перехватывает мне горло.

Я сошел с козел и снова поплелся рядом с повозкой, оглядываясь по сторонам, но все было тихо и спокойно.

Слишком тихо и спокойно.

Солнце давило на мою искалеченную и небрежно бритую голову, жужжали мухи, шумела река, в воздухе висела малая птица, выводя монотонные серебристые трели. Она то и дело пикировала вниз, чтобы снова взлететь и зависнуть – высоко, распевая свою песенку.

Я замедлил шаг.

Эта птичка – медуница. Она всегда так делает, когда желает отогнать врага от своих птенцов. Возможно, к ее гнезду в расщелине крадется лис. Или ядовитая ящерица.

Возможно.

Но мне не хотелось входить в скальный коридор, чтобы выйти с другой стороны; в коридор, сжатый между стеной и пропастью.

Медуница свиристела вовсю, надрывая глотку. Где-то в ущелье упал камешек. Щелкнул резко, отражаясь от скал, загрохотал по щебню. Ничего не двигалось.

А потом я увидел короткий проблеск наверху скалы. Просто-напросто искорку. Пятнышко солнечного света, отраженного от хрусталика на скале. Или от полированной стали.

Я ударил вожжами, приказывая животинкам сорваться в бег, и в тот же миг натянул упряжь слева – сильно и резко. Один осел почти встал на дыбы, второй попытался свернуть, и все перепуталось. Ноги, ремни,

дышла.

Онагры остановились, двуколка с треском перевернулась, рассыпав багаж и выбрасывая на дорогу рядом со мной ошалевшего Бруса.

Однако случилось именно то, чего я хотел. Лежащие среди остатков упряжи и отчаянно ревущие тягловые животные и перевернутая повозка, бессильно вращающая колесом в воздухе, моментально воздвигли перед ними баррикаду.

Первая стрела ударила в тот момент, когда повозка переворачивалась, и воткнулась в выпуклый бок онагра. Животное отчаянно взвизгнуло, словно протрубив, еще две стрелы со стуком ударили в дно повозки, следующая с резким посвистом мелькнула над самой его головой, словно стальной шершень.

В нашем багаже не было луков. Да они бы и малогодились.

Брус неловко ворочался, трясая головой, кровь ручейком текла по его лицу и капала на дорогу, новые стрелы с мерзким чавканьем втыкались в бока животных, которые отчаянно бились среди разорванной упряжи. Я подполз, чтобы схватить посох шпиона и прижать его к себе. Вытащил меч, высвободил клинок на другом конце посоха, превратив его в копье.

Брус тоже полз по ржавым камням, пачкая их кровью из разбитой головы, но вместо оружия прижимал к себе серебряную маску жреца. Еще одна стрела отскочила от скалы рядом с повозкой. Древко с треском расщепилось, превратившись в странный цветок.

Походило на то, что толку от Бруса не будет. Он надел маску; я слышал, как гудит внутри словами литании к Подземной Матери.

А они – бежали.

Я видел, как соскакивают со скал и несутся в сторону двуколки с обнаженными мечами. Я слышал топот тяжелых военных сандалий.

Трое.

Они были уже в десятке шагов, когда из ущелья вышли еще трое. Двое с луками в руках, и один в тылу. Эти не бежали, просто шагали к нам; лучники с наложенными на тетиву стрелами. Это были не изогнутые клеенные луки загонщиков, обычное охотничье оружие. Я сумел заметить, что все нападавшие одеты разнородно, главным образом в цвета средних каст.

Двое лучников и четверо пехотинцев.

На меня одного.

Брус лежал, скорчившись, на земле.

– Все сама даешь и все сама забираешь... – донеслось до меня.

Я не мог сбежать и оставить его здесь, да они бы запросто меня

догнали. На этой пустоши я стал бы для стрелков минутным развлечением.

Единственным шансом был редут из перевернутой повозки и то, что они не ждали отпора. Кем бы они ни были, нападая на странствующего с адептом жреца. На двух безоружных путников.

Я спрятал меч внутрь древка и решил сражаться посохом. Пусть он окажется тем, чем должен, – чередой смертельных неожиданностей. Пусть мой противник узнает, что у меня есть меч, лишь когда тот погрузится в его внутренности.

Я еще успел вырвать из повозки сломанный и разорванный зонт и упереть его в землю, после чего присел за ним в готовности, держа палицу под мышкой.

Я слышал, как они перекрикиваются на бегу, слышал, как щебень скрежещет под подошвами тяжелых кожаных сандалий.

Я позволил огню моей души разгореться снова. Бросил в него все, что наполнено злой силой. Словно пропитанные маслом тряпки и просмоленные щепки. Воспоминание о Маранахаре. Пожар, пожирающий Облачные Палаты. Окровавленные лапы, потрясающие головой моей Айины. Нагие люди, набитые в загородку для жертвоприношения Подземной Матери. Мгновения короткие и быстрые, будто искры. Пусть горят. Пусть ревут. А потом – пусть потекут по моим венам.

Мне нужно пробудить в себе тигра. Я тигриный детеныш. Всегда им был. Я – Пламенный Штандарт, Владыка Тигринового Трона, каи-тохимон клана Журавля.

Я чувствовал, как меня переполняет огонь, как гудит в голове, прыскает из глаз, расширяет ноздри, приподнимает мне верхнюю губу. Чувствовал, как отрастают у меня тигрины клыки.

Я услышал, как они кричат друг другу:

– Старик здесь! Голову разбил! Малого не вижу!

– Ищите шкатулку! – раздалось вдали, и тогда я узнал голос Мирах. Адепки, которая могла быть Мирах.

И тогда некто ударом меча отбросил зонтик, под которым я корчился.

И я позволил огню взорваться.

Я выстрелил из своего укрытия как свернувшаяся змея. Палица свистнула в воздухе, когда я был еще в полете, ударила солдата сверху, в запястье, кость треснула, мои ноги впечатались в землю среди его воплей, второй конец палицы попал ему в кадык, враг рухнул спиной на мое бедро, кувыркнулся и грохнулся оземь, вздымая облачко пыли.

Второй прыгнул на меня с мечом, поднятым к виску острием вперед, и с выставленным плечом. Как тот, кто привык укрываться за щитом.

Я провернул кольцо, сзади щелкнуло, я крутанул посохом, который уже стал копьем. Уклонился, ударил, парировал древком и пнул мужчину в колено, уклонился, снова парировал, клинки звякнули, и мы отпрыгнули друг от друга.

У него была рассечена ладонь, кровь начала капать на землю, в пыль, поднятую нашими ногами. Мы стали кружить друг вокруг друга, словно собаки. Все это длилось миг-другой. Станный, растянутый во времени миг. Тот, кого я свалил, еще не сумел встать, третий, что сидел над Брусом с мечом в руке, смотрел на нас с удивлением, но уже прыгал в мою сторону, я видел его распахнутый в крике рот, слышал, как Брус бормочет в маску: «Темножители! Свиньи расколотого мира! Гнев Матери!»

Мы снова схлестнулись, внезапно и яростно, меч щелкнул о твердое древко, удар, блок, укол копьем, уклонение, удар, уклонение.

Словно кто-то – внезапно и быстро – заиграл на кебирийских барабанчиках. В странном, диком ритме танца пустынных воинов.

И снова тишина.

Третий прыгнул ко мне, но остановился на полушаге, схваченный лежащим Брусом за пояс. Они свалились на землю, Брус рычал молитву, словно это было проклятие.

Мы снова кружили друг вокруг друга. У моего противника было широкое загоревшее лицо со шрамом, что вился через щеку и по подбородку, разорванная рубаха разошлась, открывая украшенную татуировками грудь, по которой текла кровь из неглубокой раны. Его глаза напоминали продолговатые капли застывшей смолы.

Он уже не был в стойке пехотинца. Кружил, склонившись на полусогнутых ногах, выставя клинок вперед, будто нож. Это ветеран больших дорог, бедных переулков, поножовщин и шулерства. Он провел десятки схваток, но не мечом – и не с противником, держащим копье.

Тот, кого я повалил первым, стал подниматься, тряся головой и хрипя, держась рукой за горло. Лучники уже подбегали, я слышал топот их сандалий за повозкой.

Они уже поняли, что все пошло не так, как задумывалось.

А потом я слышал только барабанчики, играющие на тренировочном, покрытом стриженной травой плацу. Спокойный голос Мастера Войны, и флажки, бьющиеся на весеннем ветру. Полированные древки в руках и отзвуки барабанчиков. Военный танец.

Я перестаю думать.

Мое тело само знает, что делать. Копье поднимается, крутится в моих руках, живет. Оно – часть меня. Мое тело танцует в ритме барабанчиков.

Которых давным-давно нет.

Они сгорели вместе со дворцом, далеко отсюда, очень давно.

Но я слышу их внутри себя.

Мои стопы ударяют в землю, древко крутится в руках.

Стойка лошади. Удар ласточки, шаг третий, поворотный прыжок, укол.

Все – за долю мгновения.

Я прихожу в себя, стоя в облаке пыли, в низкой стойке текущей воды, с копьем под мышкой, острием, направленным назад. Лицо забрызгано кровью, но у меня ничего не болит.

Я не могу шевельнуть копьем, словно его кто-то держит.

Тот, что стоял передо мной, вдруг выпустил меч и отступил. Раскачивающимся, странным шагом, точно кукла. Совсем как если бы решил уходить домой.

Он схватился за борт перевернутой повозки и рухнул за ней, покотившись по земле и прикрываясь судорожно ухваченной попоной, из шеи его ударил фонтан крови.

Барабанчики бьют все тише.

Я сделал шаг вперед и развернулся, одновременно таща за собой плененное копье, которое с хрустом из чего-то вышло.

Второй нападавший мягко, будто мокрая сорочка, повалился на землю.

Неподалеку еще один продолжал сражаться с Брусом.

С мокрым лицом и задыхаясь, он вертел мечом, рубя и коля, но Брус танцевал перед ним в уклонениях, и клинок резал только воздух. Выглядело так, словно мечник пытался попасть по летающей осе. Но Брус держал перед собой лишь железный знак сколопендры и хрипло молился Праматери.

Маска сидела на его голове криво, под глазом металл был вогнут от удара, но, похоже, Бруса он спас.

Я не успел сделать и шага, когда скрипнули тетивы.

– Кинь копье! – услышал я голос Мирах.

Две стрелы смотрели прямо мне в лицо, я почти чувствовал острое прикосновение их наконечников.

На момент все замерли.

Тот, что сражался с Брусом, подошел к нему и рывком сбросил с него маску, после чего поднял меч горизонтально, целясь Брусу прямо в кадык.

– Стоять! – процедила адептка. На ней была дорожная одежда синдара и бурый плащ с капюшоном. Бритую голову она укрыла под платком.

– Этот щенок убил Шингея, – сказал лучник странно дрожащим голосом, подтягивая стрелу к уху. Его рука чуть дрожала. – Мой брат мертв.

Я говорил, что когда мы поднимем руку на жрецов, случится несчастье.

– *Хара!* – рявкнула она. – Это лишь лунные псы! Благословение Матери с нами.

– Вижу, – пробормотал тот. – Копье летает в его руках как освященное.

– Брось копье! – повторила она.

Я смотрел на человека, который целился клинком в шею Бруса, продолжавшего сжимать в горсти железную сколопендру. Мой соратник стоял неподвижно и вдруг показался мне стариком. Выхода не было, но пальцы не желали слушаться. Если я выпущу оружие, снова перестану быть человеком. Стану животным, которое можно безнаказанно резать. Отчаянно блеющей овцой.

Мои пальцы были словно выкованы из стали. Я с усилием разжал хват: словно разгибая гвозди, – и выронил копье. Оно упало мне точно на носок сапога.

Будь у меня чуть больше времени, чем невыносимо короткое мгновение, за которое летит стрела, мне хватило бы одного движения ноги – и древко снова было бы у меня в руках. Копье.

Меч.

Цепь.

Целый арсенал, скрытый в долбленной деревяшке.

Но у меня не было ни единого шанса.

– Отшвырни копье, Агирен, – произнесла Мирах. – Только легонько.

Выхода не было. Я дернул носком сапога и позволил древку откатиться в сторону. Все еще чувствовал прикосновение наконечников к лицу.

– Где шкатулка? – спросила Мирах. – Если отдашь ее, отпустим вас живыми.

Выходит, она все еще считала меня сельским дурачком.

– Освященная... Шингей, – сказал лучник.

Его голос ломался.

– *Хара!* Где шкатулка, Агирен? Ты ведь не хочешь, чтобы мы убили твоего учителя.

Я громко хлопнул носом и дрожащей рукой указал себе за спину.

– Спрятана в повозке.

– Где?

Я медленно развернулся, слыша, как скрипят обе тетивы. Уже знал, как умру. Прошитый стрелами, как путник на мосту.

Я нашел металлические защелки, спрятанные под сиденьем козел, и деревянную перемычку. Крышка отвалилась, открыв перевернутый сверток.

– Вынь его! – приказала она.

– Сама вынь, Мирах, – ответил я медленно. Она стала неподвижной, широко распахнула глаза. Губы ее раздвинулись в гримасе удивления.

Внезапно она ударила стрелка по руке, приказывая опустить лук.

– Как ты сказал?! – адептка подошла ко мне двумя длинными шагами. – Кто ты?.. – спросила, растерянная, и протянула руку, желая приподнять мое лицо.

Это было одно движение, быстрое, как бросок змеи. Я схватил запястье, выкрутил руку Мирах за спину и притянул ее к себе, пережимая горло вторым предплечьем. Выгнул тело назад и чуть приподнял, заблокировав ноги девушки коленом. Она пыталась меня пнуть, но тогда сразу начинала сама себя душить, а выкрученная рука прошивала ее резкой болью. Потому у нее не было другого выхода, кроме как стоять на цыпочках и бессильно втыкать ногти в пережимающую ее глотку руку.

Установилась полная недоверия тишина, которую прерывали лишь хрипы Мирах.

– Пусть опустят луки, – шепнул я ей на ухо.

– Отпусти ее, не то я убью старика! – орал стражник, направляя клинок в горло Брусу.

– Свиньи треснувшего мира! – надрывался Брус.

– Опустить луки! – крикнул я. – Не то задушю ее!

Я позволил девушке поставить стопы на землю и чуть ослабил захват. Услышал свист, с которым она набрала в грудь воздух, а потом начала кашлять.

– Убейте его! – выдохнула она хрипло. Я подбил ее крестец бедром и снова усилил хватку. Она расцарапала мне руку, дергаясь все резче. Один из лучников опустил оружие, но второй, потерявший брата, все еще целился в меня. Он отошел чуть в сторону, желая найти место для выстрела, но я крутанул девушку, заслоняясь ее телом.

В полной тишине раздался легкий звук, когда Брус выпустил из руки сколопендру, что повисла на цепочке, накрученной вокруг его пальцев.

Мирах пиналась все отчаяннее и дергалась всем телом.

Стоявший напротив стрелок неуверенно поднял лук.

Множество вещей произошли одновременно.

Я услышал свист, и сколопендра в руке Бруса вдруг крутанулась в размазанном блеске стали. Хлопнули одежды жреца, и мой соратник превратился в торнадо.

Раздался крик, и меч стражника взлетел в воздух.

Заходящий сбоку от меня лучник развернулся в ту сторону в тот

момент, когда Брус на него бросился. Цепочка в его руке превратилась в пучок молний.

Стрела пробила руку Мирах навывлет и оцарапала мне висок выше глаза.

Я выпустил девушку, толкнув ее прямо в руки второго лучника. Падая, она вцепилась в его куртку, когда я уже был в прыжке.

Один миг. Все это случилось в один миг.

Мирах падала тому в ноги, я дернул лучника на себе, сбивая его с ног, воткнул ему ладонь в горло, вплеl руку под локоть – и мы вцепились друг в друга как разъяренные псы.

Он был старше меня и намного сильнее.

Полжизни он провел в жестких драках где-то на бездорожьях империи.

Я рос в спокойствии и достатке Дома Стали.

Но у меня был мой Мастер Войны и знание поколений кирененских воинов. Все грязные фокусы, позволявшие более слабому уцелеть в схватке с более сильным противником.

А еще у меня был старший брат. Он тоже был сильнее меня и жестче, чем все разбойники и храмовые стражники, вместе взятые.

Противник навалился всем телом, захватывая мою шею рукой. Это очень опасный хват «ошейник», если враг быстрее и сильнее, из него очень трудно вырваться.

Моя правая рука увязла где-то внизу. Лево́й я ударил его под ребра, но это ничего не дало. Он чуть ослабил захват, и я понял, что он тянется к поясу за ножом.

Я метнулся ладонью над давящей меня рукой и дотянулся до глаз врага. Воткнул в них пальцы и дернул, словно лицо его было маской. Он завыл, и тогда я сумел освободить прижатую правую руку, вбил ладонь ему в пах и раздавил ему ядра.

Повернул его спиной к себе и сумел забросить ногу ему за шею. Он ткнул вслепую ножом, но я заблокировал удар и сплел ноги – изо всех сил. Почувствовал, как он напрягается в моем хвате, и понял, что через секунду он его разорвет.

А в следующий миг я увидел ноги Бруса.

Тот придавил храмовому руку, выщелкнул нож, присел и воткнул клинок ему под ребра.

Я услышал вскрик и хрипы, а потом и собственный крик, когда умирающий конвульсивно воткнул зубы в мое бедро.

Он умер, сжимая мою ногу в челюстях, а я бился и дергался, словно бедро мое жрал тигр. Наконец Брус разжал его челюсть обратной стороной

ножа и освободил меня.

Я с трудом встал и расшнуровал штаны.

Рана была неглубокая, кровь шла из нескольких ранок, оставленных зубами, но вокруг них уже появился большой красно-фиолетовый синяк. Никогда ранее я не чувствовал такой боли. У меня потемнело в глазах, и казалось, что я упаду. Мирах сбежала.

Нет, не сбежала, а брела с трудом, спотыкаясь и раскачиваясь, с плечом, прошитым стрелой.

Опершись о перевернутую повозку, я сблевал от боли и усталости.

Вокруг лежали пять скорченных трупов храмовых стражников, ржавая дорога забрызгана была кровью, почти невидимой на фоне красной пыли.

Тем временем Мирах ковыляла прочь, двумя руками держа железную шкатулку.

Лук того, с которым я сражался, был сломан, но второй лежал на земле неподалеку.

Все еще постанывая, я указал на убегавшую девушку.

Она меня узнала.

У нее была шкатулка.

Она потеряла своих людей.

Не могла вернуться в Башню.

Мирах была довольно далеко, когда Брус деликатно потянулся и отобрал у меня лук.

Достал стрелу, не спеша провел перышком по губам, словно целуя его, а потом натянул лук и выстрелил, почти не целясь.

И промазал. Стрела мелькнула над головой девушки и воткнулась в холмик неподалеку. Я услышал проклятие, а мигом позже Брус натянул тетиву во второй раз. Стрела свистнула в воздухе и попала беглянке в спину.

Мирах вскрикнула и застыла, напрягши тело, – но не выпустила шкатулку и не упала.

Тело, которое я когда-то целовал... Она пыталась идти дальше, уже неловко, едва переставляя ноги. Ноги, которые когда-то...

Внезапно она уселась на землю и наклонилась. Я думал, что она падает, но увидел, что ее руки рвут завязки, а потом морочатся с замком шкатулки.

– Она открывает ящик... – сказал я с удивлением.

– Быстро! – Брус с криком потянул меня по другую сторону ущелья.

Мы упали сразу за телами онагров. Один из них был мертв, второй еще дергался и храпел, фыркая кровью. Я выглянул из-за животного и

сумел рассмотреть, что Мирах не удалось открыть шкатулку. Слабеющие, окровавленные пальцы бессильно скользили по железной скобе, голова то и дело падала на грудь. В этот момент Брус схватил меня за загривок и потянул назад на землю.

– Лежать! – заорал он яростно, и тут на нас обрушилось сияние.

Словно внезапная молния. Сверканье ртутного света. И странный, бесшумный удар, будто сотня муравьиных укусов на коже.

Я скорчился, ожидая грома, но не услышал его.

Только переливчатый свет, который через миг-другой исчез, а в том месте вспух пузырь разорванного воздуха, который внезапно лопнул и раздался во все стороны, освобождая ураганный ветер.

Его порыв ударил в нас с рыком лавины, засыпал клубами пыли, раскатывая валуны, словно были это сухие листья.

Дуновение рвануло спутанных животных, за которыми мы прятались. Над нами пролетело тело одного из стражников, повозка снова с грохотом встала на колеса. А потом – тишина.

И только свет сделался странным, точно близилась гроза.

Я привстал и увидел, что над умирающей Мирах на небе формируется круг темных туч. Концентрические, медленно вращающиеся круги цвета пепла и свинца, пронизанные молниями.

А в центре появилась черная дыра, словно гигантский глаз.

С земли же все выше поднимался крутящийся столп рыжей пыли. Ни Мирах, ни шкатулки не было видно, а там, где она умерла, все сделалось белым, будто засыпано пеплом. Еще я заметил поседевших птиц, которые неподвижно висели в воздухе, словно подвешенные там.

А потом земля начала проваливаться. С грохотом и шелестом она западала в появившуюся из ниоткуда дыру, и та быстро увеличивалась, пока не возник кратер шириной в десяток шагов.

– Уже успокоилось, – сказал я Брусу.

– Лучше не смотри туда! Вещи не изменили свою природу?

– Появилась странная туча, – сказал я.

И тогда начался дождь, теплый и красный, словно кровь.

Брус вскочил на ноги.

– Уходим отсюда. Ты можешь идти?

– Могу, – ответил я. – Но медленно. Очень нога болит.

Туча принесла неестественную темноту и странную, ледяную духоту. Мы забрали шпионские посохи и корзины, надели шляпы путников, накинули плащи-дождевики, которые тут же покрылись красными пятнами.

И мы ушли, стараясь не оглядываться.

Кровавый дождь поливал, но не слишком долго, как и бывает при грозе. Потом он прекратился, но мы продолжали идти. Хромая и опираясь на посохи, маршировали, пока мрачная, клубящаяся туча не осталась далеко позади.

Скоро вновь вышло солнце.

– Если бы она сумела открыть шкатулку, мы бы не выжили, – отозвался Брус.

– Что это было? – спросил я, чувствуя облегчение то того, что он снова говорит нормально.

– Они говорят, то имя богини, – сказал Брус мрачно. – Но я думаю, это просто проклятая земля из урочищ. Они – деют. По крайней мере – хотят этого. Хотят творить чудеса, как пророчица. Каждая Башня и каждая жрица. А ты увидел, как рождается урочище. Потому я думаю, что нынче мы можем немного отдохнуть и снять одежды жрецов. Думаю, этим трактом еще долго никто не сумеет ходить.

Я нашел соответствующее место, прикрытое скалами на вершине небольшого взгорья, и мы с облегчением сняли корзины.

Кровавые пятна на наших плетеных тростниковых плащах высохли, оставив лишь ржавую мелкую пыль.

– Смотри, – показал я. – Это не кровь. Просто ветер подхватил пыль дороги и смешал ее с дождем.

Брус взглянул на мои пальцы и тряхнул головой. Казалось, его вот-вот снова начнет бить дрожь.

– Я разожгу огонь, – сказал он. – Сожжем жреческие тряпки.

Я с радостью сбросил с себя портки и куртку прыщавого Агирена Кысальдыма. Надеялся, что более никогда о нем не услышу.

Я спустился к реке, чтобы умыться, в одной набедренной повязке, со свертком, где лежали желтые одежды синдара. Прихватил и шпионский посох. Решил с этого времени не выпускать его из рук.

Я нашел округлый заливчик, полный камней и обросший кустами, с радостью погрузился в прохладную воду. У меня не было мыльного камня, масла или хотя бы поташа. Но и сама вода принесла облегчение. Успокоила мышцы, смыла пот. Только укус на бедре прошивал рвущей болью, странно острой, будто стражник был ядовит. Ранки уже не кровоточили, но кожа вокруг припухла и почернела.

Холодная вода могла творить чудеса. Конечно, я предпочел бы чистой, кирененскую баню с полированными камнями или деревянными бассейнами, наполненными теплой, пахучей водой. Но годы в Доме Стали привели к тому, что я привык к ледяной купели и потому не чувствовал

особой разницы.

Я одевался, когда внезапно услышал плеск воды.

Замер с поясом в руках, одетый только в штаны и сапоги. Очень тихо присел, потянувшись к посоху.

Плеск повторился: то ли животное вошло неподалеку в реку, то ли плыла лодка.

– Я Гульдей! – крикнул кто-то. – Я неопасен и ловлю рыбу! Меня совсем нет нужды бить палкой! Палка не нужна!

– Покажись, – сказал я и медленно встал.

Из-за скал показался нос долбленки, мелкая ладошка ухватила за скалу.

А потом лодка вскользнула в заливчик. Сидел в ней сморщенный, худой человечек с загоревшей бронзовой кожей. На нем была только набедренная повязка.

Я отступил на шаг, опер посох о скалу, чтобы иметь возможность быстро его схватить, потом надел рубаху и куртку. Это заняло мгновение, при этом я не спускал глаз с рыбака. Ветер утих, и мне казалось, что больше тут никого нет.

– Чего ты хочешь, Гульдей?

– Я тут законов не нарушаю, пусть все станет единым! Лишь плыву к рыбным садкам, освященный синдар.

– А зачем тебе рыба, Гульдей? Ты разве не знаешь, что Мать не позволяет есть тела детей земли? Ты из какой касты?

– А кто говорит, что есть? Я не ем тел! Я всего лишь собираю водную капусту. И все отдаю в храм, как говорит закон. Рыбами я прижимаю водоросли, чтобы их не унес ветер. Хочет ли освященный синдар рыбу? За медяк?

– Мне не нужна рыба, Гульдей. Я лишь бедный странник. Выпусти рыбу. Она тоже хочет жить! Ты не знаешь, что торговля – грех?

– Я не торгую! Я не торговец! Я Гульдей. И я – карахим, пусть все станет одним! Я не хотел торговать. Это грех! Я не грязный хирук! Но если бы я оставил здесь немного водяной капусты и прижал ее рыбой, чтобы ветер ее не развеял, а освященный синдар ее нашел и сам бы выпустил рыбу, пусть все станет единым, то это ведь никакая не торговля! Даже если освященный синдар потеряет где-нибудь здесь, на камнях, медяк!

– У меня нет медяка, Гульдей. Да и что бы ты с ним делал? Уже нет денег.

– Сегодня нет, завтра – будут. Храм, да хранит его Мать, говорит: кто не работает во славу Матери, тот и не ест. Нынче записывают на досточках,

кто работает – и царит беспорядок. Но если тот, кто работает, будет получать медяк, и за него сумеет получить на своей улице еду из общей кухни.

– Я говорил, что у меня нет медяка. Могу потерять три сушеных медовых сливы.

– А не мог бы благородный синдар потерять полоску сушеного мяса? Знаю, что этого нельзя есть, но в дороге на славу Матери – другое дело. Силы нужны.

– У меня нет ничего такого.

– Тогда пусть синдар потеряет сливы, а я потеряю немного капусты и прижму ее рыбой. Но за сливы прижму ее меньшей рыбой.

– А делай, что пожелаешь. Я оставлю сливы и уйду, потому что там меня ждет повозка и остальные синдары.

На самом деле, я должен был его убить, но мне это надоело. Хватит крови. Даже если он скажет, что видел над рекой синдара, что с того? Это маленький худой ловкач. Наверняка все привыкли, что он здесь крутится и ко всем пристаёт.

Я подождал, пока он отплывет и плеск его весла стихнет выше по реке.

Забрал рыбу, а к ней – зеленые матовые побеги с острым запахом. По дороге к лагерю почувствовал, насколько я голоден.

Брус распереживался.

– Это худо, что ты его не убил, Арджук.

– Труп – след куда худший, чем разговор, ситар Тендзин. У нас есть легенда. У нас есть паспорта. У нас есть даже подорожные бумаги, причем из столичного храма. Не можем оставлять за собой тропу из трупов. Сегодня я уже убил двоих! Может, хватит? Он продал мне рыбу! И сам станет сидеть тихо, потому как, если узнают, его накажут!

– Это не игра, Арджук, – сказал Брус, мрачно разглядывая вязку рыбы, завернутую в листья и скворчащую на плоских камнях. – Ты не знаешь, как близко мы разминулись со смертью. Да и со мной не все в порядке, и я не знаю, как будет дальше.

– Может, самое время рассказать, что там случилось?

– Некогда я был разведчиком в легкой кавалерии, – сказал он. – Кроме прочего. Делал всякое. На нассимской войне и раньше. И во время восстания Хромцов в Ихальгаре. Как и нынче, я тогда странствовал, переодевшись или прячась от людей. Мы похищали командиров и курьеров, разгоняли табуны, жгли мосты, порой нападали из засады на отдельные отряды. Скрыто убивали врагов поважнее. Нужно было часто переодеваться и притворяться кем-то другим. У меня есть дар, Арджук. Я

не притворяюсь тем, в кого переодеваюсь. Я им становлюсь. Конечно, я помню и то, кто я на самом деле и что здесь делаю, но где-то внутри. Глубоко. Оттого, переодевшись жрецом, я сделался жрецом. Но случилось кое-что большее.

Он замолчал. Я ухватил щипчиками скворчащую рыбу и перевернул ее. Побегі делались мягкими и ароматными, через минуту-другую еда будет готова. Я потянулся за ножом и разрезал напополам сочную сливу. Недолго раздумывал, не приготовить ли мне еще и орехового отвара. Когда человек обманул смерть, нужно праздновать. Хотя бы во славу Творца. И я все еще жив! Все еще иду в мире. Все еще Странствую-Вверх.

– Архиматрона поделилась со мной вкусом. Не знаю точно, что со мной было, но знаю, что она не добралась до моей истинной души. Я же ее чувствовал. Чувствовал, чем она является, а она чувствовала меня. Мы сделались одним. Они верят, что важно и истинно лишь то, что чувствуешь. Мысли и разум им мало интересны, а порой – вредны. Если кому-то сочувствуется, надлежит ему помогать, если решение изменится, надо его покарать, пусть бы даже и одно, и другое было несправедливым или бессмысленным. Это неважно. Главное – чувство. Я и та женщина на миг сделались одним. Ты никогда ранее не был ни с кем настолько близок. Я тоже не был. Ни с любимой женщиной, ни с матерью. Я был ней и собой одновременно. Она – собой и выдуманным мною жрецом. Мы ощущали свои тела и души. Поэтому ты и я выжили. Но...

Он снова замолчал. Я кивнул, потянулся щипчиками, снял кусочек рыбы с камня и начал есть. Так бывает между кирененами. Это *горо хаку* – разъятие души. Церемония, которую совершают друзья или собратья по оружию, если дела идут всерьез или на душе появляется язва. Порой – для того, чтобы продолжать жить, порой – чтобы получить совет или избавиться от тяжести перед смертью. Я узнал это из того, как он говорит. Во время *горо хаку* нельзя задавать много вопросов. Человек обнажает душу. Сделает это настолько, насколько сочтет нужным. В такой момент он беззащитен, и нужно немало такта, чтобы не ранить его. Чем более важные и больные вещи говорит *гораи ка ман*, тем свободнее надлежит себя вести. Поэтому я ел рыбу и плоды, когда он распарывал свою душу. Я был его *горо дару*. Брус тоже ел, словно мы вели обычный разговор.

– Мой придуманный жрец нас спас, – продолжал он. – Но одновременно он и ожил. Он – во мне. Мой дар на этот раз обернулся против меня. Я уже бывал странствующим лекарем, командиром вражеской конницы, нищим и даже куртизаном. Они рождались во мне, а после, по приказу, уходили. Возвращался Брус. На этот раз все стало иначе. Укус

вызвал к жизни кого-то, кто не ушел. Он зовется... – Брус выплюнул на землю большую кость, – Ундай Чекедей. Жрец, ветеран, неофит. Фанатик. Я сильнее его. Пока что. Придавил его. Однако порой он просыпается, и тогда я погружаюсь в безумие. Он словно дикий конь. Пока что я сумел его взнуздать... Пока что...

Я выплюнул кости в костер и потянулся за следующим кусочком рыбы.

– Никто и никогда не был мне ближе, чем Фатайя, архиматрона. Продолжалось это недолго, но было очень глубоко. Я знаю, что она приказала нас убить, и знаю почему. Знаю также, что она с самого начала имела такое намерение. И все же... Я знаю, что все это смешно...

Брус выбросил шкурку и снял с камня еще один кусок рыбы, перебрасывая его в руках. Ветердохнул мне в лицо дымом, и я отер глаза большим пальцем. Потом напился воды и некоторое время молчал, глядя в землю между своими сапогами.

– И все же, сколько ни вспоминаю, сердце мое обливается кровью от отчаяния. Она приказала меня убить... Фатайя приказала меня убить. Но это ведь все равно что приказала убить саму себя. Мать... Как мне жаль...

Горо хаку – церемониал болезненный. И не понять, для кого больше. Каждый из нас носит в себе немало боли. Когда мы ее высвобождаем, страдает не только тот, кто распахивает свою душу. Роль *горо дару* тоже тяжела.

– Может случиться так, что действие яда ослабеет. Возможно, жрец в конце концов потеряет силы и угаснет – или уйдет. Возможно, я полностью приду в себя. Но может быть и так... что однажды он возьмет верх. Что Ундай Чекедей удушит Бруса, сына Полынника. И тогда...

Я молчал.

– Тогда... тебе придется меня убить, тохимон.

Я посмотрел ему прямо в глаза. А потом съел рыбу и облизал пальцы.

– Всякий яд, который не убивает сразу, после действует слабее. Случается и так, что людей охватывает безумие и они становятся другими. Но внутри остаются самими собой. Жрецы-госпитальеры найдут способ.

Он печально улыбнулся.

– Уже нет жрецов, Арджук. Ими накормили Мать или сорвали с них одежды и загнали рыть землю и разбивать камни. Нет уже храмов Камарассу и Идущего-Вверх. Нет Глядящих-на-Творца. Лампы разбиты, статуи опрокинуты, а их свитки и лекарства ушли в огонь. Есть лишь ты да я. И мы никогда не будем уверены, увы. Ты должен исполнить приказ своего отца и добраться до стран севера. Он знал, зачем. Знал, что это важно. Поэтому если ты однажды заглянешь мне в глаза и увидишь в них

жреца Ундая Чекедея – убей меня. Я молю тебя об этом как твой вассал и твой защитник.

Мы съели рыбу. Кости и остатки листьев бросили в костер.

Обряд *горо хаку* подошел к концу.

Обычно в таких случаях пьют амбрию. В доказательство искренности и чтобы призвать духов-свидетелей.

У нас не было амбрии, и все же после еды мы чувствовали себя так, словно выпили каждый по кувшину. Говорили нормально, но нас охватила огромная усталость.

Она пришла так неожиданно, что я не успел беспокоиться. Мы многое пережили в тот день, но этого недостаточно, чтобы засыпать сидя.

– Поспим до ночи... – пробормотал Брус. – Отныне... станем идти по ночам... так... как... – остальное он пробормотал себе под нос неразборчиво и повалился на бок, выплеснув воду из баклаги.

Я его едва слышал. В моих ушах шумело, и казалось, будто лицо мое превратилось в деревянную маску. Я поднял почти бессильную ладонь и удостоверился, что губы и лицо почти утратили чувствительность. С большим трудом я понял, что что-то не так. Или рыба была несвежей, или плоды от архиматроны отравлены.

Я поднялся на ноги; скалы и пламя костра плыли вокруг. Мне казалось, что земля сделалась мягкой, как трясина, и я упал на колени. Еще пришла мысль, что надо бы заставить себя сблевать, но я не мог даже двинуться. Упал на бок, изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Каменная, страшная усталость наполнила меня, словно вода, вливающаяся в кувшин, и тело мое сделалось тяжелым, как кувшин, наполненный водой. Я не мог шевельнуться, даже когда между скалами появились люди в коричневых одеждах, с лицами, спрятанными под платками.

Даже когда мне на голову набросили мешок – хотя, возможно, это просто опустились мои веки.

Глава 5

Стонущая гора

*Девять песен узнал я (...)
Стал созревать я
и знания множить,
расти, процветая;
слово от слова
слово рождало,
дело от дела
дело рождало.*

Речи Высокого

Просыпаюсь я в темноте. Тепло, сухо, вдали стонет ветер и умиротворяюще плещет, стекая с древних балок, вода. Некоторое время я прислушиваюсь, потом засыпаю.

Просыпаюсь еще несколько раз, и всякий раз вокруг ночь. Я открываю глаза, но ничего не вижу. Лежу на жестком, толстом мехе, им же укрытый – мягким, выправленным, изнутри гладким, словно замша снаружи, покрытом мягкой, словно заячья шкурка, шерстью.

Я не связан. Лежу на кровати, сколоченной из ошкуренных бревен, под бревенчатой же стеной, уплотненной чем-то косматым и пахнущим смолой. По крыше молотит дождь, хлупает вдоль стены; я слышу ветер, шумящий в кронах деревьев.

Встаю, машинально пытаюсь активировать термозрение, однако ничего не происходит. Я заворачиваюсь в мягкий мех и сижу, пытаюсь унять головокружение.

Через какое-то время начинаю замечать слабый жар в очаге по другую сторону комнаты, абрис потолка и темные фигуры спящих людей, укутанных в меха, на ложах, стоящих вдоль стены.

Пахнет сеном, дымом, древесной смолой, пылью и словно бы мускусом.

Вижу и дверь. Закрытую на солидный деревянный запор, но без чего-то еще. Никаких засовов или цепочек.

Я отодвигаю балку и осторожно отворяю дверь. Та скрипит, однако никто не просыпается. Вне дома царит темень, ледяной ветер и монотонно плещущая вода.

Я опорожняю мочевого пузыря, а потом закрываю дверь снова.

Не знаю, где я, не знаю, что происходит, но все это может подождать до утра. Пока что льет дождь, воет ветер, снаружи ночь. А я наработался. Хватит.

Я возвращаюсь на свои нары и укутываюсь в меха, чувствуя, как болят и трясутся от усилия все мышцы.

Я проваливаюсь в глубокий бархатный сон, в котором ничего не происходит. Паскудное ощущение, словно тут что-то отвратительным образом не так, оказывается в папке с надписью «позже».

Сплю.

Просыпаюсь я еще много раз – и всякий раз стоит ночь.

Слышу потрескивание поленьев, тихие женские голоса, какое-то неспешное круженье. Вижу на фоне огня темные, длинноволосые фигуры. Стучат миски, тепло моргает огонек глиняной лампы.

За дверью неизменно плещет дождь или гудит ветер. Шевелит тяжелые куски меха, занавесившие узкие окна, и тогда становится видно, что снаружи все еще царит темнота.

Неизменно темнота и дурная погода.

Погода такая, что только спать.

Потому я заворачиваюсь в меха и сплю.

Погружаюсь в сны, полные битв и секса. Слышу вопли, звон стали, вокруг брызгает кровь и гибнут люди. Бросаются друг на друга в яростном брэнчанье железа; слышен стук ударов, бьющих в щиты, и дикие вопли. Боль и железистый вкус крови.

Или вокруг темнота и жар, вьются тела. Влажные губы и языки, гладкие бедра и вездесущие узкие девичьи ладони.

Битва или секс.

Ярость или вождение.

Попеременно.

И без конца.

Потом меня будит прикосновение легких женских ладоней. На этот раз наяву. На этот раз это происходит на самом деле. Я лежу навзничь, одна женщина сидит около моих ног, вторая стоит на коленях в изголовье, держа мою голову на коленях. Меня растирают какой-то мазью.

Скользкая субстанция пахнет резко и чуждо, немного – будто старым тигром, немного – слежавшимся мускусом, немного – камфарой. Ладони

скользят по моему телу, обе женщины тянут что-то монотонными голосами, я хочу дотянуться до какой-то из них и обнять ее, но не могу пошевелиться. Я словно парализован, когда они втирают мазь в мои бедра, в низ живота и ниже. Я лежу как колода и даже пальцем не могу шевельнуть. Только повожу глазами.

Существует лишь ночь, ливень, ветер, их голоса и руки.

И я вновь лечу над скалами и деревьями, где мужчины бросаются друг на друга, словно псы, где гремит сталь, на землю брызжет кровь, падают отрубленные головы и руки.

А позже я падаю в объятия высокой, стройной женщины с узкими черными глазами, похожими на бойницы, с волосами, напоминающими вьющееся кровавое пламя.

Когда я в очередной раз просыпаюсь, мне дают пить, а вокруг снова ночь.

Я пью из узкого конца рога, вновь с головой на коленях женщины, она гладит меня по лбу и что-то шепчет. Напиток горько-сладкий, пахнет травами. Каждый глоток разливается у меня в груди волнами тепла.

А потом снова темнота.

Я начинаю восстанавливаться, поскольку в очередной раз просыпаюсь самостоятельно и пытаюсь встать.

Снова ночь, горит огонь в очаге и мигает лампа.

Я сажусь на нарах, встряхиваю головой. Кажется, что она наполнена битым стеклом.

Все еще ветреная, дождливая ночь, я не знаю – новая или та же самая, в доме все еще царит полутьма, но я впервые могу хорошо разглядеть женщин. Их спутанные длинные волосы кажутся черными, как ночь за дверью дома. Младшая и старшая. Словно две капли воды, с овальными лицами, темными бровями и небольшими полным губами. Когда бы не глаза, заполненные радужкой, глаза-карбункулы, глаза будто капли смолы, когда бы не тот взгляд насекомого, они были бы вполне симпатичными. Может, сестры, а может, мать с дочерью, хотя одной, кажется, нет и двадцати, а второй за тридцать. Здесь это возможно. Здесь люди быстро взрослеют, быстро живут и рано умирают.

Но не здесь и не сейчас. Здесь лишь дождь, секущий крышу, огонь в очаге и сны. Время здесь не движется.

Они говорят со мной и хихикают, но я не понимаю ни слова. Жаль. Получаю миску похлебки, но кормить себя не позволяю.

Похлебка мутная, солоноватая и чуть клейкая, напоминает китайский суп с водорослями. Я вливаю в себя очередные ложечки и чувствую, как

возвращается жизнь.

Но я не могу ни о чем спросить, а они не могут мне ничего ответить. Сажу с деревянной миской на коленях, небрежно укрытый краем шкуры, и гребу ложечкой, сделанной из рога, а девушки сидят по сторонам от меня и что-то монотонно повторяют.

Та, что помоложе, гладит меня по лицу, старшая – по бедру. Мне это нравится. Не знаю, чего они хотят, не знаю, отчего так происходит, но мне кажется, я в наилучшей ситуации с тех времен, как приземлился где-то на прибрежной скале за Пустошами Тревоги.

Но чувствую беспокойство. Мой мозг начинает просыпаться.

– Почему постоянно ночь? – спрашиваю.

Они смеются.

– Кто вы такие? Как долго я спал?

Они смеются еще сильнее. И только.

Они ведь меня не понимают. Вместо этого расшнуровывают простые полотняные платья и стягивают их через голову. Я не протестую. Не привык к такому поведению, но выделяться не стану. Ложу из бревен достаточно широкое.

А потом мы засыпаем.

При очередном пробуждении мне удастся прийти в себя чуть лучше. Я на минутку выхожу по нужде; снаружи, очевидно же, ночь и, для разнообразия, снег с дождем.

Но когда возвращаюсь, нет уже чувства, что я шестнадцать часов проработал в каменоломнях.

В ту ночь я впервые вылавливаю слово. Из каменного скрипа, который издают девушки, выхватываю горловой звук, который отворяет в моем мозгу дверку, узнаю знакомое придыхание. Слово это что-то значит.

Whah'ta. Как-то так.

– *Whah'ta*, – повторяю я. «Вода». Или «той воды». Нет... тогда бы, скорее, было *w'hah'ta*...

Они сразу подскакивают ко мне, старшая присаживается передо мной на колени и хватает меня за руки, потом двумя пальцами прикасается к моим губам.

– Вода, – говорю я.

– Вода! – вскрикивают они, одна перед другой. – Вода!

Младшая приносит целый кувшинчик. Я пью.

Следующее слово я не понимаю. Но повторяю его несколько раз, настолько точно, насколько могу. Они нетерпеливо поправляют меня, я повторяю снова.

И внезапно, через сколько-то раз, слово попадает прямым в мой языковой центр, словно вышибив дверь.

W'haskjatlar.

Кувшинчик.

Девушка трясет кувшинчиком и кричит: «Кувшинчик!» Я кричу: «Кувшинчик» и «вода»! Честно говоря, здесь совсем не это наибольшее безумие.

Некогда я знал этот язык. Память слов, грамматики, произношения все еще должна сидеть в центрах памяти и речи. Соединения нейронов, приводившие к тому, что я мог на нем говорить, должны продолжать существовать, что бы ни случилось с цифралом. Даже если он покинул мой мозг и сделался летающей вокруг феечкой из мультика. Феечкой, которая, кстати, куда-то запропастилась.

Я слушаю их голоса. Уже знаю, что та, которая постарше, зовется Сильгой, а та, которая помладше, – Синней. Говорят они много, что-то мне рассказывают, смеются. Звучит все словно шум, издаваемый деревянной мельницей с водяным колесом, но среди скрежета, тархтеня и плеска начинают проявляться знакомые звуки. Слова.

Слова, которые я некогда знал.

Поэтому я сижу и слушаю мельницу, ожидая слов. Я не должен их учить. Каждое новое просто-напросто вскакивает на свое место. Но все равно движется все это медленно. Я пользовался словарем из каких-то тридцати тысяч выражений. Если всякое пробуждение – это один день, а я всякий раз буду отыскивать по три слова, все мы в этом доме успеем постареть прежде, чем сумеем поговорить.

Я все еще слаб. Уже не настолько, как в самом начале, но все же. Просыпаюсь на довольно короткое время, а после вновь засыпаю. Всегда в ночи, в полной темноте. Теряю ориентацию и чувство времени.

Горит огонь, кипит суп в котле, девушки говорят и сидят при свете лампы. Я слушаю, повторяю и пытаюсь набраться сил.

Но едва я начинаю думать и обретать ориентацию, на меня опускается усталость и я снова засыпаю. Я пойман в бесконечной дождливой ночи. Делю время между сном, едой, сортиром, который представляет собой часть каменной бани, курсом языка Побережья Парусов и сексом. У меня нет одежды, я не выхожу во двор и не знаю, как давно не видел солнечного света.

Зато во время коротких периодов сознания я начинаю складывать свои первые предложения. Пока имбецильные: «Я есть суп хороший, спасибо». Но все же это какие-то начатки языка.

Свет дня я вижу лишь во сне. Тогда я лечу, словно птица, над горами, между скалами, кустами и сухой травой. Непременно попадаю туда, где звенит сталь и брызжет кровь. Как если бы меня что-то туда притягивало.

Но с того времени, как я начал обретать язык, что-то изменилось. В моих снах вновь появилась женщина. Высокая, почти моего роста, в короткой тунике и кожаном доспехе, укрепленном плитками металла, с волосами будто кровавое пламя, вырывающееся из-под глубокого шлема. Она держит копье с двумя наконечниками, с каждого конца древка, а еще овальный щит. Всегда стоит среди сражающихся, раскинув руки, а у ее ног идет резня.

Ее никто не видит. Она таинственно улыбается, экстатически раздвигает губы, а на ее лицо брызгает кровь из чьего-то распоротого горла.

– Два наконечника, – говорит она мне, показывая копье. – Два наконечника. Жизнь и смерть. Оба ранят. Видишь?

Она говорит медленно и отчетливо, простыми предложениями, собственно, предельно короткими фразами, но я все равно понимаю не сразу.

– Два наконечника, – повторяет она. – Любовь и бой. Оба ранят. Видишь? Это я. Один и тот же огонь в венах. Ярость и *smjoklinga*.

Раньше я не знал этого слова, но о значении его легко догадаться. Я лишь чувствую, что оно полно пренебрежения, как и сопровождающий его жест.

– Я Хатрун, – говорит она. – Человеческое Пламя. То, что сжигает душу. Я даю и отбираю жизнь. Смотри!

И я смотрю на резню, насилие и людей, что вспыхивают дикой жадой в разных далеких местах. В сараях, среди скал и лесных просторов. И в этом всегда есть одержимость, безумие, ярость и насилие. Женщины и мужчины срывают друг с друга одежды, а после жадно впиваются в свои тела, словно желая друг друга загрызть.

Хатрун выставляет перед собой свое странное копье: древко и направленные в противоположные стороны два наконечника.

– Ты можешь выбирать. Жизнь и смерть. Обе ранят одинаково. Знаешь ли ты ответ? Умеешь ли выбирать?

Не умею.

А потому я просыпаюсь, все еще не зная ответа. На самом деле я не знаю даже вопроса.

– Когда утро? – спрашиваю я у девушек. Я часто об этом спрашиваю, но ответа не получаю.

– Ш-ш-ш... – узкая ладонь закрывает мне рот. – Не нужно... Сейчас ночь. Сейчас тихо. Безопасно. Плохие люди спят. Ночью в горах не ходят. Сейчас безопасно.

– Кто такая Хатрун?

Они отпрыгивают от меня с тихим вскриком. Прикрывают лица и прячутся по углам.

– Не говори так, – шипят шепотом. – Не зови ее, пока не зови. Сейчас ты наш... Сейчас спокойно и тихо. Есть крыша и огонь. Есть еда. Не зови ее. За ней идут кровь и боль. Не зови. Она бродит где-то в горах... Это дурное время, война богов... Много крови и слез... Она такое любит. Это ее время.

– Пойдем, – младшая протягивает руки. – Обними меня. Не думай о ней. Она как нож, что ранит каждой стороной. Она смеется, когда льются кровь и слезы. Не зови ее. Лучше возьми меня...

Мало что можно таким способом узнать.

По крайней мере я учусь языку.

Мы снова встречаемся с ней на поле боя. В пустой, усталой телами и доспехами котловине среди скал, где властвует Хатрун. Она сидит на каменном троне с высокой спинкой, скрестив ноги, одна рука на щите, вторая держит копье, упертое в землю одним из наконечников.

Вокруг клубится туман и каркают вороны, похожие на черные кляксы.

– У тебя должен быть ключ, – говорит Хатрун. – Отчего же ты все еще закрываешь глаза? Взгляни!

Она вскакивает с каменного трона и поднимает с земли череп.

– Смотри! – кричит. – Что это такое?

– Смерть, – отвечаю я.

– Нет! – кричит она. – Смотри, что оно на самом деле! Разве не видишь, это камень.

Лоснящийся, желтоватый череп превращается в ее ладони в серый и пористый. Тяжелый. Вырезанный из гранита.

– Что оно? – спрашивает Хатрун. – Может ли быть смертью то, что никогда не жило?

– Но смерть – и это тоже, – отвечаю я.

– Слепец! Оно не может быть смертью! В нем есть птица!

Каменный череп распадается, как яйцо, изнутри вылетает белая крупная птица, похожая на голубя, и поднимается в небо, трепеща крыльями.

– Что он такое? – дразнит Хатрун.

– Жизнь? – эти игры мне не нравятся. Наяву я бы не был так терпелив.

– Но ведь это камень, – цедит Хатрун.

Голубь внезапно падает с тяжелым свистом и ударяется о землю. Неподвижный, серый, расколовшийся на несколько кусков.

– Становится тем, чем ты пожелаешь, – говорю я.

– А ты? Чего хочешь ты?

Я задумываюсь. Хочу убить ван Дикена. По разным причинам. Хочу свой меч... Прежде всего, я хочу вернуть мои вещи и Ядрана. Но хочу ли я этого на самом деле? Хочу найти своих потеряшек и закончить миссию. Хочу вернуться на Землю и отыскать Дейдрре. Есть ли какая-то одна вещь, которой я хочу? Та, что только и имеет значение? Сделать свое и сохранить человечность?

Туман вокруг меня срезает колющий мороз, невидимая сила рвет скалы, выворачивает валуны, и летят вверх, падают на землю, раскинув крылья, мертвые вороны. Убитые воины начинают восставать, хватаются за головы и кричат ужасными мертвыми голосами. Среди кипящего ледяного тумана снуют фигуры с изменяющимися формами. Дейдрре, ван Дикен, потом конь с головой ворона. И все кричат.

– Хватит! – верещит Хатрун. – Только одно! Ты не можешь хотеть всего!

Торнадо стихает. Лишь туман сплетается вокруг, как раньше.

– Взгляни! – зовет Хатрун, протягивая ко мне руку. – Что такое яблоко?

– Фрукт, – отвечаю я тупо.

– Глупец! Что оно такое?

Смотрит в свои ладони, будто видит их впервые в жизни. Смотрит и говорит, но теперь я не понимаю ни слова. Черда монотонных фраз. Они звучат не как заклятия, скорее, как если бы она тщательно рассказывала о яблоке, но странным языком. Это продолжается некоторое время, и наконец в ее тирадах начинают появляться знакомые слова:

– ...сахара... кожа... – и снова пустое бормотание, – что-то... что-то... воды... что-то...

Ее ладонь покрывается инеем, иглы льда окружают стопы. Трава рассыпается в прах. Чуть подрагивает земля.

А потом в короткой, словно взрыв, вспышке появляется яблоко.

То есть: яблоко... Его здешнее соответствие. Овальный плод с темно-зеленой блестящей шкуркой, покрытой оранжевыми точечками.

Но он лежит на ладони Хатрун, пахнет и лоснится. Как во сне.

– Теперь ты! – приказывает Хатрун. – Что такое яблоко? Неужели ты не знаешь?

Мне эта мистическая чушь надоела. Я должен найти суть бытия

яблоком? Сущность яблочности? Дао шарлотки? Сам стать яблоком? Яблоней, господи помилуй?

Удар падает на меня из ниоткуда, он словно выстрел из парализатора, сметает меня на землю, меж трупов, скал, костей и сломанных мечей.

– Дурак! Ты хотел превратить себя или призвать яблоко?! Встань. Встань и протяни руку.

Я встаю и протягиваю руку. Что такое яблоко? Я вспоминаю яблоки: желтые, красные и зеленые, чувствую в ноздрях запах яблок, прикосновение восковой кожицы, белую твердую мякоть, скрипящую на зубах, сок.

У меня сводит челюсти, что-то кислое заполняет рот, я давлюсь, и на меня рушится новый удар. Я корчусь, поднимаюсь на ноги и послушно протягиваю руку. Что-то подсказывает мне, что это не просто сон.

– Что такое яблоко? – терпеливо повторяет Хатрун.

Ладно. Что такое яблоко? Естественно, фрукт. Плод дерева семейства розоцветных. Отдельное яблоко принадлежит к одной из нескольких сотен съедобных разновидностей. Но что оно такое? На самом деле, оно – губчатое творение из целлюлозы и пектиновой оболочки, наполненной водой с растворенными в ней минеральными солями, изрядным количеством фруктозы, глюкозы и кислоты. Я вижу прокручивающиеся перед глазами цепочки частиц сахаров, полимерные частицы кислот, отдельные комбинации органических связей. Но ведь яблоко – это еще и искра жизни. Живые клетки, которые разрастаются по мере роста плода, увеличиваются, обрастают слоями, защищают семена, сокрытые в гнездах внутри. Миниатюрные бомбы, полные генетического потенциала, которые попадают в землю и взрываются деревом. Их окружает толстый слой мякоти – как приманка. Исходящая ароматизирующими связями, кричащими «съешь меня». Все для того, чтобы зерна прошли сквозь пищеварительную систему того, кто поймается в ловушку, и попали в землю с порцией свежего навоза. Я отступаю, переплетения больших, разветвленных частиц убегают вниз, создают мясистые, сочные клетки, покрываются кожицей.

Яблоко.

Я вижу вспышку, слышу треск, словно рядом бьет миниатюрная молния. Чувствую толчок в ладонь, и в ней оказывается яблоко.

Земное яблоко.

Красное, созревшее и твердое, пахнущее солнцем.

– Яблоко, – говорит Хатрун. – Смотри!

Я подношу его к губам, но прежде чем успеваю воткнуть зубы в

кожицу и с треском оторвать сочный кусок мякоти – просыпаюсь.

И снова ночь. Девушки плачут.

– Она нашла тебя... – плачет Сильга. – Наше время подходит к концу...

Она прижимается и обнимает меня изо всех сил, словно я был кем-то близким, или она хотела попрощаться со мной. Отчаянно всхлипывает и вжимается в меня всем телом. Я глажу ее по спине, целую мокрые щеки и чувствую, что она вся дрожит.

Смотрю, как они шьют у огня при свете лампы. Это мужская одежда. Полотняные штаны, рубаха, шерстяной кафтан, жилет. Шьют они быстро, уверенными движениями, с умением, пробуждающим зависть. Мелькает костяное шило, сплетая косматую шерсть в длинные, до колена, носки. Собственно, чулки, если честно. По крайней мере теплые.

Синнья стоит на коленях на меховой шкуре у очага, кусочки кожи разложены вокруг нее, тут же шило с деревянной рукоятью и небольшой молоточек. Синнья делает сапоги. Большие, из мягкой выделанной кожи. Высокие. Как минимум, 45 размера.

Шьют они очень внимательно, обе склонены над работой и лишь украдкой то и дело утирают глаза.

Во всем остальном тут тихо и спокойно. Ветер воет в трубах, в очаге потрескивают поленья, успокаивающе и монотонно стучит дождь.

Но это какое-то неестественное спокойствие. Искусственное. Что-то висит в воздухе. Я сижу и смотрю в огонь или на ловкие пальцы Синньи и Сильги. Они спешат. Словно вечная дождливая ночь за окном подходит к концу.

Хатрун ждет меня на той же вершине, что и в прошлый раз. Ветер развеивает ее волосы как пламя факела. Она сидит на своем троне и не говорит ни слова.

Только указывает пальцем на лежащий перед ней меч.

Я поднимаю его и не знаю, что дальше. Просто держу оружие и жду.

Хатрун принимается тихонько нить на языке, которого я не понимаю. Впрочем, возможно, она просто использует сложные слова, которые я не в силах вспомнить, а то и никогда не знал.

Рукоять в моей ладони становится гладкой и холодной, принимается пульсировать, потом – корчиться. Я гляжу вниз и вижу, что держу за хвост змею. Живую черную змею, которая напрягается и свивается, будто зигзаг молнии. Треугольный абрис головы обещает ядовитые железы рядом с челюстью. По крайней мере – на Земле. Я видел, как здешние змеи скусывали кусочки мяса, в то время как наши обычно проглатывают жертву

целиком.

Змея вьется в сторону моего запястья, поэтому я поднимаю руку и щелкаю змеей, словно бичом, после чего отпускаю ее на землю и растаптываю голову. Все это происходит за один миг, но когда моя нога отзывается резкой болью, я почти уверен, что змея меня укусила.

Нет. Просто змея уже не змея. Она подвижная полоса огня и жара. А я наступил на очаг.

– Как ты это сделала? – спрашиваю я и отряхиваю штанину. – Как ты превратила оружие в гада?

– Точно так, как ты получил яблоко. Нужно призвать изменение. Хотеть его и знать, в чем оно должно состоять. В точности. Ну, и быть там, где оно тебя услышит. Мне нельзя говорить ничего больше. Мне нельзя говорить подробно. Мне нельзя тебя ничему учить.

– Тех ты научила, – протестую я.

Она сжимает губы и медленно встает. Я вижу свет, мерцающий, как северное сияние, который охватывает Хатрун; вижу ее узкие, словно бойницы, глаза, до сего момента наполненные чернотой, но теперь разгорающиеся, словно ацетиленовая горелка. Длится это лишь миг. Один ужасный миг, а потом Хатрун садится. Огонь угасает.

– Это не я, – цедит она явственно и медленно. – И полагаю, что никто из таких, как я, хотя наверняка не знаю. Полагаю, они научились сами. Отличаются от тебя, хотя вы принадлежите к одному и тому же виду. Ты глядишь на мир таким, как тот есть, и стараешься справляться с ним, как умеешь. Ты предпочитаешь действовать. Если видишь нечто, чего не понимаешь, предпочитаешь до него не дотрагиваться. Отворачиваешься и уходишь. Предпочтешь не касаться, чем испортить. Веришь лишь в то, что имеет для тебя значение. Что можно использовать. Те – другие. Они не хотят проходить сквозь мир. Они хотят его менять. Им нет дела, поймут ли они что-то и не уничтожат ли это случайно, поскольку они уверены в своей мудрости. Верят в слова. Все описывают словами. Им нет дела до поступков. Они думают, что поступки – не главное. Совершают их мимоходом. Жаждают изменений, пусть бы те оказались болезненными. Ты изменения ненавидишь. Они ими питаются. Никогда не колеблются перед тем, чтобы призвать изменения, и им нет дела, что тогда случится. В этом разница между вами. Оттого они переворачивают мир вверх ногами, а ты не можешь управиться с обычным яблоком.

– Если ты – один из богов этого мира, отчего их не уничтожишь?

– Неважно, кто я такая. Это ничего тебе не даст. Я не имею права ничего менять по собственному разумению. Мне даже нельзя ничего тебе

больше сказать.

– Я уже видел богов этого мира. Во сне. Ты тоже там была, Хатрун. В храме в Аль Хамме.

– Не обращай внимания на сны, – пожимает она плечами. – Если не понимаешь, что видел, лучше забудь.

– Как мог кто-то запереть тебя в клетке? Я спас тебя, Хатрун. Ты была меньше и куда более человеческой, а я тебя спас.

Она фыркает и снимает шлем.

– Скорее я спасла тебя. И продолжаю спасать. Запомни одно. Смотри на мир так, словно бы тот – мысль. Больше не могу тебя ничему научить.

– Мыслить сном? Нервью... Нерв...

– Навью? Нет, я имею в виду кое-что другое. Он настоящий, но всякая вещь в нем является и предметом, и мыслью.

– Почему ты не можешь говорить ясно?

– Потому что мне не разрешено. Таковы правила.

– А что будет, если нарушить правила?

– Равновесие падет. Случится настоящая война богов. Открытая, на уничтожение, а не такая, как сейчас. Или миру придется родиться заново. Придет вьюга беспамятства. Мертвый снег.

– Ты, конечно, не расскажешь мне, о чем речь?

– Ты сумеешь выжить, только если не будешь знать слишком много. Это не те вещи, которые имели бы для тебя значение. С тебя хватит и того, что у тебя есть союзники, но помочь они тебе не могут. Придется справляться самому.

– Если ты не можешь мне ответить или научить, то кто может?

Пожала плечами.

– Возможно, кто-нибудь из людей. Если найдешь таких. Отправляйся прямо на север, через лес, а потом – на восток, через горный хребет. Найдешь дом, в котором живет великий Песенник. Бондсвиф Оба Медведя. Люди приходят к нему издалека за советом. Возможно, он чему-то тебя научит. Ступай к нему и скажи, что хочешь познать песни. Возможно, он согласится.

А когда я просыпаюсь, я не уверен, действительно ли говорил с ней языком Побережья Парусов, или это был лишь сон.

Девушки потихоньку заканчивают шитье и принимаются за новые примерки. Я натягиваю сапоги, штаны или кафтан, а Сильга присаживается рядом с большими, похожими на гвозди шпильками во рту и делает поправки. Позже мы едим – в странной, натянутой атмосфере. Обе, разговаривая со мной, стараются шутить, но их глаза блестят от слез. Когда

я на минутку отхожу или просто отворачиваюсь, вижу, как они украдкой утирают глаза. В воздухе висит неопределенная, но явственная грусть.

Атмосфера – как если бы кто-то здесь собрался умирать.

Потом во тьме, среди мехов, они попеременно то всхлипывают, то сплетаются со мной воедино в отчаянной страсти.

– Помни о нас... – слышу я шепоты. – Я Сильга... Помни... Я Синнья... Помни о Синнье... Она придет... Желает тебя забрать... Помни...

Я засыпаю среди этих шепотов. Без видений, тяжелым крепким сном.

Будит меня свет. Впервые с не помню какого времени. Слабый, синеватый свет рассветного часа или мглистого утра. Я не слышу дождя. Снаружи доносится лишь карканье.

Свет падает мне прямо на лицо. Я открываю глаза и вижу серое, свинцовое небо.

Вижу его сквозь дыру в крыше.

Сквозь множество дыр. Крыша точно решето. Трухлявая дранка свисает с посеревших балок, валяется во мху, гнилой соломе и заплесневелых остатках мехов.

И кости.

Маленький пожелтевший череп скалит мелкие зубы рядом со мной, смотрит мне в ошалевшее лицо дырами глазниц. Я вскакиваю как ошпаренный; нога скелета, переброшенная через мое бедро, падает, и все рассыпается с тихим, жутким постукиванием.

Из моей руки выпадает яблоко и катится по заросшему мхом глинобитному полу.

Земное красное яблоко, пахнущее солнцем Штирии.

Одно жуткое мгновение я мечусь между ребер, позвонков и голеней; мелкие кости ладоней рассыпаются на моем плече.

Я выпутываюсь из трухлявых нар и с воплем выскакиваю наружу, отряхиваясь, словно по мне ползают насекомые.

Это длится несколько минут, и лишь затем я перестаю трястись, топоча в некоем кретинском танце, и прихожу в себя. Машинально, совершенно бессмысленно я пытаюсь активировать цифрал. Это всего лишь истерика.

* * *

Он стоял на небольшом, заросшем папоротником подворье перед

завалившейся, разрушенной хатой, что напоминала подохшего зверя. Хозяйственные строения по сторонам были в еще худшем состоянии: строения для скота давным-давно пожрал огонь, конюшня и сарай выглядели так, словно их использовали для тренировок артиллеристы.

Солидные ворота в частоколе, похоже, когда-то развалили тараном, а может, и порубили топорами. Кусок ворот свисал на одной петле, все остальное – в виде источенных балок – лежало среди папоротника, а то и просто исчезло.

Чтобы выйти из шока и ужаса, ему понадобилась пара десятков секунд. Потом он еще стоял в ошеломлении и трясся добрую минуту. Наконец пришел в себя. Понял, что замерз. А еще через минуту-другую вошел в дом.

Внутри, несмотря ни на что, ему все казалось знакомым. Те же нары, срубленные из бревен, вдоль стен между деревянными столпами, тот самый очаг, нынче частично поросший мхом, холодный и мертвый.

Он ощупал старые, почти превратившиеся в грязь уголья. Над очагом свисала цепь с крюком, к которой был прицеплен котелок. Он сам вешал этот котелок не далее, как вчера. Однако крюк ржавый, как и звенья цепи. Тут никто не разводил огонь, и очень давно. Годы или по крайней мере год.

Постель, из которой он выскочил, тоже давно никому не служила. Кости, перемешанные с клочьями шкур, лежали в беспорядке, как он их разбросал, но между веточек ребер успело прорасти молоденькое деревце.

– Даже явись я сюда в полном помрачении, – проворчал он, – и реши переночевать в этих развалинах, я бы ни за что не сумел так впутаться в скелеты.

Покинутый дом. Ничего не указывало на то, чтобы кто-то жил здесь неделями.

Он вспомнил о яблоке, но не сумел его найти. Оно исчезло.

Зато нашел одежду. Новую, недавно пошитую и удобную, уложенную на земле, старательно сложенную в стопку с сапогами сверху, как для сержантской проверки. Штаны, рубаха, кафтан, теплый плащ с капюшоном. Те самые, что он примерял вчера вечером. Он узнавал стежки, узоры, нашивные орнаменты. Буквально недавно он держал это в руках.

Он стоял над одеждой и ошеломленно таращился, не в силах ни на что решиться, но потом вздохнул и присел рядом, протянув ладонь к сапогу. Погладил плащ.

– Отчего с самого утра во мне растет чувство, что я уже не контролирую реальность? – спросил сам себя, но все же решил одеться.

Последнее, что он помнил со времен перед вечной дождливой

ночью, – снег, боль и смазанный, размытый образ лучника, что стоит в дверях сторожки с натянутой тетивой. Следующей картинкой в его памяти должны были оказаться финальные титры или врата рая. Он ощупал себя, но не обнаружил ни малейшего следа стрелы. Вообще никаких повреждений. Исчезли синяки и травмы, даже волдыри на ногах от неудобных лаптей. На самом деле, он чувствовал себя превосходно. Главное, ему не докучал шрам от копья; более того, он сделался похож на нормальный человеческий шрам, а не на рану на дереве, обросшую корой.

В изножье нар он увидел источенный временем сундук с порыжевшими от старости железными скобами. Куском палки отвел толстенный слой паутины, стряхнул обильную пыль, открыл и увидел внутри свои вещи. Те, которые были на нем на перевале и в долине драконов. Выглядели они точно так же, как тогда, хотя заросший паутиной сундук указывал, что они пролежали здесь годы.

Он добыл свою скромную амуницию, обрадовался при виде своего большого ножа «Нордланд», требующего ремонта лука в сагайдаке, а еще трубки и остатков табака. Металлизированный мешочек табачной упаковки с инструкциями и рисунками к ним внезапно показался чужим и странным. Он забрал все, а на дне нашел еще и старый меч в ножнах с поясом. Вынул его, критически осмотрел и решил, что после чистки пеплом и заточки сойдет для короткой дистанции. Не дотягивал до его старого оружия, но все равно был несравненно лучше дешевых палашей Людей Огня, один из которых он тоже волок с собой.

Внезапно вспомнил о девушке с перевала. Та выглядела как Хатрун из его бреда, но это ничего не доказывало.

Он застегнул пояс, свернул старый трофейный плащ, а часть тряпок и ошметков просто выбросил. Препоясался мечом, набросил на плечи новый плащ с капюшоном.

– Спасибо, Сильга, – сказал он тихонько, чувствуя себя довольно странно. Горло словно судорогой свело. – Спасибо, маленькая моя, сладкая Синнья... Я обещал, что буду помнить. И я не забуду.

Он развернулся и вышел, не оглядываясь. Осторожно миновал разбитые годы назад ворота и, поразмыслив, двинулся в сторону леса.

Цифраль объявилась сразу же, едва он вышел за ограду и встал на лужайке, безрезультатно пытаясь отыскать солнце.

– Где ты был?! Откуда я тут взялась?! – крикнула она с истерикой в голосе. Драккайнен взглянул на небо и вздохнул.

– Не знаю. Я потерял сознание. Сколько прошло времени?

– От чего?

– От того, как мы перешли перевал. Ты тогда была активна. У тебя должно быть чувство времени.

– Ты был без сознания шестьдесят один час. Что с тобой случилось? Кем была та девица? Откуда у тебя эта одежда?

– Я плохо себя чувствовал. Пришлось лечь, – процедил Драккайнен саркастически, чувствуя, впрочем, некоторое облегчение. По крайней мере, прошли не годы. – Где тут север?

– Я переживала! Я думала, ты помер, тупая скотина!

– Я тоже так думал. Где север?

– Прямо перед твоей мордой!

– Так я и думал, – ответил он. – Спасибо, Цифраль. Мы пойдем кое с кем встретиться. Его зовут Все Медведи или как-то так. А девица – это, кажется, богиня или кто-то подобная. Зовут ее Хатрун. Вы друг дружке понравитесь.

Она лишь фыркнула и полетела вперед, идиотская, китчеватая игрушка. С расстояния в десять метров напоминала странную огромную бабочку. Он уже вполне мог вынести ее присутствие, не опасаясь за собственный разум.

Начал падать снег.

– Ничего странного, – сказал он сам себе. – Скоро праздник. Юха-ха.

Но внутри него поселилась странная, угнетающая тяжесть, которую невозможно замаскировать насмешкой. словно он потерял кого-то близкого. Хлопья снега танцевали вокруг, липли к лицу – его щеки мгновенно сделались мокрыми.

Снег скоро прекратился.

Глубоко в лесу Драккайнен обнаружил след зайца.

– Надо бы поскорее отремонтировать лук, – заявил, ища подходящий камень. – Вспомни-ка: помощь при прицеливании, – решительно приказал Цифраль.

Заяц как раз встал столбиком метрах в пятнадцати и некоторое время настороженно прислушивался. Напоминал скорее миниатюрного кенгуру с легкой примесью капибары.

– Ты же не хочешь его убить, да? – ответила Цифраль возмущенно. – Он красивый!

– Мне жаль, – терпеливо прошептал Драккайнен. – Я бы и хотел пришибить что-то отвратительное, но здесь и сейчас у нас есть только заяц.

– И не думай! Хочешь убить такого славного зверька лишь потому, что голоден?!

– Модуль прицеливания, Цифраль. Пожалуйста.

- Ты гадкий!
- И голодный. Более того, еды у меня нет вообще.
- Ну так бросай! Но я в этом участвовать не стану.

Драккайнен произнес что-то по-фински. Тем временем заяц благоразумно исчез.

– Откуда ты вообще взялась?! – отчаянно воскликнул Вуко. – Невозможно, чтобы в моей голове сидело нечто подобное! У меня ни малейшего шанса выжить!

Он метнул камнем в дерево и попал точно туда, куда целился, словно из штуцера.

Цифраль надулась и улетела.

Когда он взбирался на вершину возвышенности, солнце уже перевалило зенит и на горы опустился туман. Путь шел по хребту и казался вполне удобным. По тропинке могли бы пройти даже кони, и наверняка ее использовали по назначению.

Примерно через час дорога привела его вниз, за очередной петлей открылась котловинка. Круглая, окруженная деревьями, через нее протекал ручей и чуть дальше падал со скалы, поднимая клубы водяной пыли.

– Надеюсь, это здесь, – сказал он, осторожно спускаясь по камням.

Внизу наткнулся на столпы. Те окружали котловинку, расставленные через каждые несколько метров. Старые каменные менгиры, покрытые тщательно вырезанными сложными знаками. Между валунами стояли тотемы из кривых жердей, украшенные конструкциями из перьев, ремешков и мелких косточек, похожие на индейских «ловцов снов». Каждую жердь венчал череп.

– Как мило, – процедил Драккайнен. – Я, конечно, не жду, что меня здесь встретят цветами, но отчего бы хоть раз не оказаться чему-нибудь нейтральному? Скажем, рыбе или глиняному гному?

Он обошел котловинку по линии менгиров, замечая, что совсем рядом с камнями по мху разбросаны кости. Полоса останков тянулась по всему периметру котловины. Их не слишком много: здесь – череп, там – тазовая кость. И не все они были человеческими. В глубине к скальной стене жалась старая искривленная изба, крытая бурой стрехой из ясеневых веток. Над крышей легонько сочился дым. Усадьбу не защищал частокол, что само по себе было странно.

Вблизи водопада он наткнулся на окруженную камнями вытопанную площадку, выставшее кострище и горку веток.

Драккайнен сбросил свой узелок и вернулся к менгирам.

Стоял там некоторое время, затем подобрал большой камень и бросил

его между каменными столпами. Тот покатился по земле, но ничего особенного не случилось.

– Немного же это дало, – проворчал он. – Но сунуть туда руку я не рискну. Ты не могла бы пролететь между теми столпами? – обратился он к Цифраль.

– *Veda keteen!* – рявкнула та.

– Ну, я просто так спросил. Будь у меня кролик, я мог бы кинуть часть его и проверить, не реагирует ли это все на белковые объекты. А лучше всего отправить бы его туда живым.

Ответом было надутое молчание.

Существо появилось внезапно. Откуда-то со стороны избы и склона, точно вынырнув из скалы. Только что там не было ничего, а в следующую секунду оно уже мчалось, порываясь. Цифраль заорала.

Драккайнен решил, что это большой уродливый медведь. Такая мысль мелькнула у него в голове, когда рука уже сжимала меч сбоку от тела, держа клинок чуть назад, в стойке *вакигамаэ*. Он не заметил, когда потянулся за оружием. Пальцы не помещались на слишком короткой рукояти.

«Это не меч для кэндзюцу, – подумал он. – Нужно поработать над рефлексами».

В следующий миг в голове мелькнуло, что медведем существо быть не может. Во-первых, оно слишком маленькое. Здешние медведи сильно напоминали медведей пещерных и достигали невероятных размеров. Во-вторых, приближаясь, создание мчалось на двух лапах, то и дело упираясь в землю кулаками. Немного походило на гориллу, но для нее существо великовато, и морда коротковатая.

Драккайнен смотрел, как волной идет рыжая жесткая шерсть; вглядывался в необычный блеск разума под мощными надбровными дугами. Казалось, земля под ногами трясется. Он медленно вдохнул через нос и перехватил рукоять.

Перестал думать об гипердреналине, которого ему так не хватало в венах; о своем мече разведчика, что теперь находился у какого-то босяка; о полутонном теле чудовища, которое мчится на него, будто косматый локомотив. Он сделался пустотой. Бесконечным числом возможностей, наполняющей пространство от макушки до кончика клинка.

Создание сделало дикий прыжок и приземлилось у самых менгиров. Встало в полный рост и издало ужасный рев, завершившийся горловым рычанием. Повеяло звериным, горячим смрадом: кажется, гнилой фасолью, карбидом и падалью.

«Йети, – подумал Драккайнен. – Точнехонько».

Йети подпрыгивал на месте, горстями вырывал дерн и издавал дикие вопли, щеря ужасающий гарнитур клыков, но то ли не хотел, то ли не мог выйти за линию столпов. Лишь рвался вперед, как пес за оградой.

Вуко некоторое время стоял с мечом в руке, ощущая себя сжатой пружиной.

– Ну так что? – спросил нетерпеливо. – Мы бьемся, или как?

Ответом ему был рык, яростный танец и метание камней в землю. Но ничего конкретного.

– Кажется, я встречал кое-кого из твоей родни на Пустошах Тревоги, Грендель, – обронил Вуко с вызовом. Не спуская с йети глаз, сделал несколько боковых фехтовальных шагов в сторону лагеря, удерживая меч параллельно земле. Чудовище проводило его парой прыжков, после чего снова привстало и загнуло, щеря зубы. Граница, обозначенная менгирами, осталась нерушима.

Драккайнен сделал еще несколько шагов, вдруг просопел: «Да ладно», – развернулся и отошел, не пряча меч. Все это время ему казалось, что чудовище стоит у него за спиной, но одновременно что-то подсказывало: прямая угроза миновала.

Однако меч он спрятал, только добравшись до куреня.

Цифраль висела в воздухе неподвижно, горизонтально, с бессильно разброшенными ножками и раскинутыми ручками, медленно вращаясь вокруг собственного пупка. Прозрачные, опалесцирующие, словно пятно нефти на воде, крылышки висели неподвижно.

Драккайнен уселся на плоском камне и развязал узелок.

– Мне считать, что ты потеряла сознание или просто подвисла? – спросил.

Троль за линией менгиров ходил туда-сюда, нервно порывая, как в зоопарке. Вуко расстегнул колчан и вынул две последние стрелы. Нашел соответствующий кусок дерева, старательно его обстругал, затем поместил между наконечниками и связал ремешком от своей прежней пары обуви. Потом отыскал длинную палку, прикрепил к ней разведенные в стороны стрелы, оплетя конструкцию очередными кусками ремня, и, посвистывая, осторожно пошел вниз по склону в сторону водопада.

Вернулся через полчаса, явно расстроенный и раздраженный. Между наконечниками импровизированного гарпуна вилось скользкое змееподобное создание, слегка напоминавшее гигантскую пиявку, особенно из-за овальной присоски, на которой то появлялись, то исчезали тройные челюсти похожих на когти зубов. Что-то вроде кишечного паразита,

увеличенного до размеров человеческой ноги.

Вуко бросил вьющуюся добычу на землю и смерил уже пришедшую в сознание Цифраль тяжелым взглядом.

– Ни слова, – процедил и пошел за хворостом.

Молча развел огонь, исподлобья глядя на торчавшего у столпов йети. Чудовище порой порывивало в его сторону или издавало пару-другую предупредительных клацаний зубами, но казалось, что ему это надоело. Большую часть времени оно просто сидело и со странно-человеческой сосредоточенностью рассматривало свои большие пальцы.

– Я потерял шлем на перевале, – заявил Вуко скрипуче. – Такой был славный шлем. А теперь ни воды принести, ни вскипятить ее.

– Ты тут встанешь лагерем? – спросила Цифраль.

– А что мне делать? Позвонить в дверь? Сижу и жду господина Все Йоханне Медведи.

Нашел достаточно плоский камень и, поругиваясь, попытался выпотрошить свою склизкую добычу.

Когда он уже сидел у костерка, посасывая трубку и с подозрением разглядывая куски странной речной твари, что скворчали на колышках и капали жиром в угли, начали опускаться сумерки. Цифраль куда-то исчезла.

Драккайнен потянулся за кусочком, который казался запекшимся. Осторожно снял его острием ножа на приготовленный лист. Выковырял немного серого, исходящего паром мяса, поперебрасывал его между ладонями, подул, а после осторожно попробовал.

– Боже милосердный, – произнес возмущенно, выплевывая кусок в костер. – Первая вещь во всем проклятом космосе, которая на вкус точно такая же, как на вид. И при том решительно не напоминает цыпленка.

Поправил остальные куски в надежде, что, получше запекшись, они станут вкуснее, понюхал пальцы и вытер их о траву.

Вытянул перед собой руку и некоторое время всматривался в нее, бурча себе под нос. Ничего не происходило. Опускались мрачные синие сумерки. Шумел водопад. Где-то наверху раздался писклявый крик охотящегося сокола.

Вуко повернул руку в сторону огня.

– Абракадабра, – заявил мрачно и сильнее закутался в плащ. – *Jebem to, piczku materinu!*

Вместе с сумерками пришел туман. Молниеносно и странно, будто выползая со дна котловины, разошелся клубами вокруг менгиров. Бигфут, сидевший между столпами, внезапно сжался и утонул в его клубах, остались видны только желтовато горящие глаза. Создание издало

протяжный писклявый рык. Ему ответил другой звук. Басовитое гудение, доносившееся словно из-под земли. Глубокое, почти инфразвук, на границе слышимости.

Драккайнен бдительно выпрямился и придвинул ладонь к рукояти меча. Потянул носом. Туман пахнул странной гарью и вел себя иначе, чем тот, холодный, с которым ему приходилось иметь дело раньше. Мрачное бурчание отдавалось где-то в черепе и брюхе.

– Это не тот туман, – обронила Цифраль. – Это что-то другое.

– Вижу, – проворчал он.

– Звук доносится изнутри горы, – сказала она с явным испугом. – Из самой середины.

– Слышу, – ответил Вуко и чуть изменил позу, выдвинув клинок из ножен на лишний сантиметр. Что-то коротко вспыхнуло – ярко, словно магнезия. Выстрелило где-то внутри тумана, а потом снова, между менгирами, затем – совсем рядом с ним. Недалеко. Самое большее, метрах в десяти. Бурчание смолкло.

Там, где рассеивались клубы дыма, внезапно возникло чудовище. С ощеренной зубастой пастью и сучковатыми оленьими рогами, бесформенное и покрытое шерстью.

И только через мгновение стало ясно, что это человек.

Невысокий, худощавый, укрытый длинной шубой, в высоких косматых сапогах, что напоминали меховые валки. И в странном шлеме, украшенном рогами. Передняя часть шлема и пространство вокруг лица щетинилось волчьими клыками. Казалось, пришелец выглядывал из волчьей пасти.

Он вытянул в сторону Драккайнена крючковатую палицу, украшенную шипами и увенчанную высохшей рукой трупа: с торчащим пальцем, целившимся прямо в лицо разведчика.

– Прочь, глупец! – воскликнул он. – Боги молчат! Мир заканчивается! Ступай и спрячься, прежде чем змей поглотит солнце! Близится час огня! Боги встают друг против друга! Ты хочешь их пробудить? Ты правда хочешь, чтобы они взглянули на тебя? Ты полагаешь, я займусь твоими больными коровами или беременной дочкой, когда боги готовятся к битве? Ступай прочь, прежде чем они действительно проснутся, глупец!

Под ногами пришлеца то и дело вспыхивало зеленоватое яркое пламя, а в воздух поднимались клубы седого густого дыма.

– Хватило бы сказать «закрыто», – произнес Драккайнен, который уже некоторое время мысленно боролся со словарем. Но когда начал говорить, пошло само собой. – И тыкай в меня чем-то другим, ладно? Можешь одолжить котелок и немного соли?

– Кто ты такой, глупец? – спросил несколько оторопевший пришелец в рогатом шлеме. – Кто ты такой, чтобы прийти в мою келью под Стонущей горой с пустыми руками, но при этом насмехаясь и шутя?

– Бондсвиф Оба Медведя, как полагаю? – спросил Драккайнен. Направленный ему в лицо жезл чуть опустился. – Я прибыл издалека. Мне было сказано, что ты – сильнейший из Песняров... Песенников, и что можешь научить меня песням богов.

Маг фыркнул смехом и взглянул на разведчика, словно на огрызок.

– Ты? Это должен быть ты? Ступай отсюда, глупец! Ты слишком стар. Уходи. Урочище тебя заберет.

Махнул жезлом куда-то к северу.

– Оттуда, из Земли Огня, Земли Соленой Воды и Земли Лошадей приходят ко мне люди и просят помочь! Порой рождаются странные дети, и тогда их приводят сюда. Таких, кто рождается с песнями богов в руках. Таких, что уже в колыбели подчиняют животных взглядом, а едва начиная ходить, умеют отвести полет копья. Но их я тоже отправляю прочь. Уже много лет я не видел никого, кто сумел бы удержать в узде песнь богов. И ты думаешь, что сумеешь это сделать? Ты? А что ты сможешь? Ты Деющий?

– Возможно, – ответил Драккайнен. – Я происхожу издалека. Среди моего рода есть множество Деющих. Я видел Хатрун Пламень Людей, это она приказала прийти к тебе.

– А-а-а... Ты из тех, что видят богов? Такие тоже приходят. В последнее время все чаще. Если у тебя есть серебро, я дам тебе трав. Пей их по утрам и на закате и много спи. Тогда боги не вернутся. А меч этот лучше отнести в какой-нибудь лесной храм.

– Мне твоих трав не нужно, – заявил Драккайнен устало. – Зато я дам тебе два золотых. Если научишь меня тому, что тебе известно о песнях богов. Если силы Деющих во мне нет, все равно ничего не получится, а ты не будешь в убытке.

– Беги отсюда, глупец! – рявкнул Оба Медведя. – Ты не знаешь, о чем говоришь. Это не игра на дудочке! Одна ошибка тут стоит смерти! Страшной смерти! Пробужденные услышат твой запах, парень, и отправятся следом, куда бы ты ни пошел.

– Два золотых, старик.

Бондсвиф внезапно развернулся и ушел. Не говоря ни слова, без предупреждения. Драккайнен потыкал палочкой в углях.

– А теперь для разнообразия увидим сцену из фильма кун-фу, – заявил, повернувшись к Цифраль. – Я буду сидеть здесь в дождь и снег, выказывая

решительность и силу характера. Через месяц мастер милостиво позволит мне служить себе. Я стану бегать с ведрами к водопаду и подметать ему дом, а еще готовить рис. Тут риса нет... Ну, значит, буду готовить желуди и стоять на голове под водопадом. А мастер под предлогом ежедневного услужения ему станет меня учить. Первые годы лишь тому, как дыханием сварить яйцо. Так долго, пока я не достигну просветления. Ван Дикен за это время подчинит всю планету и обе луны, после чего назовет себя императором и пантократором вселенной, установит дипломатический контакт с Землей. У меня нет времени на эту ерунду! Утром уходим отсюда!

Ведающий вернулся, действительно держа в руках небольшое деревянное ведро, поставил его по ту сторону костра.

– Наполни его! – крикнул, мотнув головой в сторону водопада.

Драккайнен встал, тяжело вздохнув, и направился к ведру.

– Стой, глупец! – услышал. – Ты что же, хочешь наполнить его в ручье? – спросил Бондсвиф с кривой ухмылкой. – Ты же Деющий. Наполни его, не двигаясь с места. Стой, где стоишь, но сделай так, чтобы ведро наполнилось. Если удастся, я позволю тебе пройти за святы столпы. Наполни ведро, дай мне две монеты золота, и я расскажу тебе о песнях богов.

Драккайнен встал и, глядя тому в глаза, медленно расшнуровал портки. Бондсвиф чуть приоткрыл рот в замешательстве, а Вуко, не двигаясь с места, сделал так, чтобы ведро наполнилось, и зашнуровал мотню.

Оба Медведя неподвижно стоял, поглядывая на ведро, а после – на разведчика.

– Может, оно и не полно до краев, – заметил Драккайнен, – но в расчет ведь идет то, что наполнено методом Деющих. Не двигаясь с места.

И тогда пошел дождь. Внезапный и обильный. От кострища поднялся столп пара, вода захлупала в ведре.

– Вылей это, – сказал Бондсвиф. – Заплатишь мне внутри. Я позволю тебе пройти за святы столпы.

– Я не хотел бы убивать зверушку, – сказал Драккайнен.

Бондсвиф вложил палицу под мышку, вынул из-за пазухи костяной свисток и дунул в него. Раздалось писклявое завывание, от которого по спине побежали мурашки.

– Он наверняка и так ушел, – заявил старик. – Нифлинги не любят дождь. И не думай, что твоя наглость произвела на меня впечатление. Глиффнак высосал бы твой костный мозг раньше, чем ты успел бы позвать

собственную мать. И сделает это – если что – по первому моему приказанию.

Поглядел на исходящие паром остатки костра и еду разведчика, мокнущую под дождем.

– Там, откуда ты, едят болотных червяков? – спросил с легким потрясением.

Драккайнен поглядел по сторонам, но Цифраль исчезла.

* * *

Внутри изба кажется больше, чем снаружи. Она не походит на дома, которые мне доводилось видеть раньше. Не продолговатая и разделенная на обширные помещения, а восьмиугольная, с одной-единственной комнатой и очагом в центре. Со столпов свисают охапки трав и деревянные клетки с птицами, под стенами – гадкие деревянные тотемы.

Смердит прогорклым жиром, благовониями и травами.

Ведающий осторожно отставляет свой посох, снимает рогатый шлем и старательно развешивает его на деревянном стояке, на котором уже висит ламеллярный полупанцирь.

Я не вижу ни татуировок, ни прически Людей Змеев, у чародея гладко выбритое темя и виски, но на затылке и спине растут длинные волосы. Он покрыт морщинами, он худ и иссушен, но еще крепок. Как для здешних условий – лет пятьдесят, как нечего делать.

– Спать будешь в бане, – бурчит. – И отдай мне свой меч. Разве в твоей стороне в гостях сидят с оружием?

Он добавляет что-то еще, чего я совершенно не понимаю.

Я отстегиваю меч и неохотно отдаю ему, потом кладу свой узелок в темной каменной бане. Очаг погас, но все еще тепл. Я вешаю мокрый плащ, из узелка достаю трубку, кисет и завернутый в шкуры остаток наличности, монеты, которые я предусмотрительно собрал вокруг ствола. Ее немного: два гвихта, несколько серебряных марок, чуть-чуть медяков.

Обучение изрядно подорвет мое нынешнее благосостояние.

На всякий случай я забираю еще ложку и нож, хотя не слишком надеюсь на гостеприимство мастера.

Он сидит на покрытом мехом деревянном карло и таращится на огонь, держа в руках окованный рог. Здесь только одно карло, поэтому я сажусь напротив на косматой шкуре.

Бондсви́ф отпивает глоток из рога и протягивает руку.

– Ты обещал мне плату, – говорит.

Я сую руку за пазуху и кидаю ему два гвихта. Он перехватывает монеты, подозрительно осматривает их, кусает за край. В чем дело? Прекрасная ведь монета. Я сам чеканил ее в замке Даркмур на занятиях по кузнечному ремеслу и исторической металлургии.

– Я скажу тебе, как призывать песни, – цедит он неохотно и делает глоток. – Но не скажу, как их взнуздать, поскольку этому тебя не сумеет научить никто. Они живые. Сами знают, избран ли ты и могут ли они тебя слушать. Их похитили у богов и только богам они могут служить. В мире есть одичавшие лошади. Порой находится тот, кто умеет набросить на них веревку и взнуздать. Но чаще его растопчут, а лошади останутся дикими. Еще есть кони-призраки. Те, что скачут сквозь ночь, когда приходит большой мороз; те, что могут заставить безрассудных людей отправиться за собой, и уносят тех в далекие страны, где обитает Госпожа Зимы. Вот таких коней ты нынче жаждешь.

Огонь, пляшущий в очаге, ложится вдруг, словно стебли травы, оглаженные ветром. В комнату проникает ледяное дуновение.

Бондсви́ф вытягивает ладонь вперед, плоско кладет ее над очагом и принимается бормотать. Монотонно-хриплым голосом повторяет фразу, которую я не понимаю.

– Таков первый урок, – говорит он наконец. – Есть единая сила. Та, что пронизывает весь мир, все вещи, видимые и невидимые. Она действует изнутри наружу. Как жар отдает тепло пламени, пламя – воздуху, воздух – котелку, а котелок – воде. Жар, пламя, котелок и вода суть вещи видимые. То, как тепло жара оказывается в воде, принадлежит вещам невидимым.

Я сижу спокойно. Два гвихта – это куча бабла. За них можно купить коня, меч, а иной раз и небольшой дом. Можно питаться в корчмах много месяцев. Дороговато для лекции о калориметрии на уровне первого класса. Однако я стараюсь открыть сознание.

– Все связано, – продолжает мудрец. Ледяной ветер, что гуляет по комнате не понять откуда, колышет украшения из ремешков и костей, птицы в клетках щебечут. – Все соединено и едино. Но одно дело – знать, совсем иное – услышать. А тот, кто желает петь песни богов, должен услышать. Пробудить свой разум. Взгляни! Там стоит копьё. Оно отбрасывает тень. Ты не можешь взять тень копья. Однако когда возьмешь само копьё, тень твоей руки возьмет его тень. Но твое сознание – рука, которая не отбрасывает тени. Ты должен ее пробудить, если желаешь потянуться за тенью вещи. Смотри!

Он не двигается, но я вижу, как его тень на каменной стене берется за

тень копья. Я смотрю на него и вижу, что он держит древко. А на стойке под стеной уже нет оружия. Неплохо.

– Вот так оно действует, – удовлетворенно заявляет Бондсвиф. – Есть единая сила. И есть места силы, где она пробуждается. Это урочища. Сила есть там, и она ждет. Вне урочищ эта сила прокачивает дыхание в наших животах, приказывает расцвести цветам или течь воде. Но там, в урочищах, лежит та ее часть, что потеряна древними богами. Одинокая и одичавшая. Там можно совершить что угодно. Ей только нужно сказать, что именно. Иной раз она слушается.

– И как сказать так, чтобы она послушалась? Есть ли специальные слова?

– Да, для этого и нужна песнь богов.

Похоже, мы к чему-то приближаемся. Я расспрашиваю дальше:

– И где можно взять песни богов?

– Это не напевы, которым ты можешь у кого-то обучиться. Это песнь, которую поют боги. В разных ушах она звучит иначе. Само урочище напевает ее для твоих внутренних ушей. Ты или понимаешь, или нет. Сам запоешь, и урочище даст тебе, что пожелаешь, или убьет тебя.

– И что такой песнью можно сделать?

– Ты можешь влиять на вещи, людей и животных. Все они словно горячий воск в пальцах Песенника. Вещи можно двигать, даже если ты далеко. Это может пригодиться. Можно потянуться к чему-то или изменить полет стрелы либо копья. Можно свалить человека или зверя. Можно призвать их издали или создать любую вещь. Можно сделать так, чтобы изменилась их природа. Можно подчинять себе волю людей и животных, но это тяжелее всего.

– Я видел людей, измененных песней богов. Измененных так, чтобы они напоминали животных или растения.

Он качает головой.

– Такие вещи случаются в далеких странах, где живут сильные Песенники. Те, что умеют приказывать плодам в лоне матерей изменить свою природу. У нас таких давным-давно нет. Говорят, правда, что можно привязать беременную в урочище. Если она будет страдать, пожелает, чтобы ее дитя спаслось – и иной раз урочище ее слушает. Тогда рождается создание, которое не будет выглядеть как человек. У нас за это убивают. Такого Песенника вешают на сухом дереве, пробивают новыми копьями, душат невыправленным ремнем, вяжут железными цепями, отрезают голову серпом, а потом выбрасывают в трясину, чтобы утонул, и прибивают его ко дну наконечниками трех копий. Так гласит закон. Но люди-звери из

чужеземных стран могут быть проданы и куплены, если их добыли в походе. Впрочем, порой они рождаются сами, если обитают слишком близко к урочищам.

Он внезапно встает и уходит куда-то вглубь комнаты, а потом быстро возвращается с небольшим котелком, из которого вытряхивает на ладонь бесформенные кусочки чего-то, похожего на янтарь.

– Выбери один, – бурчит. – Правой рукой. А теперь возьми кочергу и помешай угли. Хорошо. Теперь кинь это в огонь.

Я послушно бросаю. Комок падает между раскаленными головнями и коротко вспыхивает, разбрасывая искры. Из углей начинает подниматься струйка очень густого красного дыма, как из дымовой свечки.

– Сунь правую ладонь в дым, – говорит Оба Медведя.

Теплый, резко пахнувший дым овивает мою ладонь, вьется между пальцами, скручивается в клубы и облака.

– Хватит, – говорит Бондсвиф.

Я убираю руку, и тогда он наклоняется и погружает в дым лицо. Какое-то время стоит так, бормоча свою монотонную песню. Его голос то возносится, то опадает. Это напоминает мне йолк моей финской бабушки: делая что-то монотонное, например, следя за стиральной машинкой, готовя или рассчитывая кому-то бухгалтерские чудеса в Интернете, она вела по кругу одну и ту же печальную мелодийку без начала и конца. Дед Ваайнамойнен тогда выходил из комнаты. Йолк бабушки приводил его в неистовство. Он говорил, что она и сама не понимает, что йолкует. А бабушка у меня была из Лапландии.

Бондсвиф стоит так, напевая, с лицом в клубах дыма, пока не начинает перхать, его глаза слезятся. Йолк обрывается, вместо него слышны хрипы и отчаянный кашель. Вижу, как Бондсвиф мечется во все стороны, словно в дыму нечто крепко держит его за загривок. Он обеими ладонями упирается в обложенный камнями очаг и тянет назад, но не может сдвинуться, хотя на висках от усилий проступают вены. Некоторое время я гляжу на это, убежденный, что всё – лишь часть обряда. Но колдун кашляет, словно безумный, я слышу его хрипы и вижу, что он дергается все слабее и отчаяннее. Оба Медведя просто задыхается. Но, прежде чем я успеваю встать, неизвестная сила, придерживавшая мага у костра, внезапно его отпускает. Бондсвиф отлетает назад, опрокидывает спиной карло и падает на шкуры, застилающие пол, бьется в пароксизмах, фыркает красным дымом и держится двумя руками за горло.

– Во... воды... – хрипит. – Там... в кувшине!

Я встаю и подношу ему глиняный кувшин. Он пьет прямо из

посудины, то и дело корчась от новых приступов кашля. Наконец успокаивается и вдруг бросает кувшин в дальний угол комнаты, в темноту. Я слышу, как посуда раскалывается на кусочки.

– А чтоб ты сдох! Чтоб тебя зараза задушила! – орет Бондсвиф загадочно, похоже, не мне, а куда-то в темноту. Встает, продолжая держаться за горло, и отходит в угол, спотыкаясь об инструменты и заходясь свистящим кашлем. Я слышу, как он затворяет тяжелые деревянные двери с металлической оковкой и блокирует их, накладывая в крюки массивный засов.

Он возвращается, все еще покашливая, наконец усаживается, попивая из рога и тяжело дыша. Я молчу, хоть мне и интересно, кого должна задушить зараза. Еще я чувствую соблазн проинформировать его, что не стоит держать лицо в дыму. Жду.

– Странно... – сопит Бондсвиф. – Ты идешь издалека. Ты странный и чужой, так что урочище, возможно, и вправду тебя послушается. Ты стар и молод. Жив и мертв. Здоров и болен. Но самое странное, ты не желаешь быть Деющим. Приходишь сюда и даешь мне два гвихта за песни богов, хотя сам в это не веришь. Полагаешь себя мудрым, но покупаешь нечто, чего не хочешь. Я еще не видел никого, подобного тебе.

Я бессильно развожу руками.

– Предназначение, – выдыхаю.

Бондсвиф качает головой.

– У тебя нет судьбы, – говорит.

Я замираю и смотрю на него. Мне это совсем не нравится.

– Ты или скоро погибнешь, или...

– Или?

– Или ты сам – судьба, – отвечает он печально. – Но я полагаю, что урочище тебя убьет. Поэтому все будет так: если хочешь уйти восвояси, заберешь один гвихт и уйдешь. А потом держись подальше от богов, урочищ, Деющих и всякого такого.

Я снова вздыхаю.

– Я бы охотно так поступил. Но идут времена, когда именно Песенникам будет что сказать. Может случиться и так, что они станут управлять людьми. Я предпочел бы, чтобы все зависело от разума мужей и железа, как всегда. Тогда бы я ушел. Но близятся дурные времена. Я должен познать песни, чтобы их сдержать.

– По этой причине у тебя есть свойства, что сразу, едва ты потянешься за песнями, убьют тебя. Ты слишком резок. Тобой управляют боль и нетерпение.

Он отходит вглубь комнаты, гремит там предметами, наконец возвращается с ремнем и старой заржавевшей подковой. Я смотрю, как он оплетает ее посредине, вяжет узел, приносит себе лестницу и привязывает подкову к жерди высоко под потолком. Приносит еще и шкуру и бросает на глинобитный пол.

– Садись сюда, на шкуру! – приказывает.

Я сажусь. Подкова покачивается перед моим лицом. Бондсвиф достает маленький костяной флакон, словно от духов, и вынимает из него пробку, которой легонько касается подковы.

– Ты должен понять. Должен взнудать свой гнев. Сиди здесь и смотри на подкову. Смотри так долго, пока не сумеешь сдвинуть ее взглядом. Я вылил на нее каплю воды из урочища. Частичку силы из песни богов. Если обладаешь талантом, то сумеешь сдвинуть подкову. Это все. Сиди, пока она не станет двигаться так, как ты пожелаешь. Когда устанешь – ступай в баню поспать. Можешь взять себе миску каши из котелка и кувшин пива. И не ешь червей, особенно когда я это вижу. Но когда наступит ночь, запри дверь в баню и не выходи, даже если услышишь нечто странное. Не выходи и наружу, потому что там на тебя набросится Глиффнак. В бане есть ведро, которое ты так мудро наполнил. Если припрет, воспользуйся им. Можешь слышать странные голоса и видеть свет под дверью. Можешь даже слышать крики. Не выходи, разве что пожелаешь умереть. А теперь садись и учись. И не морочь мне голову, пока не заставишь подкову двигаться.

* * *

Следующие дни оказались чуть ли не самыми трудными в моей жизни. Я сижу и смотрю на подкову.

Когда я просыпаюсь, мага чаще всего нет. Неподалеку от очага – обычно милостиво оставленные для меня объедки. Кусок вяленого сыра и подсохшая краюха хлеба или миска с водянистой кашей, немного кислого молока в кувшине. Очень мило.

В остальное время я часами сижу, пытаюсь взглядом сдвинуть заржавевшую подкову. Порой кажется, что она начинает двигаться, но это лишь видимость. Ее колеблют легонькие дуновения сквозняка, а может, зрение устраивает фокусы. В любом случае, не происходит ничего сверхъестественного.

Бондсвиф ошибается. Я не нетерпелив – мое терпение бесконечно.

Терпение снайпера, терпение разведчика, терпеливость камня.

Терпеливость дерева.

Я могу днями и ночами лежать в засаде в траве и притворяться кустом. Я могу игнорировать усталость, холод и кусающих меня насекомых. Я могу часами сидеть и пытаться двигать подкову силой воли, до боли в затылке и глазницах.

Дело тут не в нетерпении или гневе. Дело в том, что я не могу принять всепроникающую мистическую силу, которая должна сдвинуть подкову с места по моей воле только потому, что я так хочу. Это противно всему моему опыту, гротескно и бессмысленно.

Однако я упрямо сижу, а подкова остается полукилограммовым куском кованого железа, подвешенным на ремне. Масса, тяготение, сила трения и межатомные связи остаются на своем месте. Мой взгляд – отнюдь не физическая сила, способная изменить эти параметры. Он вообще – никакая не сила. Он всего лишь способность регистрировать световую волну. Пассивное явление. То, что действует внутрь, а не вовне.

И все же я сижу и смотрю на подкову. Я упрямый. И мое неверие тут ни при чем. Где-то, в нескольких десятках километров, есть человек, который, похоже, умеет влиять волей на материю. Экстремально опасный человек. Чтобы его нейтрализовать, я должен понять его возможности. Он превратил меня в дерево.

Всего за пару секунд он превратил мое тело в совершенно другую материю с абсолютно иными характеристиками. А потом произошло кое-что иное, и процесс был повернут назад. Человек – дерево – человек.

Боже мой, человек... Я убил Дюваля. Он был деревом, как я, а я его убил. Он меня об этом попросил.

Я смежаю веки и жду, пока кошмар в моей душе, вновь вспыхнувший, не угаснет. Пока не выгорит окончательно. Стараюсь думать о чем-то другом.

Там, в долине, в Музыкальном Аду я мог пережить галлюцинации или иллюзии. Но я чувствую, что думать так – путь в никуда.

Ткань человеческого тела и ткань дерева – совершенно разные материи. Иные клетки, иные белки, иные сахара, иные структура и строение. Тем не менее, обратное превращение возможно. Туда и назад.

Я не оказался неотвратимо петрофицирован.

А это значит, что все произошло на другом уровне, чем атомы, химические связи, биосинтез и физика. Изменение произошло на уровне, на котором все вышеозначенное – проблема вторичная. Где-то глубже. Там, где существо, являющееся биологическим сыном Аниты Островской и

Ааки Драккайнена, может состоять как из костей, мышц и крови, так и из целлюлозы, пульпы и лыка. И это настолько же несущественно, как и факт, пижама на мне надета или пенка для ныряния.

Это уровень существования материи и энергии, с которым большинство местных не справляются, зато пришелец с другого конца вселенной сразу становится виртуозом, хотя все его знание о мире ограничивалось языком, парой небрежных теорий и горстью научных наработок. Поэтому речь не о мистике, источник которой где-то на планете. Нет нужды рождаться здешним шаманом. Это не проблема знакомства с местной физикой.

Я сижу – и я терпелив.

Однако подкова не желает двигаться.

Не помогает концентрация, визуализация, игра желваками и таращенье глаз. Подкова – просто кусок железа.

Свисает на ремне и не желает шевелиться.

В глубине комнаты, в каменной стене, которая кажется литой скалой, находится тяжелая деревянная дверь. Она всегда закрыта. Заперта бревном, висящим на толстенных крюках.

Бондсвиф не позволяет мне к ней даже подходить. Не отвечает на вопросы.

«Это не для тебя, – говорит. – Убьет тебя моментально».

Однако порой он берет лампу, подтягивает цепь и поднимает один конец балки, а потом проскальзывает в темный коридор, из которого веет влажным, пещерным холодом.

Исчезает там на долгие часы.

Когда возвращается, не произносит ни слова. Сидит, смотрит на огонь с рогом в руке и мрачно доликает себе пива из кувшина.

Я смотрю на подкову.

Порой – выхожу наружу. Размять ноги, пройтись по свежему воздуху, увидеть хоть что-то, что не является куском железа, подрагивающим на куске невыделанной кожи.

Снег падает и тает, воздух резкий и холодный, словно битое стекло. Пахнет близкой зимой.

Глиффнак принимается ко мне, иногда порывивает и постоянно водит за мной теми странными зенками, в которых дремлет беспокоящая искра разума.

Я его игнорирую.

Порой он принимается вопить и лупить в дверь, потом скандалит где-то около столпов. Бондсвиф тогда натягивает свою шубу, чудаковатый

шлем, берет палицу и выходит. И запрещает мне высовывать наружу нос.

Я остаюсь сам.

Сижу и смотрю на подкову.

Часто после такого он приносит корзины, где лежат куски дичи, сморщенные сухие колбасы, яйца и калачи. Тащит бочонки пива и муки. Я начинаю понимать, откуда берется пища в до краев наполненной кладовке, что расположена в выдолбленной пещерке. Бондсвиф Оба Медведя помогает окрестным жителям. Наверняка лечит и дает советы.

Ежедневно спрашивает, научился я чему-нибудь или желаю уйти. Все еще готов вернуть мне один гвихт. Кажется, мое упорство начинает его раздражать.

* * *

«Глядя на подкову». Психологический фильм о человеческом упрямстве и о смысле существования. Сложные вопросы, на которые зритель ответа не получает. Для истинных знатоков, которые ищут что-то большее, чем бессмысленная резня и гекалитры крови. История под масштаб мастеров психологического кино двадцатого века. Золотой Сурок на фестивале в Улан-Баторе.

* * *

Чем я отличаюсь от ван Дикена и остальных? Я не ученый. Мне не хватает аналитического подхода к миру. Склонности искать упрощенные, моделированные объяснения. В каком-то смысле – неумения отличать модели от реальности. Любви к теоретизированию. К раскладыванию всего по полочкам. К удерживанию разума в мире абстракций. Всю жизнь меня наполняет адреналин. Переживать, а не анализировать. Я привязан к дословности. К событиям, людям и местам. Я этим живу. Мое отношение к миру по сути созерцательно. Я просто человек. Но я располагаю и другим знанием. Менее богатым, менее упорядоченным и вообще – меньшим. Только то, что совершает мой приятель-чародей из Амстердама, не кажется мне разумным. Возможно, за этим стоит некая теория, для которой я слишком глуп. Сублимированная, философская точка зрения, о которой можно часами говорить на жаргоне, наполненном «симулякрами», «дерриватами», «модальностями» и «понятийными десигнатами», которые

на практике сводятся к примитивному презрению к людям, тирании и комплексу власти. Времена, когда знание было функцией мудрости, давно миновали. Теперь это лабиринт противоречивых взглядов, пребывающих на высоком уровне абстракции, на котором «модель модели» – первый класс, вторая четверть. Неужели это необходимый механизм, чтобы сделаться магом?

Я смотрю на подкову.

Ночами я и вправду слышу странные звуки. Какие-то завывания, доносящиеся из-под земли. Шепоты, проклятия и всхлипы. Порой крики.

Я не обращаю внимания. Закрываюсь в своей бане, забираю туда лампадку, немного дров для обогрева и кувшин с пивом.

Подозреваю, что шумит в пьяном угаре именно Бондсви́ф – а может, смотрит там магическое подобие телевизора. Некоторые дни он начинает с того, что высасывает натошак кувшин своего пойла, а потом догоняется попеременно медом и пивом, а потому пополудни он просто дремлет возле очага с отвисшей губой и бычьими глазами, не в силах воздвигнуться на ноги.

Я тем временем учусь телекинезу, оставаясь на первом уроке «движение предметов на уикенд» и начинаю переживать за состояние своего разума. Потому что подкова начинает мне сниться.

Мне снится, что она начинает двигаться, но эти сны не дают ответа на вопрос «как». И, в результате, не приносят успокоения.

В очередной день я становлюсь свидетелем скандала.

Люди приходят, когда я нахожусь снаружи. Не видят меня, а у Бондсви́фа нет времени загонять меня в дом.

Четверо мужчин, принадлежащих к народу Змеев. Они вооружены и сердиты, но, можно сказать, цивилизны. Это не военная экспедиция. Они вежливо остаются на кемпинговой площадке перед палисадом из менгиров, ходят там нервно вперед-назад, игнорируя Глиффнака, что разыгрывает перед столпами целую пантомиму «разъяренный обезьяночеловек».

Бондсви́ф Оба Медведя выходит к ним навстречу в своем наряде, шлеме и с палицей в руках, однако разговор идет иначе, чем обычно. Один из мужчин стоит подле менгиров, заткнув большие пальцы за пояс, багровый от сдерживаемой ярости.

Берет из рук одного товарища какой-то тотем: путаницу шнуров, костей и перьев. С размаху бросает его под ноги Бондсви́фу. Говорит быстро, сглатывая звуки, поэтому я понимаю с пятого на десятое.

Доносится: «Три черные яловки». Потом: «Убили у меня сына».

– Жертва из яловок охраняет твоих женщин, глупец! – цедит Бондсви́ф

с полным достоинством пьяницы, гордого тем фактом, что если не захочет, не качнется. – Ты хотел сохранить сыновей, значит, нужно было пожертвовать быка.

– У меня десять быков! – кричит разозленный мужчина. – Да я бы и сто добыл, скажи ты об этом! Но ты сказал «яловки»!

Дальнейших тирад я не понял, но предположил, что это проклятия.

Скандал продолжается некоторое время, пока предводитель не мочится вдруг на ближайший менгир, плюет на землю – и все уходят.

Через несколько шагов один из них разворачивается, делает несколько шагов, перебирая ногами, и замахивается.

Копье взлетает по красивой параболе. Бондсвиф делается недвижим, широко открытыми глазами глядя, как наконечник копья протыкает бок Глиффнака.

Длится это секунду.

Раздается отчаянный скулеж, создание резко скорчивается, дергая за древко, но копье пробивает его насквозь. Йети тянется за спину, ломает древко пониже наконечника, вытягивает его из раны. Отползает под каменную стенку, где прикладывает к ране горсти снега. Я смотрю, как темная кровь впитывается в импровизированный компресс, но ее явно меньше, чем можно было бы ожидать. Похоже, с ним не так уж и плохо. Копье явно пробило кожу и скользнуло по ребрам. У йети идет кровь, но он не кашляет розовой пеной, не задыхается, у него нет признаков пневмоторакса.

Бондсвиф продолжает стоять совершенно неподвижно, наконец разворачивается на пятке и возвращается в дом.

– Почему ты не отклонил копье? – спрашиваю я.

Бондсвиф сидит на своем обычном месте у очага и мрачно смотрит на спутанный фетиш, который бросили ему под ноги.

– Молчи, – цедит с едва сдерживаемой яростью. – Кто ты такой, чтобы меня поучать?

А потом вдруг разворачивается в сторону вечно закрытой двери.

– Нет! – кричит с упрямством. – Молчи! Молчи и подохни наконец!

На столе под стеной лежит печеный окорок серны. Он холодный и начатый. Не спрашивая позволения, я отламываю кусок от конца, кость с куском мяса, беру еще кувшин, который наполняю из установленной на крестовине бочки, и без слов возвращаюсь к своей подкове.

Смотрю на подкову. Обгрызаю мясо, запиваю пивом и сижу на жесткой шкуре, глядя на подкову.

Подкову, которая вдруг начинает двигаться.

Сперва раскачивается из стороны в сторону – легонько, но с увеличением амплитуды. Я замираю с зубами, воткнутыми в мясо, кувшином в другой руке, а подкова раскачивается все сильнее. Я хочу позвать Бондсвифа, но не могу издать и звука. Боюсь, что все прекратится.

Тем более, что я ничего не чувствую. Не прилагаю усилий, даже не сконцентрирован, не толкаю ее взглядом. Просто смотрю, а подкова раскачивается на ремне.

Осторожно раздумываю, что надо бы попытаться изменить ее направление, и вижу, как кусок железа притормаживает, а потом маятниковое движение входит во флуктуацию, подкова начинает двигаться по эллипсу, затем по кругу, а позже принимается раскачиваться вперед-назад. Движение становится более размашистым, мне приходится отклонять голову, а потом и отодвинуться, чтобы не получить в лоб.

Я гляжу в сторону и вижу, что Бондсвиф Оба Медведя напоминает соляной столп. Он вовсе не удивлен и не поражен моим талантом. Бондсвиф Оба Медведя напуган. У него побледневшее до пепельности лицо, полуоткрытый рот и вытаращенные глаза. Он чуть качает головой, словно отрицая нечто, а потом начинает отодвигаться.

Я снова меняю направление движения подковы, поскольку движение вперед-назад слишком выматывает. Того и гляди, тяжелая железяка заедет по лбу.

Песенник стоит, остолбеневший, некоторое время, затем неуверенно присаживается, судорожно хватая свой рог. Оковка рога постукивает о край кувшина, потом и о зубы моего мастера.

– Я сдвинул подкову, – говорю я не слишком уверенно. – Что теперь?

Мне приходит на ум, что сейчас он прикажет мне разбить наковальню.

Он же открывает рот, закрывает глаза и отрицательно покачивает головой. Бормочет что-то вроде: «Нет... Нет, изыди!» – и бережно обнимает рог ладонями.

В комнате вдруг становится холодно. Я машинально поглядываю в сторону двери, потом на ворота, ведущие в пещерку с припасами, но те тоже закрыты.

Птицы начинают вопить; я слышу, как тарахтят и постукивают вокруг нас фетиши. Что-то падает. Потом я слышу грохот и вижу, как по полу катится рог.

Колдун сидит ровно и удивительно прямо, словно его нечто обездвигило, прижало руки к бокам.

– Нет... Нет... Не позволяй ему... – слышу я. Останавливаю подкову ладонью и смотрю на него, так как мне приходит в голову, что за дверью в

пещеру скрывается ван Дикен.

Я медленно встаю, думая об оставленном в бане мече. К счастью, нож у меня при себе. Я поддеваю цубу большим пальцем, защелка со щелчком уступает. Если это и правда ван Дикен, я не позволю ему и рта раскрыть. Когда-то я умел точно и быстро метать нож на пять метров. Обычно это происходит куда быстрее, чем нужно времени, чтобы произнести «абракадабра».

Я прислушиваюсь, но до меня доносится только шорох и постукивание падающих мелких предметов, которые будто ожили.

– Есть тут Деющий с рыбьими глазами, которого зовут Аакен?

Но Оба Медведя слишком напуган. Трясется и, кажется, не совсем понимает, о чем я спрашиваю.

– Нет... никакого Аакена. С какими глазами?.. Нет... Не снова, прошу!

По низкому столику перед ним катится, постукивая, небольшое шило для шкур. Стальная игла, закрепленная в деревянной рукояти. У Бондсви́фа на лице выражение невероятного напряжения, на висках вспухают вены; кажется, он пытается поднять стул, на котором сидит. Но все усилие, похоже, от того, что маг изо всех сил пытается не взять шило. Безрезультатно. Трясущаяся ладонь протягивается словно бы против воли, и пальцы стискиваются на деревянной рукояти.

Изо рта Деющего доносится скулеж, он лихорадочно мотает головой из стороны в сторону, его отчаянное «Нет! Нет! Нет!» начинает напоминать лай. Сражаясь с самим собой, с вылезающими из орбит глазами и вспухшими венами, Бондсви́ф вытягивает вторую руку и медленно втыкает в нее шило.

Его вопль чуть не срывает с дома крышу. Вопль жуткий, отчаянный, во все горло. Длится он долго, пока кожа на тыльной стороне ладони не натягивается и оттуда не показывается кончик острия и струйка крови.

– Хорошо! Хорошо! Я ему скажу! – кричит он отчаянно в потолок и стены, а слезы боли тем временем катятся по щекам.

Все прекращается. Оба Медведя вырывает шило из ладони, в отчаянии нянчит ее и прижимает к груди.

– Завтра... – говорит. – Завтра ты отправишься в урочище! Завтра... А теперь оставь меня!

– Это сделал не я, – замечаю я несмело.

– Конечно не ты, дурень! Это сделал Бондсви́ф!

Я ухожу в баню, переполненный сомнениями и убежденный, что имею дело с безумцем.

* * *

К урочищу мы добираемся с рассветом, морозным туманным утром. После молчаливого, мрачного завтрака. Бондсвиф испуган и охвачен яростью, замотанная тряпками ладонь явно ему досаждаёт. Я спал не очень хорошо, аппетита у меня тоже нет. В желудке чувствую отвратительные, вызывающие тошноту судороги. С неудовольствием понимаю, что это страх. Урочище – испытание огнем. Словно тестовый полет. Словно русская рулетка.

Путешествие длится больше часа. Мы идем горным бездорожьем, пока в совершенно неотличимом от других месте мой проводник внезапно не останавливается и не машет перевязанной ладонью.

– Внизу, за теми скалами. Там небольшая круглая котловина. Войди и сядь посередине. Этого будет достаточно. Если выживешь – вернешься домой. Можешь оказаться еще умнее и уйти сейчас. Это было бы лучше всего.

Разворачивается и почти убегает.

Я вдыхаю морозный воздух. Поглядываю на тянущиеся вокруг горные цепи – те словно окаменевшие в движении серые мастодонты. Смотрю на растрепанные тучи, клубящиеся вдоль вершин, присаживаюсь на камень и раскуриваю трубку.

Медленно успокаиваю сердце и дыхание. Жду, пока маленькая фигурка бредущего домой Песенника не исчезнет за скалами и я не останусь совсем один.

Затем я встаю, выбиваю трубку о камень и прячу ее, чтобы перекреститься.

Спускаюсь вниз, прямо в сердце урочища, в круг скал, похожих на распахнутую пасть акулы. Спускаюсь и пытаюсь активировать боевой режим.

* * *

Цифраль появилась, еще когда он спускался по склону. Молча, с сосредоточенным личиком летит подле его головы. Несмотря ни на что, он почувствовал себя увереннее.

– Выхода нет? – спросила она.

– Иначе – без шансов, – ответил он.

– Мы умрем.

– Не обязательно, – процедил Вуко сквозь зубы. – Я так легко не сдамся. Впрочем... Ты что, хочешь жить вечно?

Они двигались по склону плечом к плечу. Человек и феечка.

Высоко в хмуром небе проплыл крик охотящейся хищной птицы, кружившей над горами как самолет-наблюдатель. Над урочищем она внезапно свернула, резко ударив крыльями, и полетела куда-то в сторону.

– Животные туда тоже не входят, – мрачно заметил Драккайнен. – Посмотри на тропы.

Мелкие отпечатки следов хорошо видны на снегу. Они сплетались зигзагами, но острой грани скал ни один след не пересекал.

Он поймал себя на том, что дышит резко, втягивая воздух носом и выпуская ртом. Ибуки. Еще немного – и потеряет сознание от гипервентиляции.

Он успокоил дыхание.

– Да ладно, – сказал. – Прыжок с «тарзанкой» куда хуже.

Вошел меж скал. Шел осторожно, внимательно, словно по минному полю.

И ничего не случилось.

В снегу посередине полянки росло выкрученное странное деревце. И все. У него узловатые сучья, поросшие длинными, с ладонь, шипами, не уместными на хвойном кустарнике вроде горной сосны. Само деревце тоже казалось раз в пять большим, чем нужно.

Драккайнен некоторое время стоял, сжатый как пружина и готовый отскочить наружу, начни что-то происходить. Однако ничего не происходило.

Наконец он заставил задеревеневшие мышцы работать и осторожно пошел по кругу.

– Что-то видишь? – спросил.

– А ты нет? – у Цифраль был странный, мечтательный голос. – Так красиво...

Вуко взглянул на феечку. Она танцевала в воздухе, оставляя позади шлейф искр, переливающихся, словно бриллиантовая пыль.

– Что здесь происходит? – спросил он.

Ничего происходило ничего. Он осторожно присел, дотронулся рукой до земли. Разгреб слой снега и наткнулся на замороженную гальку, покрытую кляксами лишайников.

Ничего особенного.

– Не видишь? – спросила Цифраль восхищенным голосом.

– Не вижу.

– Это в дереве. Подойди к дереву.

Он подошел и аккуратно коснулся ствола.

– Да... – сказала Цифраль. – Именно...

И взорвалась, будто фейерверк.

И тогда мир раскололся подобно зеркалу, на миллионы крутящихся обломков, за которыми была темнота.

Взорвался мириадами радужных искр.

Превратился в смерч, а потом с треском сложился снова.

Драккайнен стоял посреди полянки, настороженный и замерший, но, похоже, живой.

– Внимание... – сказала ему Цифраль прямо в ухо. – Теперь ни о чем не думай. Ни о чем конкретном.

– Где ты? – спросил он дрожащим голосом.

– Где и всегда, – ответила она. – Внутри тебя. Взгляни вокруг. Теперь видишь? Не думай... Не желай... Просто смотри...

Его ладони, рукава кафтана и все вокруг было наполнено микроскопическим сиянием, точно усыпано бриллиантовой мукой. Он пошевелил ладонью, оставив едва заметную полосу, переливающуюся всеми цветами радуги.

– Что-то происходит с моими глазами, – сказал Вуко.

– Да... – подтвердила она. – Они открылись.

Сияние окружало его тело, ложилось под ноги и покрывало встающие вокруг скалы подобием переливчатого мха. Пронизывало воздух чем-то вроде морозного тумана посреди лапландской зимы. Как завеса из микроскопических, сверкающих иголочек льда, тянущаяся к небесам.

– Не двигайся, – прошептала Цифраль. – Не думай. Не желай. Просто смотри...

И он смотрел. Окружавшая его радужная туча несла что-то гипнотическое, словно картинка калейдоскопа, танец мушек на внутренней стороне уставших век.

– Еще минуту... – выдохнула ему прямо в ухо Цифраль. – Все прекрасно. Подожди еще... Не думай... Смотри...

И он ждал. И смотрел.

– Не бойся.

Он не отвечал.

– Сейчас, – зашептала она, – мне придется на миг лишить тебя сознания.

– Что...

– Ш-ш-ш... Так нужно. Не бойся. Сейчас ты вернешься.
– Что происходит?! – он не мог шевельнуться. Стоял, пойманный в случайной позе, окаменев, будто вновь сделавшись деревом.
– Тихо... Доверься мне...
Он хотел протестовать, но угас как свечка.

* * *

Тьма. Прошитая слабым, колеблющимся светом лампадок.
Он сидит со сплетенными ногами, голый, на круглом диске – и не может шевельнуться. Диск гладкий словно обсидиан, словно черное зеркало, медленно вращается. Вокруг в темноте встают скалистые стены пещеры.
Он видит собственные руки, опертые на худые колени, ладонями наружу.
Перед ним двигаются скальные стены, тронутые лишь мягким светом язычков пламени.
Открывает рот, хотя, собственно, такого намерения у него нет.
– Да... – слышит чужой, скрипучий голос, который эхом отражается от потолка. – Сейчас... Случилось.

* * *

Тьма.
А во тьме на вершине горы пылает дерево. Огромным гудящим костром, отбрасывающим свет на все окрестности. Пылают ствол, сучья и ветки. Резко и страшно, словно облитые напалмом.
И движутся. Ветки движутся среди моря огня сонным, отчаянным движением. А между ними видно голову с широко открытым ртом.
Дерево кричит. Жуткий вопль эхом разносится по горам.
– Да... – говорит мужчина в капюшоне. – Сжечь их всех...
На вершине расцветают новые пятна оранжевого пламени. Крик превращается в хор.

* * *

Тьма.

А во тьме вращаются колеса, косы, маятники.

Замок, называемый Шип, вращается на фоне пурпурного неба как жуткая астролябия. Клинки и обручи с шумом режут воздух, с глухим гудением вращаются шестерни. Стальные элементы бьются друг о друга, сталкиваются, попадая в нужные места, и из крутящегося клуба вырастает стальная башня, вознося к тучам стройный силуэт. Тучи расступаются.

Мужчина на башне поднимает в руке двойной топор с рукоятью, оплетенной змеиными телами. Танцующие змеи распахивают пасти на остриях, по одной на каждом.

– Помните! – голос мужчины подобен раскатам грома в горах. – Жизнь и смерть – одно! В мире есть лишь Змеи и падаль! Вы – Змеи! Мир ваш! Он лежит там, за горами! Возьмите его себе! Есть лишь один закон! Делайте, что хотите, а если кто встанет у вас на дороге – раздавите его! Убейте всех, остальных пусть срубят мороз!

* * *

Тьма.

А во тьме, опустившейся на горные долины, гремят барабаны. Глухо, ритмично, в медленном, рвущем нервы ритме.

Слышен хруст железа и шорох тысяч пар тяжелых сапог. Из долин, окруженных абсурдными вершинами, носящими название Окаменевшие Чудеса, выходит армия. Армия Змеев. Вьющаяся как змея, щетинящаяся тысячью сверкающих жал. Во главе катится огромный колючий воз, истинная крепость на колесах, раскрашенная наивными рисунками сплетающихся змей, глотающих солнце и обе луны. Он выглядит словно жуткий цирковой фургон.

* * *

Тьма.

А в смолистой тьме смолистой ночи, в рычании ветра перекатываются высокие как горы волны. В долинах между волнами появляется и исчезает нос черного корабля, со штевнем, украшенным головой волка. Волка, линии, борта и доски палубы покрывает лед, мертво посверкивающий во мраке. Волны переламываются в кипении пены, рушатся на палубу, но нос упорно

режет белую клубящуюся воду и продолжает упрямое путешествие в сторону хребта очередной водяной горы.

Рычит ветер, ванты дымятся от ледяной пыли, а корабль продолжает упорно плыть вперед. На север.

Палуба пуста. Как и место рулевого.

* * *

Тьма.

А из тьмы выплывает путаница корней, словно обезумевшее дерево, встающее над всей пущей. Окаменевшее дерево, увенчанное короной острых башен, донжонов, бланков и балконов. Крепость бодает небо тысячами башен, но кажется темной и пустой. Брошенной.

Но это только видимость, поскольку во встающей над страной твердыне кто-то спит.

Вокруг, в поселениях и селах, затерянных в пуще, в темноте зажигаются огоньки. В окнах мелькает свет. Слышны крики, лай и вой собак, топот множества ног. Панически бегающие в темноте люди захлопывают ставни; слышно, как они передвигают мебель, баррикадируют ворота и двери. Со стуком захлопываются деревянные люки и скрежещут засовы.

Потому что в твердыне, встающей над окрестностями, кто-то спит.

Всегда спит.

И теперь спящему снится кошмар.

* * *

Тьма.

А во тьме на балконе стоит седой мужчина, укутанный хлопающим на ветру плащом. Под ним – каменный город, окруженный стенами. Дальше видно заснеженную равнину, в которую впечатаны деревья, кусты и цветы. Листья позванивают друг о друга в порывах ветра, как хрустальные звоночки. Листья, цветы и кусты – из голубого льда, сверкают словно клинок. А еще дальше, за портом, слышен гневный рык холодного моря.

Волны взрываются пеной, разбрызгиваясь о скалы, а потом с шипением разливаются по берегу и замерзают в стеклянное зеркало.

– Значит, это конец, – говорит мужчина. – Ладно. Я жду здесь. Ты меня

найдешь.

Найдешь.

Меня легко найти.

* * *

Тьма.

Душная, синяя тьма пустыни.

Огонь тысяч факелов бьется на горячем ветру, с гулом пылает высокий костер, на который люди в кожаных полупанцирях и рваных туниках швыряют тела.

Женщина, укрытая с головы до ног в красный плащ, с лицом, спрятанным под капюшон, проходит между двумя коврами из людей. Людей коленопреклоненных, упирающихся лбами в песок. Бьются на ветру флажки и пламя факелов. Красные, свободные одежды блестят и бьются на горячем ветру.

Как пламя.

Огонь Пустыни.

Свет мечется по глиняным стенам домов, бессистемно разбросанных и громоздящихся точно горы брошенных коробок. Стены, забрызганные свежей кровью.

– Так много... – слышен шепот из-за зеркальной маски. Идущая рядом с женщиной фигура запрокидывает голову, чтобы заглянуть той в лицо, но видит лишь тьму в отверстии капюшона. – Сколько еще?

– Сколько понадобится, – голос изнутри капюшона будто ветер, веющий из сердца пустыни. – Пока не поймут. Пока Мать не насытится. Пока не почувствуют благодати единения! Пока не окажется выровнена любая несправедливость. Пока все не сделается единым!

Последнее слово – как удар бича.

Фигура, идущая рядом с женщиной, вдруг превращается в свободные, пустые одежды, опадающие на землю. Со звоном падает ртутно блестящая маска, катится по камням.

Из рукавов одежд высыпается мелкая рыжая пыль, уносимая ветром.

* * *

Он лежал, вжавшись лицом в снег и каменные окатыши.

Потом распрямил и поднял руки.

Выплюнул камешек и толику снега.

Под ним видна оттиснутая фигура человека. Он смотрел на штемпель собственного лица, который выглядел как посмертная маска. Белая маска с красными глазами. Упали две капли, потом еще две, вытапливая в снегу окрашенные красным кратеры. Он провел ладонью по лицу и взглянул на пальцы.

– *Jebem ti duszu...* – простонал. – Кровь из глаз.

– Да, – сказала Цифраль, присаживаясь в воздухе напротив его лица. – Но сейчас пройдет.

– Пройдет...

– Да. Я уже все установила.

– У меня были видения...

– Побочный эффект, – успокоила она его. – Ничего особенного.

– Что случилось? Что ты установила?

– Урочище, – объяснила она. – А установила я, собственно, твой мозг. Не бойся, я ничего не изменила. Сконфигурировала тебя.

– Что ты, *perkele*, такое?

– Я – операционная система, – объяснила она. – Теперь я это поняла.

Драккайнен встал и вытер лицо снегом:

– Это странно. Я чувствую себя хорошо. Совсем хорошо. Неожиданно хорошо. Пойдем отсюда. Тут, полагаю, уже ничего не произойдет. Пойдем... оперативная система.

Он внезапно остановился и взглянул на нее.

– Что это на тебе? Чулки и шпильки?

– Тебе не нравится?

– Голой ты выглядишь более естественно. А сейчас как девка. Но это не значит, что мне не нравится.

Снова развернулся и направился в сторону скал. В камень был всажен стальной крюк, с которого свисало заржавевшее кольцо и кусок цепи.

Драккайнен некоторое время смотрел на это, потом заиграл желваками и обернулся. Капли крови все еще катились по его щекам, оставляя ржавые полосы.

– Вот, значит, как... – проворчал.

Молча миновал скалы и отправился в обратный путь, уже не оглядываясь.

Глава 6

Последний бастион и Вода

*Тростник главу клонит,
Ветер мрачно стонет,
Огонь поет в руинах.*

*Горят наши дома,
И сердца пылают,
Слез и горя полны.*

*Мрак лег на долины,
Пламя лижет жнива,
Дым встает в полнеба.*

*В небе поет журавль
Нашу песнь прощальную.
Нынче время гибнуть.*

Фрагмент кирененской «Погребальной Песни»

Не знаю, как долго я спал. Не знаю даже, спал ли, или умер на какое-то время. Помню смазанное изображение скал, камней и кустов, что проходили перед моими мертвыми глазами, хоть я лежал совершенно неподвижно на чем-то твердом – и не мог двинуться. Помню также смутные образы едущих рядом с повозкой странных всадников, которые казались обомшелыми пугалами из гнилых пней, поросшими травой и ветвями. Я принял эту картинку спокойно, будто во сне. Потом заметил, что одеты они в коричневые и бурые одежды, а их головы и лица замотаны платками. И конь, и всадник были укрыты накидками из сетей с вплетенными ветками и травой. Казались поросшими кустами. Но я не знал, брежу ли я – или вижу их на самом деле.

Это были лишь промельки, сны и смутное впечатление, будто от чего-то увиденного.

Наши похитители напоминали сказочных существ. Поросших травой

чудищ из пущ Ярмаканда. Леших, которых в Амитрае звали альхатрисами. Демонов леса. Но мое воспаленное сознание не видело в них ничего странного.

По-настоящему я пришел в себя только в лагере. Я и Брус лежали рядом, лицом к земле, в небольшой котловине, окруженной скалами. Был день, наши преследователи спали. Прилегли, скорчившись, среди скал и куп сухой травы, и в первый миг я их даже не заметил.

Потом попытался шевельнуться, и мне показалось, что голова моя разваливается на четвертинки. Я никогда не чувствовал ничего подобного. Горло было растрескавшимся, как русло пересохшего ручья, и даже моргать было больно. Хуже того, все мое тело оставалось затекшим и мертвым. Я не мог и шевельнуться.

Через некоторое время мне удалось согнуть пальцы, а после череды бесконечных усилий я заставил руку немного сменить позицию. Была она словно не моя. Будто ко мне прицепили деревянный протез. Я подался вперед, затем попытался передвинуть и остальное тело. Вложил в это все свои силы и сумел чуть передвинуться.

На расстояние ладони.

Кто-то придавил меня всей тяжестью, наступив коленом между лопатками. Перед моими глазами появилась ладонь из серой высохшей глины, из которой высывалось очень широкое острое короткого, обоюдоострого кинжала.

И тогда я услышал тихий звук: точно кто щелкнул пальцами. Колено, вдавливавшее меня в камни, исчезло. Я с усилием повернул голову и увидел, что одно из доселе спящих созданий сидит, поджав под себя ноги. На лице, что казалось маской из высохшей грязи, блестели лишь глаза. Существо подняло ладонь к лицу и совершило серию быстрых сложных жестов. Тот, что миг назад сидел у меня на загривке, ответил похожими жестами пальцев, после чего из другой его руки исчез нож.

Меня посадили, молча придвинули полную воды деревянную чарку и поторопили движением головы.

Я выпил. Даже сумей я добраться до подлейшей грязной лужи или до утиног пруда – все равно бы пил. Вода стекала иссушенной долиной горла болезненно, словно пролагая себе новое русло.

Я получил и вторую чарку, а когда опорожнил и ее, почувствовал, что мой язык немеет. Это было последним, что промелькнуло в моей голове, прежде чем я повалился, будто мешок, набок. Прямо во тьму.

Я не знал, как долго еду, брошенный на повозку словно мешок, с эскортом странных немых призраков. Сперва, кажется, мы двигались лишь

ночами. Потом – непрерывно днем и ночью. Ни разу никто из них не отозвался ни словом. В одну из ночей я очнулся на несколько минут, пока шел дождь, и успел прополоскать горло настоящей водой.

Прежде чем снова упасть в болезненный сон, подобный смерти, я увидал, как едущий рядом альхальрис снимает с головы сеть, разматывает шарф из бурого платка и подставляет лицо под дождь. Вода смыла растрескавшуюся маску, обнажая обычную человеческую кожу, и тогда человек показался мне похожим на Гульдея. Маленького худого ловкача, который продал нам рыбу. Это был лишь миг. Всадник быстро замотал голову и лицо платком, а потом натянул на макушку косматую от веток и высохшей травы сеть, чтобы снова стать лешим.

Примерно тогда же мы с Брусом оба начали окончательно приходить в себя, но были слишком больны, чтобы думать о бегстве. Мы лежали в небольшой телеге, груженной мешками, слабые как младенцы. Вокруг повозки ехали шестеро странных всадников, сзади шагали два заводных коня.

Голова моя снова разрывалась от боли, все тело оставалось одеревеневшим. Но едва мы начали шевелиться, возница привязал вожжи, поднялся на повозку и связал нас, одного и другого, быстро и равнодушно, словно подготавливал скотину на торг. Не слишком грубо, но уверенно. Между петлями, стянувшими щиколотки и запястья, оставалось по куску веревки. Нам удавалось сидеть и двигаться, но делать мы могли лишь небольшие шажочки. Хуже того, веревка сплетена была настолько умело, что я не замечал узлов, а при любой попытке дернуться петли мгновенно затягивались.

Я и понятия не имел, где нахожусь. Повозка катилась плотиной над пустыми гигантскими заводами, тянувшимися по самый горизонт. На ветвях деревьев висели гирлянды сухих водорослей, а из болотистой воды иной раз торчали крыши изб. Мы ехали страной трясин и скал, трактом, который поднимался все выше, к отдаленной цепи мрачных невысоких гор. День был облачным, а потому я даже не понимал, в какую сторону мы направляемся. Вверху кружили, оглушительно вопя, стаи черных птиц.

Всадники не останавливались ни на минуту. Я видел, как один вдруг перебросил ногу над спиной коня, привстал на одном стремени, а после помочился, не сходя с седла.

Я даже не знал, как долго мы ехали. День, два, десять? Знал только, что я все еще отравлен, что голова моя болит, словно ее пробили, и что одновременно я подыхаю от голода. Странные всадники утоляли голод во время езды, и один из них молча кинул нам баклагу с водой и узелок. Брус

подхватил баклагу, и, как и ранее в храме, сперва осторожно смочил язык. На этот раз вода не была отравлена. В узелке же мы нашли несколько полосок соленого, сушеного в дыму мяса, кусочек вяленого сыра и высохшие краюхи хлеба.

Мы поделились и жадно съели все до последней крохи.

– Выходит, если есть нужда, едят и мясо, – негромко обронил один из похитителей. Впервые кто-то из них обратился ко мне со словами.

Я не ответил.

Через некоторое время мужчина, ехавший рядом, склонился в седле и кинул нам два высохших, сморщенных плода, вытащив их откуда-то из-за пазухи.

– Жуйте потихоньку, – приказал. – Они очень кислые, но голова болеть перестанет. Не получите больше воды онемения, потому что иначе не выживете. А умирать необходимо, когда тому придет время.

Потом мы снова молчали. Сидели оба неподвижно, стиснутые между мешками, Брус осторожными движениями пальцев исследовал сплетения веревки, я старался даже не смотреть на него.

Смотрел же я на раскинувшееся до горизонта море грязи, что выглядело так, словно упало оно с неба, накрыв все окрестности; на деревья – мертвые и выкрученные, покрытые клубками водорослей; на тучи птиц, обсевших тела мертвых буйволов, приподнимавшихся из грязи словно небольшие холмы. Я жевал врученный мне плод, твердый и волокнистый. Он и вправду был ужасно кислым, но мне действительно показалось, что боль уменьшается.

В одном месте грязь поглотила целое стадо, виднелся лес рогов и поднятые морды с распахнутыми в ужас пастьми, словно буйволы окаменели в один миг, едва их захлестнул ил. Видел я и фигуры людей с палицами в руках – те тоже торчали из грязи как неподвижные статуи.

– Некогда здесь были села, стада и сады, – сказал тот, что дал нам плоды. – Но когда пришел гнев вашей Матери и на Внутренний Круг пала сушь, здесь разразились ужасные грозы и ливни, каких еще не видывали. С гор сходили водопады грязи. Выжили немногие. Ушли отсюда, а нынче их послали на храмовые поля, чтобы они долбили высохшую землю во славу вашей богини.

– Мы не почитатели Подземной, – сказал я.

– Хватит! – рявкнул другой всадник. – Хватит трепать. Вы не люди. Надеть мешки!

Я пытался сопротивляться, хотя смысла в этом было мало. Возница ударил меня всего раз, коротко, в затылочную впадину, отбирая дыхание, а

потом набросил мешок, что доставал до самых локтей, и стянул его шнуром. А позже пинком опрокинул меня вниз лицом. Я слышал еще шум и сдавленный стон Бруса.

Остаток дороги я преодолел вслепую. В темноте и духоте, отданный исключительно на милость слуха.

Хриплые крики птиц, завывание ветра, порой фыркание лошадей и легкий скрип хорошо смазанных осей повозки. Ничего больше.

Не знаю, сколько все продолжалось. Я лежал, погрузившись в страх, бессилие и мрак. Казалось мне, что целую вечность, хотя на самом деле мы добрались до места, полагаю, тогда же, к ночи.

Нам приказали выйти из повозки и, не снимая мешков, повели по крутой каменистой дороге вверх. Решительно, грубо и молча, как всё, что они делали. Без разницы, были эти люди разбойниками или бунтовщиками, они явно не находились на стороне пророчицы. На меня попеременно снисходили то надежда, то полнейшее отчаяние.

Мы взошли высоко, спотыкаясь об острые скалы. Кто-то ослабил шнур, стягивавший мешок внизу, поэтому я сумел различить землю под ногами и, делая мелкие шажочки, насколько позволяла веревка, мог идти в гору, не падая на каждом шагу.

Когда мы наконец поднялись, я совсем выбился из сил. Я едва дышал и чувствовал боль в груди, но, Наконец меня втокнули сквозь тесное отверстие и стянули с головы мешок.

Но это мало помогло, поскольку в помещении царила непроглядная тьма.

Я осторожно ощупал стены, совершенно гладкие и холодные, словно полированный камень. Пол был таким же, да еще и круглым, будто мы сидели на дне пересохшего колодца. И я не нашел дверь, через которую меня втокнули. Ничего, лишь гладкая скала.

Потом я сидел, ощупывая ремни и пытаюсь понять, как мне их развязать. Узлы казались магическими. Когда их удавалось ослабить в одном месте, они затягивались в другом. Казалось, у них нет ни начала, ни конца.

Я провел в темноте немало времени; на дне колодца не оставалось ничего другого, кроме тьмы, кончиков пальцев, ощупывающих ремни, и сложных петель, оплетающих мои щиколотки и запястья.

Это поддразнивало, поскольку у лешего, что меня связывал, в руках был обычный, даже не слишком длинный кусок веревки, а сплел он его единым быстрым движением, совершенно не раздумывая.

Я знал, что за мной придут: нас не везли бы так далеко лишь затем,

чтобы запереть и заморить голодом.

Наконец я нашел способ справиться с веревкой: терпеливо и тщательно, как в искусстве счета без чисел. Это словно найти способ выиграть в тарбисс: мне удалось медленно, раз с одной, раз с другой стороны постепенно ослабить узел, стягивавший запястья.

Я освободил руки и ноги, а плетеный шнур в моих руках вдруг распустился, став обычным куском ремня с двумя концами.

Потом я сидел, опершись о вогнутую стену, и через некоторое время увидел вверху, над головой звезды. Мелкие серебряные искорки, мигающие в черноте.

Я и правда сидел на дне колодца. И вот я смотрел на звезды, как веками глядели на них кирененские монахи. Где-то меж ними в бархатной пустоте находилась Дорога к Творцу. Дорога, которой ушли все, кого я любил. Мать, отец, мои братья, Айина, Фиалла, Тахела, Ириса. Ириса, которая отдала за меня жизнь. Ремень.

Я видел среди пустоты их лица, одно за другим. Я сидел на дне каменного колодца, где-то на пустошах северо-востока, шептал имена моих близких и плакал.

Впервые я оплакивал их по-настоящему. Не мог сделать этого ранее и боялся, что, когда встанет солнце, могу уже не суметь. Я словно предал их этим. Словно они ушли бы, забытые, без единой слезинки того, кто должен был нести их в сердце.

Я сидел так долго, пока черное небо над моей головой не стало бледнеть и сереть. Слышал, как снаружи пробуждается к жизни множество людей. Доносились до меня голоса, крики животных, шаги.

Круг неба, наконец, просветлел, а я все продолжал сидеть во тьме колодца и ждать.

Невидимый вход отворился за моей спиной, внезапно. Без малейшего звука, как если бы стена в том месте просто исчезла. Я упал навзничь, и кто-то схватил меня за шиворот. Вытянул на яркий солнечный свет, сразу меня ослепивший.

Мне выкрутили руки и поволокли так быстро и уверенно, что я не сумел ничего поделать. Лишь бежал, согнувшись в пояс, пораженный солнцем и не зная, куда бегу. Под ногами у меня была скала, ровная и гладкая, будто отполированная. Никаких плит или камней. Просто единственная белая плоскость.

Я видел все это в странных проблесках, как во сне. Мы были на плоской возвышенности, а вдали открывалась болотистая равнина. Здесь же – просто большая белая плоскость.

Я видел, что солдаты одеты в куртки, имеющие цвета разных тименов, а на их щитах нет знака Подземного Лона.

Потом был узкий отвесный коридор со ступенями, грани которого сгладились от долгого использования.

Мне все еще выкручивали руки, кто-то дергал меня за воротник, и если бы я не перебирал ногами, плечи мои вывихнули бы, как выламывают ножки у печеного цыпленка.

Наверху раскинулась еще одна белая плоскость, тоже ровная, как стол, и я подумал, что это, должно быть, одни из тех таинственных древних руин, что иной раз стоят среди пустошей.

Посредине вставали древние, ослепительно светлые здания; большинство выглядели словно шары для игры. Идеально круглые и белые. Порой казалось, что они выступают над поверхностью лишь частично, порой – что лежат на каменных плитах, иной же раз – что встают над ними на толстых, тоже белых столпах.

Меня провели в один из домов; перед круглым черным отверстием там стояли двое солдат, в шлемах и с копьями.

У них были круглые щиты, на которых не стояло ни номера тимена, ни его знака. А потом меня втокнули внутрь.

Я полагал, что будет темно, но внутри оказалось светло, будто круглое здание выстроено из молочного стекла. Ни окон, ни светильников, лишь сияние, подобное тьме, которую я проткнул головой, и она была ничем иным, как завесой.

Посредине круглого пола стоял небольшой столик, за ним на низком табурете сидел немолодой лысеющий человек с пронизательным взглядом – и пил отвар.

– Приветствую тебя, странник, – сказал. – Ох, да отпустите его!

Я глядел на него в остолбенении. На мужчине была куртка с клановой бахромой и кирененский нож у пояса, к тому же он пыхал короткой трубкой с головкой из камня и плоским деревянным мундштуком.

– Садись, парень! – он внимательно посмотрел на меня. – Святые стихи... Сколько тебе лет? Шестнадцать?

Я кивнул.

– Проклятая война. У меня был сын твоего возраста. Нас разделил Огонь Пустыни. Не знаю, жив ли он. Отчего тебя так волокли? Ты кого-то побил?

Я отрицательно покачал головой.

– Садись! Выпей отвара... Сейчас я прикажу принести завтрак и чарку. Кстати, какой завтрак ты предпочтешь?

– Простите? – я все еще был слишком ошеломлен, чтобы понять, в чем дело.

– Завтрак, парень. Простая утренняя еда, после которой становится ясно, находишься ты меж людей цивилизованных или рядом с варварами. Попал в хорошее место или в плохое. Если где-то вообще не завтракают или доедают остатки ужина, это плохо. Если же не разрешают что-то есть или запрещают сколько-то ежедневных вещей, ты попал под власть тиранов, и это тоже становится понятно за завтраком. Если боги или короли вмешиваются даже в то, чем простой человек подкрепляется с утра, они наверняка вмешиваются во все – в таком месте будет непросто жить. Мой совет: когда окажешься в чужих землях или меж чужими людьми, присмотришься сперва к завтраку. Если там можно наесться, выпить чарку напитка и выкурить трубочку бакхуна, ты попал к хорошим людям. Если никто не удивится, когда после завтрака к трубочке возьмешь стаканпряного пива или амбрии, ты меж людьми честными и вольными. Если же тебе не позволят даже этого – беги, если сумеешь. Потому что это значит, что здесь нельзя даже думать или говорить. У нас столько свободы, сколько касается нас самих. Когда же ее у нас отберут, мы можем превратиться в зверей. Едим мы разное. У нас нет предрассудков, хотя и полагают, что с утра надлежит съедать легкий завтрак. Белый. Молоко, сыр, яйца, холодное мясо или рыба. Паста, овощи. Что кто пожелает. Но ведь мы чудовища. Неволим своих женщин и захватываем богатства земли. Нас отслеживают и убивают в башнях или гонят на поля, чтобы мы работали, пока не падаем от усилий. Амитраи потребляют лишь то, что позволяет им Кодекс, в зависимости от касты. Только чтобы оставаться едва живыми. Армия даже может есть мясо – пусть и редко, и не обязательно на завтрак. Так что приказать тебе принести? Воду и разведенную дурру без толики соли и молока? Сухую корку хлеба? На тебе одежды синдара. Значит, ты богобоязненный амитрай. Чтящий традиции и послушный, рожденный в достойной семье, пусть и необязательно богатой. Но заглянем в свиток...

Он развернул на столе рулон и указал на что-то чубуком трубки.

– Совсем недавно ты был жрецом. Кастой выше. На самом деле лишь адептом, но все же Просвещенным. Знаешь ли, что в этом случае во время странствий тебе можно есть даже фасолевыe блинчики и пить разведенное молоко? А потому – какой принести завтрак, парень? Для синдара или для жреца?

– Я чиновник пятого ранга, ситар пахан. Я – убогий синдар. Хочу вернуться в родной дом. Прежде чем пришла пророчица, я обитал в Маранахаре и ел всякие вещи, не только то, что приказывает Кодекс. Это

были другие времена. Где мой дядя? Позволь мне его увидеть.

– Твой товарищ еще не проснулся, – заявил мужчина. – Пока же давай съедем завтрак. Вы наверняка скоро встретитесь.

Я почувствовал судорогу страха. В небрежном тоне моего с виду беззаботного собеседника было что-то враждебное. Неужели Брус мертв? Вот так просто?

– Ты очень интересный человек, парень. Твой дядя – жрец высокого ранга? Вы ехали на повозке, а когда на вас напали, убили шестерых вооруженных людей. А потом вдруг переоделись в одежды синдаров. Зачем? Если ты, как говоришь, чиновник низкого ранга, то отчего вы странствовали в одеждах слуг храма Праматери?

Я уперся кулаками в землю и прикоснулся лбом к полу.

– Ситар пахан... Мой дядя нездоров. Когда он прибыл ко мне в Маранахар, по дороге подхватил болотную горячку. Иной раз болезнь одолевает, и тогда он не знает, что делает. Тех жрецов убили на пути. Мы нашли повозку и трупы. Дядя уперся, что это знак от Праматери и переоделся в храмовые одежды. Уперся, что лишь так мы перейдем через мост в Аширдыме. Именно потому мы позже и выбросили одежды.

– Как тебя зовут, парень?

– Арджук Хатармаль, ситар пахан. Я из Камирсара. Дядя мой зовется Тендзин Бирталай.

– Выпей отвара, Арджук. Твой дядя тоже интересный человек. Шел в столицу из-под гор Камира через край, сожженный наибольшей засухой, какую могут упомянуть люди, но несмотря на это подхватил болотную горячку. Где он нашел болота при такой погоде?

– Я не медик, ситар пахан. Но он мог напиться гнилой воды по дороге. Имперские предупреждали, что в такой воде могут жить болезни.

Мужчина склонился надо мной и налил мне в чашу отвара. Клубы дыма из его трубочки легко пахли амбрией и черносливом.

– Откуда вы взяли посохи шпионов, Арджук? Это редкая вещь, такие непросто купить на базаре, пусть бы даже и существовала нормальная торговля. И непросто научиться ими сражаться. Неужели это часть обучения чиновника шестой категории?

– Мой дядя служил в тяжелой пехоте. Учил меня сражаться посохом, потому что дороги опасны. А трости были на повозке жрецов. Мы не знали, что это посохи шпионов. Я – чиновник пятого ранга, не шестого. Умею читать и писать.

– А дядя твой, солдат тяжелой пехоты. Убил троих людей, причем одного – стрелой издалека. Ты же убил двоих в схватке, вооруженный лишь

посохом. А в какой-то момент у тебя не было даже его. Голые руки против двух лучников, а твой дядя держал лишь железный амулет на цепи. И ты хорошо знал, где в посохе меч, а где – наконечник копья. Кем были те нападавшие?

– В повозке была железная шкатулка, ситар пахан. Разбойники о ней знали, мы – нет. Но внутри было нечто страшное, наложило проклятие на все околицы. Я сам это видел.

Внесли подносы с едой. Квашеные овощи, соленый сыр, хлеб, молоко. Несколько полосок сушеного мяса. Я принял чару с ореховым отваром и отпил глоток.

– Ты давно не ел приличной еды, парень. Долго в дороге?

– Я потерял чувство времени, ситар пахан. Мы сбежали из Маранахара в ночь, когда вернулась старая вера, а армия перешла на сторону Подземной Матери. Лодкой по реке. Затем мы много дней странствовали пешком.

– Убегали быстро?

– Да, но мы и так собирались уехать. Дядя прибыл ко мне, поскольку заболел мой отец. Поэтому у нас были подорожные грамоты.

– У вас были подорожные грамоты, но вы предпочли таиться, обходить посты и переодеваться в одежды жрецов?

– Бумаги нам подписали до переворота. Мы не знали, хороши ли они. То же самое с паспортами. Они еще имперские.

– Но при власти несчастного императора можно было странствовать без подорожных грамот, сынок, – объявил мне печально мужчина. – Откуда бы двум синдарам знать, что вернется Кодекс Земли?

Это было словно игра. Мужчина задавал невинные вопросы, но мне постоянно казалось, что он пытается загнать меня в угол.

– Когда живешь во время засухи в Маранахаре, – сказал я медленно, – чувствуешь нечто в воздухе. Мы боялись. Мы бедные люди. Жрецы запугали весь район. Порой они стояли и на заставах. Мы пошли в храм и выправили бумаги, как в старые времена, поскольку если бы просто ушли, те на заставах могли посчитать, что мы легкомысленно относимся к Кодексу и учению пророчицы. Что прислуживаем имперскому закону.

Мужчина улыбнулся. Сунул руку в корзину, стоявшую рядом со столиком, и вынул Глаз Севера. Я открыл рот, но не сумел ничего произнести.

– Если сейчас я спрошу, ты ответишь: «Ох, это было в нашей семье давным-давно. Принадлежало еще моему деду, который торговал со странниками из пустынных караванов». Тогда я спрошу, как синдар в те

годы мог унизиться до торговли, а ты на это со стыдом скажешь, что в пустынных селениях действуют немного другие обычаи, они далеко от Внутреннего Круга, а жить как-то нужно. Ешь, парень. Ты часто ел кирененскую еду?

– Нет, ситар пахан.

– И все же знаешь, что квашеная хромка не подходит к сыру, зато прекрасна с мясом. К сыру ты взял себе дробленую рукеж. Я бы и сам так сделал. Ты знаешь, что мог бы с легкостью выдавать себя за кирененца? Легкость, с которой ты берешься за мясо... Можно подумать, что ты никогда не слышал о том, что у того, кто ест тела детей земли, загустеет кровь. Ешь, парень. Ешь.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

– Я не притворяюсь кирененцем, ситар пахан. Не знаю, отчего нас похитили. Прошу, позволь нам уйти домой. Я не ел уже несколько дней – вот и все.

– Ешь, парень, ешь. Нужно использовать любую добрую минутку, которая выпадает нам в мире. Нужно ценить, что мир Творца еще дает нам такие минутки, хотя в этом мире так много людей. Нужно ценить мелочи. Сейчас ты ешь завтрак, а скоро не почувствуешь ничего, кроме боли и муки. Таков наш мир, и с этим ничего не поделать, парень.

– Я не лгу, ситар пахан, – сказал я снова с нажимом. Собеседник мой был добрым и товарищески настроен, но несмотря на это пробуждал во мне опасение. А после последней фразы я просто затрясся от страха.

– И все же лжешь, бедняжка. Лжешь каждым словом, причем лжешь хорошо. Тебя научили создавать сказку. Видишь ли, парень, в каждое слово, сказанное тобой, легко поверить – но невозможно поверить во все. Бывает так, что даже лучшая сказка не поможет. Хотя бы эта деталь: ты синдар. Твой дядя – старший, и следовательно, ты обязан его беспрекословно слушать. И все же, когда возникла опасность, что вас могут отравить, именно твой дядя пробует воду, будто слуга. И всякое такое, парень. Боль не обхитришь. Боль нельзя переждать. Будет не так, как если бы тебе отрезали палец или били. Это – страшная боль, но ее можно вынести. Особенно если ты во что-то сильно веришь. Но то, что обычно случается в обстоятельствах, подобных твоим, переходит границы понимания. Тебе должны были бы сказать. Действительно – должны были. Такое никто не сумеет выдержать. Все, что ты можешь сделать для себя, это спастись хотя бы от части того, что скоро наступит. Смерть – не самая худшая вещь, парень. Сейчас тебе кажется, что это так, но увы. Ты ведь и сам понимаешь, что смерть может стать наградой.

– А какова разница, ситар пахан? – спросил я.

– В чем, парень?

– Между людьми. Амитраями и кирененцами. Дикими кебирийцами и кирененцами. Между жрецами Праматери, кормящими ее статую, и гордыми кирененцами, которые похищают людей на путях, чтобы их замучить?

– Необходимость, сынок. Нас осталось мало. Мы убегаем, откуда можем, но все равно нас мало. Амитраи могут вернуться к старой вере, сидеть тихо и быть послушными. Но нас уничтожают безжалостно. Есть поселения, в которых кирененцев убивают до последнего человека. Даже младенцев. Еще до того, как придет такой приказ. Чтобы уничтожить любой след проклятой династии Тенджарук. Делают это их соседи, в надежде, что тогда пощадят их. Из страха. Не знают, что их надаку никогда не будут сыты. Что когда закончимся мы, они так же охотно пожрут собственных детей. Уцелело нас немного. А если тебе удастся сделать то, зачем тебя прислали, не останется вовсе. Поэтому я не стану тебя расспрашивать, что ты должен был сделать, странствуя по окраинам империи как синдар или жрец, но приготовленный к тому, чтобы мочь в любой момент притвориться кирененцем. Потому что это ясно. Ты должен был нас найти. Меня интересует лишь, сколько вас таких есть еще. Подобных тебе. Сколько таких синдаров, жрецов и кирененцев одновременно, знающих все обычаи империи, мастерски владеющих посохом шпиона, ядом и клинком. Мы сеем вокруг сплетни о себе. Хотим сделать так, чтобы людям было о чем думать и куда бежать, если они сумеют. Но мы не желаем, чтобы о нас что-то знали наверняка. Не раньше того времени, когда мы будем готовы. А потому мы используем методы варваров, лишь когда нет иного выхода. Точно так, как маленькая худая собака, стоит загнать ее в угол, может убить. Потому что она испугана, а позади нее – стена. И мы хорошо знаем, что испортим судьбу: свою и своих детей. Что нечто подобное означает родовое проклятие. Но ставка – смерть недобитков, которые находятся в нашем лагере, тех немногих, которые к нам присоединились. Лишь тогда мы используем эти методы. А наши враги используют их по любому поводу и всякий день. Вот и вся разница, парень.

– Но ведь даже будь я отслеживающим вас шпионом, я бы не знал, где нахожусь.

– Потому что мы сами тебя сюда доставили. Попади ты сюда, как и другие беглецы, найди ты нас – знал бы. Но сколько вас еще, парень? Сколько? И где они?

Установилась страшная тишина. Некоторое время я судорожно думал,

что сказать, но в голове моей была пустота. Откуда-то издалека донесся крик. Жуткий голос, который показался мне знакомым. Звучал он как голос Бруса.

Вдруг совершенно неожиданно мой череп прошила короткая резкая боль. словно удар молнии. Я крикнул. Хотел сдвинуться с места, оглянуться, но не сумел. Тело мое было как статуя. Я чувствовал его, чувствовал каждую мышцу – но не мог пошевелиться.

– В твой череп воткнута игла, – сказал мужчина и долил себе отвар. Из-за спины моей бесшумно выступил человек в свободных черных одеяниях с капюшоном. Человек с ночью вместо лица. Он выглядел подобно куску тьмы или клочку сажки. Как оживший двигающийся плащ. Поставил на столике большой кубок, полный сверкающих, тонких, словно волос, проволочек. Я увидел очень худую, жилистую ладонь цвета меди, покрытую неглубокими шрамами.

Мой собеседник вынул одну иглу и показал мне.

– Любая из них почти не видна. Она тонка как паутинка, но тверже стали. Тверже бриллианта. Входит в череп, словно в яблоко. Одна из них сейчас торчит глубоко в твоей голове. Здесь.

Он прикоснулся к своей голове сзади, прямо над затылком. Черный призрак взял горсть сверкающих игл и осторожно разместил их между пальцами одной руки.

– Поэтому ты не можешь двигать ничем, кроме губ и языка. Можешь лишь говорить и смотреть. Игла втыкается почти безболезненно, – вздохнул он. – Все дело в том, куда именно ее втыкают. Он, этот человек в капюшоне, кебириец. Зовется Н'Гвемба Асани. Обычно он этими иглами лечит, но знает, и где в голове у человека обитают боль, печаль, страх и ужас. Знает также, где находится то чувство, когда твои глаза заливают кипящим свинцом или ногу твою объедают насекомые. Достаточно лишь воткнуть иглу. Сейчас он сидит за твоей спиной и уже воткнул их шесть. Скоро ты станешь выглядеть, словно еж. А после достаточно будет прикоснуться к любой из них – и ты почувствуешь, что тебя погребают живьем или что тебе приходится смотреть, как насилуют твою маленькую дочку. И так далее, бесконечно. Это как игра на синтаре. Синтаре страдания. Муслин на капюшоне кебирийца не для того, чтобы тебя напугать. Он для того, чтобы ты не видел, как Н'Гвемба плачет. Я не скажу, что он страдает так же, как ты, поскольку это неправда. Никто не сумеет страдать так сильно.

Если бы я был просто скован цепями, думаю, сумел бы их порвать. Но это были не цепи. Это была тонкая, словно волос, серебряная игла,

торчавшая в моей голове. Я сидел неподвижно, как статуя, но мысленно я бился, точно безумец, метался, как ошалевший от страха гибнущий конь.

А потом Н'Гвемба аккуратно прикоснулся к одной из игл.

* * *

Ту, в которой жила печаль о любимой женщине. Мир, переставший быть миром, стал невыносимой тяжестью. Пустым, испепеленным местом изгнания.

И ту, где обитал огонь, пылающий глубоко внутри меня. Горсть проглоченных горячих угольев, смрад горящих волос, отзвук скрипа зубами по стеклу. Крик пылающих живьем младенцев.

Мой собственный вопль, полагаю, должен был расколоть каменный купол...

* * *

– Мы, кирененцы, верим, что такой поступок накладывает проклятие на жизнь человека, – прошептал мужчина. – Называется это *го-ханми*. Долг обиды. Я заплачу за то, что сделал тебе, позже за это заплатят мои дети. И будут платить так долго, пока обида не уравнивается. Заплатят печалью, болезнями и несчастьями. Но, может, благодаря этому выживут все кирененцы. Может, они не будут перебиты лишь оттого, что не верят в Подземную и смысл того, чтобы все сделалось единым. Может, они сумеют защитить свое право жить так, как желают. Это мое *агирано*, мой долг, который я сам на себя возложил. Прости мне. А теперь скажи, как много вас таких?

* * *

– Я не шпион храма! – заорал я во все горло. Мысль о том, что чудовище, сидящее позади меня, приближает руку к моей голове, наполняла меня неистовством. – Я кирененец! Я император!

Мужчина за столом болезненно скривился, наклонил голову, прикрыл глаза.

И тогда Н'Гвемба прикоснулся к нескольким иглам.

* * *

Боль – словно мрачное, красно-черное солнце. Мерзкое маленькое солнце, которое не разгоняет тьму. Оно вечное. И оно воняет.

* * *

Как ты должен был сообщать храму?
Сколько еще таких, как вы?
Где вы о нас слышали?
Что должны были сделать, добравшись сюда?

* * *

– Вынь иглы, Н’Гвемба, – произнес мужчина усталым голосом. – Вынь все, кроме той, что не дает ему двигаться. Но воткни еще две. Дай ему спокойствие и сними боль. Я не вынесу этого больше. Я задал все вопросы по три раза. Хватит. Не знаю, как они это сделали, но даже я не сумею взять на себя больше го-ханми.

Он потянулся к поясу и вынул свой клановый нож.

– Хватит, парень, – прошептал. – Это конец. Больше не будет боли. Я старый, слабый и больше не выдержу. Я подвел мой народ. И я подвел тебя, поскольку мучил зря.

– Хватит! – это кричал еще один человек без лица, который появился внезапно, будто вырос посередине помещения. Но этот весь состоял из сверкающей брони. Он напоминал существо из текучего золота. – Хватит этого безумия! Ты навлечешь проклятие на всех нас!

– Это не безумие, преподобный, – произнес мужчина, охватывая ладонью кулак и склоняя голову. – Война жестока. Как для нас, так и для них. Мы живем миром, а не небесами. Если этот несчастный парень сделает то, ради чего его прислали, нас перебьют всех до одного. Вместе с твоими сиротами. Никто не уйдет живым.

– Вынь иглы, – резко приказал мужчина в стали. Одежда его состояла из мелких колец и покрывала все тело, заслоняя даже лицо. Я хорошо его видел, сидя по-прежнему неподвижно, как статуя. За последнее время я уже умирал от боли и несчастья, потом стал мечтать о смерти, затем – влюбился

в нее. Совершенно так, как тот говорил. Я все еще ждал ее клинка – словно поцелуя любовницы. Не знаю, отчего я видел все настолько отчетливо. Ощущал тяжесть каждого колечка, сверкающего на теле пришельца. Каждого звена его стекающей к земле кольчуги.

– Вынь иглы и помоги ему прийти в себя. Пусть ему дадут другую одежду и воды. Пусть умоется. Пусть выпьет амбрии. Когда он придет в себя, пусть его проведут к тохимону. И пусть никто не смеет причинять ему ни наименьшей обиды.

– Преподобный... – прервал его мужчина решительно. – Это...

– Это не шпион! Это тот, кто приходил в мои сны! Я буду ждать. Когда парень придет в себя, сам его проведу. А ты – пади на лицо свое и молись предкам, которых позоришь!

Кебириец вынимал иглы одну за другой. Это приносило мне облегчение, но всякий раз, когда он поднимал руку к моей голове, по телу пробегала судорога страха. Когда он вынул последнюю, я свалился на пол совершенно без сил.

Одежда моя была пропитана потом, я намочил штаны и весь трясся. Только через какое-то время я сумел пошевелиться. Встал на колени.

– Как тебя зовут? – спросил я мужчину за столом.

Не узнал собственного голоса. Тот был словно ободран.

– Я Узел, сын Пташника. Происхожу из клана Воды.

– Когда война закончится, Узел, сын Пташника, когда кирененцы станут свободны, я найду тебя и убью.

– То, что ты говорил под пыткой...

– Да. Я – каи-тохимон клана Журавля, амитрайского имени Теркей Тенджарук, Владыка Тигриного Трона. Пламенный Штандарт, Господин Мира и Первый Всадник. Но найду я тебя не как император. Найду тебя как Филар, сын Копейщика. Приду в твой дом со знаком мести на лице, нарисованным собственной кровью, с ножом в руке. Воткну на твоём дворе флаг клана Журавля и убью тебя у ног твоих детей.

– Я мечтаю, чтобы так случилось, сын Копейщика, – ответил он, склонив голову. – Если этот день придет, это будет значить, что я победил и что жестокости, которые я допустил, не прошли зря.

– А пока дай мне воды и одежду, – рывкнул я, глядя на свои все еще трясущиеся ладони. Казалось, я никогда не был настолько измотан. – А потом уйди отсюда. Я не хочу тебя видеть.

Узел прислал мне не только воду, но и двух невольниц, которые принесли с собой ведро, полотенца и миску с мыльным раствором. Когда они пришли, я сидел, скорчившись, тряся и рыдал. Они осторожно омыли меня, совершенно равнодушного и безвольного. Когда одна из них вытирала мою голову полотенцем, я увидел на нем капельки крови. Следы от укусов, которыми тоненькие жала проникли в мою голову.

Позже девушки принесли перевязь, рубаху, штаны, куртку и сапоги. Кирененскую одежду, которую я не носил с того времени, как сгорел мой дворец.

Мужчина в одежде монаха-воина сидел подле купола в позе медитации со склоненной головой – и не двигался.

Ждал меня. А потом – поднялся, опер на плечо свою глевию и молча повел меня идеально ровной плоскостью, между двумя рядами бьющихся на ветру клановых флажков.

– Не говори никому, кто ты такой, – заговорил. – Ни мне, ни тохимону. Ты Носитель Судьбы, и слишком легко можешь изменить то, что должно произойти.

– Тогда что мне говорить?

– Правду. Но только ту ее часть, что необходима.

Предводитель сидел в другом куполе, на седле, поставленном под стену, – как на троне. Был это худой мужчина с аристократичным лицом и гривой седых волос. На нем были штаны и туника цветов двадцатого тимена, сверху наброшена кирененская куртка с бахромой клана Скалы. В руке, упертой в бедро, он сжимал кубок; у ног его стояла тыква с пальмовым вином. Он же заботливо ощупывал пальцем зуб. Из мебели в помещении был лишь маленький светлый столик с развернутой картой, и еще один, на котором стояли стаканы. На полу лежало несколько матов. Под искривленной стеной я заметил деревянную стойку, на которой висел доспех тяжелой кавалерии и старый кирененский шлем с глубоким затылком, наносником и нащечниками.

Я охватил кулак ладонью и слегка поклонился.

– Каи-тохимон...

Он чуть склонил голову. Я уселся на циновке и обхватил себя руками. Я все еще тряся, зубы мои стучали. Я не хотел ни с кем разговаривать, не хотел никого видеть. В тот момент мне хотелось свернуться клубком и заплакать.

– Значит, это и есть твой Носитель Судьбы? – обратился тохимон к монаху.

Тот кивнул, похрустывая кольчугой.

– Их должно быть двое.

– Есть еще мой товарищ, тохимон, но я не знаю, жив ли он. Прошу позволить мне его увидеть. Я знаю, что его мучают кебирийскими иглами, как мучили меня самого!

– Я это прекратил, – произнес монах из-за сверкающей завесы. – Прекратил сразу, едва узнал, что следопыты доставили двух людей, пойманных на аширдымском тракте. Но твой товарищ – амитрай. Жрец Праматери по имени Ундай Чекедей.

Я покачал головой.

– Это Брус, сын Полынника. В дороге ему пришлось притворяться жрецом Чекедеем, и в храме он принял укус странного, измененного силой урочища скорпиона. Это некий обряд. И тогда в голове его все перемешалось. Теперь в ней живет двое людей: Чекедей, которого он выдумал, и он сам. Если Брус умер от ваших игл... – мой голос сломался.

Стало тихо. Монах-воин нырнул под свою кольчугу и достал небольшую закупоренную тыкву.

– Пей маленькими глотками, парень. Так долго, пока не почувствуешь себя лучше. Твой товарищ жив.

– Кебриец может его вылечить, – отозвался тохимон.

– Этот пес больше к нему не притронется!

– Он ни в чем не виноват, – сказал монах. – Он просто нож. Ножом можно взрезать чирей или проткнуть сердце. Все зависит от того, кто его держит. Проклинай нас, тех, кто держит рукоять, а не мертвую сталь. Эти кебирийцы в остальные дни лечат, а их иглы совершают чудеса. Знаю, тебе непросто, парень, но попытайся нам доверять. У нас есть здесь люди, которые пережили такие ужасы, что это отняло у них разум. Мои порошки, молитвы и травы не в силах им помочь, но иглы Н'Гвембы вернули им рассудок и спокойствие. Мы займемся твоим товарищем, тем более что мы его и обидели.

– Я – Фитиль, сын Кузнеца, кай-тохимон клана Скалы, – произнес внезапно мужчина, сидящий на троне из седла таким тоном, словно мы его игнорировали. – Я предводительствую остатками этого народа, главным образом беглецами из разных отрядов армии, и немногими гражданскими. Женщинами, детьми, стариками. Когда необходимо дать всем есть и пить, кажется, что это много, но если амитраи нас найдут, выяснится, что нас – едва горсточка. Узел и его следопыты следят, чтобы нас не нашли храмовые шпионы, и делают они это хорошо. Обычно не ошибаются. Но мой друг, просвещенный монах-воин по имени Мрак, обычно тоже не ошибается. Один утверждает, что ты – смертельная угроза и тебя необходимо убрать.

Второй – что ты тот, кто может изменить нашу судьбу и сделать так, что мы выживем. Кому мне верить, парень? Что мне скажешь ты сам?

Мрак сунул руку под кольчугу и достал молитвенный цилиндр. Я смотрел, как он умело вращает кольца, перемешивая покрытые знаками камни вокруг оси и между кольцами, как складывается новый узор. Если ему удастся сложить камни, возможно, он сумеет прочесть ответ.

– Я не знаю, что означает то, что я Носитель Судьбы. Я – Филар, сын Копейщика из клана Журавля. В ночь, когда пал Тигриный Трон, я получил от императора миссию. Стараюсь ее выполнить. Но я не знаю смысла миссии и не понимаю ее. Владыка Тигриного Трона приказал мне кое-куда добраться, но не раскрыл зачем. Не приказывал мне ни с кем встречаться и не велел передавать никаких вестей, вообще ничего. Полагаю, коль скоро Первый Всадник погиб и уже нет императорской династии, я должен остаться здесь. Встать у твоего бока, тохимон. Я кирененец, и мое место здесь. Я тут – единственный живой придворный императора. Это может привлечь больше людей под твои знамена, хотя бы и тех из клана Журавля, кто уцелел.

– Императорский двор... – сказал Фитиль в задумчивости. Мрак вращал кольца, я слышал пощелкивания элементов. – Кирененская династия, созданная Перевернутым Журавлем. Изменником. Династия Тенджарук. Это амитрайские дела, Филар. Мы, кирененцы, не обладаем единственной властью над всеми. У нас нет императоров. Клан Журавля ничем не лучше клана Пса, Льда или Ручья. Так было некогда, так стало снова. Время течет, а жизнь совершает круг. Все изменяется, чтобы снова стать самим собой. Я не хочу быть императором. Я – лишь первый среди равных. Я – полевой вождь недобитков. Но если мы выживем, вернусь на свое место. Во главу моего клана – и никуда больше.

– Мы все еще существуем, – сказал монах, по-прежнему вращая кольца и передвигая камни. – Несмотря на то, что наша страна покорена, а мы уничтожены и выселены. Несмотря на то, что нас перевели в нижайшие касты, изменили наши имена и отобрали наш язык. Забрали даже нашу землю, а мы все еще существуем. Мы выжили, потому что поколения назад случился обряд Вопросы. Когда нас подчинили, Стрела, сын Сеточника, кай тохимон клана Журавля, тот самый, что назвался потом Тахалдином Тенджаруком, не предавал. Он сделал то, что ему приказали сделать Ведающие, те, кто пережил обряд. Ему приказали перейти на сторону врагов и создать императорскую династию. Ему или его потомкам. Он тоже был Носителем Судьбы. Свою судьбу он исполнил, а его потомок как император сумел сделать так, чтобы мы смогли возродиться. Когда бы не

появилась кирененская династия Тенджарук, Фитиль, сейчас мы были бы лишенными памяти безымянными рабами из нижайших каст. Не было бы ни кланов, ни нашего языка. За то, что ты родился в кирененской семье, что дали тебе имя, что имел ты родителей, что всю жизнь носил клановый нож и куртку – ты должен быть благодарен именно императору.

Фитиль пожал плечами и отпил вина из своего кубка.

– Может, но те времена прошли. У меня уже нет ни дома, ни семьи, как у нас у всех. Осталось лишь имя, нож и куртка. Теперь нас отслеживают и убивают, а несчастный император мертв. Зачем он нам? Амитраи, похоже, о нем не тоскуют, нам же он без надобности. Я должен с горсткой людей броситься в столицу отвоевывать Тигриный Трон? А кому он нужен? Кого я должен на него посадить? Как его удержать? Как сделать так, чтобы амитраи отвернулись от своей пророчицы? Нам нужно место, где мы могли бы жить, – и только. Если ты тоже этого желаешь, сын Копейщика, если ты – кирененец и сумеешь простить то, что претерпел от наших рук, останься. Мне понадобится каждый человек. Каждый человек, который не хочет жить в свете Праматери и умеет держать в руках меч. Особенно если этого желает предназначение. Я доверяю Мраку. Если он говорит, что ты – орудие судьбы и можешь позволить нам выжить, то и я так думаю.

– Хватит, – прервал его Мрак. – Это не так. Он может быть Носителем Судьбы лишь когда сделает то, что ему предназначено. Судьба подвижна, как вода или дым. Нет единой линии, чьими рабами мы являемся. Есть неминуемые события, но их не так уж и много, и касаются они лишь того, что должно произойти вскоре. Он должен сделать то, что должен. Не знаю, что это. Но полагаю, ему следует поступить согласно воле императора. Ты обитал во дворце, – обратился он ко мне. – Были ли там Ведающие?

– Говорят, что были, – ответил я. – Но я никогда и ни одного из них не видел.

– Я сам Ведающий, – пояснил Мрак. – И хотя не могу объяснить причин, полагаю, что в ночь грозы состоялся обряд Вопросы. Я это почувствовал. Тогда многие погибли. Сперва от силы обряда, потом – от мечей. Когда дела подходят к концу, можно пытаться искать ответ, как это было сделано после поражения в долине Черных Слез. Круг соединенных Ведающих тогда на миг становится единым мощным сознанием. На миг открываются тропы в будущее, узнается скрытое. Многие гибнут, многие платят за это безумием. А ответ не всегда понятен. Он словно приказ, отданный молодому парню, чтобы тот отправился в путь безо всякой причины, на самый край мира. И лишь когда ты туда доберешься, станет понятно, зачем и ради чего. Разве император каждый день отдавал

подобные приказы?

– Никогда, – ответил я. – Любой из его людей всегда знал, что и для чего он должен делать.

– А куда ты сейчас хотел добраться? Когда странствовал по аширдымскому тракту?

– В городок Нахильгил, вблизи Саурагара. В пустыне Конца Мира.

– Значит, ты должен туда отправиться. А мы должны сделать все, чтобы ты туда добрался. Здесь ты остаться не можешь. Есть и еще кое-что, тохимон.

– Что-то, что ты увидел в своих видениях, в дыму и текущей воде? – спросил Фитиль.

– Верно. За ним идет смерть. Я видел ее в своих видениях. Она идет по его следам, и она уже недалеко. Однако я не знаю, что это значит.

– Смерть идет за всеми нами. Порой стоит у самого порога. Здесь нет ничего нового. Что ты предлагаешь?

– Вылечим его товарища. Снарядим их в дорогу и дадим несколько человек, которые доставят их в Нахильгил. Как можно скорее. Под видом охранников и защитников. Пусть они не блуждают, и пусть никто не сумеет встать у них на пути. Они должны добраться туда, куда им предназначено, причем – как можно скорее.

– А какой от этого толк? Особенно для тех, кто останется здесь?

– Возможно, мы это узнаем, когда он доберется, куда должен добраться. Так уж устроен обряд Вопросы. Может, все дело в том, кого он там встретит. А может, он просто столкнет камешек, что вызовет лавину. А может, станет искрой, от которой возгорится пожар. Ответ, который получили Ведающие, – не пророчество. Это шанс. Возможно, совсем крохотный. Но нам понадобится любой.

– И потому я должен отдать ему пару бесценных людей и отправить на край пустыни, хотя он сам не знает, зачем и к чему оно все, – медленно произнес предводитель. – Поскольку – возможно – Ведающие совершили во дворце некий обряд. И в результате этого обряда возможно – повторяю, возможно – появилось видение, которого никто не понимает, но исполнение которого дает нам шанс выжить. Я верно понял твои слова, Мрак? Я ведь командир. Я смотрю под ноги. Тут есть люди, которые мне доверились. Они решили, что я лучше прочих знаю, как поступить. Для меня важны копья, мешки дурры, кони и мечи. Я могу их подсчитать и ответить: есть шанс. Или – шанса нет. Я живу на земле и смотрю в землю, Мрак. Я вижу вещи, которые обладают значением, и те, у которых значения нет. Я не занят погоней за ветром, снами и светом луны. Я не вмешиваюсь в дела

надаку и проклятий урочищ. Я верю в Создателя, но он далеко. Он сделал людей свободными, и потому не в силах нам помочь, поскольку тогда бы мы перестали решать сами. Поэтому в мире есть зло и есть амитраи. Но еще есть клинки и руки, чтобы им противостоять. Такие вещи я понимаю.

– Жаль, что пророчица не думает, как ты, – ответил Мрак из-за своей кольчужной завесы. – Когда бы она взглянула на имперскую армию, когда бы подсчитала клинки и мешки дурры, наверняка никогда не покинула бы свою пустынную пустыню. Но она предпочла гнаться за ветром и светом луны. Верить снам. И теперь ее сны должны стать снами всех по самое Всеморье, Кебир и Нассим.

Я отпил еще один глоток из своей деревянной фляги. Напиток сильно отдавал специями и травами, у него был странный привкус, но не резкий, как у амбрии. Руки мои уже не тряслись, меня медленно охватывало равнодушие. Не спокойствие, а именно равнодушие. Тьма, которая угнездилась внутри меня, словно сжалась, но осталась тьмой. Черной мрачной пропастью.

– Возможно, я поступлю, как ты советуешь, преподобный, – заявил предводитель. – А может, поступлю иначе. Я должен подумать. Когда решу, ты об этом узнаешь. Найди парню какой-то угол и проследи, чтобы вылечили его друга.

– Тохимон?

– Да, парень?

– Я не знаю, насколько это далеко отсюда, не знаю и сколько времени прошло, но знаю нечто, что может быть важно, – заявил я. Фитиль смотрел на меня неподвижным, уставшим взглядом. – В селении Аширдым обитает немного жрецов. Всего несколько. Есть там одна старая Ведающая, которая может оказаться опасной. Но архиматрона не имеет никакой силы. Не может деять, не умеет и править. Она лишь следит за мостом и задерживает множество путников. Часть убивает в храме, а часть направляет в амбары. Между ними есть как кирененцы, так и другие люди, которые бегут от власти Праматери и Красных Башен. А весь город завален дуррой, там полно стад скота, которых жрица не желает отдавать высоким родам, поскольку боится, что попадет от них в зависимость. За всем этим присматривает едва ли бинхон пехоты и хон легкой кавалерии. Загонщики. Они из «Змеинового» тимена, скучают и у них низкая мораль. Есть еще храмовая стража. Хон, может, два. Сборная солянка. Бандиты и мародеры. К тому же за городом, не далее, как в перестреле за мостом, теперь появилось урочище. Я знаю, поскольку видел это собственными глазами. Это все. Я подумал, что если бы я был пахан-деем или тимен-басааром, я

бы хотел об этом услышать.

– И что бы ты сделал, если бы услышал?

– Послал бы туда бинхон быстрой кавалерии и столько повозок, сколько бы нашел. Захватил бы город, сжег башни, освободил людей и забрал припасы. А от архиматроны узнал бы, как теперь звучит новый язык барабанов. Со времени, когда я видел город, там что-то могло измениться, и, конечно, ты можешь полагать, будто я вру. В таком случае несколько разведчиков быстро разобрались бы на месте. А легкая кавалерия может пойти врассыпную и отступить – если что-то пойдет не так.

Фитиль снисходительно улыбнулся и кивнул. Потом посмотрел мне в глаза:

– Несмотря на молодость, ты думаешь, как командир. Невольно задумаешься: кто ты, сын Копейщика? Но скажу так: как бы ты склонил архиматрону, чтобы та выдала язык барабанов? Попросил бы ее? Запугал бы? Раскалил бы добела железо? А может, приказал бы Н'Гвембе воткнуть ей в голову иглы?

Я молчал.

Монах поднялся в звоне кольчуги и взял меня за плечо.

– Пойдем.

Снаружи светило ослепительное солнце и висело огромное синее небо. С вершины странного плоского взгорья мы видели далекий горизонт, исчезающий среди сияющей мглы. Бесконечные болотные просторы и невысокие холмы, что маячили с одной стороны; сухую, пустынную равнину, покрытую кустами и камнями с другой, до самых встающих вдали рыжих, мрачных горных вершин.

– Ты вовсе не желал с нами оставаться, верно? – спросил Мрак.

Разговор с тем, кто укрыт за блестящей завесой, непросто. У монаха не было лица. Не понятно, улыбается он, насмехается или говорит серьезно. Был только голос. Я посмотрел на него, но ничего не ответил.

– Ты просто полагал, что должен. Что это твое место. Тем временем, все, что случилось с тобой и твоим другом, привело к тому, что ты не уверен, хочешь ли оставаться кирененцем.

– А кем бы я мог быть? – спросил я. – Я кирененец, несмотря на то, что думаю о себе или что чувствую. Я являюсь им больше, чем ты мог бы себе представить. Может, больше, чем кто-либо здесь вообще. Это моя природа. Это не то, что можно выбирать.

– Верно, но я думаю, что тебе дает надежду уверенность, что есть еще и другие, кто действует иначе, чем мы. Кто придерживается принципов цивилизации и кодекса войны. Что мы здесь – отчаявшиеся. Тебе пришлось

бежать через всю страну и видеть вещи, которые никогда не должны бы случаться. Видеть и думать: «Где-то там есть другой мир. Есть мой народ, который никогда бы так не поступил. Была когда-то такая страна. Если бы я только мог оказаться с ними, если бы мог вернуть свою родину». А теперь – ты нашел, и первое, что испытал, – непростительная жестокость. От рук своих.

– Ох, перестань нести чушь, преподобный, – рявкнул я. – Ты – почтенный человек, а говоришь словно амитрай. Раз так, раз эдак, то тебе жаль, то ты полагаешь себя справедливым. Вьешься, как флажок на ветру, в зависимости от того, что почувствуешь. Вы решили, что в вашей ситуации можно добывать сведения пытками, и не притворяйся теперь, что это непростительно. Простительно, поскольку вы решились так поступить. Война – триумф необходимости! Кирененец задумывается, прежде чем решиться. А когда решается, уже не может отступить. Он должен встать лицом к лицу со своим выбором. Вы решились сделать нечто, что затемнит вам *го-ханми* и сделает вас недостойными. Вы решили принять это на себя, поскольку ставка слишком высока, и это необходимо. Тогда подними голову и прими тяжесть, которую выбрал. Не старайся получить мое прощение, поскольку еще час назад я ходил под себя от боли и ужаса.

Я замолчал, поскольку Мрак положил глевию на землю и с хрустом склонил предо мной покрытую кольчугой голову.

– *Кодай масса, тохимон!*

– *Матагей,* – пробормотал я. И вдруг услышал легкий перезвон стальных колечек. Голова монаха легонько подрагивала, и я подумал, что он плачет, а потом понял, что Мрак бесшумно смеется.

– Ты надо мной подшучиваешь? – спросил я.

– Нет, сын Копейщика. Но то, как ты выговаривал мне, естественность этого в устах паренька было неожиданным. Ты привык приказывать, и давно. Избегай этого, поскольку это самый глупый способ выдать себя. Конечно, ты был бы прав, если бы не произошло недоразумение. Я говорил лишь, что знаю, что ты чувствуешь, и что я сам чувствовал бы на твоём месте. Я смотрю на мир иначе, чем нормальные люди. Как и всякий монах, я слегка не в себе. Я вижу связи.

– Видишь связи?

– Собственно, чувствую. Между делами, людьми и целями. Они очень легки и запросто могут быть оборваны, но они заметны. Их легко рвать и поступать противу судьбе. От падения Тигриного Трона ты бредешь через враждебный край. Странствуешь с миссией, которая не имеет для тебя ни малейшего смысла. В одиночестве среди врагов. Если бы попал к нам и не

испытал унижения, ты бы здесь остался. Ты попал к своим, а то, что мы делаем, обладает простым, легким для принятия смыслом. Мы хотим выжить. Хотим обороняться. Ты просто-напросто встал бы в наши ряды. Это кажется куда умнее безнадежного странствия ради неясной цели. Ты бы тогда просто оборвал нити. А так ты, полагаю, предпочтешь вернуться на путь и продолжить свою миссию. Тебя обидели, поэтому ты не станешь колебаться. Пойдешь, куда тебя ведут линии судьбы. Именно так порой действует разум человека.

Мы стояли перед круглым отверстием очередного, сверкающего как жемчужина круглого здания.

– Отдохни, – сказал жрец. – Я приказал перенести сюда твои вещи, послал за отваром. Тут есть маты для сна, одеяла и лампа. Кто-нибудь принесет тебе еды.

– Где я найду Бруса? Хочу его увидеть.

Он махнул рукой, указывая куда-то за край плоскогорья, словно желая сказать, что Брус улетел на юг.

– На первом уровне, там, где находится мой лазарет. Но сейчас он глубоко спит. Я дал ему травы. Не проснется раньше завтрашнего полудня. Тогда я сам тебя проведу.

* * *

Я остался сам. Один в круглом пустом доме, что напоминал огромную перевернутую миску супа, освещенную мягким сиянием, словно камень, из которого он был выстроен, просвечивал как тонкая бумага. Во время мира никто не приближался к древним руинам. В них случались удивительнейшие вещи. Появлялись огни и голоса, отверстия порой закрывались, а дома меняли положение. Видели здесь и демонов. Повсеместно считалось, что руины прокляты. Но теперь шла война, и странные, слегка пугающие строения забытых народов сделались просто убежищем. Ничем больше. На свете были вещи похуже, чем предвечные демоны. Тут, по крайней мере, не капало на голову.

Долгое время я сидел на свернутой циновке и тупо смотрел наружу. На идеально ровное плоскогорье, заставленное шарообразными домами, между которыми бродили люди.

Кирененцы.

Мой народ.

Не знаю, откуда во мне некогда появилась убежденность, что если я

отыщу земляков, то встану во главе их. Я был просто недобитком клана Журавля. Почти ребенком. Пусть бы даже всем рассказал, кто я, – времена Тигриного Трона миновали. Император без дворца, без армии и без подданных, верящих в его власть, – никто. Обычный человек.

Под стеной некто поставил мою дорожную корзину. Я обрадовался, что разведчики ее прихватили, хотя это как раз было логично. Они наблюдали за нами целый день, поскольку мы показались им странными. Подозрительными. А потому и вещи, которые были у нас при себе, тоже имели значение. Они забрали их, чтобы обследовать, но все равно я радовался, что их отдали.

Я вынимал все из корзины и осторожно раскладывал на циновке. Это меня успокаивало и создавало видимость хоть какого-то методичного действия. Все было на месте, разве что некоторые припасы успели испортиться, и я их выбросил. А потом я понял, что это моя корзина, не Бруса. Одежда была соответствующего размера, я даже нашел свой шар желаний. Миг я глядел на него и задумывался, отчего мне не хочется плакать. Словно сердце высохло в камень и затвердело как глина.

Я бережно отложил шар в сторону, погладил посох шпиона. Меч, цепь, клинок копья, который мог быть и ножом. Клееная деревянная рукоять, что притворялась посохом, раскладывалась на несколько частей. Я взял одну из моих повязок и вычистил клинки, нашел маленький керамический оселок и привел им оружие в порядок. Отлил немного масла из лампы и смазал острия, а потом сложил посох обратно, в одно целое.

Будь у меня мешок и немного дубовых опилок, я почистил бы и цепь.

Я осмотрел свое добро, одну вещь за другой. Старательно, будто к чему готовился.

Так я провел большую часть дня. Не помню, как давно мне приходилось идти либо прятаться. Здесь не было нужды ничего делать. К тому же, впервые за столь долгое время я остался один. Компания Бруса не была слишком навязчивой, мы стали неразлучны. Я чувствовал, как его постоянное присутствие понижает мои мысли. Словно я постепенно терял самого себя.

Теперь же никто на меня не охотился, я был в одиночестве. И вот я сидел, уперев руки в колени, и смотрел перед собой. Время от времени отпивал глоток лекарства из фляги, которую дал мне монах-воитель. Это наполняло меня спокойной, равнодушной пустотой. Я словно превратился в камень.

И мне нравилось такое состояние.

Не хотелось ни с кем разговаривать, не хотелось никого видеть. Не

хотелось ничего. Отвар действовал, хотя время от времени возвращалось воспоминание о сегодняшнем утре, и тогда меня охватывал отчаянный ужас, пробиравший, точно мороз, до самых костей. Это длилось какой-то миг, я трясся, свернувшись в клубок, но потом зелья снова успокаивали мое сознание, ласково, как колыбельная.

Так я провел изрядно времени: подремывая, просыпаясь, трясаясь в приступах паники или таращась перед собой. Не происходило ничего, и я ощущал, что именно это мне сейчас нужно. Слышал отдаленные разговоры, крики детей, рев животных, отзвуки ежедневных дел, но вслушивался без особого интереса.

Я будто сделался животным или предметом. Камнем. Деревянным столпом. Я не бредил, не тосковал – и что было совершенно непривычно для меня, не вождедел женского тела. Я просто лежал на циновке, словно заживая весь, целиком.

Приходил в себя медленно. Последний месяц я был то странствующим синдаром, то адептом, а то и императором – чтобы вновь стать лишь императорским посланником или тохимоном клана Журавля. Потихоньку переставал понимать, кто я такой.

Филар, сын Копейщика. Теркей Тенджарук. Агирен Кысалдым. Арджук Хатармаль. Столько имен. Столько разных людей. Каждый из них отличался от другого. И кто был мной? Кем был я сам?

Кем я был вообще?

Я не знал даже, сколько мне лет. Одно дело – время, которое отсчитывается со дня рождения, и совсем другое – время, которое ты прожил. Месяцы текут то быстрее, то медленнее. Порой несколько дней – как целые годы. Дни, даже часы могут изменить человека навсегда. Порой снова ничего не происходит, и несмотря на то, что время течет, все ощущается так, словно оно стоит на месте. Человек ничему не учится, он длится, не меняясь.

Я был почти ребенком, но пережил поболее, чем иной взрослый. Если бы я был сыном купца во времена царствия моего отца, сейчас едва вышел бы из детского возраста. Было бы мне дело исключительно до девиц, танцев и ночных развлечений в тавернах. Я все еще охотно запускать бы воздушных змеев и строгал кораблики из дерева или играл на синтаре. Наверняка я все еще не имел бы на руках крови, может, даже не участвовал бы ни в одной серьезной драке. Я бы не знал больших проблем, чем наука ремесла или суровость учителя. Верхом страдания для меня было бы равнодушие девушки, подвернутая нога или зубная боль.

Если бы я продолжал обитать в Тигрином Дворце, был бы, в свою

очередь, лишь одним из наследников трона. Помогающим в управлении, чувствующим на плечах тяжесть судеб миллионов подданных. Жил бы я тогда императорскими делами, и с многих точек зрения был бы куда взрослее, чем нормальный шестнадцатилетний паренек.

Но чтобы сражаться с судьбой, которая нынче была мне писана, я тоже был слишком слаб. Не хватало мне спокойствия, рассудительности и стойкости людей старшего возраста. С другой стороны, как-то я справлялся, и мне удавалось приходить в себя быстрее, чем взрослым.

Я пролежал так немало часов, попеременно то засыпая, то глядя перед собой и насыщаясь молчанием. Я даже думать не хотел, сколько раз за последние несколько дней успел попрощаться с жизнью, веря, что теперь-то мне точно пришел конец.

Я был изможден.

Но далеко пополудни начал приходить в себя – я понял это по тому, что ощутил голод. Жизнь возвращалась, у нее были свои законы. И меня по-прежнему одолевало беспокойство о Брусе. Я чувствовал, что должен его увидеть, но не мог и с места сдвинуться. Наконец я встал и неохотно покинул свой тихий, безопасный купол. Я снова вышел в мир, который мне надоел.

Прежде всего, я поискал место, где можно очистить кишечник. В естественной скале они вряд ли могли выкопать выгребные ямы, но оказалось, что они использовали один из странных, пустых как-бы-колодцев, вроде того, в котором меня закрыли. Я почувствовал некоторую благодарность, что с этой целью они не использовали мою тюрьму. Колодец накрыли платформой, снятой с повозки и прикрыли ширмой. Поставили здесь даже миску с водой, чтобы подмыться – и вторую, для рук. Отхожее место как раз пустовало. На уровне, где находился купол, в котором я отдыхал, крутилось очень немного людей. Видимо, предназначался он для командования. Основной лагерь находился ниже, на террасе, окружавшей странное, срезанное плоскогорье. Добраться туда можно было по узким, вырезанным в скале ступеням.

Стояли здесь десятки фургонов, селянских двуосных повозок и купеческих платформ. Между ними установили временные шатры, привязав растяжки к повозкам и уперев распорки в скалу. Были здесь армейские палатки и конструкции, собранные из того, что попало под руку. Всюду кружили люди, и никто не обращал на меня внимания. Между шатрами бегали дети, женщины стирали, кое-кто просто спал на повозках и под ними, на расстеленных на земле матах, или просто сидел и смотрел в никуда, так же, как я недавно. Было много раненых, все выглядели

уставшими и изможденными.

Там, где находилась армия, сохранялся какой-никакой порядок, но солдаты казались случайным сбродом из разных тименов, формой им служила пестрая мешанина курток разных отрядов и гражданской одежды. У некоторых был полный доспех, у других – броня отсутствовала. Я видел людей, вооруженных обычным земледельческим инструментом: тесаки для рубки дурры, цепи и секиры.

Я видел временную мастерскую кузнеца, где пылал огонь, звенели молоты, двое мужчин в кожаных фартуках правили и точили мечи, перековывали наново щербатые клинки, ровняли гнутые шлемы. С одной стороны громоздилась куча порченных доспехов, панцирей и шлемов, в другую откладывали отремонтированные, отсортированные, готовые выставляли на козлы.

Никогда в жизни я не видел столько кирененцев сразу. Все имели какие-то ножи, пусть и необязательно бесценные клановые клинки. Многие носили кирененскую одежду, остальные нашивали, а то и рисовали клановые знаки на рукавах и спинах курток либо кастовых кафтанов.

Пожалуй, именно тогда я впервые почувствовал себя частью своего народа. Все эти годы я считал «кирененскость» чем-то вроде тайного братства. Чем-то, что существовало, главным образом, в Облачных Палатах и среди придворных моего отца, но оставалось частным. Тут же я пробирался сквозь толпу высоких, худощавых людей с золотистой, как и моя, кожей, слышал звуки своего языка, смешанные с привычным ежедневным амитрайским. Обычные люди. Обычные кирененцы.

Мужчина сидел под плетеной крышей, растянутой между фургонами, и играл на синтаре. Я смотрел на его пальцы с металлическими накладками, которые умело бегали по широкому грифу инструмента. Мужчина пел сказание о Человеке с Первой Луны, а сидящие вокруг многочисленные детишки смотрели на него, как на солнце – и мастерили стрелы. Насаживали наконечники, клеили оперенье из различнейших перьев и крепили их оплеткой из крепкой нити. Готовые стрелы складывали в корзины: те торчали, как пучки странных, разноцветных растений.

Я слегка бессмысленно ходил здесь, меж занятыми делом людьми, и не мог понять, отчего чувствую себя настолько одиноким. Все они были тут вместе и ради какой-то цели. У всех было что делать. Казалось, все они знают друг друга.

Я же пришел из ниоткуда, а целью моей был дальнейший путь в неизвестность. Приказ моего отца, который я до сих пор не понимал.

Я тронул проходившую мимо девушку и спросил у нее, где находится

госпиталь. Она взглянула на меня большими сиреневыми глазами, в которых таилось удивление. По обычаю кирененок на войне, была она одета в мужскую одежду, фиолетовые волосы сплетены сзади, но топорщившийся перед куртки не позволял сомневаться, с кем я имею дело.

– А ты кто такой? – фыркнула она, решительно кладя ладонь на рукоять кланового ножа. – Как можно не знать, где находится госпиталь? И что ты хочешь от преподобного Мрака? Думаешь, ему нечем заняться? Отчего бы тебе самому за что-нибудь не взяться?

– Хватит меня ругать, – рявкнул я. – Нет тебе дела до того, кто я такой и что ищу. Я лишь вежливо спросил о дороге. Я – Филар, сын Копейщика, тохимон клана Журавля. А кто ты, чтобы так меня облаивать?

– Я Вода, дочка Ткачихи, родом из клана Рыбы. И я не верю, что ты – тохимон. Ты же от горшка – полвершка. У тебя даже ножа нет. И вообще, почему у тебя нет волос?

– Ты наглая, языкая и невоспитанная, – процедил я. – Худшая из девиц. Тебе кажется, что можешь любого просто так оскорбить. Нынче война. Мой отец погиб. Я – тохимон, но из моего клана, возможно, уцелели только я и еще один человек. Человек этот сейчас в лазарете. Я хочу с ним увидеться и узнать, не нужно ли ему чего. Мы прибыли только вчера, поэтому я не знаю, где лазарет находится.

– Я тебя проведу, – сказала она, прикусив губу. – Не уверена, но, может, здесь найдется еще несколько человек из клана Журавля.

– Где здесь можно получить какой-то еды? – спросил я, пока мы шли вдоль повозок.

– Ты даже этого не знаешь? – спросила она подозрительно. – Откуда ты вообще взялся?

– Ничего из твоих расспросов не выйдет. Те, кто должен обо мне знать, – Узел, сын Пташника, Фитиль, сын Кузнеца и Мрак – знают. И пусть тебе этого будет достаточно. Ты что, не умеешь отвечать на простые вопросы иначе как другими вопросами?

– Я просто не понимаю, почему тебе не сказали, где можно взять еду.

– Кто-то должен был мне ее принести, – ответил я. – Так было решено. Она снова закусила губу.

– Это был ты? У меня не нашлось времени. В госпитале десятки раненых. Не знаю, отчего бы мне еще носить кому-то, кто в силах и сам пойти.

– Потому что тебе это поручили, – сказал я терпеливо. – В этом смысл армии. Именно потому от девушек на войне больше суеты, чем пользы.

– А что мне было делать? Я – кирененка, поэтому сражаюсь. Было

немало женщин, покрывших себя славой на войне. Ты что, никогда не слышал о Бризе, дочке Вещуны?

– Слышал, – ответил я устало. – Но нынче – не героический эпос, а война. Причем скверная. Не надейся здесь на славу – лишь на боль, смрад, страх и страдание.

– Я уже убила амитрая! – крикнула она. – А ты?

– Я убил нескольких. Причем тайно. Но лучше я от этого не сделался. Это лишь необходимость. *Го-ханми*.

– Настоящий кирененец мужественен и преисполнен чести. Он с радостью отдает жизнь за свой клан, народ и Создателя. Убивает как волк и смеется победе, а не плачет и не рассказывает о *го-ханми*. В «Песне о Бризе» хорошо сказано...

Я отмахнулся и промолчал. Мы прошли еще немного. Вода чувствовала, что я не воспринимаю ее всерьез, и потому обиделась, но по дороге вызверилась на нескольких попавшихся под руку, поучая их, как должны себя вести настоящие кирененцы. Четверых солдат пехоты, что попивали пальмовое вино из одной тыквы и играли в кости, вместо того, чтобы «поискать полезного занятия»; какую-то симпатичную женщину, сидящую на повозке, которая причесывалась и красилась, «словно собирается на свадьбу в то время как люди страдают и сражаются». В конце концов, проводница моя вызверилась на ребятенка, сидящего на дышле и тихонько плачущего, устремив глаза в никуда. Этот, как выяснилось, «был уже почти мужчиной и должен бы выказывать мужество воина».

И тут мое терпение закончилось.

Я присел возле мальчишки и осторожно коснулся его плеча.

– Могу я взглянуть на флейту, что у тебя за поясом? Ты же умеешь играть?

Он покачал головой.

– Это флейта моей сестры. Только это мне и осталось, а сама сестра сейчас лежит больная в лазарете. У нее желтая горячка. Говорят, она может умереть. А мне только восемь!

– Но ведь она еще не умерла, – сказал я. – А в лазарете ее пытаются лечить, поэтому рано ее оплакивать. Может, она выздоровеет, и твоя боль окажется напрасной. Дай-ка мне флейту, и не бойся, я ее не заберу.

Я взял флейту, тростниковую сакуками, и подул в нее на пробу. Был у нее милый простой звук, и я сыграл мелодийку, потом еще одну, и еще. Я не был мастером флейты, но народные песенки сыграть мог.

Заметил, что подле нас собирается все больше детей. Грязных, в порванных курточках, но с клановой бахромой и с ножами у бедра. Они

садились вокруг меня на земле, глядя огромными влажными глазами, словно напуганные зверьки. Глазами, в которых я видел пожары, кровь и страдания.

Вода стояла над нами: нетерпеливая и с решительно сложенными за спиной руками.

Я играл еще какое-то время, и мне казалось, что на напряженных лицах маленьких слушателей начинают появляться более теплые чувства. Теперь они меньше напоминали перепуганных щенков, а больше – нормальных детей, которым бы теперь учиться знакам или перебрасываться мячиком, а не сидеть в пустошах, преследуемыми всеми тимами империи.

В какой-то момент я уже сам не знал, что играю. И вдруг понял, что мелодия, которая вытекает из-под моих пальцев, – та самая «Песнь о геройстве», которой я поднимал дух моих дрессированных быстреек.

Это была обычная флейта и обычные дети, а потому я не мог иметь над ними странной власти, которую давал над зверушками тот инструмент, но это ничего не меняло. Они перестали всхлипывать, спины их распрямлялись, а на личиках появилось выражение странной, спокойной решимости.

Я прекратил играть и отдал флейту мальчишке, повернулся к Воде.

– Прежде чем скажешь, что настоящий киренец использует флейту только затем, чтобы крушить головы амитраев, покажи мне лазарет.

И мы пошли к лазарету, а часть малышей побежали за нами.

– Чьи это дети? – спросил я. – У них нет родителей или родственников? Кто их опекает?

– Это дети войны, – ответила она все еще обиженным тоном. – Они присоединились к нам, и мы все их опекаем, но я даже не знаю, все ли они кирененцы.

– Со временем кирененцами они станут, – сказал я. – Если мы выживем.

Лазарет окружали расставленные всюду ширмы, но главным образом он состоял из матов, разложенных под полотняными навесами, на которых лежали люди; из роев мух, круживших здесь, несмотря на дым кадильниц, и из смрада. Однако Бруса я нигде не видел. Спрашивал о нем, описывал как киренеца или амитрая, но никто не мог мне помочь. Медиков было лишь пятеро, двое как раз спали, а оставшаяся тройка кружила между ширмами, меняя повязки,нося лекарства в маленьких корзинках и посудыны с водой.

У меня тряслись руки, я вдруг почувствовал внезапный страх: будто

огромная змея пожирала мои кишки.

А потом я увидел кебирийца. Жутко высокого и гибкого, с большими, белыми как сахар зубами, лоснящимся бритым черепом и медно-коричневой кожей, покрытой татуировками. Он сидел на корточках под закрытым военным шатром, одетый только в набедренную повязку и странные сандалии, и играл на двустороннем барабане.

Я не имел понятия, это ли Н'Гвемба, с которым я успел познакомиться, или кто-то другой, но я направился к нему.

– Стой! – крикнула Вода и грубо схватила меня за плечо, второй рукой потянувшись за ножом. – Ты не можешь туда войти! Что ты себе думаешь?

Я потянулся к ее стиснутому на смятой куртке – на моем плече – кулаку и накрыл его ладонью; потом нырнул под руку Воды, сделал еще одно движение и вынул нож из пальцев кирененки. Шагнул в сторону шатра, когда девушка кувыркнулась в воздухе и рухнула спиной на кучу пустых плетеных корзин.

Я перевернул рукоять в ладони, так, чтобы клинок спрятался за предплечьем, и опустил руку вдоль тела.

– Где Брус, сын Полынника, которого ты пытал сегодня утром? – спросил я спокойно, словно узнавая, могу ли я одолжить щепоть соли. Но внутри меня пылал огонь.

Кебириец поднял темное лицо, но ничто не указывало на то, что он меня понял. Южане выглядят странно. Это красивые люди, как с картинки, но выглядят ужасно дикими. Напоминают хищных животных, ходящих, будто люди, на двух ногах. Двуногие леопарды с лицами статуй.

Я повторил вопрос.

Кебириец отложил барабан и взглянул на меня жуткими желтыми глазами дикого кота. Прикоснулся кулаком ко лбу и губам, после чего выставил перед собой открытую ладонь. Он все еще сидел на корточках, но почти доставал головой до моей груди. Я подумал: случись что, нельзя дать ему подняться. Он был очень худым, но жилистым, а его узкие длинные мышцы казались твердыми как железо.

– Человек не ходить в шатер, – сказал он на ломаном кирененском. – Полотно завернуто. Большая сила духов. Больной-больной. Там лечение.

– Брус в этой палатке?

– Нельзя, *н'гана. Олимвенга усури.*

– Я должен его немедленно увидеть, кебириец, – цедил я медленно, но решительно. Не мог отвести взгляда от его неистовых желтых глаз. Таращился и таращился, чувствуя, как деревенеют мои щеки. Вспомнил, что перед битвой следует видеть всю фигуру противника. Смотреть

примерно на кадык и видеть все, а не всматриваться в глаза. Якобы кебирийцы могли взглядом подчинять диких зверей. Только я не был пустынным шакалом. Я должен был пройти, а он пытался усыпить меня взглядом. Все мое тело казалось отяжелевшим, и вдруг показалось, что на его высоком лбу, над бровями, отворяется еще одна пара глаз, меньших, но таких же пронзительных и хищных.

Я тряхнул головой и сумел отвести взгляд от лица мужчины, а потом сделал шаг в сторону и потянулся к завесам шатра. Кебриец начал вставать. Одним плавным движением, несмотря на скрещенные ноги.

Я крутнулся в бедрах и с разворота пнул его пяткой отведенной назад ноги. Казалось, что мой резкий пинок должен свалить и коня, но попал он в пустоту. Нас разделял только шаг, и я не мог промазать, но все же голова и туловище кебирийца вдруг отклонились назад, словно у мужчины не было хребта.

Однажды во дворце я видел танцующую кебирийскую акробатку. Высокую, гибкую и голую, с телом, лоснящимся от масла. Она танцевала, удерживая на голове кувшин со вставленным внутрь кубком. Кувшин стоял, словно приклеенный, но она вдруг подбросила его и замерла, склоненная вперед. Кувшин приземлился ей в руки, а кубок упал на оттопыренные ягодицы. Девушка без усилий перегнулась назад, подняла кувшин над головой, и поток вина попал ровнехонько в кубок. Потом она перебросила длинную выпрямленную ногу над головой и кувыркнулась, упираясь в землю лишь одной рукой. Стоя коленапреклоненной перед тронem моего отца, она в руке держала кубок, из которого не вытекло ни капли.

На миг я потерял равновесие; пришлось оттанцевать пару шагов, чтобы вновь встать в боевую стойку. Я сдвинул пальцы на рукояти спрятанного вдоль предплечья ножа. Кебриец стоял спокойно, выпрямившись, подобный медной статуе. Казалось, он ничего не заметил, что – просто стоит. Очень высокий и худощавый, он больше походил на куклу, чем на человека. Но я чувствовал: стоит двинуться, и он взорвется, словно кобра, резким движением. Ну, что ж...

– *Райа, н'венци*, – сказал он тихо. Из языков империи кебирийский я знал хуже всего. *Н'венци* – друг. «Спокойно, дружище». Я не был спокоен. И я не был его другом.

– *Хазима индо. Хазима кана. Куна н'ту*, – вытащил я откуда-то из кладовых памяти. «Я должен войти. Я должен взглянуть. Мой человек». Надеюсь.

На его красиво вылепленном лице блеснули большие, белые, жемчужного отлива зубы.

Он указал пальцами на свои глаза, которых, как у любого, у него было два.

– Не идти. Смотреть. Там большое лечение, ты голос, крик, твоя н’венци умереть. *Матуфу*, понимать? Большое лечение. Большие духи.

Матуфу – смерть.

– Я убью тебя, собака! – заорала Вода, несясь в нашу сторону со сломанным черенком лопаты. – Ты подлая крыса!

Кебириец молниеносно выставил перед собой руку и показал ей растопыренные пальцы. Ничего больше. Но Вода внезапно, словно налетев на стену, остановилась. Черенок выпал из ее руки. Часть волос выбилась из гульки и упала на лицо. Глаза ее блеснули от слез ярости, а с приоткрытыми губами она казалась почти красивой. Ее голос увяз в горле.

– Прошу... – сказал мне кебириец. – Ты нож земля, я показать шатер. Только смотреть.

– Я должен... – повторил я с нажимом.

– Нож земля. *Тенгангу тилаха, н’те*.

«Отложи оружие, человек».

Я уже собирался бросить нож, когда увидел лицо Воды. Ее святой клановый нож. Если я его брошу, она меня точно убьет. Это кирененка. Настоящая.

Я легонько надрезал запястье, положил клинок на руку и встал на колено, держа нож в обеих руках, после чего положил его на землю.

Когда я последний раз видел свой нож, тот лежал на стойке в моей комнате Дома Стали. Я сбегал переодевшись, и мне в голову не пришло спасти его и забирать. А теперь какой-то солдафон из «Каменного» тимена чистит им корнеплоды и ковыряется под ногтями. Что же я за кирененец?

– Помнить. Ты – тишина, – сурово приказал кебириец и отвел край завесы.

Продолжалось все недолго. Не дольше трех ударов сердца.

Брус стоял на коленях на мате посередине шатра с проклятыми кебирийскими иглами в голове. Его закатанные глаза поблескивали снизу пояском белков, при этом он покачивал головой, страшно, нечеловечески, словно двигал им водяной механизм. За ним стоял Мрак, держа ладони по обеим сторонам его висков, и монотонным голосом произносил литанию. Слова сыпались с его губ одно за другим, вокруг горели жертвенные лампы и кадила. Голос Мрака был хриплым; казалось, он говорит так уже много часов.

Это был экзорцизм. Мрак пытался изгнать из Бруса демона.

Завеса снова опустилась.

Я не сумел крикнуть, не сумел подхватить нож с земли, не сумел ворваться в шатер. Не сумел даже вдохнуть. Рука кебирийца выстрелила в мою сторону, его выставленная ладонь оказалась подле моего лица. Ладонь, в которой вдруг открылся тигриный глаз.

А потом упала тьма.

* * *

Я пришел в себя в куполе. Если был тот же день, то без сознания я пролежал недолго, солнце едва клонилось к закату далеко над болотистой равниной.

У меня ничего не болело, я просто лежал на мате, словно все мое приключение на нижних уровнях было сном.

Я нашел полотенце и вытер им голову, не найдя на ткани следов крови. Ранки, которые мне нанесли на рассвете, успели затянуться, новых не было.

Проклятые иглы, возможно, и умели лечить, но я ни за что не хотел бы снова иметь с ними дело.

Я вышел из купола на край террасы, а потом посидел с ногами, свешенными в пропасть, глядя на далекие горы. Где-то там лежала пустыня Нахель Зим. Непроходимое море песка и скал, куда осмеливались заходить лишь немногие – и еще меньше людей сумели оттуда вернуться. Безводная пустошь, урочища и песчаные демоны. Зловещий Эрг Конца Мира. Еще в царствие моего деда в глубь Нахель Зим отправили несколько военных экспедиций. Однажды даже бинлик тяжелой пустынной пехоты, с колесницами, оружием и припасами, под предводительством безумного басаара Китаргея. Никто их больше не видел. Тысяча готовых к бою солдат, бактрианы, орнипанты, двадцать колесниц. Все поглотил песок, который мне теперь надлежало преодолеть.

Чудесно. Я ведь Носитель Судьбы. Отец хотел, чтобы я отправился в миражи Нахель Зима и повстречал свою судьбу. Ладно. По мне, это означало судьбу высохшего трупа, что лежит в песках и камнях добычей стервятников и шакалов. Пусть так и будет, если мой народ получит от этого пользу.

За моей спиной небо окрасилось в кармин и пурпур, а передо мной над далекими горами вставали сумерки, сине-фиолетовые, как волосы Айины. Я сидел так, когда на меня вдруг пала длинная, последняя на сегодня тень.

Она стояла с корзиной в руках, на фоне западного пожара была лишь

стройным черным силуэтом, но я все равно ее узнал.

– Вот ведь, они могли прислать и кого-то другого, – бросил я устало. – Ты пришла меня убить, потому что я дотронулся до твоего кланового ножа?

Она поставила корзину на землю, уперла ладони в бедра, склонила голову и замерла в молчании.

– Мое поведение непростительно, – ответила она быстро и очень невнятно. Добавила еще нечто, что могло звучать как *кодай масса, тохимон*, хотя и необязательно.

– Я не расслышал, – сказал я безжалостно.

– Никто никогда еще не ругал меня так, как преподобный Мрак. Я была унижена. Я получила приказ принести тебе ужин и вежливые извинения. Ты наплевал мне в лицо. Отобрал нож при всех – и продолжаешь жить. Я опозорила клан Рыбы. Но если бы я выполнила приказ и принесла тебе твою проклятую еду, ты не принялся бы шлаться по лагерю, благородный тохимон, не подверг бы опасности жизнь своего товарища и свою прекрасную миссию. Поэтому я нижайше молю о прощении. Я вела себя непростительно. *Кодай масса, тохимон*.

– Даже твои извинения нахальны, – процедил я. – Пару раз в жизни у меня просили прощения. Это сделал даже Мрак. Я умею отличить раскаяние от нахальства и гордыни. Когда делают ошибку, признаться в этом – не позор, не унижение. Это доказательство мудрости и отваги. Может, когда-нибудь ты это поймешь, но мне до такого нет дела. Пусть об этом переживает Мрак или кто-то, кто в миг помутнения рассудка решит с тобой жить. Мне все равно вскоре придется уйти, и я не думаю, чтобы мне удалось прожить долго. И кончай с этими поклонами, потому что это смешно.

Она выпрямилась, потом встала на колени и откинула крышку корзины.

– Я не амитрайка. Я свободный человек. Я умею выполнять приказы, но умею и думать. Я полагала, что кирененцам можно думать. У всякого своя Дорога Вверх, которую он сам и одолевает, нет?

– Верно. Только нынче – война. Во время войны кто-то должен командовать. Приходят приказы, которые необходимо исполнять, даже если они кажутся глупыми. Командир и половины не может объяснить копейщику, отчего сейчас строй «клином», а через минуту – «бычьи рога». Он отдает приказ. Мне и самому приходится выполнять такие, хоть я и не понимаю, зачем. Это *агиру*. Я согласился, потому что свободен. Но если я согласился, то стал послушен. Оставь эти миски, тебе нет нужды сидеть рядом со мной. Я умею есть сам.

– Я должна, – заявила она мрачно. – Мрак не только приказал извиниться перед тобой, но и прислуживать тебе во время ужина, как служанке.

– Милосердия... – вздохнул я. – Я освобождаю тебя от этого приказа.

– Не можешь. Это мое *агиру*. Лишь Мрак может меня от него освободить.

Я уселся на ровной скале и смотрел, как она вытаскивает из корзины кусок чистой циновки, жестяные миски, вложенные одна в другую, ложки и щипчики.

Положила еду. Мясо, овощи, острый соус. Хишмиш. Тот был ароматным, но жег, словно пламя. Говорили, он позволяет избежать отравления, даже если мясо испорчено. Военная еда. Дурра, немного хлеба, длинный лук, чтобы не гнили десны.

Она вынула тыкву и налила мне пальмового вина.

– Положи и себе, – сказал я. – Тут хватит на двоих. Я сейчас немного ем.

– Я должна прислуживать, а не сопровождать, – упрямо ответила она.

Я пожал плечами.

– Не хватит посуды, – отозвалась она через какое-то время.

– Есть пустая миска для каши, – отметил я. – В корзине есть еще одна ложка. Вино мы можем пить из одной чары.

– Да, конечно! Это было бы словно поцелуй. Что ты себе воображаешь?

– Я же говорил: сейчас война. А война жестока.

Становилось темно. На террасе чуть ниже друг за другом зажигались небольшие костерки, мигающие во тьме, как рассыпанные рубины.

Вода вздохнула, закатила глаза, но положила себе дурры и приправ в другую миску. Мы молчали.

– Что значит, что ты – Носитель Судьбы?

– Это значит, что мне придется пойти, куда мне прикажут, хотя я не вижу в том особого смысла. Потому что Ведающие полагали, что это может принести добро всем нам. И все. Но не спрашивай, что это значит на самом деле. Для меня – ничего. Якобы есть линии происшествий, которые соединяют людей, вещи и места.

– Это просто судьба, – ответила она. – У каждого своя судьба. Своя Дорога Вверх. Вот только все зависит от того, что ты выбираешь в данный момент жизни. Можно идти многими тропинками. Твоя судьба будет иной в зависимости от того, попытаешься ты меня сейчас поцеловать, прыгнешь в пропасть, выльешь себе соус на голову или спокойно доешь ужин. Но

можешь выбрать не слишком многое. Потому что не сумеешь здесь ни утонуть, ни отсюда улететь. Поэтому у всякого много судеб. Ведающие, должно быть, проведали, что есть такая версия твоей судьбы, что повлияет на нас всех. Обычно Вверх несут свою собственную. Но ты – другой. Заметно, как ты тащишь на плечах тропу жизни тысяч кирененцев, хотя и не знаешь об этом. Именно потому ты – Носитель Судьбы.

– Мне от этого куда как легче, – проворчал я. – Прошу, зажги лампу.

Она высекла огонь, и вскоре малый огонек окрасил ее лицо золотым блеском. Большие продолговатые глаза, плоский нос и полные, красивой формы губы – казалось, чуть великоваты для такого небольшого лица. Недлинные темно-фиолетовые волосы, завязанные сзади в небольшой хвост, почти исчезли во тьме ночи.

– Было бы лучше, скажи Ведающие, чего они от меня хотят. Будь мне известно, что я должен сделать, – я бы просто сделал это. А так они указали мне некое направление – и все. И откуда мне знать, какой выбор верный? Ты сама сказала, что у всякого – вдоволь судеб. И как нам отправиться к тому, что хорошо для кирененцев? Как мне это узнать? Понимание, что от этого зависит будущее всех, мне совсем не помогает. Мне что, прыгнуть в пропасть? Или поцеловать тебя?

– Ну, тут так на так и выйдет, – рассмеялась она. – Уж лучше вылей себе хишмиш на голову. Что ты делал до переворота?

– Был придворным в императорском дворце, – ответил я уклончиво. – Это было так давно, что, кажется, прошли годы. А ты что делала?

Она надолго замолчала.

– У нас был красивый клановый дом среди озер и скал. Семья наша разводила лошадей. Вечерами я играла на синтаре, а всю жизнь провела в конюшне. Мы жили как в Киренене. Была у нас мебель, картины, старые песни и свитки. Всякий занимался своим ремеслом. Мой отец, мать, мои братья. Дядя был кузнецом, мать – ткачихой, отец – бондарем, один брат – рыбаком, а второй учил вольтижировке. В нашем стиле, не по-амитрайски. А какое ремесло знал ты?

– Резьбу. Но я не успел толком выучиться. Во дворце было немало другой работы.

– Знаю. Император был изменником. Жил как амитрай.

Я сцепил зубы. Не думал, что слова Воды настолько меня заденут. Перед глазами моими встал отец в клановой куртке, с ножом у бока, поющий нам сказки внутри совершенно кирененского павильона Облачных Палат. Отец в своей мастерской, в фартуке, делающий красивейшие, бьющие без промаха копья.

Я сосчитал удары сердца. Расслабил мышцы, но чувствовал, как у меня дрожат руки.

Отпил глоток вина.

– Император не был изменником, – сказал я чуть дрожащим голосом, хотя медленно и спокойно. – Если бы не его род, который ты называешь предательским, от кирененцев не осталось бы и следа. Никто бы не знал языка. Были бы мы тогда безымянными невольниками из низших каст или мясом для Подземной Матери!

Я замолчал, потому что понял, что кричу.

– Не говори так больше в моем присутствии, потому что я тебя убью, – начал я снова шепотом. – Особенно если ты считаешь себя воительницей и приняла военное *агиру*. Император правил всей страной. Всеми народами империи, а не только нами. Но когда он покидал дворец, то надевал куртку и вешал у пояса нож. На площади он выстроил кирененский двор. Там же стоял и его дом. С павильонами между скал и кустов, с видом на озеро. Император был кирененцем, и все, что он делал, делал в согласии с кодексами и обычаем. Даже в политике. Я никогда не знал лучшего человека. *Мосу кандо!* Я сказал!

– Я услышала, что ты сказал, – ответила она гневно, а потом установилась тишина.

Она молчала. Я тоже. Опорожнил чару и смотрел на огонек светильника.

Я успокоился. Мой гнев вспыхнул и погас, словно огонь, пожирающий соломенное чучелко. Я испытывал лишь жалость и чувство несправедливости. Остатки гнева тлели где-то внутри.

Внезапно Вода протянула руку и легко прикоснулась к моему плечу.

– Прошу прощения, – прошептала она.

– Легко бросаться обвинениями, если не знаешь всего. То время миновало, и все погибли. Остались лишь пепел и память. Нет уже ни моего дворца, ни твоего дома.

Она опустила голову.

– Мы построим новые дома. Найдем место, которое будет далеко от амитраев и их безумной Праматери. Такое, которое сумеем защитить. И поставим там новые дома, засадим поля и наплодим детей. Призовем своих надаку. Ты увидишь. Киренен возродится по-настоящему.

– Я, наверное, не увижу, – ответил я. – Пойду своей дорогой в неизвестность. Я ведь Носитель Судьбы, помнишь?

– Когда ты должен уходить?

– Скоро. Не знаю пока, когда именно. Когда мой товарищ сумеет идти

дальше.

Я потянулся за кувшином и подал ей чарку. Она, поколебавшись, взяла, покрутила ее в пальцах.

– Некогда я полагала, что сделаю так в день моей свадьбы. Пальмовое вино из одной чарки, две лучины, зажженные от одной лампы, его нож в моих ножнах, мой нож – в его. Две руки, связанные священным шарфом с молитвой к Создателю, а потом совместный проход по мосту на Остров Любовников. Плечом к плечу с тем, с кем я хотела бы странствовать вместе. А теперь – все сгорело. Подземная Мать вернулась. Все должно истечь кровью во славу ее, а потом – сделаться одним.

– Киренен вернется, – прошептал я. – Ты сама говорила. Нужно в это верить. А если до этого дойдет, вы отыщете какой-нибудь край, лучше всего – на морском берегу, где есть скалы и деревья, что сильнее штормов, те, что гнутся, но не ломаются. Вы постройте там клановые дома, селения и храмы Создателя. Пропоете песнь о Камарассу и в первый день весны станете пускать воздушных змеев. Тогда ты найдешь того, с кем перейдешь через мост. И если так случится, подумай обо мне. Потому что это будет означать, что я нашел проклятую линию судьбы и чем-то помог вам. Я хотел бы верить, что так и будет. Что бы меня ни ждало – решу, что все происходит затем, чтобы ты связала с кем-то свои руки шарфом и обменялась ножами. И мне станет легче. Судьба одного спасенного человека – конкретная цель. Нечто, что я сумею себе представить.

– Ты сам сказал, что только безумец захотел бы со мной жить, – ответила она, пряча лицо от света лампы и скрываясь в тени.

– Война рождает безумцев, – уверил я ее. – Найдешь кого-то, Вода, дочь Ткачихи.

Она подала мне чарку.

Я выпил – и это и правда было словно поцелуй.

– Если когда-нибудь так случится, я подумаю о тебе. Пусть уж, – прошептала она.

Я долил вина и отдал ей чарку.

– Здесь такая тишина, – сказала она. – Словно нет войны. Далеко. Не слышно гудения пламени, сигнальных барабанов, рогов загонщиков, криков или призывов с Красных Башен. Ничего. Лишь птицы и ветер. Но мы скоро отсюда уйдем. Когда раненые слегка придут в себя. Снова начнется марш, стычки и битвы. Они нас найдут. Не станут отдыхать, пока не найдут.

– Есть лишь сейчас, – ответил я. – То, что было, исчезло. Осталась только память. Завтра еще не пришло, оно закрыто. Будь тем, что осталось

на расстоянии руки. Так, чтобы помнить потом каждую минуту. Кто знает, много ли их у нас осталось.

Она выпила глоток, а когда отдавала мне чарку, наши ладони в темноте встретились.

– Да, – ответила она. – Есть лишь сейчас...

А потом, когда я проводил ее к куполу, чувствовал сквозь тонкое полотно куртки, как грохочет ее сердце. А может, это было мое сердце?

* * *

– Как ты мог такое со мной сделать? – прошептала она намного позже, в темноте. Мы все еще оставались тесно переплетены, мокрые от пота, хотя ночь была прохладной.

– Я хотел, чтобы ты меня запомнила.

– Я бы и так тебя запомнила. Однажды ты дрался со мной – и победил. А потом любил меня – и победил снова. А должен быть несмелым и неловким. Это должно было остаться милым, но необязательным воспоминанием. Ты не имел права делать так, чтобы я пережила нечто подобное.

– Это как игра на синтезаторе, – сказал я. – Ты играешь на мне, а я – на тебе.

– Он звался Крюк, сын Бондаря. Я любила его, потому что он был первым настоящим кирененцем, которого я повстречала.

– А твоя семья?

– Ох, да хватит. Я обманула. Мои родители были предателями. Мать – кирененка, но ненавидела наш народ и обычаи. Служила Праматери, сколько я себя помню. Мне несколько лет пришлось жить с ней в Доме Женщин в Красной Башне. Отец – имперский чиновник и даже не знал своего настоящего имени. Использовал только амитрайское. Я узнала, кто я такая, когда мне было десять. А когда мне исполнилось четырнадцать, то и дня не проходило без того, чтобы я не ссорилась с матерью. Она хотела сделать из меня верующую в Праматерь, а я хотела стать кирененкой. Наконец в шестнадцать я уехала к дяде, в деревню. Дядя был честным кирененцем. Отковал мне нож и научил всему. Тетка обучила меня знакам и женским делам. Это тетка была ткачихой, не моя мать. Там же я повстречала Крюка. Он жил недалеко, был охотником и однажды мы случайно встретились в лесу под цветущими сливами. Я была уверена, что мы поженимся, хотя ему было почти двадцать пять. Но когда вернулась

Праматерь, напали на наши дома. Парни из окрестных кишлаков. Я была тогда беременна, но потом у меня случился выкидыш. А Крюка забрали в башню, как и моего дядю с тетей. Только меня отвели в Дом Женщин, и я поняла, что все из-за моей матери.

Установилась тишина. Тишина и влажная, соленая тьма.

– Это миновало, – прошептал я. – Есть лишь сейчас, помнишь? Украденное время, когда нет войны. Только ты и я. Краткий миг, не принадлежащий ни войне, ни Праматери.

– Да, – ответила она. – Есть только сейчас...

И было только «сейчас».

Очень долго.

* * *

Такой кошмар был у меня лишь однажды, в ту ночь во время суши, когда в мою комнату проник убийца. В ту ночь, когда погибла Ириса.

Тогда я видел близящуюся пророчицу, скрытую под плащом, сотканным из пламени. На этот раз мне привиделись окрестности лагеря. Как если бы я был шакалом, что бежит болотистой равниной со скрюченными, черными кустами, обвешанными водорослями, среди смрада высохшего ила и падали. Вокруг вместо темно-синего мрака ночи был ржавый полумрак, словно вдали рдели угли сожженного селения – или словно лун было десять, а не две, и все кровоточили.

Я вознесся над растрескавшейся грязью, парил над ней, словно ночная птица, видел тропу, что светилась, словно посыпанная фосфорным порошком. Легкий проблеск, наполняющий две линии, которыми некогда катились колеса повозки, пылинки, оседающие на мертвых ветвях и взлетающие в воздух. Светящаяся дорожка, ведущая откосами к странной, гладкой горе – к двум срубленным конусам, одном на другом, покрытым белыми округлыми строениями, точно колонией луговых грибов. Все залито слабым рыжим светом под кровавым небом.

А потом я увидел того, кем я был всего миг назад.

Сперва белая фигура, что неслась быстро, словно охотящийся леопард, но бегущая на двух ногах – склоненная к самой земле, с покатыми плечами. Когда я наконец сумел к ней присмотреться, увидел стройные ноги, гибкое туловище с круглыми бедрами и подрагивающие в ритме прыжков торчащие груди.

Я видел бегущую женщину, которая неслась столь быстро и плавно,

как не дано ни одному человеку. Нелегко было проследить за ней взглядом, и я не мог понять, отчего вид ее кажется мне пугающим. Как если бы я глядел на отвратительного демона.

Женщина со всклокоченными волосами и с кожей белоснежной, как брюхо пескаря, гнала вперед, а я парил над ней в виде духа. Она перескочила одним прыжком поваленное дерево и на миг припала к земле, принюхиваясь будто собака. А потом задрала голову и издала отвратительный вопль. Звучал он, словно буйволиный рев, вой скального волка и жуткие завывания морских тварей одновременно.

Я увидел, как ее спина вдруг с треском обросла рядом шипов, что выглядели, как стрелы, проклюнувшиеся из каждого позвонка; из пальцев выстрелили загибающиеся в крючки когти, а волосы сделались подобными иглам дикобраза. Она снова завывала, поднимая бело-синее, мертвенное лицо со страшными, блестящими глазами в черноте глазниц. Из-под ее растянутых до невозможности губ молниеносно выдвинулись два ряда кривых мощных зубов.

Затем она вновь пустилась бегом, уверенно идя по мигающему мягким свечением следу.

Я видел, что подле самого подножия горы она исчезает среди густых низких кустов.

У лестницы, ведущей на первую террасу, стояли часовые. В полупанцирях и шлемах, с клановыми боевыми знаками, на них нарисованными, а между ними в железной корзине пылал костер.

Я хотел их позвать, хотел их предостеречь, но не мог. Я был только взглядом, парившим, словно птица над высохшим морем грязи.

Часовые что-то слышали, поскольку один из них потянулся за факелом, зажег его в корзине, а второй отложил копья и взял лук. Не сказали друг другу ни слова, понимая друг друга одним взглядом. Заскрипела тетива, а потом установилась тишина, которую не нарушал ни единый звук. Стражник поднял потрескивающий факел – вверх и вперед, – второй рукой держась за рукоять меча. Осторожно вошел в кусты, двигая из стороны в сторону рукой. Второй часовой направлял стрелу туда, куда падал свет. Оба двигались осторожно и тихо, не закрывая друг другу видимость и охраняя спину напарника.

Я кричал в том сне, но это был немой крик. Крик камня.

Никто его не слышал.

Жуткая женщина выстрелила из кустов словно тигр. Прямо им в лица. Резкий, яростный звон стрелы, потрескивание подлетевшего вверх факела и скрежет выхватываемого меча слились в один звук.

А потом раздался приглушенный вскрик и хрупанье костей. На белый, гладкий склон брызнула кровь – раньше, чем факел упал на землю.

Женщина-демон с ощеренными акульими зубами и волосами, будто иглы дикобраза, развернула свое полумертвое лицо прямо ко мне. Белое лицо с искрами в глазах и запавшими щеками. Лицо, которое я знал.

Лицо мертвой Миры.

* * *

Я проснулся, давясь бьющимся, словно птица, криком.

Подступал рассвет. Небо начинало сереть. Я видел это сквозь невероятные, отсвечивающие стены купола. Вода сидела на коленях у выхода, показывая мне пятки, круглые ягодицы и почти треугольную линию спины.

– У тебя был кошмар? – спросила.

– Пожалуй, – ответил я, пытаясь прийти в себя.

– Там внизу, кажется, что-то случилось, – прошептала она. – Я проснулась от криков.

Когда влезал в одежду, дрожащими пальцами пытаюсь завязать ремешки сапог, чувствовал себя так, будто мое горло превратилось в камень.

* * *

Лазарет окружал плотный круг людей. Они молчали, только время от времени раздавался сдержанный всхлип. И это звучало куда хуже хорального рыдания. В воздухе висел ужас, и мне казалось, что, пробираясь сквозь толпу, я каменею.

Они лежали рядком перед лазаретом. Накрытые плащами, которые медленно пропитывались кровью. Как кровавые, приготовленные к долгой дороге узелки.

Шесть узелков.

– Больше ничего не сделать, – сказал Мрак, стоя над ними в скрывающей тело кольчуге, опершись о глевию. – Им нельзя помочь, а убийца сбежал. Наши братья уже отошли Дорогой Вверх навстречу Создателю. Мы выставили дополнительную стражу, впрочем, днем это существо не вернется. А теперь ступайте. Мы похороним их на закате. В

молчании.

Затем он повернул ко мне завесу из сплетенных колец и чуть приподнял крыло шатра.

– Войди внутрь, сын Копейщика.

Мне не оставалось ничего другого, как направиться следом. Узелки лежали в ужасной неподвижности, по ним ходили мухи, а из одного выглядывала ладонь.

Ладонь, на которой не хватало трех пальцев.

Брус уже сидел не посередине шатра, а на мате, лежавшем на земле, и смотрел на меня совершенно осмысленно.

– Я голоден, как леопард, Арджук. Я долго спал? Где мы? Откуда здесь Глядящий-на-Создателя? Я правда вижу странствующего монаха-воина, или просто не проснулся?

Голос увяз у меня в глотке.

– Он здоров, – отозвался Мрак. – Настолько, насколько я сумел помочь. Болезнь головы может возвращаться. Он был болен, уже когда в него воткнули иглы. Кстати сказать, Н’Гвемба Асани мертв.

– Как это...

– Н’Гвемба Асани, Узел, сын Пташника, Клос, сын Гончара – следопыт, который вас поймал. Два солдата, которые доставили вас в купол, а сегодня стояли на страже, и еще мальчик. Сирота по имени Молот, сын Ловца. Я лечил его сестру от горячки.

Я открыл рот – да так и замер. Без дыхания, без слов. Мог только стонать.

– Это был демон, – продолжил Мрак из-за своего кольчужного заслона. – Сильный демон из урочища, из тех, кого мы зовем ройхо, а амитраи – упырмаз. Именно это я увидел в воде и в клубах дыма, но понял только сейчас. Он идет по твоему следу. Убивает всякого, кто имел с тобой что-либо общее. Всякого. Потому вы должны уйти немедленно. Мы дадим вам несколько человек, припасы и даже лошадей. Ты должен добраться туда, куда ведет тебя судьба, сын Копейщика. Твоя и наша – и лишь бы тебе все удалось. Я стану молиться за вас, Филар.

– Откуда он... – начал ошеломленно Брус, но мы не обратили на него внимания. Он заметил это и замолчал.

– Как это всякого? – спросил я. – Ведь ты, тохимон Фитиль... Брус... Не говоря уже...

– Я всю ночь проводил экзорцизмы над твоим другом. Тварь кружила вокруг шатра, я чувствовал это, слышал, но не мог прервать песни. Н’Гвемба вышел, чтобы ее отогнать, и погиб. Только мне удалось. Она

ушла, но вернется.

– Ты сказал, что она пойдет по моему следу. В таком случае мы должны отправляться немедленно. Если она нападает на тех, кого я повстречал...

– Именно на это я и рассчитываю, – прервал меня монах. – Тварь не нападает на твоих преследователей, она нападает, потому что чует тебя. Твой след. Ройхо хочет достать тебя. Если ты останешься, погибнет и Брус, сын Полынника, и Фитиль, сын Кузнеца, и я, и Вода, дочь Ткачихи. И каждый, к кому ты прикоснешься. Иди за своими вещами, сын Копейщика. У нас нет времени.

– *Агиру Кано!* – проскрипел я каменным голосом и направился к выходу.

– Филар! – крикнул Мрак.

Я оглянулся.

– Ты успеешь попрощаться.

– Мрак, Вода... Когда я отправлюсь в путь...

– Я знаю, сын Копейщика.

Я вышел из шатра.

Глава 7

Путь колдуна

*Головня головне
передать готова
пламя от пламени;
в речах человек
познает человека,
в безмолвье глупеет
(...)
Вот что отвечу,
когда вопрошаешь
о рунах божественных,
что создали сильные,
а вырезал Вещий:
благо в молчанье.*

Песни Высокого

Он бежал ровным, мерным шагом, в клубах пара, придерживая у пояса меч. Не слишком быстро, не слишком медленно. Мог бежать так часами. Удерживая темп.

– Зачем ты бежишь? – спросила Цифраль, паря рядом с его головой.

– Слишком долго я стоял на месте, – ответил он, перепрыгивая лежащий на дороге ствол. Облако мерцающих искр все еще окружало его ореолом,двигающиеся руки оставляли позади слабое свечение.

Они вбежали на вершину, и Вуко вдруг остановился.

– Знаешь, какие у этого возможности? Какие ограничения? Как это обслуживать?

– Я не знаю ничего, чего не знаешь ты, – ответила она. – Попытайся передвинуть что-то силой воли. Просто сконцентрируйся и сделай это.

Драккайнен уселся на валуне, выбрал булыжник, лежащий на соседней скале. Один из тех раздражающе-грибовидных, что попадаются среди меловых скал. Кажется, должны бы уже давным-давно упасть, но стоят тысячелетиями.

Протянул руку.

– Чувствую себя идиотом, – признался. – Нужно что-то сказать? Абракадабра?

– Не знаю. Сконцентрируйся. Как тогда, когда сдвинул подкову.

– Я не сделал ничего особенного. Просто сидел какое-то время с вытянутой рукой.

– Падай... – прошептал. – Падай! *Pudota! Alas!*

Ничего не происходило, кроме того что начало моросить. Он стал представлять, как трескается структура скалы, кристаллические формы минералов, даже как рвутся атомарные связи. А потом – потерял терпение.

Встал, укутавшись плащом, и двинулся вниз. Уходя, зачерпнул горсть мерцающего воздуха, словно лепя снежок, и махнул рукой в притворном броске.

– *Perkele kallio!* – процедил. – *Jebal tebe pas!* Пойдем, Цифраль!

Грянуло, будто выстрелила мортира. Фундамент камня рассыпался тучей острых обломков, булыжник кувыркнулся и упал с визгом раздираемого воздуха. Едва он успел с оглушительным шумом грохнуться в склон, упал и каменный шпиль. Развалился на несколько частей и медленно, как взорванный дом, осунулся, подняв клубы пыли.

А потом склон ожил. С ужасающим грохотом лавина камней, скал и обломков покатила вниз по узкой долине, давя все на своем пути, пока не дошла до леса. Кроны деревьев величественно склонились. Туча седой скальной пыли накрыла деревья, словно паводковая волна, несколько из них рухнули с треском.

Продолжалось все с минуту, потом установилась тишина, прерываемая лишь карканьем возмущенных птиц, клубящихся над окутанным пылевой тучей лесом. Часть склона изменилась до неузнаваемости.

Драккайнен лежал на тропе в странной позе, свесив ноги со склона и судорожно вцепившись в куст, седой от пыли. Подтянулся, снова взобрался на тропу. Потом сел, выплевывая песок. Его лоб был рассечен, плечо саднило, а из ладоней торчало несколько обломков камня, узких, словно иголки. Он вытянул их зубами и посмотрел на разрушенный край леса.

– *Jebem ti duszu...* – проворчал. – Надеюсь, никто не шел туда за грибами. Это что, типа от того броска?

Он собрал куда меньшую порцию кружащего вокруг бриллиантового тумана и метнул в другую скалу.

Ничего не произошло, лишь нимб вокруг Драккайнена слегка заволновался.

– Мне нужно потренироваться, – заявил Вуко. – Главное, на пустошах.

– И чему ты так радуешься? Что разрушил скалу?

– Нет. Это я сделал произвольно, к тому же непредвиденно. Это поражение, не успех. Действует как граната, а мне нужен пистолет. Нет, я радуюсь потому, что жив. Вошел в урочище – и до сих пор жив. Это, знаешь ли, вдохновляет.

Он спускался с горы широким шагом, а потом остановился и запел во все горло вибрирующим балканским голосом:

– *Hej, doktore-e-e! Srdce mne bole-e! Na ljubavi nema lijeka, ne pomože apoteka, hej, hej, hej, doktore! Ja – hou!*

Цифраль глядела на него отчасти огорошенно, отчасти – со страхом.

Дом Песенника стоял, как они его оставили. Вжатый в скалу, словно трухлявый гриб, окруженный кривыми столпами менгиров. Внизу гремел водопад, поднимая тучи водяной пыли.

– Привет, Бондсвиф! Я вернулся! – крикнул разведчик весело. Ответила ему тишина, шум водопада и странное поскуливание.

Вуко вошел за каменные столпы слегка обеспокоенный и остановился.

– Глиффнак? – спросил неуверенно.

Йети сидел, свернувшись клубком под частоколом, раскачивался и, похоже, плакал. Слезы ручьем текли по плоской сморщенной морде, капали с ощеренных медвежьих клыков.

– Что с тобой, Грендель? – спросил Драккайнен, чуть менее жестко, чем обычно.

– Больно... – всхлипывало чудовище. Говорило невнятно, но понятно. – Хочу к папе...

– *Jebem ti majku...* – пробормотал Драккайнен, бледнея как стена. Перед его глазами встало воспоминание о менгире из урочища. Менгире, с которого свисала цепь, заканчивающаяся кандалами. Прекрасное место, чтобы приковать там беременную женщину. Тем, кому нужен ее мутировавший в чудовище ребенок – чтобы охранял и рекламировал его умения.

А теперь несчастный обезьяночеловек страдал и тосковал по своему отцу. Бриллиантовый туман вокруг разведчика словно загустел и стал вращаться, как частицы вокруг атома.

– Бондсвиф! – рявкнул Вуко и двинулся к дому.

Двери отворились, едва он протянул руку, но он даже не заметил этого. Деревянный засов оглушительно треснул, кусочки его шрапнелью ударили в стену.

Бондсвиф вскочил со своего любимого места у очага, выпустив кувшин, и молниеносно потянулся к кривому костылю. Слишком поздно.

Драккайнен почувствовал мурашки по коже, словно окружающий его нимб стал ощутимым. В первый миг не обратил на это внимания. Силы урочища, магический туман и прочая ерунда выветрились из головы. Он собирался ухватить мага за глотку, ударить о стену, а может, просто пнуть. Потом посмотрим, что будет.

Несколько секунд по комнате металось торнадо. В воздухе летали битые осколки кувшинов, тряпки, куски меха и мебель, что поменьше. Стойка со странным, парадным доспехом опрокинулась навзничь, будто сомлев, копья рядом воткнулись в стены, полный кувшин пива взорвался, точно в него попала ракета – разбрызгивая содержимое по стенам.

Драккайнен, игнорируя все это, перепрыгнул стол, ухватил Бондсви́фа за глотку, воткнув большой и указательный пальцы ему по обе стороны от кадыка – так, чтобы пережать сонную артерию.

– Ты оставлял ее в урочище?! – крикнул ему. – Хотел, чтобы родила тебе чудовище, *pasi kurči*?! Где его родители, скотина?! Что ты с ними сделал, сука?!

Даже не понял, что орет по-хорватски.

Жестко придушенный Бондсви́ф, естественно, не издавал ни звука, кроме тихого хрипа, безрезультатно царапая и судорожно дергая душащую его руку. Продолжалось это недолго – пока Драккайнен сжимал пальцы, цедя страшные финские ругательства, а в доме все летело кувырком, крутилось и переворачивалось, словно буйствовал здесь невидимый безумец. Собачьи, ореховые глаза Бондсви́фа закатились, показывая узкую полоску белков, налитых кровью. Маг уже только царапал носками пол и дергался все слабее и конвульсивнее, когда Вуко пришел в себя и разжал хватку.

Бондсви́ф рухнул лицом на стол, кашляя и хрипло втягивая воздух.

Драккайнен одним рывком сорвал с балки ремень, со все еще привязанной к нему подковой, и молниеносно завязал на его конце скользящую петлю.

Бондсви́ф, сражаясь за каждый вдох, лежал на столе, одной рукой массируя передавленное горло, а второй отчаянно жестикулируя.

– Я ведь верно помню, что говорит закон? – спросил Драккайнен. – Сначала петля, затем три новых дротика. А потом... нет. Слишком много церемоний. Сделаем иначе. Мне нужен тренировочный мешок. Сейчас увидим, что можно сделать с силами урочища.

– Это не я... – прохрипел Бондсви́ф. – Это Бондсви́ф...

– Ах ты ж... – начал Вуко, поднимая руку.

Не сумел.

Глиффнак ворвался между ними словно кудлатый локомотив. Драккайнен отлетел, переворачивая стол, от удара в грудь. Из него вышибло дыхание, но он вскочил снова.

– Нет... – бормотал йети. – Нельзя... Не делай ничего папе... Нельзя папу...

– Это... твой отец? – беспомощно спросил разведчик.

Повеяло скальным, пещерным холодом. Дверь в глубине помещения вдруг открылась со скрипом, порыв ветра пригасил огонь в очаге и загрохотал подвешенными к стропилам тотемами.

– Время... –дохнул странный, доносящийся отовсюду голос, звучавший так, словно заговорила гора. Негромко, с эхом, пульсирующим под меловым потолком, с шумом подземного ручья, со скрипом трескающейся скалы. – Время нам... встретиться.

За воротами открывался темный коридор, ведущий не пойми куда. В разгромленной комнате истекающий кровью Грендель гладил своего придушенного отца, тот массировал покрытое седой щетиной горло и кашлял страшным, сухим звуком: так, словно внутри у него все ломалось. Йети поднял на разведчика влажный взгляд ореховых глаз с дремлющей в глубине беспокойной искрой разума.

– Если бы все тут не строили из себя таинственных чуваков, недоразумений не было бы, – заявил примиряющим тоном Драккайнен.

Взглянул на царивший в комнате беспорядок, в поисках хоть какой-то уцелевшей лампы, наконец нашел металлическую, встряхнул ее и услышал внутри хлюпанье масла. Поджег фитилек от лучины в очаге, вынул меч и несколько раз вздохнул поглубже.

– Полагаю, я не узнаю, что внутри, да? – спросил, но ответа не получил.

Оглянулся на отворенную дверь, потом отложил меч и попытался снять ворота с завес. Не удалось. Тогда он удовольствовался тем, что оторвал свисающий с цепи накладной запор и порубил его топором в щепу.

– Затворять эти ворота, пока я буду внутри, бессмысленно. Типа, подпирать их лавкой или чем-то таким, – заявил, пристально глядя на них. – Я все равно их открою, но потом буду очень зол. Очень. Понятно говорю?

Молчание он принял за знак согласия. Прихватил еще огниво и снова встряхнул лампой, удостовераясь, что масло не кончится слишком быстро.

– Что бы тут еще... – проворчал. – Мел? Клубок ниток? Становлюсь осторожным.

Коридор оказался естественной трещиной в скале, не шире метра, и

вел слегка вниз. Камни под ногами были гладкими и влажными, единственным следом деятельности человека были старательно спиленные сталактиты. Сделали это давно, потому что на пеньках появились натеки в пару десятков сантиметров, похожие на рыжие сосульки.

– Произведения, которые вы видите на потолке, зовутся сталактитами, те, что встают с земли, – сталагмитами, а те, что соединились в одно целое, – сталагнаты, – пробормотал он тоном экскурсовода, приподняв лампаду.

Коридор шел зигзагом, через несколько шагов свет комнаты остался позади, а вокруг воцарилась бархатная, непроницаемая тьма, разгоняемая лишь легоньким огоньком, рисующим тени и отсветы на влажных, покрытых натеками стенах, но света дающим совсем немного.

– Не нравится мне это, – проворчала Цифраль. – Похоже на ловушку.

– Такая работа, Динь-Динь, – процедил Драккайнен. – Ничего не получишь, стоя на месте или постоянно страхуясь. Нужно лезть в пасть к дракону, если хотим встряхнуть это болото.

Протиснулся между скалами и вдруг встал как влитой.

– Полагаю, удалось... – прошептал, осторожно поднимая руку. Невидимый во мраке бриллиантовый нимб, охватывавший его тело, загорелся у ладони теплым зеленоватым светом.

– Чудненько, – обрадовался он. – Волшебники всегда так поступают в фильмах. Вот только я, скорее, стал лучше видим, чем вижу теперь сам. *Nek ide u dupe*. Еще ослепну.

Он сконцентрировался, и зеленоватое сияние постепенно угасло. Но через несколько шагов свет появился снова, но теперь истекал не от разведчика. Ярился где-то за углом – слабыми, пульсирующими вспышками. Вуко осторожно отставил свою лампадку туда, где не капало с потолка, и провернул меч в руке клинком назад.

С этого момента он шел бесшумно, аккуратно ставя ноги. Склоненный и сжатый, как пружина, с одной рукой, вытянутой вперед, и с клинком, спрятанным за спину.

Пещера была небольшой, без малого круглой, метров шесть диаметром, а еще высокий потолок, оцетинившийся сталактитами, торчавшими наподобие зубов нарвала. Ее освещал круг расставленных под стеной лампадок.

А напротив стоял ван Дикен. Высокий, в своем длинной черном плаще, с волосами, зачесанными назад. Стоял и издевательски ухмылялся.

Драккайнен ударил мгновенно, словно кобра, рассекая воздух косым крестом. Первый удар в артерию слева, второй горизонтально через живот.

Без раздумий.

Меч ударил твердо, словно в камень, два резких звона эхом отразились от потолка, а ван Дикен исчез. Откуда-то, словно из-под земли, раздался смех. Не монументальный опереточный хохот злодея, простое злорадное хихиканье.

Клинок выдержал, заработав лишь две небольшие щербинки, но сила удара отразилась в руку Драккайнена нехорошей болью, что отдалась до самого локтя.

Он осознал наличие своего магического ореола, почувствовал мурашки на коже, как возле мощной магнитной катушки, потом приказал туману сгуститься и вертеться наподобие вихря. Действовал вслепую. Инстинктивно.

Подумал о дыхании ледяного воздуха. О движении частиц. О вихре.

А потом взмахнул рукой и погасил все лампадки. Темнота пала на пещеру, как темная вода. Все исчезло. Во влажном, холодном воздухе ощущался запах горелых фитилей и масла.

Стояла непроницаемая бархатная тьма.

Тьма полнейшая.

Он помнил, где находятся скалы и где торчат сталагмиты. Бесшумно, словно кот, проскользнул на другую сторону пещеры и встал так, чтобы за спиной была литая скала.

Два темных места позади, пятна мрака, в которых он не мог ничего различить, могли быть нишами или входом в другие коридоры. Вверху еще одно такое место: темная щель, которая могла быть трубой, что вела в пещеры, а то и наружу, на склон горы.

Драккайнен стоял тихо, не издавая ни малейшего звука, медленно втягивал носом воздух, принимаясь. Пытался отыскать в памяти запах ван Дикена. Персональную конфигурацию эстеров и органических кислот, ольфакторную подпись, единственную в своем роде, но без помощи это было непросто. Не чувствовал ничего. Только чужой запах – словно заплесневевших тряпок и скисшего творога. Сконцентрировался на движениях воздуха. Чуть тянуло сверху – почти наверняка это была труба. Немного поддувало из одного из гипотетических коридоров. Воздух оттуда вытекал влажный, насыщенный водяной пылью и чем-то еще: тяжелым, минерально-химическим, немного напоминающим гарь.

Метан.

В остаточных количествах.

Он стоял, взвешивая в ладони меч, и ждал хотя бы малейшего звука. Шелеста одежд, дыхания, стука сердца, вдоха, скрипа суставов или

скрежета сдвинутого с места камня.

Ничего.

Тьма приносила лишь далекий, исчезающий шум воды, чуть ближе – тихое хлюпанье, еще ближе – одиночную мелодичную капель падающих с потолка крохотных капель.

Если бы у него была помощь, мог бы услышать и ползущего по камням паука. Ждал.

Представил себе частички метана, слегка смешанные с воздухом. Атом углерода, симметрично окруженный четырьмя атомами водорода, как скелет пирамиды. Тетраэдр. Почувствовал их всем естеством. Представил, как приказывает этим частичкам плыть к себе, будто шарикам ртути; как они, послушные его призыву, тянутся по коридорам, вытекают из скалы, льются из находящихся под горой месторождений угля и летят к пещере, где он стоит, сгущаются в небольшое облачко.

Он понятия не имел, происходит ли что-то. Импровизировал, но все время чувствовал мурашки по коже, особенно вдоль ладоней. Что-то точно происходило.

Почувствовал – хотя это могло оказаться лишь его фантазией, – как горьковатый запах углеводорода становится сильнее. Почти ощутимым.

Подумал, что, возможно, он и возвращает понемногу утраченные способности. Ведь разве простой человек метан почувствует?

Представил себе, как он разделяет облако газа на три части, загоняет две из них в отнорки коридора, а третий собирает под потолком. Как они тщательно смешиваются с воздухом.

А потом он высек искру.

Почувствовал ее. Заставил существовать. Резкий прыжок электронных колебаний. Все быстрее и быстрее, пока свободные заряды не сорвутся со своих орбит и не создадут мгновенно насыщенное энергией облачко. Взрыв сверхновой для микроскопического космоса атомов.

Ничего.

Чувствовал лишь, как на всем его теле встают дыбом волосы, как вихрится вокруг него, словно безумная, туча бриллиантовой пыли.

– *Palaa, huora! Läämittää!*

Электростатические заряды на коже превысили критические значения, и Драккайнен выстрелил во все стороны искрами.

Жутко гроыхнуло, три голубых вспышки, как сияние сварки, залили пещеру, пятно огня разлилось по потолку. Грохот пронзил гору, поплыл по дальним коридорам, встряхнул пещеры.

В этот короткий момент Драккайнен успел подумать, что если ван

Дикен не скрылся в жерле коридора или воздуховода, возможно, он стал невидимкой. Может, умел прятаться за каким-то оптическим камуфляжем и стоит спокойно там же, где и раньше. Посередине пещеры.

Он сумел свернуть бьющие коридором потоки огня, поставить у них на дороге слои сгустившегося воздуха и толкнуть их в обратную сторону. Огонь еще раз фыркнул остатком метана, тремя синими языками, на этот раз – наружу. Хлестнул внутренности пещеры, дохнул жаром и погас.

И тогда в центре встал пылающий человек.

Неподвижный факел, охваченный гудящим пламенем, с раскинутыми руками, словно знак Ку-клукс-клана. Как светonosный ангел с перьями из огня.

Ван Дикен пылал, но так, будто его это не касалось, будто пожар не покрывал его кожу пузырями, будто не варились его глаза, не исчезали с треском волосы. Он не кричал, не метался из стороны в сторону – просто стоял и пылал, как адское чучело. Долю секунды.

А потом весь огонь ринулся в лицо Драккайнелу, словно прибойная волна.

Прежде чем он упал на землю, крича от пожирающего его пламени и катаясь по влажному полу пещеры, успел подумать. Прежде чем стал воющим факелом, горящим в треске скворчащей кожи, варящихся глаз и кипящего по всему телу жира, успел подумать, что у ван Дикена, стоящего посередине пещеры, глаза наполнены фиолетом, как два отполированных карбункула. Переливающиеся жуки под веками, а не рыбы глаза человека. У него глаза местного.

И тогда огонь погас.

Внезапно и в один миг.

Пала тьма.

А потом загорелись все лампадки. Запылали с тихим треском и залили пещеру теплым светом.

Посередине находился каменный диск, черный и гладкий, словно полированная обсидиановая столешница. Диск, который все время медленно вращался, левитируя в нескольких сантиметрах от пола пещеры.

На вращающемся камне по-турецки сидел голый старик. Карикатурно худой и мерзкий, с бледной кожей в пигментных пятнах, остатками волос на сморщенном черепе. Сидел и вращался, словно был верхушкой призрачной карусели, то и дело показывая обезьяно-жабью физиономию с казавшимися заросшими глазами.

Драккайнен кое-как встал с земли и ощупал тело, с некоторым удивлением понимая, что брови и ресницы частично уцелели, а вот

отраставший после выхода из дерева ежик на голове придется начинать отращивать заново, и что исчезла трехдневная щетина. Мелькнула мысль, что он, должно быть, заслонил глаза локтем, но на коже не было следов более страшных ожогов. Пара свербящих красных пятен – и только.

Он почувствовал на губе теплый железисто-соленый ручеек, а потом рухнул на колени. Мышцы тряслись от усилия.

Ему пришло в голову, что эта безумная конфронтация продолжалась три секунды, не больше.

Он привстал на одной руке, пытаясь не потерять сознание. Отряхнулся, словно оглушенный боксер, сплюнул смешанной с кровью слюной и вытер лицо.

– Ты бы погиб, – раздался скрипящий, каменный голос. Старик не открывал рта и не двигался. Голос накатывал отовсюду. – Ты быстрый, но рядом с истинным Ведающим не имел бы шанса. Твои песни беспомощны.

– Я начал только сегодня утром, – буркнул Драккайнен и попытался встать, цепляясь за стену. – Ты Бондсвиф? Оба Медведя? А кто тот?

– Он не имеет значения. Не помню, как его зовут. Кажется, Годвил Копатель Камня. А может, это был тот, раньше? Всегда найдется глупец, который хочет деять и, придя за советом, начинает думать, что достаточно занять покинутый дом под Стонущей горой и изображать великого Деющего. Они мне нужны. Я не ем уже давно, но кто-то должен меня обмывать и окуривать. А еще мне пока нужно пить. Кто-то должен мне петь. Кто-то должен успокаивать печаль Стонущей горы. Прежде чем я сделаюсь туманом. Прежде чем я прекращу деять и уйду как чистое сознание, не привязанное к воле.

– Ты превратил его сына в чудовище, – сухо заметил Драккайнен.

– Ах, да. Посчитал, что нифлинг будет слугой получше. По крайней мере, он отпугивает слишком навязчивых. Но этот пришел искать свою жену. И потому я оставил при себе обоих. Когда достигну просветления, они будут свободны. Если доживут. Все так долго... Я все еще не Снящий. Меня пробудила Человеческое Пламя. Хатрун. Госпожа Гнева и Страсти. Приказала тебе помочь. Вот я и помогаю.

– Ага, – сказал Вуко мрачно. – Помогаешь.

– Да. Я показал тебе путь. Дал в руки силу урочища. Но ты туп и неловок. Входишь в недра горы. Видишь худшего своего врага и что делаешь? Тянешься за мечом. Он слишком силен. Ты думаешь, что сумеешь убить его железом?

– Ты его знаешь?

– Я о нем слышал. Чувствую, что он делает с песнями богов. Вижу его

твоими глазами. Он безумен, но силен. Если ты его не удержишь, придет конец.

– Да-да, знаю. Война богов, – процедил разведчик.

– Возможно. Даже если боги не обратятся против друг друга, равновесие падет. Тогда они могут объявить очередное рождение мира. И придет мертвый снег.

– Мне начинают надоедать эти шифровки, – прищурился Драккайнен. – Может, кто скажет что-то конкретное? Хотя бы раз! Любой снег мертвый по умолчанию. Это лишь кусочки льда. Что же необычного в том, что идет снег?

– Что оно такое, та «шифор ка»? Впрочем, неважно. Это – другой снег. Он покрывает мир как во время зимы, но это другая зима. Она означает конец и начало. Весь мир засыпает. Животные и люди. Мертвый снег отбирает у них память. Когда они просыпаются, вокруг уже новый мир. Они не помнят ни своих имен, ни лиц близких. Не знают, ни кто они, ни откуда происходят. Не знают ни друзей, ни дороги домой. Ничего. Только то, что находится в песнях людей. Простейшие законы, как вспахать поле или отковать меч. Простейшие вещи. Всему приходится учиться сначала. Порой они просыпаются совсем в других местах, чем те, где их застал мертвый снег. Кому-то приходится заново учиться ходить и говорить, словно они вновь сделались детьми. Некоторые так и не просыпаются.

– Чудесно, – заявил Драккайнен. – И частенько такое случается?

– Этого никто не знает. Те, кто проснулся в начале мира, ничего не помнят. Даже мы, Ведающие, можем только сказать, что такое случается. Иной раз в сто лет, иной – в тысячу. Когда мир утрачивает равновесие. Когда появляется слишком много изменений. Когда время выпадает из проложенной колеи. Обычно потому, что слишком многие и слишком жадно потянулись за песнями богов. А порой мир слишком меняется благодаря одним людям. Когда слишком много войн, слишком много новых идей, слишком много странных вещей, которые уничтожают равновесие.

– И как распознать мертвый снег?

– Приходит туман и тьма. Это может случиться и весной, и во время лета. Словно бы солнце умерло. Деревья вдруг теряют листву, и все засыпает. А мертвый снег, говорят, не холоден. Он словно пепел. Но это ничего не изменит. Ты не сбежишь от мертвого снега. Даже Ведающие засыпают. Некоторые из них после что-то помнят. Якобы. Это неважно. Это знание, которое тебе не пригодится. Послушай то, что я должен тебе сказать, потому что я начинаю уставать. Скоро я засну. Я давно не говорил так много. Давно так долго не пребывал в мире сознанием. Поэтому

слушай истины: ты не можешь держать в себе силу урочища слишком долго. Если попытаешься деять – хоть как-то, – с каждым разом она будет уменьшаться. Вторая истина состоит в том, что раньше или позже тебе придется вернуться в урочище и зачерпнуть силы вновь. Некоторые пытаются набрать ее про запас. Если ты сорвешь растущий в урочище гриб или прихватишь немного земли, возьмешь пыльцу с растений или соберешь снег, там всегда будет немного песен богов. Но делать так небезопасно, и это – третья истина.

Тот, кто не умеет петь, может освободить смертоносную силу даже неосторожной мыслью. Ты можешь освободить силу во сне или во гневе. Если у тебя есть такой запас, стоит его спрятать и скрыть. Никто не должен его открывать или касаться. Четвертая истина гласит, что можно заставить песни богов самим прийти к тебе, создавая призрак Пробужденного. В таком виде песнь богов может прийти, но ты должен помнить, что Пробужденный обладает собственной жизнью, и что он – чудовище. А такова пятая истина: неправда, будто бы песня богов не послушается кого угодно. Послушается, нужно только уметь просить.

Если ты будешь жаждать, должен просить о деревянном кубке воды, не больше кварты, и вода та должна быть чистой. Если скажешь просто «вода», песнь опрокинет на тебя водопад или сбросит в море. Ты должен ощущать песни и петь так, чтобы они сумели тебя понять. Истина шестая и последняя такова, что если даже песнь тебя поймет, сделает все по самому простому образцу. Если хочешь, чтобы песнь богов зажгла тебе костер и больше не скажешь ничего, почти наверняка в очаг ударит молния. Ты должен запоминать все чувства и мысли, с которыми имеешь дело. Потом должен создать для них специальную песнь и запечатать ее в одном предложении или слове. Таким, которого не знает никто, кроме тебя. Потом ты скажешь это слово – и вспомнишь всю песнь. То, чего ты желаешь, случится снова. Запомни, что я сказал, и будет тебе польза, если поймешь. А теперь уходи. У меня больше нет сил, чтобы глядеть на мир. Когда выйдешь, скажи Годвилу или как там он зовется, чтобы сегодня он не приходил.

* * *

А потом старик замолкает. Лампадки угасают, но продолжают тлеть. Я некоторое время жду в надежде, что он отзовется снова, но вибрирующий голос горы смолкает. Старик сидит неподвижно; круглый

полированный диск продолжает медленно, словно притормаживающее колесо рулетки, вращаться.

Я нахожу меч, осматриваю выщербленное острие и прячу его в ножны. За поворотом наклоняюсь за своей лампой, зажигаю ее нормально при помощи огнива и щепоти тростинок.

Обратная дорога кажется длиннее, но я слишком устал и голоден, как после гиперадреналина. Мне приходится пару раз присесть на влажных камнях и отдохнуть.

В доме уже наведен такой-сякой порядок. Собрана разбросанная посуда, стол снова стоит на ногах, а хозяин занял привычное место на карло, поставленном у очага. Он нашел другой кувшин вместо разбитого, пополнил запасы пива. Теперь сидит и с опаской поглядывает на меня, прячась за оправой рога.

Я выковыриваю из-за пояса серебряную марку и кладу перед ним на стол. Он смотрит теми собачьими глазами, в которых чувствуется опасение.

– Ты хорошо меня научил, – пояснил я. – А значит, заработал те два гвихта. За эту марку я хочу немного припасов. Хлеб, сыр, сушеное мясо, пива во фляжку и какой-нибудь котелок. Я должен немедленно уйти.

Он смотрит неподвижно, будто не понимая. Наконец тянется за монетой и крутит ее в пальцах, потом кивает в сторону кладовки. Я воспринимаю это как предложение к самообслуживанию.

Некоторое время роюсь в кладовке и нахожу все, что может мне пригодиться. Маг смотрит на меня совершенно равнодушно и не протестует, даже когда я показываю баклагу с дьявольски сладким напитком, похожим на вино и пахнущим хурмой и финиками.

Нахожу что-то вроде примитивного рюкзака – собственно, полотняный мешок с пришитыми ремнями. Пакую в него добычу.

Останавливаюсь примерно на полпути к двери. Мне слегка не по себе, даже не понять, почему.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я наконец.

– Ленн Бегущий За Сорокой.

– Спасибо тебе, Ленн. Если мне удастся сделать так, чтобы худшие времена не наступили, это случится благодаря тебе. Я убью Деющих или заберу их с собой.

Он сперва молчит, а потом взглядом указывает на ворота в подземелье.

– Его ты убил? – спрашивает с надеждой.

Я со стыдом отрицательно качаю головой. Глупо получилось.

– Я бы не сумел. Он слишком силен, даже когда спит. Показался мне как мой враг, а я не сумел справиться с ним ни мечом, ни песней богов.

– Тогда почему ты думаешь, что сумеешь справиться с теми?

Я цепляю сагайдак к рюкзаку, надеваю плащ. Молча забрасываю на плечи тяжелый тюк.

– Как тебя зовут?

– Ульф Ночной Странник, – отвечаю я.

– Найди дорогу, Ульф.

– Самое бы время. Я ухожу. Полагаю, еще немного, и вы с сыном будете свободны.

Он медленно качает головой, отпивает глоток. Потом просто сидит, поигрывая под столом ремнем, на котором раньше висела подкова.

– Он никогда не уйдет к богам. Когда ты был внутри, я подумал: заберу сына и уйду. Тогда он оставил бы себе тебя. Но дверь затворилась, хоть мы пытались ее выбить. Он хочет по-другому. Но все же и я думаю, что мы скоро будем свободны.

Я выхожу и очень тихо притворяю дверь.

Снаружи туманный день, воздух пронзает писклявая трель охотящегося сокола. Я возвращаюсь на дорогу, прохожу мимо рядов менгиров и вхожу, не оглядываясь, в лес.

Не ухожу далеко, потому что буквально падаю от усталости. Нахожу хорошо укрытое место и дрожащими пальцами развязываю ремни тюка, потом жру кусок хлеба, вяленый сыр и что-то, похожее на колбасу. Мне жаль терять время на то, чтобы резать ее на куски, поэтому просто рву ее зубами, словно зверь. Пиво течет у меня по подбородку, я едва владею собой, чтобы прожевывать то, что у меня во рту. А потом нет сил, даже чтобы упаковать остатки пищи. Я вползаю под листья перистого папоротника и укутываюсь в плащ, чтобы провалиться в подобный летаргии сон.

* * *

Больше всего я люблю минуты бездумных странствий. Марш дает редко встречаемое на Земле чувство свободы. Есть в этом нечто первобытное, что заселяет пространства мозга, предназначенные для древних инстинктов, тех, что происходят из веков до законов, попечительных процедур и контролирующих институций. Вот человек, он просто идет куда глаза глядят. Идет, куда пожелает, спит там, где его застанет ночь. Вся жизнь тогда ограничивается моментом «сейчас», все планирование – в пределах одного дня. Надо пережить ночь, знать, что

съесть завтра и куда направиться. Что дальше – полная абстракция, без особого практического смысла.

Поэтому – иду. Через девственный лес, покрывающий горы. Обхожу более-менее протоптанные тракты, использую узкие тропки, порой наверняка – звериные, горные потоки, вдоль которых можно идти галечным берегом или прыгая по камням. Порой – продираюсь напрямик сквозь лес.

У меня есть цель – хочу вернуться в Земли Огня. У меня там друзья, у меня там конь и вещи. А идет зима.

Время, которое я проведу у камина в доме молодого Атлейфа или в ограде у Грюнальди.

Время планирования. Плетения интриг. Сбора сил.

Поэтому сейчас я должен превратиться в ассасина. В скрытого в тени убийцу.

Иду.

Все время – с мрачной тенью на душе.

Не могу забыть несчастного мага, оставленного в покоем на грибе в доме, рядом с сыном-чудовищем. Не могу забыть засушенную мумию, сидящую на вращающемся камне.

Мой союзник. Мой учитель и советчик. До этого времени никто не сказал мне больше полезных вещей, чем он.

Не могу себе простить, что не убил его.

Он был плохим. Почти настолько же, как ван Дикен. Отличало его одно: он сумел удержаться от поступков, которыми тот упивался.

Я повторяю себе снова: «плохой».

Я оказался в мире, где смысл имеют именно такие затхлые, ценностные, допотопные категории. Там, откуда я происхожу, за публичное использование подобной оценки совсем недавно можно было попасть под суд.

А здесь эти понятия естественны. Почти технические. Зло. Добро. Вот так, просто.

Здесь невозможно выбрать пункт «не знаю» или «нет мнения». Тут мир имеет два острия, как копьё Хатрун. Жизнь и смерть. Зло и добро. Подлость и благородство. Никаких «я не знаю». На это нет времени. Ты выбираешь либо рукоять, либо острие. Отсутствие морального релятивизма. Рукоять в руке или клинок в брюхе. Нет места для Понтиев Пилатов. Тут решение принимается за долю секунды и навсегда. Руки можно умыть лишь после. От крови.

Поэтому я не могу простить себе, что не убил его.

Это правда, что, скорее всего, и не сумел бы. Но я даже не попытался.

Заслонился своей миссией. Моей святейшей миссией и ее абстрактными правилами, выработанными под солнцем, которое здесь не заслуживает быть даже астрономическим явлением. Безымянная искра среди звездной пыли. Я заслонился правилами как трус – правилами, которые происходят не из этого мира. Правилами лицемеров, для которых у палки – десять концов, и все относительно, а потому всякое окончательное действие – преступление. Это означает, что мы начинаем расходиться. Пользоваться абсолютными понятиями. А от этого лишь шаг к моральным оценкам. А ведь известное дело: подобное заканчивается инквизицией. Поэтому лучше отвернуться. Не видеть зла.

Я отвернулся и ушел. Потому что это не было связано с миссией.

Мне нет нужды влезать в конфронтацию. Заклинание – оно словно программа. Достаточно чуть по-другому завершить последовательность команд, которые притягивали метан в камеру. Пусть бы действовала и дальше. Пусть бы собирала газ под потолком, пока он не достигнет нужной концентрации и не опустится до уровня горящих фитилей. Именно так оно должно работать.

Я начинаю учиться.

Начинаю думать, как тайный убийца.

Я должен научиться действовать согласно закону, что есть где-то во мне. Пусть, например, в сердце. И противопоставлять его еще более средневековой контрольной системе – совести.

Которая, похоже, сбрендила, поскольку не дает мне покоя, так как я не убил человека. Но мне приходится ей доверять, ведь ничего другого здесь нет.

Я помню только общее направление, в котором должен идти. Стороны света. К сожалению, я иду другим путем, чем тот, которым пришел в Землю Змеев. Окружным, а должен найти малый городок, вжавшийся между озером и лесом. Точку среди диких гор.

Я бы справился, сумею взглянуть хотя бы на подобие карты. На пару минут. Но карт нет. Пока приходится полагаться на инстинкт.

В сумерках я останавливаюсь. Строю приличный шалаш из связанных ремнем жердей, крытый толстым слоем хвойных лап. Развожу крохотный костерок, защищенный камнями, варю суп из каких-то корешков, пахнущих словно дикий чеснок, съедобных корнеплодов, прячущихся между папоротниками, кусочка сушеного мяса и хлеба.

Я выкуриваю экономно набитую трубку и запиваю горячей водой, заправленной сладким, как патока, вином.

Смотрю на воду. На горный ручеек, плещущий по камням. Хотелось

бы знать: приток это Драгорины или нет, но, увы, он не подписан.

Я спешу.

Меня мучает предчувствие, что случилось нечто дурное. Что уже может быть поздно.

* * *

Мне снится группа призрачных музыкантов. Адская капелла, что сидит на бочках и табуретах, выставленных на поляну, и играет странную громкую музыку. Худой флейтист с лицом, похожим на череп крысы; покрытое пурпурными язвами существо, напоминающее раздутую, человекоподобную жабу, играющую на волынке, и человек-омар в шипастом алом панцире, накручивающий шарманку или теорбан. Музыка громкая и писклявая, она почти заглушает ужасное гудение пожара. Пылают деревянные дома, в фейерверке искр проваливается крыша, огонь встает под черное небо.

Вдоль частокола, на воткнутых в бревна цепях, свисают черные съезжившиеся свертки. Некоторые еще горят, дымят и выглядят как обожженные, скорчившиеся от огня манекены.

– Кто-то еще желает сплясать Танец Огня? – орет худощавый мужчина, стоя под вколоченным в землю бунчуком. Древко оплетают танцующие змеи, верхушку венчает череп и два конских хвоста.

Перед городьбой на земле стоит горстка коленопреклоненных людей, чьи руки скручены за спиной. Стоят они молча, за спинами их хаты валятся в грохоте пылающих бревен, а они смотрят на призрачную капеллу.

– Те, кто поклонится Змею, пойдут с нами. Живые и здоровые, как я и говорил, – мужчина то гремит басом, то сбивается на скрипящий тенорок. Мутация.

Это ребенок.

Подросток, с телом, покрытым зигзагами татуировок. Вокруг крутится десяток-полтора Людей Змеев. Рослые мужчины в сложных сегментированных полудоспехах и шлемах, огонь чертит отблески на броне пары стоящих неподалеку крабов. Отчего они слушают такого задохлика?

– Я спрашиваю, хочет ли кто-то еще соврать Богу Огня?! А может, кто-то желает отведать Змеиногo Жала?!

Они молчат и смотрят на капеллу.

– Ты! – кричит парень. – Ты сражался! Я видел! Давайте его сюда!

Двое огромных воинов вытягивают из толпы дергающегося мужчину,

волокут его в центр поляны, бросают на колени прямо напротив музыкантов. Он поднимает лицо, глядя на покрытую бородавками жабью морду, крысиный череп и продолговатую башку омара. Кажется, хочет проснуться. Встряхивает головой, обмотанной окровавленным платком.

– Дайте ему меч! – кричит парень.

Кто-то из Змеев подает этому, на коленях, короткий тесак. Тот тянется и стискивает ладонь на деревянной рукояти, после чего на миг прикрывает глаза. Медленно встает с коленей, взвешивая клинок в руке.

– Тишина! – после крика парня музыканты перестают играть. Лишь пожар продолжает реветь и гудеть. Настоящий потоп огня. А еще ревет скот, согнанный в тесное стадо где-то во тьме.

Подросток откидывает назад полу плаща, черная ткань стекает у него со спины. Левой рукой поднимает меч, берется за рукоять и медленно вытягивает клинок над головой. Односечный, сверкающий как зеркало, длиной сантиметров семьдесят. Мономолекулярный клинок меча «Нордланд», меча профессионала. Он берется двумя руками за обернутую лентой рукоять, совершенно неправильно, а потом начинает крутить клинком уродливые загогулины. Его противник наклоняется и сгибает ноги, выставляет свой короткий тесак будто нож; двигается назад-вперед похожими на боксерские прыжками.

Все происходит быстро.

Слышны два резких посвиста, хруст разрубаемой ткани и сдавленный крик. На миг в огне пожара становится заметным выплеск распыленной крови.

Мужчина мешком валится на землю, его голова катится по залитой кровью траве.

– Свершилось! – орет паренек. – Теперь приходит время Змеев! Идите! Идите к Змею! Идите к замку Шипа! Там пророк покажет вам путь!

Они уходят.

Молча поднимаются один за другим и гуськом уходят во тьму, равнодушно проходя мимо неподвижно лежащего трупа. Не слышны ни рыдания, ни вопли. Никто их не сопровождает и не присматривает за ними.

Слышен только рев пожара.

И снова начинает звучать музыка.

* * *

Кошмар будит меня в синий, бледный рассветный час среди мороси и

карканья ворон. После я сижу, завернувшись в плащ, и смотрю сквозь дыру шалаша на поток, спрятанный в тумане, и на мокрую листву, уже начинающую желтеть. Нужно бы еще немного поспать, но я не хочу.

Боюсь засыпать.

Боюсь, что кошмар, который видел во сне, происходит по-настоящему.

Я заражен силой урочища. Возможно, таковы побочные действия.

Я снова иду по азимуту, быстро, ни на что не отвлекаясь, но единственный метод, которым могу пользоваться, мне совершенно не нравится. В горах хождение напрямик обычно плохо заканчивается.

Я натыкаюсь на них около полудня, на дороге, что идет траверсом склона. Сперва слышу шаги. Шорох подошв, отзвук, когда кто-то спотыкается о камень без слова жалобы или стоны боли. А потом странное, ритмическое бормотание множества глоток. Но я уже лежу в густом кустарнике, прикрытый сухой травой и ветками, окруженный роем возмущенных комаров.

Я прячусь в паре метров от тропы и могу наблюдать, как они проходят.

Люди Огня – или другое племя. В любом случае, не Люди Змеев. Плетутся гуськом, один за другим, спотыкаясь и волоча ноги, каждый держит ладонь на плече идущего впереди. Шагают и выводят монотонную дикую мелодию. Она кажется мне на удивление знакомой, и вдруг я вспоминаю. Выводят тот самый мотив, который во сне наигрывали призрачные музыканты.

Я лежу неподвижно и жду, пока они пройдут. Тридцать восемь. Мужчины, женщины. Разного возраста.

Держат руку на плече впереди идущего и шагают вперед, словно вереница зомби, – туда, откуда я пришел.

И у всех глаза затянуты странными, отдающими в золото бельмами.

Селения я начинаю находить уже днем.

Сперва – военные руины. Кипы обугленных балок, закопченные остатки каменных фундаментов, уложенные рядами трупы в разных стадиях распада, рои мух, карканье ворон. Ужасный смрад горелого и падали. Это не выглядит, как городок из моего сна, но все равно производит мрачное впечатление. В каждом я нахожу следы жутких казней: обугленные, скорчившиеся тела, привязанные двухметровой цепью к частоколу или к какому-то столбу. Я видел это во сне. Эти люди почитали огонь, почитали бога-кузнеца, производили драконье масло – смесь греческого огня с напалмом, танцевали Танец Огня. Поэтому Змеи жгут их живьем. Приказывают им танцевать в огне.

Типичное чувство юмора захватчиков.

Еще я натываюсь на совершенно пустое поселение, хотя и без следа разрушений.

Сперва я сажу в кустах и наблюдаю.

Царит полная тишина. Из-под крыш не сочатся дымки, не кудахчут куры, не лают собаки и не ревет скот. Ничего.

Сажу так полчаса, хорошо замаскированный и неподвижный.

Между домами – запустение. Начинается мелкий дождик, сыплется листва с деревьев.

Я скольжу за невысокий частокол, скорее даже склоненный наружу тын из заостренных жердей, и осторожно иду вдоль стен.

Не видно ни малейшего следа схватки. Ни трупов, ни крови.

Всех словно вымело. Мужчин, женщин, стариков, детей, скотину, свиней, коз и собак.

Над селом даже птицы не летают, не видно ни мух, ни муравьев.

Я машинально активизирую Цифраль.

Она появляется во всплеске радужных искр, бабочка-нимфетка с золотыми волосами. Я начинаю к ней привыкать.

* * *

– Ты использовал почти все, – сказала она. – Там, в пещере.

Драккайнен, сидящий под избой на корточках, быстро оглянулся.

– И правда, я не вижу свечения. И не чувствую мурашек, – проворчал вполголоса. – Ну, что ж. Входим.

Двери ближайшей избы не закрыты. Он легонько толкнул их клинком, а потом скользнул внутрь, вдоль стены, защищая спину.

Какое-то время ничего не было слышно. Драккайнен обошел большую комнату с поднятым для удара мечом, ставя ноги в боевую стойку, будто в некоем странном плавном танце. Заглядывал во все закутки, за все двери. А потом встал ровно, проворчал себе под нос «чисто» и высек огонь. Пламя лампадки окрасило светом бревенчатые стены, старательно застеленные деревянные кровати в нишах, накрытые кусками шкур, длинный стол, уставленный едой.

Изрядным количеством еды на десяток человек. Две целиком запеченные туши на деревянных мисках, плоские, круглые буханки, пучки бело-розовых побегов, похожих на аир, какие-то квашеные овощи в глиняных мисках, плавающие в заливке.

Жаркое было холодным, пена в кувшинах опала, хлеб немного подсох,

но ничего не испортилось. Пахло вполне аппетитно.

Драккайнен присел у очага и растер в пальцах щепотку пепла.

– Кажется, что все случилось вчера, – заявил. – Сели ужинать. Богатый ужин, поскольку и дом не из бедных. Все прибрано, на столе чистая скатерть и приличные ножи, жаркое из свинины или других каких тапиров, вокруг очага шкуры, истинный музейный экспонат. Некоторые успели отрезать себе куски жаркого, кто-то преломил хлеб, кто-то налил пива. И только. Никто не выпил ни глотка, никто ничего не откусил. Спокойно встали и вышли, забрав с собой скот, крупный и мелкий, а еще мух и пчел. Похоже, их весьма тщательно и без насилия похитил НЛО. Что это я? Ведь тут я – НЛО.

Он встал.

– Аж просится, чтобы я угостился. Аж просится, чтобы задержался на ночлег. На стенах – оружие, в колодце – вода, запас дров и чистые постели. Идеал. Поэтому он мне не по нраву. Выходим, Цифраль. Через умывальню. Ни к чему не прикасаемся, не забираем даже гвоздя.

Насколько он разобрался в планировке здешних домов, всегда почти одинаковых, выстроенных словно одной и той же фирмой-разработчиком, в умывальне должен быть второй, черный выход, ведущий на закрытый двор с хозяйственными постройками.

Он нашел дверь и беззвучно выскользнул наружу. Заглянул еще в сарай и конюшни, но не нашел ничего и там. Не увидел ни лошади, ни бурого буйвола с огромными рогами, ни жуткой, похожей на миниатюрного гиппопотама свиньи. Ни мух, ни пауков. Никого.

Стояла мертвая тишина, только ветер шумел в деревьях да плескался неподалеку ручей. Вуко прокрался сквозь солидную деревянную калитку в углу подворья и пошел между домами, опустевшими и тихими, такими же, как тот, что он проверил. В воздухе кружились яркие осенние листья, похожие на тропических бабочек.

– Любой бы здесь остановился, – заявил Вуко. – Место красивое и покинутое. Бери и живи. Даже вид превосходный. И оборонять просто, разве что пригодился бы частокол получше.

– Ты видишь где-нибудь тот отсвет? – спросила Цифраль.

– Магических мурашек? Нет. Ни следа. Но это ничего не значит. Думаю, здесь останавливаются. Каждый, кто идет этим путем или заходит в эту долину. Охотники, беглецы, пастухи.

– Тогда почему никого нет?

– Хороший вопрос. Ты точно хочешь узнать? Я-то – не очень.

Он обошел все поселение, прячась, будто опасался снайперов или мин.

Ничего не происходило.

А потом он повернул и наткнулся на краба.

Тот стоял посередине улочки между домами, совершенно неподвижно, словно мерзкая скульптура. Стоял и глядел прямо на Драккайнена щелеобразным отверстием на голове, напоминающей турнирный шлем типа «жабья морда». Его руки были спокойно сплетены под мышками, клинки спрятаны, полукруглые, словно чешуя глубинной рыбы, плитки доспехов легонько и ритмично ходили вверх-вниз.

Разведчик очень медленно развязал ремни рюкзака и поставил его на землю.

– Я знаю, что внутри ты ребенок, – прошептал. – А вернее, что был им, потому что сейчас ты чудовище. И если придется, я тебя убью. Я хочу только пройти.

Выставил одну ногу, должным образом распределил вес тела и плоско положил на предплечье клинок меча, после чего расслабил мышцы и сконцентрировался на дыхании.

– Может, обойти его? – нервно предложила Цифраль.

– Не думаю, – ответил Вуко. – Он ведь не автобус тут ждет. Похоже, блокирует путь к воротам.

Краб зашелестел странным голосом, но все еще не двигался.

– Поэтому все исчезли?

– Нет, – ответил Вуко. – Люди, которые натываются на этих вот, выглядят так, словно попали под вентилятор, а тут ни капли крови. Проблема в том, что я уже не настолько быстр, как раньше. Сколько у меня осталось?

– Чего?

– Того магического марева, света, *da piczku materi*. Есть еще немного, или нет? – Он начал вертеться, время-то заканчивается. – Ты ведь, напоминаю, операционная система.

– Остатки, распыленные. Если их аккумулировать, ты сумел бы припудрить себе нос.

– На левую ладонь.

Это немного напоминало горячий воздух над паяльником. Размывающее свет облачко размером с яйцо, в котором, словно бриллиантовая пыль, посверкивали микроскопические искорки.

Краб заклокотал и переступил с ноги на ногу. Тройные когти проехали по камням двора.

– Цифраль, подлети к нему. Я хочу знать, что видно между плитами, когда они ерошатся.

– Ты сдурел? Ни за что к нему не приближусь.

– Ты сидишь в моей голове. Он тебя не увидит. Тебя никто не видит, *piczku materinu*, лишь я. Свали, а потом не говори со мной, я сконцентрирован.

– На чем?

– Выметайся!

Она надулась и полетела. Осторожно, по широкой дуге, чтобы приблизиться к крабу сзади. Драккайнен бормотал себе под нос, всматриваясь прищуренными глазами в переливающийся в ладони свет.

Вдруг раздался мерзкий скрежет железа, краб неожиданно приподнял туловище и расплел руки, показывая два полукруглых клинка.

Вуко, продолжая упрямо бормотать что-то по-фински, отодвинулся мелкими шажками в сторону, под стену, где вставала подпертая толстыми столбами подклеть.

Краб запиликал, совершенно как сверчок, а потом двинулся в его сторону.

Драккайнен сделал несколько быстрых шагов, все время в странной, присогнутой фехтовальной стойке, повторяя свои слова, как упорную молитву. Говорил все громче, а в тоне его прорезались нотки истерии.

Краб выставил оба клинка вперед и двинулся – резко, словно разгоняющийся секач.

– *Ariainen! Perkele ariainen!* – рыкнул разведчик, упершись в бревно спиной.

В последний момент отступил за столб; клинки крутились, как лопасти вертолета; стукнуло, будто очередью из пулемета, от колонны полетели толстые щепки.

Драккайнен припал к земле и рубанул создание по ногам, сразу отскочив, словно тореадор, и опершись в очередной столб.

Воздух прошил страшный писклявый вопль, напоминающий звук вырывающегося из поврежденной машины пара и визг свиньи, пущенный задом наперед.

Одновременно раздался громкий крик Цифраль.

Драккайнен взглянул на свою ладонь, но от светящегося тумана не осталось и следа. Не было видно и никакого эффекта от его применения.

– Блин, – рявкнул он. – А никто не говорил, что будет легко. – Что видно?! – крикнул отчаянно. – Что снизу?!

– Ткань, – колебавшись ответила Цифраль. – Бледная и скользкая, будто моллюск. Мягкая. Но показывается лишь на миг.

Краб освободил клинок, глубоко засевший в дереве столба, после чего

опять ринулся на Драккайнена. Сабли вращались в воздухе как пропеллеры, создавая вокруг него размытый стальной нимб.

«Гьяфи отбил три удара, прежде чем разлетелся, словно утка в комбайне, – мелькнуло в голове у Драккайнена. – Жилистый Гьяфи, быстрый как ветер. Я куда больше его и тяжелее. Сумею ли отбить хотя бы один удар?»

А потом он перестал думать. Сделался движением. Дал подхватить себя тренировкам, вбитым в спинной мозг. Деревянная колонна, похоже, воспринималась крабом как проблема, потому что некоторое время он осторожно кружил, пытаясь подойти то с одной, то с другой стороны. Клинки, выставленные далеко в стороны, как рога быка, легонько подрагивали, в любой момент готовые превратиться в жуткий ротор.

Тем временем Вуко сбежал понизу. Сделал обманное движение в одну сторону, но краб дал себя обдурить, и сталь свистнула, рассекая воздух.

Драккайнен нырнул под металлическую руку, вскочил на бочку, оттолкнулся ногой от бревенчатой стены и перекувыркнулся над чудовищем. Амортизировал падение переворотом и встал посередине площади, тяжело дыша, в облаке пыли.

– Конец, – пробормотал. – Больше я ничего не придумаю.

Краб развернулся на месте и двинулся в его сторону.

– *Vittuun*, – сказал Драккайнен и нервно крутанул в ладони меч.

И тогда сверху в тяжелом жужжании свалилась неясная форма. Коричневая, продолговатая, как окурочка сигары. Ударил в пыль, но сразу взлетела неровным, зигзагообразным полетом, словно подтравленное пестицидами насекомое.

Вуко повернулся и рванул безумным спринтом на другой конец двора. Краб погнался следом, странными прыжками, покачивая бронированным бочкообразным туловищем, но в этот момент шершень уже полз по его шипастым плитам.

Разведчик услышал свист стали за спиной, почувствовал дуновение ветерка, гонимого клинками. Выполнял отчаянный тройной прыжок, хватая меч в обе руки, после чего прыгнул на ближайшую крышу. Молниеносно подтянул вверх ноги. Краб ударился в стену так, что аж солома полетела по двору.

Драккайнен вполз так высоко, насколько сумел, и уселся, тяжело дыша и вытирая лоб.

– И что дальше? – спросила Цифраль. – Будешь тут сидеть?

– Как нефиг делать, – просопел Вуко.

– И что теперь?

– Помолимся, – серьезно сказал Драккайнен.

Они сидели. Краб метался по двору, рубя все, что попадалось на пути. Судя по звукам, раззадорился на деревянную бочку.

– А если он сюда влезет? – спросила Цифраль, умело скрывая нотку истерии.

– С его-то строением? Да ни в жизнь. Ты когда-нибудь видела цыплят, лазающих по стенам?

Внизу раздался дикий визг. Краб вдруг принялся метаться в диком танце по всему плацу, столкнулся со стеной, потом со спокойно стоящей двуколкой и порубил ее в щепу.

– Что это было?

– Мой шершень. Я сделал шершня. Если мне удалось, он нафаршировал цыпленка нейротоксинами. Не знаю, получилось ли, не было времени. Не знаю, что оно такое. Я хотел осу, вышел шершень. Да еще и странного какого-то цвета.

– Ты не создавал живой организм, – сказала она. – Это слишком тонко. Скорее всего, просто мутировал что-то местное. Это действует по минимальной линии сопротивления, помнишь?

– Да *jebal to pas*, абы работало.

Отчаянный крик со дворища сверлил уши. Несчастный краб катался по земле, упав навзничь и молотя вокруг руками. Над его крутящейся уродливой фигурой поднималась туча пыли.

Продолжалось это долго, но все же стихло.

Тварь лежала почти неподвижно, только чуть-чуть шевеля одной конечностью.

Драккайнен соскользнул с крыши, несмотря на протесты Цифраль, подошел к своему оставленному мешку и забросил его за спину.

– Пойдем.

Они были уже в воротах, когда со стороны лежащей твари донеслись всхлипы, затем невнятный стон. Не страшный визг ошалевшего компрессора, а всхлип ребенка. Сдавленный под стальной скорлупой шлема типа «жабья морда».

– *Perkele Saatani vittou*, – рявкнул Драккайнен.

– Нет, прошу, – сказала Цифраль.

– *Zasztó ja sem takavi glupan!* – процедил он. – *Głupši ko turski kurač!*

Повернул и подошел к лежащей твари. Поднял с земли отрубленное дышло, которое превратилось в жердь, и крепко ткнул самым кончиком. Ему ответил слабый писк.

Драккайнен подцепил туловище и перевернул краба спиной вверх.

Подождал немного, но ничего не происходило.

Он подошел ближе и осторожно ткнул в тело кончиком меча. Одна из рук слабо царапнула землю – и только.

Отвратительно ругаясь по-фински, Вуко нашел соединение плит, всунул туда клинок, поддев края. Железо закрипело, Драккайнен стиснул зубы и охнул от усилия. Плохая заклепка с треском уступила, отстрелив головку; следующая поддалась легче, другие держались еще слабее.

Разведчик раскрыл плиты брони, частично отгибая их наружу. Изнутри вырвался отвратительный сладковатый запах. Вуко отскочил на несколько шагов, захлебываясь кашлем.

Внутри панцирь был заполнен овальными моллюскоподобными пластинами отекающей слизи ткани, прикрывавшей свернувшееся внутри бледное, дрожащее тельце. Где-то позади склизкого плаща вспухала гигантская пурпурная опухоль, раскидываясь во все стороны, как присосавшийся осьминог.

Сдерживая тошноту, разведчик сплюнул в пыль густой слюной, поддернул рукава и сунул руки в панцирь. Ему удалось засунуть ладони под скользкий плащ резиноватой ткани и нащупать человеческую кожу, но что-то мешало. Он раздвинул пласты сильнее и увидел гофрированные прозрачные трубки, входящие в рот и во все отверстия тела запертого внутри существа, пурпурные клубы трубочек, воткнутых под кожу вдоль хребта.

Он вынул нож и снова погрузил руки в чуждую ткань, чтобы осторожными разрезами извлечь наружу плененного маленького человечка.

Ему дважды приходилось отходить в сторону, чтобы отдышаться, плевать освобождая рот от избытка копящейся слюны и пережидая спазмы глотки.

Слизнеподобные мышцы наконец уступили с отвратительным чавканьем. Драккайнен схватил маленькое тельце под мышки и вытянул наружу.

Помещенный в краба ребенок был больше, чем он полагал.

Девочка.

Подросток, может, лет тринадцати. Безволосая, покрытая слизью, со следами воткнутых под кожу щупалец, набрякшими, словно язвы. Ее была резкая дрожь, а может, это были судороги.

Он положил девочку на землю, осторожно коснулся ее шеи.

– Пульс ровный, – заявил. – Ускоренный, но без аритмии.

Поднял ей веки, но увидел только огромные ореховые радужки, полностью заполняющие глаза. Выругался.

Отнес ребенка под колодец и обмыл несколькими ведрами воды, аккуратно убрал охвостья дренажей, торчавших под кожей как пурпурные пиявки.

Девочка перестала трястись и вдруг села, ее обильно стошнило слизью. Кашляла минутку, потом открыла глаза.

– Воды... – простонала.

Драккайнен присел и поднял ведро так, чтобы она смогла напиться.

– И что теперь? – спросила Цифраль безжалостно холодным тоном. – Приручишь ее? Или обождешь, пока подрастет?

– Дам ей плащ и отпущу. Не могу с ней нянчиться.

– Она столкнется со Змеями, и те упакуют ее в следующего краба. Какой смысл?

– Я хочу к Змею... – пробормотала девочка. – Почему нет музыки? Мне так холодно...

– Ну вот. Хочет к Змею, – буркнул Драккайнен.

– Вуко... – прошептала Цифраль.

– Нет, – сказал он с ноткой ярости в голосе. – У всего есть свои пределы. Этого я точно не сделаю. Я решил. Я не святой, но и не чудовище. Не для того ее вытаскивал.

– Вуко...

– Я человек и намереваюсь сохранить человечность. Иначе я сбрендю. Или превращусь в такого же скота, как он.

– Вуко... Село... Туман идет...

Драккайнен поднял глаза и посмотрел на дома. Что-то изменилось. Опускались сумерки, между домами заструился холодный туман. Он вился клубами, похожими на щупальца, а понизу, у земли, взблескивал радужный отсвет, как бриллиантовый иней.

– Ходу! – крикнул Драккайнен. Схватил девочку за руку, перебросил ее через шею, прихватив на бегу свой мешок, и погнал в сторону леса.

Бежал долго, пока селение не осталось далеко, а сам совершенно не выбился из сил.

* * *

Малый костерок горит в скальной нише, безопасно скрытый от любого взгляда. Треугольная ниша в стене заслонена скалами по бокам, сверху же я поставил крышу из жерди, прикрытой слоем свеженарезанных веток горной сосны.

Я сумел унести ее почти на километр.

Почти километр бега по пересеченной местности, сквозь дикий лес, со скулющим двадцатипятикилограммовым грузом, переброшенным через плечо.

Потом я волок ее через лес.

Она уже идет своим ходом, но непросто представить себе более обременительного спутника. Если я ее отпускаю – убегает. Недалеко. Какмышь. Находит первое попавшееся дерево, скалу, обомшелый ствол, втискивается в самый узкий уголок и сворачивается в нервный клубок. Все время всхлипывает и дрожит.

Боится меня, боится дерева, пролетающей птицы, неба над головой.

Не знаю, придет ли когда-нибудь в себя.

Я догадываюсь, как это действует. Берем напуганного ребенка, живущего в мире, что потихоньку кровавит в тотальной резне, и превращаем его в танк. В бронированное создание, у которого есть клинки, какими можно порубить все, что пугает; создание, прикрытое плитами, что не пробьет ни меч, ни стрела, а внутри – лоно. Мягкая, теплая и удобная среда, которая накормит, обнимет и укачает, цедя в уши странную музыку.

А теперь она голая, теперь она – улитка без панциря. Безоружная. Нет музыки, нет брони, нужно самому жевать и глотать. Она выковыряна из скорлупы, словно моллюск, выставлена на ледяной ветер, под жгучие лучи солнца. Ее калечат камни и тернии. Мир снаружи жесток и ужасен.

Куда лучше быть крабом. Грозным бронированным существом, внутри которого тепло и мягко. Это дает чувство безопасности.

Я смотрю на танцующие языки пламени и попиваю сладкое вино.

Я накормил ее.

Насильно. Разводя челюсти и вкладывая в рот небольшие кусочки сыра и хлеба, вливая в горло воду. Словно кормил дикую напуганную зверушку.

Когда я отпустил ее наконец, она металась минутку, но за ее спиной был склон, по бокам – каменные стены. Прямо же, там, где выход на свободу, пылал страшный костер и сидел уродливый человек. В конце концов она заползла в угол и свернулась в клубок, укутанная моим запасным плащом.

Я смотрю на этот прячущийся в тени, дрожащий комочек и не знаю, что делать.

У меня есть огромное желание так ее и оставить.

Волоча девчонку за собой, я нигде не смогу спрятаться – она тут же выдаст любую позицию. Не смогу ни сбежать, ни пробиться.

В результате все равно погибну, и она вместе со мной.

Расчет. Взвешивание шансов.

Бессмысленная трата времени. Только затем, чтобы убедиться, что где-то глубоко внутри я все еще рационален.

Но к чему это, если я все равно не могу ее бросить? Так уж мы, люди, устроены. Кроме логики, рассудка и способности взвешивать шансы, у нас есть еще и совесть. Ее угрызения. Чувства. Всякие чрезмерности, которые и делают нас людьми.

Что не меняет факта: я влез в проблемы.

Я ее все равно брошу. Да что там «брошу» – отпущу. Она мне ни тетка, ни дочка. Просто дитя войны. А я – не мотопехотный полк. Пусть идет к черту. Только не в сердце гор, по факту – за линией фронта. Оставлю ее, когда мы войдем в какую-нибудь более цивилизованную околицу.

Если, конечно, такая еще осталась.

* * *

В бледный рассветный час меня будит холод. Ледяной туман и влажность.

И карканье.

Большая черная птица сидит на моем мешке и дергает клювом ремешок, стягивающий горловину.

– Прочь! – приветствует она меня хриплым хамским криком. Так меня давно ничего не радовало.

– Куда же ты делся, Невермор, старая ты скотина?

– Траакт!

Девочка тоже просыпается. Я уверен, что при виде ворона впадет в истерику, но она лишь таращится из-под одеяла коровьим взглядом, полным восхищения.

– Крааб! – отзывается ворон с опаской.

– Знаю, брат, но что поделаешь?

– Трруп!

– Нет. Мы так не поступаем. Это плохо. Нехорошо. Плохая, непозитивная птица!

– Ты трруп! Крретин!

Я отбираю у него мешок. Ворон отскакивает, трепыхая крыльями, и садится на ближайшую скалу. Я вытаскиваю из мешка кусочек хлебца, пару полосок мяса. Беру порцию и подсовываю девочке.

Она дуется и отворачивается.

Ладно.

– Это еда, понимаешь? Хорошо. Корм, корм.

Она смотрит жалобными, влажными глазами и плотнее укутывается в плащ.

Я откусываю кусок мяса и бросаю ворону. Он крутит башкой и блестит гагатовым глазом то с одной, то с другой стороны. Потом проглатывает кусочек.

– Сырр!

– Похоже, головушка-то у тебя бо-бо, да? – говорю я, но отламываю ему кусочек вяленого козьего сыра.

Нахожу в мешке мою старую одежду. Кусочки плаща порезаны на килт и тунику, бросаю их девочке. Она чуть вжимается в угол скалы и больше ничего не делает.

Я прожевываю свой кусок: грязный, перед кострищем, с ножом в руке. Я задубел и замерз, а еще, думаю, никогда раньше не был таким грязным. Отрезаю у самых губ кусочки копченого мяса и хлеба, подаю их себе на клинке ножа.

Из-под плаща появляется худая ручонка, украдкой тянет к себе еду и исчезает.

Однако одежда не пробуждает в ней никаких разумных идей.

Оттого я поспешно заканчиваю завтрак, сам берусь за лохмотья. Сперва показываю ей. С одной стороны, с другой, надеваю и снимаю. Танцую так с минуту, чтобы показать, как мне тепло и удобно. Снова снимаю.

– Ты трруп! Дуррак! – комментирует птица со своего камня.

– Плохое, – вдруг заявляет девочка. – Хочу свой панцирь. Я краб! Ты – глупая падаль! Я таких пожираю!

Заканчивается это применением силы. Я – не странствующая психбольница и не дошкольница. В результате она одета и хлюпает, а у меня царапина на руке.

И никому тут не приходит в голову открывать против меня дело.

Я собираю вещи, прячу нож, подвешиваю меч и надеваю рюкзак, набрасываю плащ. Потом рутинные прыжки на месте, чтобы проверить, не звенит ли чего.

Смешно.

Волочась рядом с безумным ребенком войны, я могу звенеть как продавщица сковородок.

– Трраакт! – подгоняет Невермор.

– В селение Грюнальди, – говорю я. – Помнишь, где это?
– Вперед!
И мы идем вперед.
За вороном. И мне это кажется совершенно рациональным.

* * *

По крайней мере теперь я знаю, куда иду. Потому что иду за вороном. Девочка пассивно сопротивляется, волочется следом или вырывается и пытается куда-то сбежать.

Я пытаюсь с ней заговорить, спрашиваю ее имя, пою какие-то кретинские песенки.

Безрезультатно.

Время от времени ее охватывают приступы ярости, и тогда она бросается на меня, бьет двумя руками, куда попадет. Я заслоняюсь плечом и жду, пока она устанет. У нее уже нет серповидных стальных клинков. Есть только тонкие ручки худой, растущей девочки. Ворон в такие минуты присаживается на скалы или на ветки и смотрит на меня, склонив голову набок, и мне кажется, что в его гагатовых глазах я замечаю насмешку.

Так мы проходим еще пару километров, а когда мне начинает казаться, что я узнаю окрестности, перестаю придерживать девочку.

Ладно.

Не стану навязываться.

Как назло, тогда она начинает идти за мной. Держится в нескольких метрах позади, словно злая сельская собачка. Отступает, когда я оглядываюсь, а потом снова идет следом.

Ну и пусть. Если придет в лагерь – дам ей поесть. Если сбежит – не стану гнаться. У всего есть свои границы, у моего простецкого идеализма – в том числе.

С этого момента мы идем быстрее.

Ворон перестает мешкать, я иду с обычной скоростью, и девочка постепенно остается позади. Но мне кажется, что где-то там продолжают маячить худые ножки, торчащие из-под бурого килта, достающего ей до колен.

Грань, скалы, шумный поток, дождь разноцветных листьев. Шеренги деревьев в королевских цветах осени.

Окружающие меня горы кажутся ниже и не такими крутыми, в долинах начинают блестеть озера.

У первого же я сажусь на берегу и умываю лицо кристально-чистой водой.

Я тронут.

Земля Огня. Такое ощущение, словно вернулся домой.

И отчетливо чувствую растущий страх.

Потому что моя приемная родина в огне. Порой я прохожу мимо сожженных изб, от которых уцелели лишь иглы обугленных балок и закопченные фундаменты. И скорченные тела, связанные куском цепи. Тела людей, которых заставили танцевать в огне.

Я заглядываю в сожженные лица, пытаюсь узнать в обугленных масках знакомые черты, но вижу лишь ощеренные, спекшиеся набело зубы, и не знаю: это кто-то из моих или чужой. И все-таки подхожу с обмякшими коленями, бильярдным шаром в глотке.

Чувствую, что мы рядом.

Мы не останавливаемся пополнить припасы, я ем на ходу соленую полоску твердого сушеного мяса и запиваю водой. Невермор летит немного вперед, потом возвращается: догадываюсь, что он высматривает врагов.

Призываю его коротким свистом. Он подлетает, присаживается на скале, таращится, вертя головой, но я не понимаю: сделал он это по приказу или ему просто интересно.

– Если поблизости есть какое-то урочище, – говорю я тихо, – проводи меня туда. Не знаю, на что мы скоро напоремся, мне нужна сила. Мне нужна песня богов, понимаешь?

– Да-а!.. – каркает он и снова улетает.

Урочище находится в получасе ходьбы среди леса и скал. Окруженная с трех сторон трясиной полянка, оцетинившаяся меловыми скалами, острыми, как зубы, на которой торчат несколько безумно скрученных деревьев, и все они – усохшие. Как и трава, кусты и какие-то заросли. Все тут мертво.

Я концентрируюсь и активирую Цифраль.

* * *

Она выстрелила откуда-то из-за его головы, блестя переливающимися крылышками, и облетела поляну быстрым зигзагом, на миг зависая над кустами и скалами.

Драккайнен присел подле неглубокой, наполненной водой выемки, погрузил в нее ладонь. Вода была прозрачной, но коричневой, словно

слабый кофе.

– Чарры! – закаркал Невермор.

Разведчик приподнял ладонь и осмотрел ее со всех сторон.

– Ничего тут нет, – заявил разочарованно. – Не вижу сияния. Думаю, это не урочище. Выглядит симпатично, и ничего больше.

– Тут когда-то была сила, – сказала Цифраль. – Это видно по растениям, чувствуется в земле. Но сила исчезла. Вот так просто.

– Пррах! – заорал Невермор. – Нет чарр! Прризраки забррали! Пррочь! В Террн! К Змеям! Пррочь! Нет туман! Нет мгла!

– Ясно, – сказал Драккайнен. – Браво. Ты в жизни столько не болтал. Но я начинаю понимать. Это стратегическое сырье. Отсюда призраки, Пробужденные и прочие чудеса. Сукин сын стягивает их к себе. Делает запасы. Песни богов, где бы они ни были, встают на ноги и ползут к нему. По крайней мере те, о которых он знает. Эксплуатирует урочища, как это. Горе нам, господа и дамы.

– Я нашла остатки, – отрапортовала Цифраль. – Они в ягодах.

– В чем?!

– В ягодах, – повторила она. – Некоторые из тех кустов – ягоды. Кусты умерли, когда сила ушла, но ягоды высохли и пленили чары внутри. Присмотрись.

Вуко присел и сорвал сморщенный коричневый плод размером с изюмину.

– Они не токсичны?

– Не в нормальном смысле. Заражены заклятием, но тебе это и нужно. Если бы росли не в урочище, тебя разве что слегка прослабило бы. Но я бы их не ела. Неизвестно, как действуют. Лучше их использовать по-другому.

– Не верю, *piczku materinu*, – проворчал Драккайнен, присев среди высохших кустов с кружкой в руках. – Я собираю ягоды. Там мир пылает, а я, сука, собираю ягоды.

Со всей поляны удалось надергать с полкружки сморщенных ягод. Он встряхнул посудинкой и заметил бледный, как микроскопические иголки льда, отсвет, поднимающийся в морозном воздухе.

– Есть, – заявил. – По крайней мере, чуток.

Завернул ягодки в тряпку, дополнительно обвязал ремешком.

– Этого недостаточно, – сказала Цифраль. – Если мы доберемся до людей, тебе придется его герметично запаковать. Для них это хуже Эболы.

– Пока не во что, – ответил он. – Возвращаемся на дорогу.

Чуть дальше он начал распознавать окрестности. Перевал, где нашел

шапочку одного из похищенных детей. Большой луг, который они прошли тогда днем.

Шел мрачно, со стиснутыми зубами и какой-то притаившийся, не снимая ладонь с рукояти меча, все время держась края леса.

Дом Грюнальди Последнее Слово был совсем рядом.

Дом – или обугленный скелет строений. Умиротворенная гарь, с трупами, привязанными цепью к частоколу.

Невермор улетел на разведку и не возвращался. Драккайнен взобрался по склону почти до верха, а потом резко свернул под прикрытие леса и присел под деревьями. Снял рюкзак, расшнуровал ремни, начал копаться внутри. Потом охлопал карманы куртки, нашел трубку и сунул ее в зубы. Выковырял кисет, озабоченно помял пальцами печальные остатки табака. Цифраль повисла перед его лицом, глядя, как он тщательно достает щепотку за щепоткой, чтобы в конце вытряхнуть в трубку последние крохи со дна мешочка.

– Что ты делаешь? – спросила.

– Нет смысла экономить, – заявил он, выворачивая кисет. – Если там все в порядке, в багаже у меня еще две пачки. Мой «Принц Альберт» и какой-то еще, что мне сунули в капсулу. А если поселения нет, придется сражаться, чтобы пройти. В таком случае я должен отдохнуть.

– Вуко, это же ничего не изменит.

– Не морочь мне голову. Я плохо себя чувствую. Мне нехорошо, болит желудок, потеют ладони, я ослаблен, мышцы трясутся. Может, у меня грипп.

– Вуко... Ты боишься.

Он не ответил. Нашел огниво, ссыпал на кусочек коры гостку срезанных ножом стружек и сохлых комочков мха.

– Вуко... Достаточно просто выглянуть за край хребта. Ты сразу все узнаешь.

– Не мешай, – ответил он невнятно, раздувая жар. Победно поднял загоревшуюся щепотку и приблизил ее к трубке.

Потом сидел неподвижно и, выдыхая клубы ароматного дыма, смотрел на поросшие лесом склоны, затянутые осенним туманом.

Цифраль уселась на веточке и соблазнительно сплела ножки с миной нетерпения на мордашке.

Через какое-то время Драккайнен с непроницаемым выражением на лице достал из рюкзака кусок сыра, мяса и отломал половину плоского хлебца. Положил все это на листья, после чего вынул меч и взглянул вдоль клинка, прищулив один глаз. Из кармана подле ножа вынул оселок и

принялся методично править меч.

– Если ты будешь оставлять ей еду, она будет постоянно идти за тобой, – не выдержала Цифраль.

– Знаю, – проворчал он невыразительно, не вынимая трубку изо рта.

Проверил острие пальцем и спрятал меч. Нашел кусок ремня, взялся за кончики и одним движением обвязался им накрест, делая импровизированную перевязь. Цифраль молчала, когда он подвешивал нож под левую подмышку рукоятью вниз и крепил меч на спине. Молчала, когда развязал сапоги и завязал их снова, плотно стягивая шнурки на щиколотках.

– Рюкзак оставишь?

– Сковывает движения, – ответил он. – И не будет мне нужен. Так или иначе.

Выбил трубку, встал и несколько раз подпрыгнул на месте. Поправил нож, потом развязал ремешок на тряпочке с ягодами и поместил их все в карман.

Вдохнул через нос, выдохнул ртом.

– Вуко... Каждый боится. Это нормально.

– Я уже забыл, какое это ужасное препятствие, – ответил он. – Пойдем... Боже, как мне не хочется сегодня работать.

* * *

Десятка полтора метров до хребта взгорья он шел как автомат: сосредоточенный и взведенный. А потом вышел на грань и окинул долину быстрым взглядом.

Городок Грюнальди стоял за языком небольшого леска, крытые нетронутым гонтом крыши немного лоснились от мороси, из треугольных отверстий под стрехой сочился голубоватый дымок, дальше полированной сталью сверкало озеро. У причала колыхалась небольшая лодка.

Отремонтированные сараи светили заплатами свежего, еще не потемневшего дерева.

Ворота стояли отворенными, внутри крутилась пара человек. Несколько детишек загоняли внутрь стадо косматых четырехрогих коз, а на конце пристани сидел старик с удочкой и ловил рыбу.

Драккайнен встал как вкопанный и не произнес ни слова. Затем оперся о дерево, съехал по стволу на землю и сел.

– Вуко... – сказала Цифраль. – Все хорошо. Все в порядке. Сейчас ты

сойдешь вниз, поздороваяешься с другом, получишь пиво, найдешь своего коня...

– Заткнись, дура! Ты что, коза слепая? – пробормотал Драккайнен. – Это ведь Змеи. Змеи там живут. Посмотри, как они одеты, увидь татуировки. Это все Змеи. Уже нет Грюнальди. Уже нет Ядрана.

Он сидел так минутку, потом встал и двинулся вниз.

– Вуко, нет! – крикнула Цифраль. – Оставь, это бессмысленно!

Он не отвечал. Потянулся к карману, вытащил несколько ягодок и вбросил их в рот.

– Ладно... – сказала фея медленно. – Я этим займусь.

Глава 8

Горный путь

*Конь мой, брат мой!
Мы крови одной.
Конь мой, ветер мой,
В бою дикий и злой.*

*Сын трав, брат мой!
Мчишься, словно поток,
Одна цель и судьба
Вяжут нас в клубок!*

(...)

*Ты – сердце и гордость,
В гриве твоей скрыта тьма.
Ты – сокровище и песня,
И смерть воина.*

Фрагмент амитрайской «Песни Всадника»

Я оказался в седле впервые с того момента, как покинул пылающий Маранахар. И я впервые путешествовал, не переодевшись в кого-то другого. Наши амитрайские одежды, рубахи путника и вообще все, чем мы до той поры пользовались, лежало теперь на хребте выючного коня. Было их два – больших мрачных животных, которые могли выдерживать скорость других скакунов.

Мы не отличались от следопытов. На нас были такие же бурые одежды цвета земли и сухой травы, укрытые под бесформенными плащами из сетей, такие же мечи, широкие короткие ножи и точно такие же капюшоны на головах с полоской ткани, закрывавшей рот и нос.

Из лагеря людей Фитиля мы ушли галопом и гнали, сколько было сил, чтобы уехать как можно дальше и оттянуть ройхо от наших людей. Я оставил за собой след. Несколько раз обрызгал мочой кусты и камни, пару

раз соскочил с коня почти на полном скаку, чтобы отереться о пыль дороги.

Я поранил тыльную часть ладони и время от времени выдавливал на землю каплю крови, а потом бросил кусочек окровавленной тряпки, которой перематывал руку.

Мы могли лишь надеяться, что упырь отправится следом и оставит в покое остальных.

Гнали мы так поспешно, что не было времени поговорить. Брус не помнил ничего, что случилось с момента, когда нас ввели в крепость. Ни встречи с архиматроной, ни того, где он был и зачем. Не помнил ничего и с момента, как нас отравили водой онемения.

Узнал он лишь о существовании упыря и о том, что мы отправляемся в Нахильгил в сопровождении четырех следопытов из возникшей из ниоткуда кирененской армии. Все за несколько недолгих минут, пока мы спешно собирались в дорогу. Узнал он также, что его пытали и что от этого в голове все перемешалось, что его лечили экзорцизмами и кебирийскими иглами. Узнал он и то, что я нынче – Носитель Судьбы, а остатки нашего народа странствуют в поисках новой земли. Узнал все это сразу. Я бы ошалел или не поверил. Брус просто-напросто узнал. Выслушал молча, с непроницаемым лицом, отсалютовал кулаком Фитилю, поклонился Смотрящему-на-Создателя. Все, что он смог сказать: *«Агиру кано!»* Никаких вопросов – истинный солдат.

Теперь мы полагались на скорость. Некоторое время гнали так быстро, как только удавалось, чтобы за нами успевали выючные. Никогда ранее я не видел таких быстрых выючных животных. Были они уродливы, но адски выносливы. Наши кони тоже предназначались не для парада: низкие, жилистые и лохматые, но быстрые и, казалось, не знающие усталости.

Следопыты старались выбирать дорогу через каменистые пустоши, чтобы там было меньше пыли, но за нами все равно тянулось рыжее облако – на много шагов. В тот миг не было ничего важнее скорости. Мы гнали вперед, а холмы, на которых кирененцы разбили свой лагерь, еще вставали на горизонте. Горы, которые стали нашей целью, казались настолько же далекими и затуманенными, как в самом начале пути.

Я отвык от седла и быстро отбил себе зад, но в тот день не знал усталости, как и наши животные. Вокруг меня тянулись скалистые, пропыленные пустоши, изредка поросшие сухими кустами и кучками острой травы, но я везде видел Воду. Воду, дочь Ткачихи.

Она была невыносимой. Заносчивой и нахальной. Обо всем знала лучше остальных и постоянно обижалась. И все же я везде видел ее лицо. Куда бы ни поворачивался, на меня смотрели огромные ореховые глаза,

отовсюду слышал я ее голос.

Наше прощание было недолгим. Ненадолго дольше нескольких ударов сердца, когда мы сплелись в отчаянном поцелуе. Наши губы совершенно неожиданно соприкоснулись, я ощутил ее тело, она словно хотела вжаться в меня. А потом вдруг оттолкнула меня, замерла на миг, всматриваясь в мои глаза, дотронулась ладонью до моих губ и сказала: «Ох, езжай уже. Езжай и найди свою проклятую судьбу. Я узнаю об этом, когда мне удастся найти дом и кого-то, с кем я перейду через мосток. Буду знать тогда, что ты справился. А теперь – иди. У меня уйма работы в лазарете».

Оттого я гнал, как безумный, и оставлял за собой след. Это было словно гадание. Чувствовал, что если мне удастся оттянуть от нее упыря Мирах, если она получит шанс добраться до нового Киренена, то и у меня будет шанс сделать то, что мне предназначено. Она же верила в обратное: если повезет мне, то и она найдет дом. Мы были точно гаданием друг для друга. Это глупо, но в тяжелые времена люди умеют найти надежду и в глупейших предрассудках.

Поэтому я гнал вперед, глотая пыль, с чувством, что седло рвет меня напополам. У меня появилась в жизни цель. Я хотел, чтобы где-то среди пахнущих новым деревом клановых домов, среди скал и лесов, в стране, где чувствуется соленый запах моря, в стране, в существовании которой я даже не был уверен, одна девушка связала с кем-то ладони молитвенным шарфом, обменялась ножами и перешла через мосток, чтобы в павильоне влюбленных любить своего избранника при свете ламп, зажженных двумя лучинами. У меня появилась цель в жизни.

Настал час вола, когда один из следопытов поравнялся со мной и ухватил меня за плечо.

– Рысью! – крикнул глухим из-за повязки голосом. – Еще два часа рысью, потом отдых.

– Нет! Слишком близко! – крикнул я. Время текло для меня иначе, и мне казалось, будто мы едва выехали.

– Рысью мы доедем дальше, чем на мертвых конях, парень, – сказал он. – Они ведь – живые существа.

Тогда впервые кто-то заговорил.

Потом снова наступило молчание, фыркание лошадей, топот копыт и клубы пыли.

Позже один из следопытов выдвинулся вперед, остановился и поднял руку.

– Это значит «с коней», – пробормотал Брус, наклоняясь в мою сторону.

Проводник скрестил выпрямленные ладони перед своим лицом и махнул ими в стороны, будто что-то отрезая.

– «Расседлать, пастись», – объяснял Брус. – Они говорят только ради нас.

Мы расседлали лошадей и нарвали сухой травы, чтобы их вытереть, потом какое-то время нужно было их медленно водить, держа за узду. Продолжалось это довольно долго. Наконец мы смогли дать животным попить ипустили их со спутанными ногами.

Только после сумели напиться сами.

– Это короткий отдых, – отозвался сдавленным голосом командир. Казалось, он отвык разговаривать, словно его горло заржавело. – Мы не станем есть, лишь попьем отвара. Кто хочет отдохнуть, ложитесь в тени.

Два других следопыта обменялись быстрыми жестами рук, один захихикал. Брус точно так же, молча показал им поднятый большой палец, который прикрыл второй ладонью. Один из следопытов пожал плечами и ответил несколькими быстрыми жестами.

– Никаких споров! – рявкнул предводитель.

Между камнями горел миниатюрный костерок, в углях стояли металлические, накрепко закрытые тигли. Я сел на камне, глядя на запад. Холмы остались далеко, я не мог отличить их от других, режущих горизонт в разреженной солнцем мгле.

– Тохимон, – отозвался командир. Я подскочил. Даже не заметил, когда он встал за моей спиной. – Ройхо не движется днем. Растекается как туман и возвращается в землю. Но ночью он почувствует сильный след и двинется по нему. Он быстр, но перед ним – длинная дорога. А он пойдет по следу, это наверняка. Ничего не притягивает его так, как кровь того, кого он проклял.

Я лишь вздохнул.

– Надеюсь.

– Я Сноп, сын Плотника. Это – Крюк, сын Бондаря. Есть еще Бенкей Хебзагал и Н'Деле Алигенде.

– Амитрай и кебириец? Они на нашей стороне?

– Не все амитраи желают вернуться под ярмо Праматери. Бенкей любит все, что там запрещено, и предпочитает быть чужаком среди кирененцев, чем жить среди своих. А кебирийские наемники на все смотрят по-своему. Алигенде нанялся на службу до мятежа, в отряд, где было много кирененцев. Кебирийцы странные, непросто понять их язык и обычаи. Кажется, им ни до чего нет дела, как нам нет дела до того, что происходит по ту сторону Внутреннего моря. Но я еще не встречал людей,

настолько преданных чести и верных. Кебирийцы не предают. Никогда. Если он нанялся на службу в наш отряд, будет верен. Больше того, когда он нанимался, правил император. Поэтому Алигенде все еще может оставаться верен императору. Такие вещи, как перевороты и смена династий, к ним будто не относятся. Его дом где-то среди пущ и степей Кебира – и все.

Он хлопнул меня по плечу.

– Отдохни. Посиди в тени, выпей чашку отвара, а потом немного холодной воды. Оставь еще один след для нашего демона. Этот отдых будет короче, чем тебе покажется.

И снова мы ехали быстро, но уже не с той безумной скоростью, как раньше. Только под вечер добрались до ручья и там сделали все, что приказал Мрак.

– Ройхо не может пересечь текущую воду, – сказал он. – Но это не задержит его навсегда. Он поищет камни или мост и отправится дальше, потому что никогда не отступает. А значит, когда попадете к ручью, вы должны для него исчезнуть.

Мы сделали, что приказано. Сняли одежду и выкупались в ледяной воде, потом зажгли в мисочках камышинки с резким запахом и тщательно окурили тела, коней и все вьюки. Потом начертили на теле знаки святых формул и лишь потом перешли реку.

В этом месте брода не было. Река, хоть и не очень широкая, была быстрой и полной скал. Во многих местах вода могла покрыть человека верхом на лошади, да еще с поднятым копьём – и никто бы не увидел ничего, кроме наконечника, выступающего над волнами и водоворотами.

Но следопыты вели себя так, словно все шло нормально. Какое-то время я смотрел, что они делают, ничего не понимая. Один надувал специально выправленные кожаные мешки и обкладывал ими себя, второй прошелся вдоль берега, собирая посеревшие длинные палки, принесенные водой, еще один приготовил длинную веревку и обвязал себя в поясе, а позже без раздумий вошел в воду и поплыл.

Я смотрел, закусив губу, как его голова появляется среди пены и камней, а потом снова исчезает. Я был уверен, что он не имеет и шанса выжить. Стоящие на берегу следопыты спокойно отпускали веревку, пока человек, несомый течением, каким-то чудом не выбрался на другой берег и бегом возвратился к месту напротив нас.

В результате река была перегорожена веревкой, но я не понимал, как это нам поможет. Оказалось, что для следопытов переброшенная через поток веревка – вроде моста. Ее обвязали вокруг торчащих скал, а потом из

нескольких палок и надутых баклаг сделали плот, на котором на другой берег поплыл наш багаж. Ременная петля удерживала плот на веревке, а следопыт лежал навзничь, то и дело заливаемый вспененной водой, и двигался вдоль шнура сильными рывками рук. Он взял с собой еще один ремень, благодаря которому пустой плот вернулся на нашу сторону. Когда весь багаж был перевезен, пришла очередь животных. Вьючные кони, похоже, понимали, что произойдет, потому что шли боком и порывивали, но позволили привязать свою упряжь к транспортной веревке и вошли в воду.

– Вы переплывете за конями, – сказал Сноп, вручая мне скользкий, мокрый мешок – шкуру ягненка, надутую воздухом, с торчащими в четыре стороны света ножками.

– Мешок привязывается под животом и грудью, – объяснял. – Петля будет использоваться для главной веревки, поэтому ты не пойдешь на дно, даже если мешок проколется. Просто держись за конский хвост и дыши. Даже ребенок бы справился.

Тогда я понял, что в его глазах – я уже не ребенок. Едва я ухватился за конский хвост, как животное потянуло меня в ледяную воду. Та была ужасно холодной, казалось, что она обжигает. Мешок колыхался и мотался подо мной, словно живое существо, которое любой ценой желает освободиться. Яростно ревушая вода заливала уши и глаза, вливалась в нос и рот, когда я пытался дышать, то захлебывался пеной. Мешок чуть передвинулся, и я вдруг оказался в ледяной, прошитой сиянием солнца бездне, среди множества пузырьков, слыша бульканье и странно резкое постукивание копыт плывущего коня, когда тот время от времени чиркал о верхушки камней.

Мои легкие горели в агонии, но глаза смотрели на странный, скрытый мир, который казался невероятно красивым.

Мне удалось перевернуться и всплыть, но я не набрал воздуха, а лишь захлебнулся кашлем, потом снова очутился в изумрудном свете реки, а мой собственный крик звучал как стон морского чудовища.

Я не выпустил конский хвост из рук даже когда тонул.

С чувством сожаления, что умираю так глупо, в реке, а вместе со мной умирают все кирененцы, и Вода не перейдет теперь через свой мост.

Смерть была бесконечным мигом болезненной, мокрой темноты.

А потом я снова жил, переброшенный через колено одного из следопытов, выbleывая из себя и выкашливая целые ведра воды.

– Если хотел пить, нужно было просто сказать, – вежливо заметил Сноп. – Нет смысла выпивать всю реку.

Я хотел проворчать что-то в ответ, но не мог перехватить дыхания.

Кое-как попытался встать на ноги, но был настолько изможденным и замерзшим, что сумел лишь бессильно сесть. Последний из следопытов, ждавший на том берегу, отвязал веревку, препоясался нею, а потом вошел в воду и позволил перетянуть себя на другую сторону.

С момента, как мы встали над берегом каменистой, ревущей реки без моста и брода, до того мига как снова оседлали лошадей, свеча сгорела бы не больше чем на палец.

Но прежде чем двинуться дальше, мы прошли через уже знакомый мне ритуал. Окурили тела, с ног до головы украсили себя знаками святых формул и только затем надели буро-коричневые, свободные одежды следопытов, обшитые кусочками сетей и украшенные бурыми и серыми тряпицами.

Потом снова начался марш. Солнце закатывалось, а мы ехали каменистыми тропами меж скал, отбрасывающих длинные тени, меж странных, словно небрежно насыпанных гор, что вставали вокруг и почти обнимали нас.

Я полагал, что мы станем идти всю ночь, но один из следопытов нашел укромное место в изломе скал, где мы расседлали лошадей.

– Встанем на постой, – заявил Сноп. – Прежде всего, из-за ройхо, но и потому, что здесь нет людей. Небольшой огонь должен гореть до самого рассвета. Первая стража – Бенкей, вторая – я, третья – Н’Деде, четвертая – Крюк. Подожгите зелья. Мы снова должны окурить себя.

Сумерки опустились быстро, наполненные таинственными шорохами, тенями и звуками ночных птиц.

Вокруг лагеря Крюк растянул веревку и повесил на ней молитвенные флажки, которые мы получили от Мрака.

Лишь когда мы сели вокруг небольшого костерка, следопыты откинули капюшоны, растирая пропотевшие, красные лица.

Один из них, должно быть амитрай Бенкей, расшнуровал мешок и выдал каждому по две полоски сушеного мяса, кусочек сыра и четверть буханки хлеба. Баклага разведенного пальмового вина пошла по рукам, а в углях булькали тигли с отваром. Все происходило в полной тишине.

Никогда ранее я не боялся ночной темноты. Может, лишь когда был ребенком. А нынче чувствовал себя так, словно мне опять несколько лет. Но боялся я не рассказов об упырях. На этот раз я просто знал, что может скрываться во тьме. Знал, что там притаился настоящий упырь, и сомневался, что его смогут задержать наши покрытые знаками желтые и красные флажки или запах благовоний.

Сноп не назначил стражи ни мне, ни Брусу, но я полагал, не сумею сомкнуть глаз. Я ошибался. Сразу после скромного ужина кебириец вытащил из своего багажа небольшой барабанчик и, держа его на коленях, принялся легонько выбивать ритм, выводя себе под носом монотонный распев. Это была очень тихая песня, думаю, что и за пару шагов ее было бы не услышать; никто не отличил бы ее, стоя за скалами, от звуков, издаваемых ночными птицами.

– Это молитва к его надаку, – прошептал Крюк. – Отгоняет упыря. Ройхо – одна из немногих вещей в мире, которых мы боимся. Каждый из нас убил слишком много людей.

Я вытянулся, укутанный одеялом, пытаюсь распрямить ноющие ноги, а потом засмотрелся на крохотные язычки пламени. Хватило нескольких ударов барабана, а рдяное пятно света начало двоиться у меня в глазах, и я неожиданно заснул, словно потонув в черной реке.

Это был беспокойный сон, полный кошмаров, крови и страха. Я видел чудовище, которое другие называли ройхо, но я знал, что ее зовут Мирах и что некогда я ее обнимал. Что хуже, за ее сине-белым телом я видел другие фигуры. Их покрытые брызгами крови, бледные, как бумага, синеватые лица, рты – будто кровавые дыры и глаза, наполненные загустевшей кровью. Они стояли плечом к плечу с упырем на границе света костра. Парень, которому я играл на флейте. Двое стражников, которые сторожили обоз. Следопыт, которого я знал, как Гульдея, но которого звали Колос, сын Гончара. Он улыбнулся разорванным ртом и протянул мне окровавленную ладонь, в которой держал пучок водяной капусты и рыбину. Ладонь, на которой не хватало пары пальцев.

Те, кто погиб, поскольку встали между мной и рожденным урочищем, жаждущим мести упырем. А из-за спины их начали выходить другие, кого я убил, и я не мог шевельнуться, зная, что через миг появится Вода, дочь Ткачихи. Я видел ее невысокую, склоненную фигуру. Не видел лица. А потом она медленно подняла голову, и когда лунный свет упал на ее щеку, я проснулся с приглушенным криком.

Вокруг царили тишина и темнота. Костер погас, были видны лишь контуры скал и колючего кустарника. Я не мог разглядеть никого из спящих. Неподвижные, завернутые в одеяла, в своих свободных одеждах, обшитых истрепанными ленточками, они напоминали кучки камней и песка.

Сон не напоминал тот, что я видел прошлой ночью, когда смотрел глазами упыря, хотя и не понимал, чем отличается нынешний. Я чувствовал, что мне снился обычный кошмар, хотя ночные страхи

заставили меня пропотеть, и еще я был почти уверен, что Вода мертва. В тот миг я почти желал увидеть призрак Мирах, чтобы быть уверенным: она отправилась за нами. Но хотя я таращился изо всех сил, видел лишь ночь, скалы и песок.

В конце концов я высмотрел Бруса, который, словно почувствовав мой взгляд, открыл глаза и испытующе на меня посмотрел. Когда он повернулся на бок под одеялом, я увидел, что в руке он все время сжимает нож. Брус спрятал его под узелком, который держал под головой, подмигнув мне со значением.

Снова я проснулся, когда один из стражников сменил другого, хотя произошло это без малейшего звука. Один следопыт отбросил одеяло и встал, а потом бесшумно растворился меж скалами, а второй завернулся в одеяло и превратился в неподвижный холмик. В темноте раздался сумрачный голос охотящейся ночной птицы.

Только под утро я увидел мир глазами ройхо. Сон был другим, чем предыдущие. Я снова видел ночь, залитую странным рыжим светом. Слышал ужасный крик, видел, как тварь беспомощно мечется по берегу реки, которая для нее казалась вертящимися косами несущейся колесницы либо ревущей стеной огня. Я видел, как тварь рвет зубами тряпочку с толикой моей крови, пытаясь слизать хоть капельку ее, засохшей, а потом пускается бегом вдоль берега. Огромный, как телок, скальный волк, который без труда повалил бы и разорвал коня вместе со всадником, пил воду из ручья. Он завыл при виде упыря Мирах и кинулся наутек с поджатым хвостом, но та легко его догнала, как скакун догоняет козу. Я услышал полный ярости крик, мелькнули изогнутые когти, и волк издал короткий, испуганный скулеж, после чего был разорван в клочья. Ройхо лишь присела, удерживая его бьющееся тело, чтобы потянуться треугольными зубами к шее, а потом вновь помчалась дальше.

А я проснулся с облегчением, потому что видел истину: упырь побежал по нашему следу.

Проснувшись, я увидел, что кебириец танцует на фоне пылающего восхода солнца.

Следующие дни были монотонными, но некоторым образом спокойными. До этого мы с Брусом были предоставлены сами себе. Нам приходилось стоять на страже, натянутыми, будто тетива лука. Теперь же мы могли положиться на наших молчаливых следопытов. Это они заботились, куда идти, что есть и где укрываться. Мы шли через невысокие скалистые горы, через местность пустынную и совершенно безлюдную. Был лишь галоп в клубах пыли или марш среди камней рядом с лошадьми,

а из живых существ мы видели разве что хищных птиц, змей и шакалов.

Сам путь оказался изнурительным, но мне все равно казалось, что я отдыхаю. Со времени, как перешли реку, мы носили на теле охранные формулы, на каждом постое окуривали себя дымом тростника и отправляли ритуалы, которые должны были сделать нас невидимками для упырьих чувств ройхо. Я полагал, что мы оставили Мирах далеко позади, хоть и не имел иллюзий, что река задержит ее навсегда. Но пока я полагал, что нам везет, поскольку меня перестали преследовать кошмары, не приходилось всякую ночь смотреть на кровавый мир ее глазами.

Мы ехали, проводя в седлах долгие часы. Мне не мешала тишина, да и отбитая задница перестала со временем докучать.

Следопыты учили меня, как быть невидимым. Как скрываться среди скал и камней, используя бесформенную бурую одежду и оставаясь в полной неподвижности. Как перемещаться беззвучно и незаметно, словно дыхание ветерка. Утверждали, что рядом с хорошо скрытым следопытом может пройти, не заметив ничего подозрительного, и армейский отряд. Когда они это делали, все казалось чрезвычайно простым, но пару раз мне приказывали укрыться в сотне шагов от них, и хотя я внимательнейшим образом повторял их указания, они сразу меня находили. Я покрывал кожу глиной, валялся в пыли, вплетал в сеть стебли травы и ветки так, как мне показывали, но не становился от этого невидимым. Меня выдавал то кусок обнаженной кожи, то блеск оковки, неестественное положение тела, которое в моем исполнении ни за что не желало изображать кучку камней или песчаный пригорок. Они смеялись и обкидывали меня камнями, хотя я напрягал все свои сноровку и разум, выискивая все более удобные укрытия.

На моих глазах Бенкей растворился в скале, едва отойдя на расстояние пары конских корпусов, хотя я не сводил с него глаз. Просто растворился в воздухе. Только когда я подошел на несколько шагов, сумел рассмотреть его фигуру среди сухих стеблей и скальных обломков. Не зная я точно, где он исчез, мне бы никогда это не удалось.

Окружавшие нас горы выглядели так, словно они рассыпались от старости, а по мере нашего марша становились все ниже. Растений на них было немного, все сухие и покрытые колючками, подходящими к негостеприимному пейзажу настолько, что я даже начал задумываться, живут ли в этих диких местах люди, а если живут, не выглядят ли подобно этим растениям.

Мы миновали покинутые селения, настолько же мрачные, как и все вокруг. Дома были выстроены здесь из камня, круглыми, словно ульи, и лишенными окон. Рядом с селениями оставались небольшие распаханые

поля, тоже окруженные стенами из поставленных друг на друга камней. Посередине селений вставала кривая, не слишком высокая башня, но это не было место культа Праматери. Брус сказал, что это защитные амбары. В этих пустошах не существовало ничего более ценного, чем пища, а потому ее хранили в подобных башнях. Пастухи часто испытывали голод и тогда нападали на соседние селения в надежде захватить немного пищи. Тогда обороняющиеся прятались в башни и яростно сражались за свои припасы. Но те селения, которые мы миновали, стояли пустыми. Были это места настолько мрачные и бесплодные, что один взгляд на них вызывал отчаяние. Я пытался представить себе, каково родиться здесь, среди хмурых гор, в темном доме, представляющем собой кучу сложенных друг на друга камней, – и ничего кроме камней, грязи и скал не зная. Даже думать о таком было больно. Но мне пришло в голову, что я сам бы ушел отсюда, едва научившись ходить. Куда угодно. Все лучше, чем эта мрачная земля.

Засуха, наведенная Нагель Ифрией на Внутренний Круг, здесь омыла склоны паводками и лавинами грязи, поэтому горцы либо померли с голоду, либо сбежали.

Потом нам стали попадаться на глаза люди. Немногочисленные пастухи, стерегущие стада странно выглядящих худых ковец, что паслись на траве, скупо растущей на камнях, или жевали высохшие побеги колючего кустарника. Несколько раз мы проносились между скалами, скрытые от их взоров, а потом вернулись к доброму обычаю беглецов и следопытов и стали путешествовать ночами. Бесшумные как тени, мы миновали погруженные во тьму каменные селения, и лишь псы лаяли в нашу сторону.

Позже нам пришлось пойти трактом. Кривым и каменистым, как все здесь, но это был единственный возможный путь.

– Не нравится мне это, – заявил Брус во время поста. – Где дорога – там пост. Раньше или позже. Даже в таком захопье. А через пост проще всего прокрадываться пешком и вдвоем, а не переться вшестером на лошадях, с выючными животными.

– Другой дороги в Нахильгил нет, – ответил Сноп. – Так уж оно с горами. Порой здесь просто нельзя что-то обойти или миновать. Пропasti, обрывы и скальные стенки. Мы справимся. Можем пройти, как амитрайский отряд, мы умеем незаметно проходить даже сквозь блокаду на тракте. Можем пройти переодевшись, подкупить стражников или поубивать их. Есть разные способы. Но дело в том, сын Полынника, что ты привык полагаться лишь на себя. Я бы чувствовал себя лучше, решишь ты на толику

доверия. Мы знаем, что делаем. Мы – следопыты. И нас шестеро. Для этих пустошей – целая армия. Если несколько солдат исчезнут в этих горах без следа, никто не станет плакать.

– Когда-то я сам был загонщиком, – проворчал Брус. – Провел немало времени в землях врагов и в тылу их войск, и я знаю, что можно сделать, а что – нет.

Но иного способа, кроме как идти трактом, не было. Дорога вела между пустошами и стенами ущелий, потом – руслом мелкого, ошестинившегося камнями потока. Идя ночами, мы не встречали никого, порой перед нами разбегались дикие козы, однажды мы видели трех огромных скальных волков – к счастью, на другом берегу реки.

А однажды ночью оказалось, что дорога идет прямо центром селения. По сторонам вставали неприступные склоны, дорогу пересекала стена из камня, за которой виднелись абрисы хмурых каменных домов и торчащая над ними башня амбара. Въезд закрывали ворота из кривых затесанных жердей, закрытых на цепь. Сквозь темные двери домов порой взблескивал огонь очага, когда ветер шевелил шкуры, висевшие вместо дверей. Но большая часть домов была наглухо затворена, только собаки выли и лаяли, а еще было слышно бляенье ковец в загонах.

Брус чуть слышно выругался, хотя и с явственной злостью.

– Мы пройдем, – тихо сказал Сноп. – Это немного рискованно, хотя не слишком. Но решать Филару, сыну Копейщика. Он – Носитель Судьбы. Мы не выбираем путь. Только следим, чтобы по нему удалось пройти. Нахильгил впереди. В двух днях марша. Я не знаю другой дороги, только трактом, потому что вокруг стоят горы. Решайся, тохимон.

– Как ты думаешь пройти? – спросил я.

– Посты, которые выставляют в таких дырах, служат для устрашения путников, и чтобы селяне понимали: пусть они живут на краю мира, власть о них помнит. Сила поста – это сила властителя. Пост представляет его, но сам силой не обладает. Это два или три стражника, которые корчат грозные рожи, смотрят паспорта и тыкают в дурру копьями. Порой щупают девиц, чтобы проверить, не проносят ли те под юбками запретное. Но сейчас ночь. А ночью это просто двое спящих солдат-пехотинцев, одиночек в чужой земле и в пустошах, где им никто не поможет.

Брус покачал головой.

– Брус?

– След – это след. Раньше или позже кто-то узнает, что мы туда поехали. Полагаю, стражников нужно перебить.

– Сделаем так, если они выйдут, – заявил Сноп. – Надеть капюшоны,

мечи в руки. Н'Деде и Бенкей – приготовить луки.

Капюшон на куртке следопыта имеет на лбу ленту, которую следует обвязать вокруг головы. Потом нужно отстегнуть кусок материи, чтобы закрыть им нос и рот. А после можно опустить на лицо завесу из густого муслина, но ночью этого лучше не делать: так мало что видно.

Когда мы подъехали к воротам, мечи были у нас в руках, а лица закрыты. Кебириец и амитрай взяли луки и придерживали пальцами уже наложенную стрелу. Лук свисал в одной руке, в то время как вторая оставалась свободной. Я знал, что достаточно будет одного быстрого движения, чтобы стрела ударила, куда они захотят.

Сноп махнул рукой, Крюк взобрался в седло, ухватился за остро обтесанный кол ворот – скорее даже, кривой загородки – и перескочил через нее, исчезнув в темноте. Я даже не услышал, как он приземляется по ту сторону. Перескочил ворота, словно кот.

Через какой-то миг цепь легонько зазвенела – и снова тишина.

Мы ждали, а село стояло во сне, будто ночь поглотила все живое.

Цепь застучала, выскользнула между бревнами, словно превратясь в змею, а потом ворота со скрипом отворились.

Совсем рядом с ними стоял небольшой домик, сложенный, как и все вокруг, из камня, но, похоже, построили его недавно, к тому же он имел узкое окно, а окна горцы почти никогда не делали в своих жилищах.

В окне мы увидели свет лампы, но едва въехали в ворота, кто-то задул пламя и тут же закрыл окно изнутри деревянными ставнями. Я услышал, как он старается тихонько опустить запоры.

Крюк подошел к домику и постучал в доски рукоятью палаша.

– Спать! – крикнул по-амитрайски.

Внутри что-то коротко зашелестело.

Мы ехали через село в глубокой бархатной тишине и темноте. Лишь копыта постукивали о камни. Сноп ехал впереди, Бенкей и Н'Деде – сбоку и чуть позади, с луками в руках, удобно уперев их в седла и внимательно осматривая крыши и темные провалы между каменными домами. Крюк и Брус ехали еще дальше по бокам, в конце – я, то и дело оглядываясь и крутясь вместе с конем. Я был напряжен, словно струна, мое сердце колотилось, а рукоять палаша следопыта стала скользкой от пота.

В темноте порой слышался легкий шелест, где-то стукнула деревянная дверь, что-то заскрипело. Во мраке разлаялась собака, но сразу испуганно закулила и замолчала. Снова лишь топот копыт наших коней. Еще немного – и мы проедем сквозь село, которое делало вид, что нас нет.

До ворот оставалось несколько десятков шагов, когда я увидел свет.

Пятно света, огонь факела, трепещущий у ворот. Я знал, что это. Отряд воинов, стоящих поперек тракта, а второй такой же наверняка стоит у въезда в село, отрезая нам дорогу. Десять всадников-загонщиков с каждой стороны, все с луками в руках. Ловушка, куда мы угодили, словно дураки. Влезли, потому что так хотел Сноп, сын Плотника, а я позволил.

В голове моей пронеслось, что мы должны разъехаться между домами, разве что факелы загорятся и там. Никто не знал, что мы едем этим путем. Никто, кроме Снопа, сына Плотника.

И тогда я увидел, что факел держит всего один человек. Девушка, одетая в узкое платье с красными и золотыми полосами, со лбом, перевязанным рябой повязкой, с которой свисали ленты и блестевшие в свете огня побрякушки.

Девушка дрожала от холода или страха, факел затрясся в ее руке, когда мы подъехали ближе. Она опустила горящий конец, осветив стоявшую у ее стоп миску, в которой что-то лоснилось. Потом факел передвинулся с гудением пламени, сыпля искрами, и осветил лежащий под татуированными в мелкие узоры ногами бурдюк. Девушка отступила и сунула факел в металлический держатель на стене.

Мы смотрели на это молча, а я – и вовсе чуть не в себе. Еще миг назад я был сталью и камнем, теперь ко мне возвращалась жизнь. Меня интересовало лишь то, чтобы не свалиться на землю, наштигованным стрелами загонщиков.

Сноп рявкнул что-то по-амитрайски своим скрипучим голосом – что-то, что прозвучало как «дань!».

Крюк соскочил с седла, подошел к девушке, а потом потянулся к бурдюку на земле. Открыл его, понюхал, чуть приподняв повязку, а потом вручил ей и сделал приглашающий жест. Та схватилась за горлышко трясущимися руками и немного отпила. Крюк дернул нетерпеливо мешок, девушка подавилась, но сделала несколько больших глотков. Теперь бурдюк взял следопыт и отпил, прополоскал рот и выплюнул, кривясь, на камни. Подождал немного, кивнул и вручил бурдюк Снопу.

Я смотрел, не понимая, с ощущением, что передо мной разыгрывается какое-то представление.

Сноп соскочил на землю с бурдюком в руках, а Крюк снова прыгнул на коня. Я смотрел, как наш предводитель подходит к миске и равнодушно шарит между постукивающими там предметами, которые выглядели горстью блестящих камешков либо битым стеклом. Вынул пробку и глотнул немного вина, затем взял факел и осветил девушку.

Она подняла дрожащие ладони к медным застежкам платья, но не

могла с ними совладать. Сноп потянулся за своим коротким ножом и разрезал ей платье, потом схватил за плечо и легонько толкнул в направлении чего-то, напоминавшего хлев.

Кривая дверь затворилась за ними со скрипом, а мы ждали, сидя в седлах и не перемолвившись и словом. Из хлева донеслись стоны и вздохи девушки, это продолжалось какое-то время, потом установилась тишина.

Я кашлянул в смущенье и уставился на голову своего коня, который застриг ушами и вопросительно фыркнул. Я услышал сдавленный вскрик, который перешел в пугающий, короткий вопль, который не издало бы человеческое горло.

Я помертвел и в один миг понял, что следопыты – люди, которые, находясь в своей стихии, становятся совершенно безнаказанными. Как лютые волки. Она не сумела его удовлетворить? А может, у следопыта просто был такой каприз? Может, он просто любил убивать?

Но они же кирененцы. Их приставили ко мне, они в каком-то смысле были моими людьми, а потому я почувствовал себя преданным. Измазанным. Словно бессмысленное преступление Снопа обрызгало меня.

Отворилась дверь. Сноп вышел, вытирая клинок меча пучком соломы, потом бросил кому-то бурдюк и присел у миски с драгоценностями. Мне хотелось зарубить его на месте, пока он сидит со свешенной головой, а на меня никто не смотрит. Потом – погоню к воротам и дальше, в Нахильгил.

Я сжал руку на рукояти меча, но из хлева вышла девушка. Целая и невредимая, пыталась привести в порядок распоротое спереди и измазанное в навозе и грязи свадебное платье.

Сноп высыпал камни в мешочек, после чего, выбрав две драгоценности, кинул их девушке и снова исчез в хлеву. Когда он вернулся, неся окровавленного мертвого ягненка, и приторочил его к седлу, я почувствовал себя дураком.

Девушка осталась позади, а мы отправились ко вторым открытым воротам. Рядом находилась точно такая же будка стражников, как на въезде, но темная, запертая изнутри и мертвая, словно там никто не обитал. Когда мы выехали на тракт, ворота бесшумно затворились за нами, мы слышали звон цепи.

Проехали.

Я молчал до самого рассвета, когда мы нашли закрытое место и остановились на отдых. Чувствовал я себя глупо.

– Там в кишлаке... – я сглотнул. – Я думал, ты убил девушку. Что случилось?

– Сквозь село проехал отряд горных разбойников, – пояснил он. – Не в

первый и не в последний раз. Драгоценности, вино и девушка – затем, чтобы они оставили село в покое.

– А зачем ты зарезал ягненка?

– Он вел себя, как разбойник, – фыркнул Брус. – Просто должен был что-то украсть. Если бы не было ягнят, он отлил бы на улице или разбил чьи-то горшки.

– Лучше зарезать ягненка, чем девушку. Мое *го-ханми* уже не в лучшем состоянии, и мне, сказать честно, все едино. Но дело в том, чтобы не одичать от войны. И все же – благодарю за доверие, тохимон.

– Прости, – сказал я сухо. – Я не знаю тебя, а видеть приходилось всякое. И оно выглядело...

– И что бы ты сделал? Ехал бы дальше в сопровождении безумца?

– Не знаю, я уже привык, что война – триумф необходимости. Хотя тут никакой необходимости не было.

– Ты ошибаешься. Не было необходимости убивать девушку, но была сделать что-то разбойничье. Твой спутник надо мной смеется, но он прав. Впрочем, я не заметил, чтобы вы презрели это мясо.

Горы кончились, превратились в невысокие холмы и одинокие скалы. Мы съехали с дороги и отправились напрямик пустошами, а через пару дней увидели вдали постройки, словно гору покрывала мелкая сыпь. Вставал рассвет.

– Нахильгил, – заявил Сноп. – Теперь будет интересно.

– Ты о чем? – спросил я.

– Сюда мы должны были добраться. Ты встретишь тут свое предназначение?

Я пожал плечами. Сам не знал, что будет дальше. Искренне говоря, я уже настолько привык к дороге, что не представлял себе, что можно просто куда-то пойти.

– Нахильгил – лишь этап, – ответил я. – Мы должны тут кое-кого встретить, а потом двинуться дальше. В Нахель Зим. За Эрг Конца Мира.

Где-то позади раздраженно фыркнул Брус.

Далеко впереди по шляху тянулась группка людей, отсюда – крохотных, словно мураши, несколько ближе какой-то ребенок в свободной рубашонке погонял мекающих ковец.

– Спрячемся, – проворчал Сноп. – Движение тут, как на Праздник Воздушных Змеев.

Мы спешили и вошли между высохшими кустами и скалами. Далекий городок пропал из глаз.

Остановились мы на заброшенной ферме, стоящей в зарослях сухого

кустарника. Несколько вылепленных из глины хат с запавшими соломенными крышами, стоящих в четырехугольнике вокруг колодца.

Мы глядели на притаившиеся между скалами дома, но среди кустов и странных, похожих на пучки перистых листьев деревьев ничего не двигалось.

Сноп тихонько прищелкнул языком, после чего сделал несколько быстрых жестов. Бенкей и Крюк сняли со спин луки, на животах соскользнули по песчаному склону, бесшумные, словно змеи.

Там, где они исчезли, еще некоторое время колыхались стебли, а потом уже было ничего не видно и не слышно.

Ожидание длилось недолго, но дергало нервы. Вместе с солнцем поднималась жара, откуда-то появились большие лоснящиеся мухи. Я старался лежать неподвижно, как остальные, но проклятые насекомые лезли в рот и глаза. Медленно, как учили, я потянулся к отверстию капюшона, расстегнул муслин и опустил его на лицо. Следопыты были почти невидны, хотя находились всего в паре шагов от меня. Н'Деле полусидел, словно вросший в острые как клинки, узкие листья, и горизонтально держал перед собой лук, уперев рукоятью в колено: совершенно неподвижный, будто мертвый, всматриваясь в дома и не обращая внимания на мух, которые ползали по его губам и медного цвета щекам. Даже наконечник его стрелы, направленный в хозяйство внизу, был чернен сажей, чтобы не блеснул в утреннем свете.

Крюк совершенно спокойно появился посреди двора с мечом, спрятанным в ножны, выпрямил руку и провел ею перед собой, будто огладив невидимую доску.

Кусты и кучки травы вокруг меня ожили, превращаясь в следопытов. Кебириец согнал мух с лица и снял с тетивы стрелу. Сноп тихонько свистнул лошадям, которые поднялись с пыли, а потом взял двух из них за удила. Кто-то потянулся так, что захрустело в костях.

– Этот знак означает «все спокойно», – проворчал мне Брус. – Так говорят, когда где-нибудь совершенно пусто, а еще когда всех уже убили. Так или иначе, там царит покой.

Я встал и повел вниз выючных коней.

Некогда двор был спокойным и уютным местом. Дома тут были небольшими, но прикрыты кустами, на которых висели плоды, затеняя все зонтиками листьев. В небольшой ограде блеяли ковцы, а посреди двора стоял накрытый специальной крышкой колодец. Сейчас растения в большинстве своем усохли, плоды превратились в пустые скорлупки, крошившиеся в руках, а в глубоком колодце оставался лишь песок – и

никто здесь не жил.

Только когда я провел животных на подворье, покрытое ссохшейся в камень глиной, понял, в чем проблема.

Старик сидел неподалеку от входа на удобной лавочке, под камышовой крышей, по которой еще недавно вились лозы. Глаза старика исчезли, кожа сморщилась и высохла наподобие желтоватого пергамента, обнажая удивительно длинные зубы. Рот его был приоткрыт, и его заполнял камень. Слишком большой, чтобы его можно было нормально туда запихнуть, не сломав зубы.

– Слишком хорошее место, – заявил Крюк, увидев мой неподвижный взгляд. – Наверняка считается проклятым. Как видно, побывал здесь один из Деющих.

Он подождал минутку под моим вопросительным взглядом, потом ухмыльнулся.

– Нужно смотреть вокруг, – пояснил. – Не останавливай взгляд на одной вещи, что может показаться тебе важной или страшной – просто смотри на все сразу.

– Не хвастайся, – сказал Брус. – На стене есть надпись. Слабая, но можно прочитать, если присмотреться.

И правда. Я увидел небрежно намалеванный знак Подземного Лона и корявые знаки, размазанные и кривые, словно их писал пьяный.

«Торговля – се жадность. Вода – не моя. Вода принадлежит Матери. Мать кормит свайх детей. Пусть всьо стаент эдним».

– Ну, все понятно, – заявил Крюк. – Был себе мелкий купчишка. Эти места живут с караванов и ничем больше не кормятся, потому что здесь и растет немного. Он построил себе небольшой дом, в нескольких часах пешего хода от города, где все дорого и шумно и где крутятся странные типчики. Может, была у него красивая дочь, как знать. Выкопал себе колодец, а в этих местах это искусство. И этого хватило. Колодец, хороший дом, немного богатств. Мать за такое не хвалит. Все дети суть едины. Не может быть так, что кто-то выкопает себе колодец, а у другого его нет. Да и что ему было делать? Взять колодец под мышку и отнести в город? Вот воду у него и забрали. Методом Деющих. А может, колодец сам пересох.

Я молчал.

– Это называется «кара гвоздями», – добавил он через миг. – В человека вбиваются большие гвозди, но так, чтобы он умер не быстро. Обычно молотом, как в бревно. Только часто такое делают на площади, чтобы все смотрели. В таком случае еще приказывают писать истины Праматери собственной кровью. Потом сажают его и вколачивают гвоздь

прямо в череп. – Он постучал себя пальцем в темечко. – Полагаю, сделали это еще до переворота. Для устрашения. Поэтому он успел так высохнуть. И здесь был Деющий. Этот камень – проклятие. Говорят, он растет во рту у того, кто противится закону Подземной. Я слышал, что хороший Деющий умеет проделать такой фокус на расстоянии, если знает чье-то имя.

– Была сушь, – сказал неожиданно Брус. – В отчаянии люди делают всякое. Может, он отгонял тех, кто лишь пришел напиться? Может, он и правда был жаден? Кто знает, что тут случилось на самом деле?

Я не ответил, глядя на него. С некоторого времени Брус позволял себе такие замечания. На постое или в дороге. Внезапно, вдруг – выдавал нечто, что было достойно фанатичного амитрая, или отодвигал мясо и пиво. А порой просто искал оправданий для последователей Праматери. К следопытам тогда относился свысока. Потом это проходило, и Брус снова становился Брусом. Я не знал, просыпается в нем проклятый жрец Чекедей или это лишь моя подозрительность.

– Животных в сарай, багаж внутрь, Крюк – первая стража, – приказал командир. – Входим внутрь. Даже если это место покинуто, оно и дальше должно выглядеть точно так же. И пришло время нам поговорить, сын Копейщика. Тохимон.

Внутри было мрачно и холодно, лишь через дыру в потолке врывалось немного света. Низкий стол посередине и лавки вдоль стен были сделаны, как и само здание: из высохшей в камень глины, смешанной с соломой.

Н'Деде развел в очаге небольшой огонь, вынул из мешка орехи и тигель. Бенкей заслонил вход попоной и зажег небольшую лампу.

Мы сели за низким столом, за которым несчастный торговец сиживал некогда со своей семьей вокруг миски хишмиша с кашей.

– Вопрос таков: что дальше? – услышал я хриплый голос Снопа. – Мы дошли. До Нахильгила осталась пара часов марша. Я должен знать: что дальше, как действовать. Мы должны вот так просто войти в город? Зачем?

– Дальше, – отозвался Брус, – будет так: вы провели нас, как и приказал кай тохимон беглецов, Фитиль, сын Кузнеца. За это вам – честь и хвала. Теперь вы возвращаетесь к остальным кирененцам, а мы делаем то, что нам предназначено. Вдвоем мы привлекаем куда меньше внимания и имеем больше шансов. Четыре клинка ничего не изменят.

– Сын Полынника, прости, но я хотел бы говорить с Носителем Судьбы, не с тобой, – ответил следопыт. – У меня своя *агиру*. И это он здесь *окунин*, полевой командир. Это ему я должен служить, он – Носитель Судьбы, не ты. Пойми, нынче ты – уже не единственный последователь сына Копейщика. Если его миссия состоит в том, чтобы добраться в

Нахильгил, мы убедимся, что вы туда доберетесь в безопасности – и потом уедем. Но если все так, как он мне сказал, – вы едете в Эрг Конца Мира, – то и мы отправимся с вами. У меня приказ: помочь ему выполнить миссию, чем бы она ни являлась. Так мне приказано, и этому я останусь послушным. *Мосу кандо!*

Они смотрели на меня, оба. Неподвижно и вопросительно. У Бруса в глазах был гнев, у Снопа – упрямство. Все зависело от того, что я скажу. Я – командир. Внезапно быть императором показалось мне куда легче, чем быть полевым командиром. Передо мной была не армия, тимены войска и провинции, а знакомые люди, готовые вцепиться друг другу в глотку по причинам, которые не были ясны и о которых знали лишь они сами. И еще было мое слово. Слово предводителя, по которому они поступят так, как я скажу, пусть бы им это и не нравилось.

– Самое время сделать выбор *агиру*, – сказал я. – Миг, когда кирененец сам решает, принять ему обязательства или нет. Ранее я полагал, что вы должны лишь доставить нас до Нахильгила. Фитилю потребуются все люди, каких он сумеет найти. Если бы нам и дальше нужно было красться по стране, Брус прав. Вдвоем нам, пожалуй, было бы легче. Но если нам удастся сделать то, что мы намереваемся, и если мы перейдем через пустыню, то покинем землю Праматери и известный нам мир. Окажемся в диких краях, и нам не будет нужды скрываться или красться. В такой ситуации лучше странствовать вшестером. Скажу откровенно: мне не хочется верить во все обряды Вопросы, судьбу, предназначенную мне Ведающими и прочие такие вещи. Но у меня нет выбора. Я делаю, что должен. Очень возможно, мы просто погибнем без надежды в песках пустыни – и столько-то останется от всех предсказаний. Поэтому так. Если следопыты решатся на подобную судьбу, мы возьмем их с собой, Брус. В делах, связанных с миссией, решать станешь ты. В делах, связанных с битвой и выживанием, – сын Плотника, разве что я прикажу иначе. Самые важные приказания отдаю я. Кто решится идти со мной дальше, остается. Кто нет – может уйти сейчас, снова перейти горы и присоединиться к кирененцам, идущим за Фитилем, сыном Кузнеца. Это касается всех. Думать можете, пока я не допью отвар. *Мосу кандо!*

Установилась тишина.

Н'Деде поставил передо мной жестяную пузатую чашу с двойными стенками и налил отвар из кипящего тигля.

Я сделал глоток. Отвар кебирийца был другим, чем те, к которым я привык, он экзотически пах какими-то специями и мелассой, но был вкусным.

Сноп смотрел, как я делаю глоток и отставляю чашу на стол, а после охватил ладонью кулак и поднял тот ко лбу.

– *Агиру кано!* – сказал.

– *Агиру кано!* – эхом отозвался кебириец и добавил: – *Эндо, н’вензи.*

– *Агиру кано!* – повторил Бенкей со своей лавки, нюхая отвар в чаше.

Брус молчал некоторое время. Всего несколько ударов сердца.

– Конечно, я всегда буду рядом с тобой, тохимон. Но прежде чем сказать *агиру*, я скажу кое-что еще. Поймите меня. Вы схватили нас на пути. Воткнули кебирийские иглы в голову моего тохимона. Между вами есть человек, который уже предал свой народ. Теперь вы хотите отправиться с нами в конец мира, и так решил сын Копейщика, которому я служу с тех времен, когда он был еще подростком. Вас я не знаю. Но с этого момента я стану вам доверять. Так решил тохимон. *Агиру кано!*

– Это сказано обо мне, – отозвался Бенкей. Отсалютовал кулаком. – Тохимон, позволь мне поговорить с твоим соратником, потому что иначе мы не можем идти в пустыню. Он станет с подозрением оглядываться всякий раз, когда я присяду за скалой.

Я кивнул. Следопыт подошел к столу и поставил на него одну ногу, затем уперся в бедро и взглянул Брусу прямо в лицо.

– Слушай меня, сын Полынника. Это верно, меня не родила женщина ни из одного клана вашего народа. Я – амитрай. Из большого города неподалеку отсюда. Из проклятого Саурагара, о котором говорят, что он – город зла. Я происхожу из низкой касты, племени карахай. Но я никого никогда не предавал – тем более, проклятую Праматерь. Я родился в стране императора Баральдина Теджарука. А император сказал: «Бенкей, можешь быть карахаем, можешь быть княжеским псом с хвостом между ногами, но я говорю: встань и сделай нечто полезное. Научись чему-то и зарабатывай себе на жизнь. Ты человек – не хуже любой из женщин и не хуже ни одного эфрайма или синдара. Будешь стоять ровно столько, сколько сумеешь в своей жизни. Возьми женщину, если найдешь такую, что тебя захочет, и роди детей. Не делай того и этого, не кради и не обижай других. Но что касается всего остального, поступай, как найдешь нужным». Простые правила. В стране императора всяк хорош. И амитрай, и кирененец, и нассимец, и кебириец – любой. И он был моим владыкой. Вот какой закон я чту.

В жопе я видал идеи, чтобы все становились единым. Нет единого. Всяк инаков. Один высок, другой мудр, третий ленив, четвертый отважен. Кто-то здоров, а кто-то болен. Кто-то богат, а кто-то беден. Один справляется, другой нет. Такова жизнь. Можно справиться, только если ты

свободен. Люди не рождаются невольниками и не рождаются одинаковыми. Даже амитраи. Потому я остаюсь – и пребуду – подданным императора, который позволяет мне укладывать свою жизнь, как я того захочу, говорить, что хочу, есть, что хочу и трахаться, когда захочу. Я никогда не вернусь в ограду для карахаев. Не склонюсь перед Кодексом Земли. Я плюю на Кодекс Земли! Это книга для ковец, которым нужны Освященные, чтобы те думали вместо них. Они приказывают моим землякам быть как муравьи. Как бессмысленные насекомые. Они хотят изменить их так, чтобы все стали одинаковыми. Вот только нельзя вытянуть низкого или добавить ума глупцу. Можно лишь подрезать того, кто вырос, оглупить того, кто думает, и разорить богатого. Только таким образом они могут стать единым. Невозможно сделать так, чтобы все стали богатыми. Зато довольно просто всех сделать бедняками. А кому не нравится, тому разбивают голову мотыгой и отдают святой земле.

Земля же не святая. Это лишь грязь под нашими ногами. Я не стану кланяться грязи. Я предпочту быть последним подданным императора и сражаться рядом с кирененцами. Предпочту Путь-Вверх на встречу с вашим Создателем, чем оставаться бессмысленным червем, которого земля выплюнула и который сделается землей же. Я не ношу клановый нож. В том нет нужды, поскольку я не кирененец. Но я ношу нож следопыта, которого мне вполне достаточно, потому что это мой клан. Я – *аскаро* вашей армии, потому что некогда она была армией императора. Возможно, однажды я сделаюсь *окунином*. Но я всегда буду жить, как учил император. Я сам управляюсь с миром, собственными руками. Это все. Может, когда-нибудь ты научишься мне доверять, сын Полынника. А может, однажды я научусь доверять тебе. Это не я говорю при костре, что сторонники Подземной не знают ни одиночества, ни неуверенности в судьбе. Это не я говорю, что можно пробивать тело старика гвоздями, даже если он просто отказал кому-то в воде. Я хочу ступать рядом с тобой, тохимон. Но если ты скажешь, что не можешь доверять амитраю, я уйду назад к нашим людям за горами. Вернусь к тохимону Фитилю. *Мосу кандо!*

– Я тебя услышал, – сказал Брус. – Прости. Скажу тебе снова. Я тебя не знаю. Но узнаю, и тогда буду знать. Я говорил, что думал. И говорил, что я тебе доверяю. Но пойми, что я чувствую.

– Бенкей идет с нами, – обронил я. – Я так решил.

– *Агиру кано!* – рявкнул Бенкей тоном примерного слуги и вернулся на свою лавку.

– Я еще раз спрашиваю: что теперь? – отозвался Сноп. – Приказывай, тохимон.

– Брус?

– *Агиру...* – пробормотал Брус. – В городе нужно найти двух людей. Кебирийцев. Это братья. Братья Мпенензи. Они водят пустыней караваны соли и торгуют с людьми-медведями. Далеко. Те покупают соль и кожи каменных волов. Платят драгоценностями и самородками, что получают от людей с волчьих кораблей. Мы должны присоединиться к каравану и вместе с ним перейти Пустыню Конца Света. А потом идти в дикие страны волчьих кораблей.

– Куда? – спросил я спокойно.

– Этого я не могу сказать заранее, – заявил Брус. – Прости, тохимон, но так приказал император.

– Чудесно, – процедил Сноп. – А если ты погибнешь, что нам делать?

– Судьба, предсказанная Ведающими, вершится сама. Ничего нельзя ускорять. Но если так случится, идите на север. К самому морю. Ответы – на море и небе.

– Не верю, – заявил Сноп и легонько оттолкнулся от стола.

– Потому что ты не имел дел с нашими Хекиму, Ведающими, сын Столяра, – отозвался Н'Деле. – А я имел. Это и правда должен был быть обряд Вопрошания. Они считают: судьба – это паутина, и хотят, чтобы она нас вела. Если Брус скажет слишком много, мы пойдем напрямик, и ничего не произойдет. *Олимвенга усури.*

– Я услышал, что ты сказал, – проворчал Сноп. – Эти братья живут в городе? Ты видел, что здесь делают с купцами. Их могли отослать в Дом Мужчин, чтобы они сажали корнеплоды в пыли, а то и приласкать по голове мотыгой. Как ты должен их отыскать? Под вывеской «Контора соляных контрабандистов»?

– Не знаю, поэтому мне нужно пойти в Нахильгил, проверить. Обычно один из них уходит с караваном, второй остается ждать. Должен сидеть на подворье. Если они оба живы, и существует подворье. Если еще странствуют караваны.

– Это Внешний Круг, – отозвался Бенкей. – Даже при прошлой династии, когда был Кодекс Земли, тут приторговывали. Караваны ходили. Хотя я и не слышал, чтобы кто-то шел на самый Эрг Конца Мира. Ходили на юг. Путем Нахель Зим до Ярмаканды, Кандара и дальше.

– Брус... – сказал я. – Ты не пойдешь один.

Он замер над мешком, из которого вытаскивал одежду синдара.

– Тохимон, неизвестно, что там происходит. Ты не можешь...

– Знаю. Пойдешь с амитраем.

Он бросил на меня взгляд, преисполненный страха и сожаления.

– Бенкей знает обычаи лучше нас. Более того, он родился во Внешнем Круге, причем в Саурагаре. Пойдете оба, будете друг друга охранять и вместе вернетесь. Оба. Я не хочу видеть, что возвращается один. Мы станем ждать до утра. Потом идем вам на подмогу.

Брус несколько раз стиснул челюсти и вздохнул.

– *Агиру кано*, – выдохнул неохотно.

Бенкей молча встал и направился к своим выюкам. Оба приготовились очень быстро. Брус – в одежде синдара, с посохом и в шляпе путника на голове. Бенкей – в какой-то неопределенно-бурой одежде и слишком коротких, потрепанных портках, завернутый в пустынный плащ и с капюшоном на голове. Мог сойти за кого-то из низшей касты, селянина или нищего. Человек, не способный привлечь ничье внимание.

А потом они исчезли. Растворились в сухой листве, ушли бесшумно, а мы остались, чтобы считать мух, сидящих на глиняном полу, дремать и менять стражи.

– Соль и шкуры каменных волов... – сказал Сноп задумчиво. – Товар стратегический. Даже при императоре эти шкуры были наперечет и все покупались армией. Никто не имел права продавать их чужеземцам. Если они могли их вывозить тогда, то и нынче справляются.

Я вздохнул. Хотел в это верить, но помнил опустошенные улочки города под властью Красных Башен. Людей, живущих под одной крышей, как животные, мужчин в общих спальнях и женщин под чуткой опекой Праматери. В этом мире никто не имел права просто так ходить по улице. Или выполнял поручение и был здесь на своем месте в повседневной жизни, или пребывал в путешествии – и тогда провозглашал об этом флажком, прицепленным к спине. Никто не имел здесь права на собственные дела. Как Брус и Бенкей могли прокрасться в таком месте? Смешаться с толпой? Я с каждой секундой все меньше верил, что контрабандисты живы.

Когда я осторожно выходил из дома, не мог не смотреть на высохший труп, сидевший за столом, с гвоздем, вколоченным в череп.

А потому я перестал выходить и сидел на лавке под стеной, глядя, как узкая полоска солнца, просвечивая сквозь дыру в попоне, ползет по полу.

Я сидел и поигрывал коротким палашом следопыта, взвешивая в ладони окрученную ремнем рукоять.

Я старался сохранять спокойствие, но внутри все скручивалось в узел. Я не допускал даже, насколько трудно ждать того, кого послал в глотку опасности.

Н'Деде взял нож и выпустил немного сока из стволов засохших пальм

за домом. Наполнил два бурдюка, тихонько посвистывая – словно в паре шагов от него не сидел высохший труп бывшего хозяина.

– С этих деревьев уже ничего не будет, – пояснил. – Они все равно умирают, раз вода ушла. А мы через пару дней получим пальмовое вино. Немного мутное, но должно получиться нормальным. Пахнет хорошо.

Я кивнул, но ничего не ответил.

Они вернулись поздно вечером. Так же незаметно, как и вышли. Я лишь услышал тихий свист Снопа, что сидел на посту, – и выскочил из дома.

– Спокойно, Арджук, – сказал Брус и улыбнулся своей старой волчьей ухмылкой. – Мы живы. Дайте нам отвара и что-нибудь съесть. Мы купили две тыквыпряного пива.

– Город не выглядит плохо, – объяснял после, жуя сушеное мясо и запивая отваром. – А все благодаря тому, что им управляют разбойники. Власть Праматери не выходит за главную площадь. Жрицы сидят взаперти и не высовывают носа, в Доме Женщин их живет, самое большое, с десяток-другой. Армия контролирует ту площадь и дом, в котором обитает уркахан. В остальном городе – бардак. Толпы беглецов вокруг, стада бактрианов, пустынные кочевники, чужеземцы, все народы империи, даже амитраи. Все хотят снарядиться для дороги через пустыню и отправиться на юг. Бегут от Амитрая. В Ярмаканду или Нассим. Я в жизни не видел такого хаоса. Мог бы въехать хоть на Тигриной Повозке с флагами и эскортом, и никто не обратил бы внимания.

– А что с проводниками? – спросил я.

– Мы прибыли в последний момент. Остался лишь один из них, Н’Гома Мпенензи. Уже продал дом, продал все, что имел, и теперь собирает последний караван в ущелье за городом. Мы знаем, где, и должны быть там завтра до восхода.

* * *

Мы двинулись еще ночью, в час петуха, когда тьма казалась глубже всего. Меня переполняли надежда и беспокойство. Ночью я видел сны о мире, видимом глазами упыря. Упыря, который переплывал реку, присев на хребте буйвола, в свете кровавой луны. Смотрел, как ройхо проплывает черной, вспененной водой на загривке испуганного животного, а возле самого берега когти ее внезапно втыкаются ему в шею, она же сама сильным толчком перепрыгивает на берег. Когда Брус вырвал меня из сна, я

принял это с облегчением.

– Оружие можем держать на виду, так даже лучше, – объяснял Бенкей. – Обвесимся всем, что у нас есть, и сразу станем уважаемыми людьми. За границами главной площади в городе полно бандитов. Споры решаются ножом, порядок царит лишь там, где много вооруженных людей. Всякий ходит здесь, как минимум, с палицей. Но из-за этого торговля идет во весь опор, можно курить бакхун, можно напиться амбрии и играть в кости. Есть даже веселые девушки, торгующие жаром лона. Можно здесь все. Даже лучше, чем при императоре. Чудесный город. Главное – не лезть на главную площадь и улицы рядом. Там стоят флажки Матери – и там пусто, лысо, страшно.

– Он потянул меня в дом утех, – перебил амитрая Брус. – Словно на прощание с этой страной необходимо подцепить стыдную болезнь. Те шлюшки выглядели как призраки урочища.

– Если бы я знал, что у тебя все отвалилось от старости, не просил бы. В пустыне станешь трахать бактрианов и свой бурдюк.

Мы достали из выюков все наше убийственное железо, какое сумели найти, и поехали в город, выглядя словно банда мародеров. Оружие мы приторочили так, как это делают разбойники и бунтовщики. Как можно более свободно и удобно: на спине, на плече, около лодыжки или за поясом, абы не так, как носят в армии. Еще мы проследили, чтобы каждый был не похож на остальных.

Собиравшиеся уходить южным путем окружали город широким кругом. Везде стояли шалаши и палатки, десятки возов и повозок; за кривыми каменными стеночками лежали, сбившись в кучу, худые уродливые бактрианы; самые разнообразные товары раскладывали прямо вдоль дороги на матах. У источника под городом, походившего нынче на болотистое озерцо, толклось немало людей, то и дело вспыхивали драки. Некогда вокруг источников стоял пустынный сад. Шумели кусты и деревья, журчали ручьи. Цвели цветы, росли плоды и овощи. Теперь же все было сожрано и сорвано, а то, что в пищу не годилось, – сломано, вытоптано и порублено на топливо. Пустынный сад превратился в пустыню, покрытую разошедшейся грязью, где торчали сухие стволы и сломанные ветки. Казалось, большая часть людей день напролет занята тем, что либо добывает воду, либо ее носит. Везде сновали толпы с самыми разными сосудами – кувшинами, тыквами и ведрами. И никому не мешало, что в пруду плавали два трупа.

Как и говорил Бенкей, при виде нашего арсенала толпа расступалась, пусть и не до конца. Отовсюду к нам тянули тонкие, будто сухие ветки,

руки те, кто голодал. Руки сжимали нищенские миски, а порой хватали за одежду и конскую упряжь. Мы ехали среди крика и воплей тех, кому уже было все едино, кто много дней ел лишь отчаяние и запивал его песком.

Ехали мы молча. Я смотрел в преисполненные отчаянием глаза женщин и детей, и тогда вернулось ко мне чувство, которое Ремень называл «императорским стыдом». Что-то говорило мне, что я должен дать этим людям еду. Я потянулся к сумам, тогда Брус внезапно въехал между мной и голодающими и оттолкнул моего коня своим.

– Прекрати! – прошипел он едва слышно в общем шуме. – Они голодают не из-за тебя, а ты сумеешь накормить едва ли и пару из них. Если покажешь, что раздаешь еду, они разорвут нас на куски. Раздашь все и обречешь себя на смерть. Что будешь есть на пустошах Конца Света? Камни? Взгляни, сколько их! И чем лучше те из них, что сумеют к тебе протолкнуться?

Я промолчал.

Я уже не был императором. Не мог прислать сюда армию, окружить источники и привезти повозки дурры. У меня самого была едва ли горсточка провианта, который ничего не сумел бы здесь изменить: самое большее, кто послабее, получит ножом в бок из-за полоски мяса или куска сыра. Эти люди убегали из страны Праматери. Убегали от кружки воды и миски каши, которые должны были бы там получать от доброты пророчицы. Предпочитали голодать, продавать остатки своих богатств, кладя бесценную посуду и украшения вместе с сапогами и плащами на истрепанные маты, а потом отправляться вглубь пустыни. Только бы подальше. Только бы куда-нибудь в другое место, где не слышать зова Красных Башен.

Я старался не смотреть им в глаза.

Было так, как говорил Брус. Я привык, хотя часть моего сердца умерла. Окаменела.

– Нынче здесь нет большего богатства, чем дурра, сушеная козлятина, каша или фасоль, – сказал Бенкей. – Золото здесь ничего не значит, как и достоинство. Ты можешь иметь девицу высокого рода за буханку хлеба или меру дурры. За вяленый сыр – даже двух сразу. Негодяи играют в кости на куски хлеба с тем же успехом, что и на золотые шекли. Важно лишь то, с чем можно оправиться в пустыню. Тот, у кого найдутся припасы и два бактриана, может стать богачом. Но что с того, если позже Храм все отберет? При императоре в пустыне были почтовые станции, колодцы, где давали дармовую воду и где можно было купить припасы, там даже стояло несколько корчем. Теперь ничего этого нет. Только каменистый путь на юг

да руины.

Около городских ворот стражи не было. Зато виднелись группки сурово выглядевших пестрых оборванцев, обвешанных оружием не хуже нас. Все они позвякивали от золота и драгоценностей, а их грязные кафтаны да портки были сшиты из лучших тканей. Они сидели под стенами в тени и перед работающими, похоже, корчмами или просто бродили по улицам. Мы обращали на себя их внимание. Они переставали бросать кости, рассказывать друг другу веселые истории, обрывали хохот и замирали на полуслове, провожая нас неприятными взглядами, полными хищных раздумий.

– Дело во выючных лошадях, – отозвался Сноп. – Создать «наконечник», мечи – в руки, выючных – внутрь строя. Страхующим маршем.

Зашипела сталь, и мы изменили расстановку лошадей, создав треугольный строй. Во главе ехал Сноп, потом Крюк и я, треугольник замыкали Брус, Бенкей и Н'Деле. Выючные топотали внутри.

Демонстрации хватило: к нам никто не цеплялся, даже когда мы ехали узкими улочками. Солнце едва окрасило горизонт, показало краешек своего диска, и город тонул еще в глубоких тенях.

Главную площадь я увидел лишь издали, в перспективе нескольких улочек. Засеки из заостренных жердей, солдаты «Змеинового» тимена в полном боевом доспехе – и пустота. А поверху – флажки «Огонь пустыни выжжет зло!», «Пусть все сделается единым!»

– Единым дерьмом, – проворчал Бенкей себе под нос. – Вот вернусь сюда и запру твою подземную дырку факелом, мрачная сука.

Солнце взошло на треть, и со стороны Башни поплыло пронзительное гудение рогов. Звук пронзил меня до самого нутра и пробудил страх. Я вспомнил подземную башню в Аширдыме и почувствовал холод.

Бенкей сплюнул на землю, решительно всадил в зубы трубку, высек огонь о клинок палаша и выпустил клуб медленного бакхунового дыма.

Не знаю, как долго мы ехали закоулками, наполненными спящими под стенами людьми, у которых единственной постелью были их собственные узелки, но я совершенно потерял ориентацию. Однако Брус и Бенкей вели нас уверенно, будто провели в этом городе детство.

Трактир, нужный нам, стоял в предместьях, дальше когда-то наверняка растягивалось кольцо городского пустынного сада, а в нем стояли дома богатых горожан. Теперь остались лишь сухие кусты и бесконечный лагерь, над которым сплетался дым из сотен костров, разожженных из сухого навоза: там пытались приготовить какую-либо еду на начало дня.

Трактир сохранился прилично, за стеной остались даже столы, стоявшие среди остатков сада.

Там сидели десяток-полтора вооруженных людей, лениво грызущих лепешки и запивающих их пряным пивом. Пара человек на земле, кто-то наигрывал на барабанчике. Изнутри доносился запах свежесваренного отвара со специями и травами, как делал его Н'Деле.

Мы рядом остановились перед низкой стеной, молча глядя на сидевших внутри.

Никто вроде не сделал и жеста. Люди перед трактиром поглядывали на нас дикими, красивыми лицами цвета меди. У них были поблескивающие тигриные глаза, но каждый небрежно пододвинул поближе оружие, легонько опер ладонь о рукоять или ослабил клинок в ножнах.

– Лучше я с ними поговорю, – отозвался Н'Деле. – Это мои земляки. С вами они не захотят толком говорить.

– Хорошо, – ответил Брус. – Н'Гома внутри. Скажи, что мы желаем передать Н'Гома Мпенензи привет от дядюшки Тигра, который так хорошо о нем заботился. Теперь дядюшка приболел, но хочет еще раз передать ему привет перед смертью.

Н'Деле сошел с коня и открыл ворота.

Начало припекать. Вездесущие мухи окружили нас тучей. Кони нетерпеливо били копытами, хлестали себя хвостами и отгоняли насекомых взмахами голов, мы же стояли неподвижно, бок о бок, меряя равнодушными взглядами кебирийцев, что сидели в саду.

Н'Деле подошел к сидящим и дотронулся кулаком до губ, а потом лба. Ему ответили таким же жестом.

Разговаривали они долго, в полководье кебирийских слов, из которых я понимал немного, но казалось, что они ссорятся. Барабанчик перестал играть.

Потом кто-то поднялся и исчез внутри трактира за бусинами завес, а мы продолжили ждать. Жара давила. Бенкей наклонился к шее лошади и погладил ее со стороны, что-то шепча на ухо.

Мы ждали.

– Ньямбе Н'Гома поговорит с двумя из вас, – наконец произнес гонец, глядя на нас из-за стены. – Коней можете ввести в сад.

Таким образом я и Брус вошли за постукивающую завесу из бусин в темное нутро трактира.

Внутри было холодно, в воздухе стояли клубы тяжело пахнущего дыма, а помещение наполняли вышитые подушки. Огромный кебириец, одетый в белый свободный наряд, лежал на боку, попыхивая трубкой. На

низком столике перед ним стояли серебряные чарки, инкрустированный тигель с парящим отваром и драгоценный кувшин с пальмовым вином. Вокруг лежали девицы, одетые лишь в украшения, что чуть поблескивали в темноте.

Мы стояли в полном молчании.

– До меня дошли кое-какие слухи, – лениво произнес Н’Гома. Его медное лицо чуть поблескивало, как настоящий металл. – Слухи о далеком родственнике, который, как я полагал, давно умер. Однако он жив и вспомнил обо мне. Дядюшка Тигр... А я надеялся, что больше о нем не услышу.

– Возможно, ты слышишь о нем в последний раз, – сказал Брус. – И тебя бы здесь не было, когда бы не дядюшка. Не было бы ни подушек, ни девиц. Не было бы у тебя перстней на пальцах, *ньямбе* Н’Гома.

– Этому уже конец, – ответил Н’Гома. – Завтра здесь не будет никого, кто мог бы слышать эти приветы. Я возвращаюсь на родину. В Кебир. Н’Бени уже поехал. Конец. Не будет больше дел с дядюшкой Тигром.

– Что с тобой происходит, *ньямбе* Н’Гома? – спросил Брус. – Хочешь уехать, хотя Нахильгил еще стоит? Хотя во Внешнем Круге покупают меру дурры за меру золота? Я тебя не узнаю.

– Ничего странного, если ты совершенно меня не знаешь, родственник Тигра. Зачем золото тому, у кого в черепе торчит гвоздь? У меня уши длиннее, чем у многих. Я слышу, что ночами говорят ваши барабаны. Слушаю песни о бинлике пустынной пехоты и о двух бинхонах колесниц, которые идут сюда из Саурагара. Не может быть поселения, в котором Кодекс Земли распространяется лишь на главную площадь. Архиматрона желает выйти из своей башни. Уркахан утратил терпение и не желает править только площадью. Не будет больше никаких путешествий в Ярмаканду. Путь будет закрыт. Люди окажутся разделены и отосланы туда, где они необходимы Праматери. Некоторые – прямоком в ее святое лоно или в пещеры под башней. Остальные – в священный зной на пашне. Все сделается единым. Как полагаешь, те, кто ожидает чудо в палатках вокруг города, не знают об этом? Многие прекратили закупать провиант, воду и бактрианов, поскольку знают, что уже не успеют. Колесницы быстры, а косы не знают пощады. Покупают лишь амбрию, причем самую крепкую. А в трубки набивают уже не бакхун, но черную смолу снов. Уже кружат улицами, как ошалевшие звери в гон. Они знают. Только боятся признаться самим себе. Я должен был уехать. Провел здесь последнюю ночь, прощаясь с моими девочками. Я дал им свободу, что уж теперь. Праматерь и так их освободит. Она всех освобождает. Знаешь, сколько ушло? Ни одна. Но

многие нынче ночью выпили воду онемения. Уходят в ночь.

– ...И не желают просыпаться. Я тоже уйду, лишь выпью последний глоток пальмового вина, докурю трубку и проглочу отвар. Если бы ты прибыл, когда солнце встало на три пальца, меня уже не было бы. Я прощаюсь с Амитраем. В последний раз взгляну – и меня поглотит пустыня, так же, как ранее выплюнула. Мне жаль. Я оставил свой чудесный дом и сад; здесь, вокруг меня, засыпают мои девицы. Жаль. Это были хорошие годы. Я собрал столько хороших вещей, а теперь все превращается в грязную соль. *Олимвенгу усури*. Знаешь что? Мне жаль и дядюшку Тигра. Я исполню его последнюю просьбу.

– Ужасно много слов, – сказал Брус. – Тебе придется снова привыкать к кебирийской сдержанности. Дядюшка Тигр просит, чтобы ты принял шесть человек и отправился с ними путем соли в страну людей-медведей. Туда, куда ходят твои караваны.

– Для умирающего у дядюшки Тигра прекрасный слух. Я говорил, что возвращаюсь домой. И что я из Гомбаны. Там все говорят много и красочно.

– Дядюшка Тигр знает, что ты умен. Зачем кому-то в Кебуре столько грязной соли? Всякий знает, что ты продал все. Ты не пошел бы южным путем, который перерезают сейчас колесницы «Змеинового». Люди-медведи заплатят тебе за соль и кожи каменных волов больше, чем стоит все твое имущество. Ты желаешь отправиться за Эрг Конца Мира. Ты – лучший из мореходов пустыни, какого знал этот мир. Мне известно, что у тебя есть собственный путь на юг, вдали от колесниц. Там, куда никто не заходит. Так возьми на шесть воинов больше. Ведь твоих племянников не хватит для охраны, а кроме них никто не пожелает идти за эрг. Лишь мы. Ты знаешь, сколько бы в спокойные времена взяли с тебя шесть настоящих следопытов? А нынче ты можешь получить нас задаром.

– Умеете ездить на орнипантах? Перенесете жару, от которой тают камни? Если да, я согласен. Но выдвигаемся сейчас. Едва лишь я выпью последнюю каплю вина, обниму последнюю наложницу и уроню последнюю слезу. Подождите в саду. Позвольте мне попрощаться с Амитраем.

Глава 9

Дом Огня

*Дающим привет!
Гость появился!
Где место найдет он?
Торопится тот,
кто хотел бы скорей
у огня отогреться.*

Речи Высокого

*Солнце померкло,
земля тонет в море,
срываются с неба
светлые звезды,
пламя бушует
дарителя жизни,
жар нестерпимый
до неба доходит.*

Пророчество вёльвы

Это не была осада тщательная, по всем правилам. Скорее, нечто вроде беспокоящей блокады. Тут и там вокруг озера горели костры и стояли шатры, небольшие отряды Людей Змеев появлялись и исчезали, по лесам сновали крабы. Одни уходили, другие прибывали. Похоже, дело было в том, чтобы Люди Огня, сидевшие за валами своего главного поселения, не могли свободно перемещаться по окрестностям, пасти стада или охотиться. Когда они теряли терпение и выкатывались значительными силами за стены, Змеи расточались, исчезали, растворялись в пуще. Битву они принимали, лишь когда за ворота Дома Огня выходили группки меньшие, чем двадцать человек.

Одновременно не атаковались земляно-деревянные укрепления Дома Огня, не шли на приступ. Изо дня в день изредка обстреливали дома;

с безопасного расстояния выстреливая в небо так, чтобы стрелы падали за частоколом. Порой стоявшие там и тут аркабалисты плевались в город камнями либо окованными жердями. В ответ требушеты Людей Огня с грохотом метали в сторону лагерей Змеев кувшины с драконьим маслом, тогда на скалистом берегу озера и перед стеной леса разбрызгивалось текучее пламя; пожар гудел некоторое время, оставляя после себя черные выгоревшие проплешины. На расстоянии нескольких десятков шагов от валов крепости ее окружало целое кольцо из таких неровных пятен.

Но больших потерь ни одна из сторон не несла.

Ночами раздавались мрачные вопли закованных в панцири крабов или дикое пиликанье музыкантов.

Пока в лесах можно было поймать пленников, их притягивали на берег озера, чтобы голым перерезать горла в свете больших костров, а их сердцами кормить святых змей. После таких представлений обстрел из города продолжался дольше, а разъяренные Люди Огня предпринимали несколько диких штурмов, хотя без заметного результата. Змеи отступали в пущу вверх по реке, чтобы утром вернуться снова.

Они делали то, чему их научил Великий Аакен. Сеяли страх и ужас. Они были Змеями. Остальные – священным кормом для Змеев.

Но в ту ночь все изменилось.

Кто-то пошел в лес за хворостом и не вернулся.

Ждавшие в лагере услышали только ужасный крик. Двое воинов, сидящих ближе прочих, схватили мечи и побежали в исхлестанную дождем и ветром тьму. В глубине сердца они радовались, что происходит хоть что-то.

Больше их никто не видел.

Лишь через несколько минут рядом с костром упали две отрубленные головы.

На этот раз в пущу бросились с десятков Змеев, страхуя один другого, перекрикиваясь в темноте и размахивая факелами. Не нашли никого и ничего, даже тел товарищей. Обошли всю территорию вокруг лагеря, держась рядом, коля копьями в кусты и заглядывая в каждую яму.

Ничего.

Потом, в следующем лагере, в двадцати шагах раздался перепуганный вопль. Из тьмы прилетели стрелы, поразив нескольких людей, сидевших вокруг костра. Старый жрец упал головой в угли с пробитым горлом, потом – девушка рядом с ним, которой попали прямо в глаз, и еще трое других.

Снова зажгли факелы, снова целая группа обошла лес, кусты и берег вокруг лагеря – и снова безо всякого результата.

Кроме, разве что, того, что кто-то вновь исчез.

После следующего нападения остался один свидетель. Трясущийся мужчина без шлема и брони ворвался в круг света другого костра и принялся убеждать, что пуща ожила и на его глазах убила троих людей. Говорил о паре глаз, что вдруг засияли в густой листве, и о воинах, которые падали – один за другим, брызгая фонтанами крови, не успевая даже обнажить мечи, о свисте стали, которой нельзя увидеть. Бредил, что пущей пронесся ветер, который делал так, что листья превращались в клинки. Что Великий Аакен – уже не единственный, кто обладает песнями богов.

Страх постепенно воцарился во всем кольце осады. Змеи теперь разводили костры побольше и зажигали все факелы.

Дикая песнь музыкантов умолкла.

Установилась тишина, прерываемая лишь плеском воды в озере и криками козодоев. Лучники без толку всматривались во тьму, выцеливая падающие листья, колышущиеся ветви и натягивая тетиву на любой шелест. Несколько раз стрелы с визгом летели, куда ни попадая, во тьму, но без результата.

Никто не торопился идти в лес и проверять, попал ли он в кого-нибудь.

Молодой воин отправился сменить часового, стоявшего на берегу. Но в ту ночь стражник не глядел на далекое поселение. Стоял с мечом, стиснутым в кулаке, напряженно вглядываясь в густой лес, а за его спиной было озеро.

Парень окрикнул его издали – безрезультатно. А когда приблизился на пару шагов и осветил часового факелом, заорал перепуганно, потому как увидел: на горле у того зияет, словно второй рот, узкая черная дыра. Он дернул стражника за плечо, и когда воин завалился на него всей тяжестью, оказалось, что стоял он благодаря копьё, воткнутому между лопатками и упёртому в мокрый песок пляжа.

Позже молодой воин рассказывал, что видел чудовище – человекоподобного монстра, но рожденного из земли и поросшего листьями и ветками. Создание не имело лица, казалось куклой из грязи, виднелась только пара сверкающих глаз. Он смотрел на молодого Змея миг-другой, а потом развернулся и исчез в ночи.

Просто-напросто растворился во тьме.

* * *

Часовые заметили пришлеца, когда тот появился на пляже, – темная

фигура, напряженным шагом идущая вдоль озера.

Сперва бросили факелы, упавшие в нескольких шагах от его ног. Никто мужчину не узнал, но по крайней мере стало понятно, что он идет один.

Потом, когда он уже подходил к воротам, подожгли мазницу и подняли ее над валом на длинном «журавле». Мигающее пламя скипидара и соломы отбросило за ворота круг бледного света.

Когда пришлец ступил в круг, у его ног ткнулась первая предупредительная стрела.

Меч почти небрежно выскользнул из его руки, как лишняя и ничемушная вещь. Упал на смешанный с галькой мокрый песок. Пришлец неторопливо потянулся под мышку за длинным, непривычной формы ножом, бросил его рядом с мечом, а потом широко раскинул руки, показывая ладони в мерцающем свете мазницы, и поднял к стоявшим над воротами Людям Огня свое лицо. Его глаза были прищурены, веки подрагивали. Они увидели, что все его тело, лицо и одежда покрыты копотью, кровью и засохшей грязью, а еще – утыканы веточками, удерживаемыми скрещенными на груди ремнями.

Они молчали.

Молчал и он, стоя с раскинутыми руками под моргающим, бледным пламенем мазницы.

Изнутри города раздалось яростное ржанье и визг коня, потом стук – словно конь пытался разбить стойло.

Далеко на другом берегу озера страшно грохнуло, так, что стоявшие за частоколом произвольно присели. На спусковом механизме развернутой в противоположную сторону катапульты перетлел шнур, и копье ударило прямо в бочки и кувшины с драконьим маслом. В темноте вдруг расцвел апельсиновый пламенный гриб, разлившийся по берегу пятном ревущего огня. Окрасил мерцающим светом водную гладь и берег. Издали неслись отчаянные крики из множества глоток. Во тьме замелькали дико мечущиеся фигуры, превращенные в огненных кукол, – они бежали к озеру.

– Нитй’сефни! – крикнул кто-то высоко на частоколе. Мужчина с лысым татуированным черепом оперся о колоды частокола и крикнул снова.

– Ульф! Ульф! Нитй’сефни! – кричал Грунф Колючее Сердце. – Ульф! Какой сын козы стрелял ему под ноги?! Ульф! Ульф!

Когда он слетал вниз по деревянным ступеням, не слышно было шагов: звук тонул в скандированном с частокола имени и ударах топоров, бивших в оковку щитов.

– УЛЬФ! УЛЬФ! УЛЬФ!

Однако Драккайнен этого уже не слышал, потому что лежал лицом на мокрой земле с раскинутыми руками, совершенно неподвижно.

* * *

Открываю глаза и вижу потолок. Бревна из оструганного дерева, скрепленные параллельными брусами. Я лежу навзничь на широкой постели, прикрытый чистой льняной простышкой, в светлом помещении – и не понимаю, где нахожусь.

Последнее, что я помню, – марш вниз по склону по направлению к подворью Грюнальди, занятому Змеями.

Я сидел, курил под деревом трубку, а потом увидел, что происходит вокруг деревянного двора. После – ничего.

Не знаю, что было дальше.

Амнезия?

Помещение почти пустое, просторное. Свет врывается сквозь малые окошки, выложенные небольшими стеклянными пластинами.

Голова кружится, в ней вот-вот готова разлиться боль. Тяжелая, похожая на похмелье, она таится за веками и где-то в затылке.

Я осторожно, по очереди напрягаю каждую мышцу, от пальцев ног до лицевых. Похоже, я не ранен и не связан. Провожу языком по зубам, кажется – все на месте.

Ничего не помню. Судя по богатым окнам, это не подворье несчастного Грюнальди. Идиотская мысль, что я попал под заботливую опеку Змеев, пожалуй, не подтвердится.

Несколько минут я не двигаюсь, потом позволяю себе внимательно осмотреться. В комнате я один.

Отбрасываю покрывало и осторожно сажусь на постели.

Я голый.

И в некотором роде умытый. Меня вытерли чем-то, может, мокрыми тряпками, но грязь въелась в папиллярные линии, проникла в кожу, местами – например, в подмышках, на боках и затылке – образовалась буро-зеленая скорлупа. Местами, однако, я умыт с почти невероятной тщательностью.

Грязь напоминает остатки камуфляжа. Старательно изготовленного из глины, растительного сока, сажи с жиром и, пожалуй, крови. Кажется, есть даже какой-то растительный узор. Нанесен он старательно и умышленно.

Нужно было раздавить листья, приготовить их сок, размешать с жиром в пасту вместе с глиной, а потом тщательно нанести на тело маскирующими линиями. Долгая работа, но я ничего подобного не помню.

Не помню вообще ничего.

Сижу на резной постели и вижу, что под стеной лежит мое седло, мои переметные сумки и узелки, а рядом – лук, нож и меч, которые были при мне.

Я раскусил ягоды. Помню терпкий, резкий запах, ударивший в ноздри и мозг, как взрыв фейерверков.

И запах левкоев.

Когда встаю, у меня снова кружится голова, я слаб как ребенок.

К багажу ползу на четвереньках, дрожащими пальцами расстегиваю клапаны, вытягиваю фляжку, кружку, потом аптечку в виде раскладной кожаной сумочки.

В безумии своем я, конечно, мог куда-то ползти, накачанный магией и без сознания. Но давить листья, готовить камуфляж? Не потерять ничего, даже меч и нож?

Я бросаю в кружку две таблетки регенерационного комплекса, в комнате нет воды, а фляга пустая. Рядом с кроватью стоит глиняный кувшин, заткнутый вложенным внутрь окованным рогом. Пиво. Кто-то позаботился о моем пробуждении. Эта добросердечная убежденность, что проснувшийся человек прежде всего должен глотнуть пивка, наводит на мысль о Людях Огня. Я растворяю таблетки в пиве, запах лимонов смешивается с тяжелой, козлиной вонью фруктового сока. У меня трясутся руки.

На теле нет серьезных ран, но я вижу пару шрамов, которые не узнаю. Многочисленные мелкие ранки, рубцы и затянувшиеся порезы, но заражение мне не грозит.

Где-то под похмельным ошеломлением, как заноза, сидит что-то вроде забытого кошмара.

Отпиваю глоток странного на вкус тоника и внезапно вижу, как одна из ран на руке, продолговатый S-образный струп, начинает шевелиться. На моих глазах трескается, из нее вылезает маленькая сколопендра цвета свежей крови.

Из другой раны выглядывает червь. Выползает пульсирующими движениями из моего тела и падает на пол. Потом еще один, и еще.

Я кричу и истерически отряхиваюсь, насекомые выходят из моего тела одно за другим, падают на доски и расползаются по комнате.

Мой крик превращается в спазматический кашель, я падаю на колени,

сгибаюсь в корчах, меня тошнит каскадом белых круглых фруктов размером с мячики для гольфа. А потом я вижу, что это глаза.

Человеческие глаза, которые обвиняюще на меня смотрят.

А я смотрю на свои ладони, покрытые липкой горячей кровью: они пахнут железистой вонью сырого мяса.

Лежащие на полу глаза подрагивают, а потом вдруг из них проклевываются черные тонкие ножки, делающие их похожими на пауков.

Я отпрыгиваю под стену и пытаюсь вспомнить, есть ли у меня в седельных сумках что-нибудь от шизофрении. Но я на Мидгарде, тут любое безумие может обрести тело – и всякое может оказаться реальным.

Я контролирую дыхание.

Игнорирую трясущиеся ноги, руки в потеках дымящейся крови, глаза, ползущие ко мне, постукивая ножками по доскам пола, выющихся тут и там червячков, которые прогрызли себе дорогу изнутри моего тела.

Дышу. И перехватываю контроль над ситуацией. Силой. Противу фактов. Словно объезжая ошалевшего коня.

Дышу. Втягиваю воздух носом, выпускаю ртом. Давлю на висок, несколько раз ударяю себя по лицу.

– *Perkele kukka... niitty...* – шепчу беззвучно. Глаза ползут ко мне по полу, я слышу поскребывание черных тонких ножек. Шепот превращается в крик.

Скрежет прекращается.

Я открываю глаза.

Нет глазопауков, нет червей и пятен крови. На полу растут цветы. Упрощенные, синтетические, словно украшения, созданные кондитером из безе или пенки. Если бы морозные узоры на стекле были трехмерными, выглядели бы так же.

Цветы превращаются в пар, что поблескивает, словно микроскопическая бриллиантовая пыль, разлетающаяся в воздухе.

У меня на руках нет крови, на полу осталось лишь шипящее пятно регенерационного напитка с пивом.

Некоторое время я сижу на постели, потом нахожу в багаже нераспечатанную пачку «Half and Half» и набиваю трубку.

Жду, когда у меня перестанут трястись руки.

А потом вытаскиваю из вьюков свежую одежду.

Маленькие полукруглые деревянные дверки со скрипом уступают, выпуская меня на узкие ступени.

У подножия лестницы, на прикрытом шкурой сундуке, полулежит крупный мужчина с лысым черепом. Хотя я иду тихо, он просыпается и вскакивает на ноги.

Перечеркнутое татуировкой лицо, просиявшее вдруг широкой, волчьей ухмылкой, кажется почти красивым.

– Живой! – кричит радостно Грунф Колючее Сердце. Одна огромная лапа сдавливает, будто клещи, мое предплечье, вторая приобнимает за загривок. Я отвечаю тем же жестом, мы соприкасаемся на миг лбами.

– Живой! – орет Грунф куда-то вглубь дома. – Живой! Ульф живой!

– Как долго я спал? – голос у меня такой, словно глотка отполирована наждаком. Слышу шум и перекрикивания.

– Сегодня третий день, – отвечает Грунф. – Мы дежурили попеременно! Боялись! Под дверьми был виден свет, потом он погас, слышалось ржанье лошадей и вой волков. Когда Атлейф заглянул внутрь, на него набросились нетопыри! Как он убежал! Уж и скальд начал напевать песенку о стирсмане, которого в собственном дворе пугают нетопыри! Под дверь лилась кровь, потом исчезла. Мы уже и за жрецом посылали. Но ты жив!

– Ягоды мне навредили, – говорю. – Где тут у вас баня?

– Как мы тебя принесли, – рассказывает кормчий, – и уверились, что дышишь, бабы едва не подрались за право тебя обмывать. Потом закрылись с тобой в бане втроем.

– При случае покажешь, какие именно, – говорю я. – Надо повторить, а то я ничего не помню.

Очаг в бане еще горячий, есть тут и несколько котлов кипятка.

Сперва я лью воду на камни и сижу в клубах горячего пара, хлеща по коже веником, затем погружаюсь в бочку с ледяной водой, добавляю немного теплой и принимаю нормальную ванну. Тянется оно с час, и вот я – впервые за много месяцев – чист.

После парной и купания чувствую себя лучше, хотя у меня все еще кружится голова, и я слаб как младенец.

Девушка ждет меня перед баней. Молодая, со смуглой кожей и темно-фиолетовыми волосами, связанными в конский хвост. У нее полные губы, выпуклый нос и влажные глаза серны под выразительными бровями.

– Грюнальди говорил, что ты сперва будешь спать, потом купаться, а потом есть. Сказал, что раньше мешать тебе нельзя. Даже Атлейф ждет. Ты, должно быть, кто-то важный. Они стол накрыли, как на Солнцеворот, и

ждут. Уже два дня ждут.

– Грюнальди?! – прерываю я, хватая женщину за плечи. – Ты сказала Грюнальди? Он жив?!

– Конечно жив. Пришел сюда на зиму со своими, как и многие другие. Забрали детей, припасы, стада, коней и лодки. Не оставили Змеям ничего, а весной мы их побьем. Вытолкаем назад в их горы.

– Погоди... – я сажусь, ослабевший от облегчения, на какой-то сундук. – Значит... Грюнальди не убили... а те Змеи...

Она смотрит на меня заботливо, чуть склонив голову.

– Где конюшня?!

– Конюшня... – повторяет она. – Грюнальди говорил и то, что будет именно так. Что сперва захочешь поздороваться со своим конем. Вроде бы ты с ним говоришь... Станный ты. Жаль. Такой большой парняга, а, кажется, слабоват на голову. Еще один чудик. Что за времена...

* * *

Мои нервы не в лучшем состоянии, поскольку я то и дело умиляюсь. Сперва на конюшне, прижимая голову ко лбу жутковато ржущего Ядрана. Слушаю его глупости, которые гудят в резонаторе: *Ядран ждал, Ядран тосковал, Ядран уже не отпустит Вуко, Ядран был сам... Теперь Ядран и Вуко вместе, вместе...* Глажу его по шее и чувствую, как горячие слезы текут по моему лицу. К счастью, никто не видит. Есть лишь душный запах конюшни, хруст соломы под копытами и полумрак.

Конечно, я привязываюсь к животным. Привязываюсь и к людям. Но обычно меня непросто растрогать. Видимо, со мной не все в порядке.

* * *

При виде ожидающих меня за длинным столом Людей Огня я стискиваю зубы, и мне удается сохранить хладнокровие. Лишь пожимаю новые и новые бицепсы и загривки, мы прикасаемся друг к другу лбами, кто-то орет, разливая вино в подставленные рога; женщины хихикают и показывают на меня пальцами.

Я ломаюсь лишь на миг, когда ко мне подводят прихрамывающего семилетку в кожаной шапочке и с серьезным лицом. Это Тарфи. Сын Грюнальди, который не стал крабом. Тарфи сжимает мне предплечье и

безрезультатно пытается дотянуться до заливки.

– Ты меня спас, – говорит. – Я этого не забуду, Нити’сефни.

Звучит так, словно он уже командует четырьмя волчьими кораблями.

– Это честь, – отвечаю я. – Помни об этом до того времени, как станешь взрослым.

Все еще стискиваю зубы, и как-то все идет. Удастся не расплакаться.

Самого Грюнальди пока нет, кто-то говорит мне, что утром он отправился на разведку с несколькими своими людьми.

Но согласно тому, что предвидел Последнее Слово, я умираю с голода и теперь имею намерение наесться. Длинный стол, тянущийся до самого изукрашенного стула, на котором сидит молодой Атлейф, – истинная витрина кулинарии.

Это самый богато накрытый стол, который мне приходилось здесь видеть. Вяленая рыба, печеная дичь и птица, почерневшие от копчения сыры, колбасы, квашенные овощи, желтые калачи, одного сыра – три сорта.

Я рву хлеб, разламываю напололам запеченную птицу, хрупаю луковицей.

А потом вдруг вспоминаю похожий стол и дружный крик испуганных людей. Это как вспышка. Как фотоснимок.

Вижу молодого воина Змеев с белым, как бумага, забрызганным кровью лицом, которого я отбрасываю на заставленный стол, между подносами и серебряными кувшинами, тело его скользит на спине, разбрасывая оловянную посуду, я вижу окровавленный клинок, падающий, словно бич, на перекошенные в крике лица женщин и мужчин, вижу кровь, брызгающую на стены.

Это миг, но я застываю со ртом, набитым мясом, и с надкушенным куском в руках.

Вспышка гаснет, остается лишь воспоминание о зале, наполненном паническими криками, вытянутыми ко мне беспомощными, окровавленными руками.

Воспоминание, которого я не помню, но знаю, что оно правдивое.

И страшное.

Потрясение минует, кое-как прихожу в себя. Я уже в силах ополоснуть стиснутое горло холодным пивом, кусок пищи во рту наконец удастся протолкнуть в желудок.

Они требуют рассказа. Пристают, просят, а потом скандируют.

Я рассказываю. О Древе, о странствии через горы, о долине драконов, о Песеннике, что живет в сердце горы и которого зовут Бондсвиф Оба Медведя. О сожженных селениях. Об урочищах. А прежде всего, о

безумном Песеннике по имени Аакен, который хочет покорить мир. Который собирает соль, мясо, песни богов и подданных. О хороводах слепцов и о призраках, что направляются в его обиталище. История начинается резво, а потому они реагируют довольно стихийно, как зрители в кино где-нибудь в Мадрасе. Удивительно стихийно. Смеются, перекрикиваются, хватаются за оружие, стонут от ужаса или издают испуганные возгласы.

Длинноволосый блондин, сидящий на возвышении, пытается аккомпанировать мне на странной цитре, импровизируя нечто вроде киномузыки. Но постепенно и он смолкает. Музыка звучит все менее смело, наконец я говорю в глухой тишине. Женщины всхлипывают, воины бледнеют и скрежещут зубами.

Заканчиваю в тот момент, когда добираюсь до места, где я увидел двор Грюнальди Последнее Слово. Не знаю, что было дальше. Не знаю – и знать боюсь. Поскольку под веками моими дремлют картины жуткой, кровавой резни.

Молодой Атлейф хлопает в ладоши, приказывает нести больше меда и пива.

– Одна вещь, Ульф, в том, что ты рассказываешь, важна для нас всех, но вы ее не заметили, хоть она у вас перед глазами, – говорит он. – А она такова, что Ульф все еще жив и сидит здесь, перед нами. Легко испугаться жуткого Песенника, который может заклинять людей в деревья и который обитает в замке из крутящихся клинков. Но взгляните: человек, которого тот Песенник желал убить, все еще сидит с нами за одним столом. Не совладали с ним заклинания и силы урочища. Легко утратить дух, думая об обезумевших Змеях, что пойдут на нас весной. О детях, помещенных в железных чудовищ, и о драконах, которые войдут в наши земли. Но взгляните: они уже месяц стоят подле Дома Огня, а этот муж вчера прошел сквозь их кольцо. Поубивал многих Змеев и сжег их шатры, пусть даже сам не знает, как это удалось. А значит, ни этот Аакен, ни Змеи не являются непобедимыми. Против всего в мире есть способ – так говорил мой отец, Атли. Есть множество опасных вещей, но с каждой из них отважный муж, одаренный счастьем, сумеет справиться. Мы укрылись за валами Дома Огня не потому, что боимся Змеев. Но потому, что каждый из нас поодиночке не защитит свои дома, когда враги придут всей силой. Но и потому еще, что мы можем сесть вместе и отыскать против них способ.

Атлейф поднимает свой серебряный рог в тосте, его речь приносит результат. Поднимает их дух. Юноша, кажется, успел утратить предыдущую горячность. Теперь это вождь, чувствующий ответственность

за племя. Кремневый Конь растет.

Снова раздается музыка, кто-то приносит барабаны, кто-то тащит флейты. Пока мы веселимся. Поднимаем в тостах рога мутного пива, рвем подрумяненное мясо и живем. Все еще живем. Пир продолжается.

Я пью вместе с остальными, потягиваю пиво длинными глотками, как воду, и пытаюсь усыпить дремлющие на дне души воспоминания.

Воспоминания не о схватке. Они касаются убийства. Я вижу бегущих от меня людей, слышу собственный разъяренный рык, рык чудовища. Это возвращается. В коротких проблесках.

Кто-то поднимает тост и потрясает кувшином, я же вдруг вижу похожий серебряный кувшин в собственной руке, погнутый и забрызганный кровью, им я луплю в изуродованное лицо мужчины, который сидит за столом. Мужчины, что не может двинуться, поскольку моя нога давит ему на горло.

Короткие проблески, в которых я – воющее чудовище.

Словно Грендель, наведавшийся ко двору Беовульфа.

Меня это пугает, поэтому я заливаю воспоминания пивом. Не оттого, что я зарубил сколько-то Змеев. А потому, что случилось это словно вне меня. В тех воспоминаниях мне кажется, что я смотрю на себя со стороны, находясь в роли стороннего наблюдателя. У меня не было и малейшего контроля за тем, что происходило.

* * *

Возвращается Грюнальди, мы подаем друг другу руки, и я ощущаю себя так, словно встретил давно отсутствовавшего родственника. Вижу, что и его радует мой приход, у меня снова перехватывает горло.

В сумерках я выхожу с остальными, чтобы посмотреть, как молодежь пляшет Танец Огня. Двор Атлейфа – настоящий плотницкий шедевр. Везде вздымаются сложные навесы, лестницы, галереи, все аккуратно вырублено из дерева, снабжено сложными узорами. Единственный след осады – временные навесы из толстых досок, поставленные на столпы, которые позволяют пересекать двор, не выходя под открытое небо. Пожалуй, стоят они так не зря, поскольку в них торчат стрелы Змеев.

Я стою, опираясь о стену на галерее, в компании кувшина и окованного серебром рога, раскуриваю трубку. Девушки и молодежь начинают выходить во двор двумя рядами, почти обнаженные, раскрашенные черными, красными и желтыми зигзагами, несут цепи со

сплетенными из веревок шарами. Парни, по соображениям очевидным, на голове носят повязки, девушки – лишь плотно повязанные платки. Они по очереди макают цепи в открываемый на миг жбан и встают в круг. Концы цепей начинают дымиться, потом взрываются фыркающим желтым пламенем. Танцоры раскручивают цепи, пламя поет, размывается кругами и зигзагами, танцующие вертят его вокруг себя, проскакивая в круги и «восьмерки» огня, что вертится в их руках.

Я слушаю барабаны и флейты. Среди танцующих – та симпатичная, похожая на серну девушка, что вела меня в большой зал. Смотрю на ее обнаженное раскрашенное тело, стройное, как у газели, окруженное ворчащим пламенем; вижу, как она кружится и вьется. Она и сама – пламя среди пламени. Я слышу визг крутящихся цепей в ее руках. Она красивая. И живая. А у меня перед глазами обугленные тела подле частоколов.

Танец Огня.

Вспышка.

«Хочешь танцевать Танец Огня, скотина?» – вою я и держу чье-то лицо в костре, за затылок и сплетенные в косы волосы. Отпускаю Змея и ударом в горло отрубая дымящуюся, пурпурную от ожогов голову, пинком посылая ее по двору.

У меня перехватывает горло, не могу больше на это смотреть. Быстро выхожу на частокол и глубоко вдыхаю вечерний воздух, подставив лицо мелкому дождику.

– Редко случается, чтобы кто-то не хотел досмотреть Танец Огня, – это Грюнальди. Опирается в стену рядом со мной, подает кувшин. – Особенно если танцует сестра стирсмана. Она хорошо двигается, пусть и немного худощава. Глядя на нее, непросто думать о боге-кузнеце и святом огне.

– Они приковывают человека цепью, со связанными руками, – говорю я сдавленно. – Цепь прибивают к столпу частокола или к дереву и обливают человека драконьим маслом. Это называют Танцем Огня. Приказывают танцевать его всем, кто не поклонится их Змеям. У них есть мерзкие музыканты, которые играют для танца.

Я отдаю ему кувшин.

– Мы выжили, – улыбается Грюнальди. – А потому нет смысла хмуриться. Ты стал Песенником, как мне кажется. Ты вернулся домой. Есть что праздновать.

– Не все так просто, – отвечаю я, запрокидывая голову под капли дождя. – Я сделал кое-что, чего не помню. Пожалуй, именно под влиянием песни. Я пошел в твой дом и увидел, что там живут Змеи. Вернее, уже не живут...

– Мало кто может сказать о себе, что за него отомстили при жизни, дружище, – Грюнальди явно тронут. – Но ты рассказываешь о том так, словно победить в поединке многих мужей это стыдно.

– Мужей?! – я хватаю его за плечо. – Последнее Слово, я убил всех. Вспоминается, что я уложил их рядом подле ворот. Всех. Я убил даже животных. Что бы чувствовал ты, проснись в тебе подобное? Песнь сделала из меня чудовище. Я не знаю, что сделаю в следующий миг!

Снова забираю кувшин и судорожно пью прямо из горлышка.

– Они убегали от меня, как от чудовища. Воя и обгоняя друг друга. Я шел следом и убивал их одного за другим.

– Я уже видел, как люди впадали в бешенство и по меньшим поводам. Но я не видел, чтобы кто-то так сильно переживал из-за подобного. Мой совет прост: случилось, что случилось. Если бы я не ушел сюда так быстро, у тебя появилась бы причина мстить. Но я боялся за детей. А так – выходит, что и сам затанцевал бы на цепи, как ты говорил. Тебе не найти никого, кто обвинил бы тебя в том, что ты отплатил Змеям. А если тобой и вправду завладела песнь богов, это и вовсе сделал будто некто иной. Ты был лишь орудием. Поэтому сделай то, что делает юноша, когда ему приходится впервые взять меч и кого-то убить. Напейся. Договорись с девкой, чтобы та пошла с тобой в постель. Почувствуй, кто тут умер, а кто выжил. Потом выпись. А если не поможет, ступай в храм и поговори с богами.

– Сделаю, как советуешь, – говорю я мрачно. – Давай-ка кувшин.

* * *

Он сидел на деревянном балконе угловой башни, сплетя руки на крестовине балюстрады, свесив ноги в пропасть. Смотрел на затканное туманом озеро и мелкие снежинки, крутящиеся в воздухе. Молчал и выпускал изо рта облачка пара.

– Что делаешь? – спросила Цифраль, садясь на балюстраде.

– *Vittuun*, – рявкнул Драккайнен. – Уйди с глаз моих, сука.

– Так зачем ты меня вызвал?! – крикнула она со слезами. – Чего вообще хочешь?! Я нашла тебе боевое состояние, как ты и хотел! Зачем ты туда лез? Поздороваться? Комнату снять?

– Ты перехватила контроль, Цифраль. Сделала, что хотела. Мне остались лишь воспоминания убийства. Убийства! Резни! Я об этом не просил! Ты мной овладела!

– Ты был один, а их двадцать! Кроме того, я не перехватывала

контроль. Нашла нечто, подобное боевому состоянию, и освободила его! И все! Я, что ли, нажралась тех ягод?! Оно в тебе сидело. Ты именно это хотел сделать, а потому не притворяйся невинной девицей, *paskiainen*!

– Во мне?! Я хотел убивать женщин и детей, собак, коз и коров?! Хотел ровнехонько раскладывать их под дверьми?!

– Женщины были вооружены. А детям ты позволил сбежать, – сухо заявила она. – Только в одного крысеныша, что тебе угрожал и пугал Аакеном, ты пнул отрубленной головой. Он выжил. Самое большее, ты ему шишку набил. И перестань изображать из себя святую Люцию! Может, хочешь корону из свечек на голову?! Вспомни ту их свалку, которую ты видел перед тем, как туда пошел! Думаешь, они отличаются от остальных Змей?! Живут, как их учит Аакен. Берут, что им нравится! Реализуют любой каприз, который в голову придет! Этому он научил их между Музыкальным Адом и Садам Наслаждений! Единственную власть, которую они признают, – его слово, а в остальном делают, что пожелают.

– Какая свалка? – спросил неуверенно Драккайнен.

– Простая, как в селе! Битые черепки, объедки, мусор, черепа, ребра и подпорченный труп с вырезанными кусками мяса на бедрах. Не помнишь? Это тогда у тебя планка упала! Последнее, что ты сказал: «Это не люди. Это твари!» А потом только рычал. Тебе удалось отшвырнуть мужика на четыре метра, а в нем было килограмм сто двадцать! Поэтому не веди себя как брюссельская правозащитница! Вместо того чтобы киснуть, прими к сведению, что в тебе есть ярость берсерка, вызываемая по желанию.

– Цифраль, свали, – обронил он. – Мне нужно подумать.

– *Kaaikenlaista laameri!* Что, будешь так сидеть? Ты пьешь уже три дня. Тебе что, делать нечего?!

– Что-то я замерз, – сказал он, поднимаясь. – Пойду-ка в баню.

* * *

Попытку я делаю на каменистой вершине, неподалеку от храма с кузницей.

Высыпанный на плоский камень зернистый черный порошок удастся поджечь. Он шипит и плюется огнем, вызывая клубы густого серного дыма, но горит как-то медленно. Я снова пытаюсь вспомнить пропорции. Уголь, сера, селитра. Может, что-то не так с гранулированием?

Жрец сидит неподалеку на корточках и смотрит со скептическим интересом.

– Для разжигания мокрого дерева лучше драконье масло, – говорит. – Наново ты его не выдумаешь, а это – дурость одна. Мы два дня уже смешиваем, мелем, мочим, толчем и сушим, как ты хотел. А теперь оно воняет.

– Нужно еще раз высушить, – говорю я. – Потом закроем порошок в железной трубе и заткнем ее пулей из свинца. Подожжем второй конец, огненный порошок выбросит пулю дальше и быстрее, чем летит любая стрела. Она пробьет любой щит и любой доспех.

Он качает головой.

– Богам не понравится.

– А что за дело богам?

– Этого нет в песни людей. Они не любят, когда слишком много придумывают. Даже корабли делают точно так, как говорит песня. Порой попадаются одержимцы, которые желают делать другие корабли. Быстрее, больше или маневреннее. С другими парусами или идущие более резким галсом. Такие корабли сразу тонут, и не потому, что они плохо плавают. Призывают проклятие на экипаж, попадают в штормы, напарываются на скалы или на ледяные горы, их преследуют морские твари. Так уж оно и есть. А твой порошок едва горит. И жутко смердит.

– Потому что влажно, – объясняю я. – Просушим его и попытаемся снова.

* * *

Та часть, что связана с кузнечным делом, идет проще всего. Люди, что превратили контроль над огнем в религию, без проблем куют необходимое. Младший жрец смог бы с закрытыми глазами сделать стальной цветок. А потому у меня есть ствол, проверенный в граненом бруске первоклассной стали. Он не длинен – сантиметров тридцать, зато калибром напоминает зенитный пулемет. Свинцовая пуля диаметром с мой большой палец.

Ствол прикреплен к деревянному ложу солидными коваными полосами. Пока это – пицаль. Гаковница. Ей далеко до снайперской винтовки, которая нужна мне более всего. Но всякий путь начинается с первого шага.

Первые испытания – тайные. Единственные свидетели – жрецы. Все, у чего есть связь с огнем, жуть как их интересует. К тому же они хотят знать, для чего служит то, что мы в поте лица изготавливаем в их кузнице уже несколько дней.

Смотрят, как я всыпаю среднюю меру пороха и тщательно трамбуя его шомполом, потом вталкиваю в ствол войлочный пыж, затем пулю, тщательно обернутую в тряпицу. Где-то восемь гранов пороха. Должно позволить выстрелить метров на двести. Не будет слишком точным, но хватит. Залп, скажем, десяти таких гаковниц может изменить судьбу этого мира.

Они сидят рядком в своих кожаных кафтанах, изрисованных святыми знаками, в идиотских кожаных шапках, похожих на конверт, и с интересом смотрят на меня. Никто из них не выше метра сорока. Надо бы еще изобрести им чипсы.

Я протыкаю отверстие гвоздем, осторожно укладываю гаковницу между камнями и раздуваю фитиль запала, размещенный ради безопасности на длинной палке. Потом подумаем о кремневом замке.

– Нам стоит спрятаться за ту скалу, – говорю.

– Зачем? – спрашивает главный жрец капризным тоном. – Так мы ничего не увидим.

– Затем, что если я сделал что-то не так, сила огненного порошка может разорвать железо, а его кусочки обладают такой силой, что разорвут нас на части.

Кажется, я их не убедил, но они послушно уходят за скалу. Выглядят, как три расстроенных хомяка. Я приседаю рядом и вытягиваю палочку с тлеющим на конце шнуром, пропитанным серой.

Попасть фитилем в небольшое отверстие с помощью трехметровой жерди оказывается труднее и нервнее, чем казалось сперва. Особенно под внимательным взглядом трех комично серьезных карликов.

– Заткните уши, – говорю. – Будет страшный гром.

Но сперва слышно ядовитое шипение, из отверстия выстреливает пучок лилового коптящего огня, и лишь потом грохает. Примерно, как выстреливает пробка из хорошенько встряхнутого шампанского.

Я вижу пламя на конце ствола и клуб седого дыма, потом слышу лязг металла старого панциря, висящего на столбике как цель, в пятнадцати шагах. Близко, но это лишь демонстрация.

Пуля дважды отпрыгивает от снега, на плитах брони видно явное углубление. Нужно лишь немного присмотреться. Мое страшное огненное оружие оббило ржавчину и слегка прогнуло металл.

– Я слыхивал и худшие громы, – замечает один из жрецов.

– Может, лучше теми шариками бросать? – добавляет второй с явственной вежливостью в голосе. – Будет тише, а полетят они дальше. А если попадешь чем-то таким человеку в голову, то...

Замечает мой взгляд и умолкает.

– На сегодня хватит, – заявляю я, стараясь, чтобы прозвучало это спокойно. – Нужно еще подумать.

* * *

Мне нужен план. Метод.

Лобовая атака отпадает. Кажется, у меня нет серьезных шансов и при магической стычке. Остается скрытое убийство.

Я расспрашиваю о ядах. У них есть знахарь, у них есть бабы, что занимаются травами для личных нужд, но скажи им «яды» – и все начинают озабоченно чесать головы. Знают какие-то ядовитые грибы, но нынче не сезон. Начинается зима. Якобы, можно ужасно отравиться еще белыми ягодами, растущими на болоте, но собирать их нужно летом.

Остаются конвенциональные средства. Клинок, стрела, меч. Даже чернокнижники спят или бывают невнимательны.

Я хожу окрестностями и по городу – и думаю.

Снаружи пока спокойно. Змеи отступили после моей диверсии и пару дней не показывались вообще, а теперь снова собираются по ту сторону озера, но малыми группками и довольно несмело.

Грюнальди, вдохновленный моим примером, собирает ударную группу и по ночам то и дело ходит на вылазки. Они перерезают пару-другую глоток, прикалывают кого-то к дереву – и снова воцаряется спокойствие.

* * *

– Это единственный способ, – объясняю я. – Нужно скрытно идти туда, подождать соответствующего момента и убить сукиного сына. Нужно убить ван Дикена. Без него Змеи быстро вернутся к себе. Нынче они настолько сильны лишь потому, что за их спинами – песни богов.

– Как убить Песенника? – сомневается Атлейф. Мы сидим втроем в большом зале: молодой стирсман, Грюнальди и я. – Как ему сопротивляться? Окруженному ошалевшими Змеями, в замке из топоров? Какая армия сумеет ворваться внутрь? Да еще зимой?

– Не армия, – говорю я снова. – Один человек. Я. Незаметно, переодевшись, все время скрытно.

– Ты не пойдешь снова в одиночку, – с напором говорит Грюнальди. –

Отчего ты такой глупый? Один человек – одинок. Он должен когда-то спать, может вывихнуть ногу, и у него нет глаз на затылке. Не считай мужей детьми, которые станут путаться у тебя под ногами. Я ведь уже был с тобой в таком походе.

– Хорошо, – соглашаюсь я терпеливо. – Можешь идти со мной. Можем даже прихватить с собой двоих-троих. Но я говорю о принципе. Никакого геройского сражения с открытым лицом. Никаких штурмов с воплями и ударами топором по щитам. Эта скотина без чести. Зато у него есть сила, позволяющая изменять людей и убивать на расстоянии. Я говорю, что его нужно убить, а не победить. Ножом в спину, придушить во сне, отравить. И речи нет, чтобы захватывать замок, – лишь туда прокрасться. Ночью, незаметно. Именно поэтому идти следует лишь несколькими. Словно волкам. Станем прятаться и скрываться. Будем как духи. А когда выпадет удобный момент, атакуем. А потом исчезнем.

– Не слишком много в этом чести, – Атлейф печален. – Как-то это... трусливо. Это вообще достойно воина?

– Это куда опаснее, чем тебе кажется, – отвечаю я. – Тут все дело в... – Мне не хватает слов. Результат... Эффект... Но таких понятий или нет в их языке, или я не могу их вспомнить. – Нужно, чтобы он погиб. Как можно быстрее и проще. Только это и важно. Я думал, мы можем спокойно подождать до весны. Запланировать, подготовиться и пойти, когда сойдет снег. Но теперь вижу, что весной будет поздно.

– Я, пожалуй, понимаю, о чем ты, – говорит Грюнальди. – Все, как когда мы отбивали детей. Нас было лишь четверо, Змеев – две дюжины. Они сидели, закрывшись в городе, но мы все равно сумели.

– Понадобится много всякого, – говорю я неторопливо. – Это совсем не просто. Нужно придумать способ, каким несколько мужей могут незаметно пробраться в самое сердце земли Змеев. Нужно придумать, как убить Песенника, прежде чем он нас увидит, – и это должен быть хороший способ. Поэтому я уже несколько дней выпрашиваю об отраве, смешиваю странные порошки и развлекаюсь с драконьим маслом. Его не так просто убить. А кроме того, он безумен. Еще нужна какая-нибудь карта.

– Что оно «кахрата»?

– Когда вы плывете по морю, откуда знаете, как попасть в нужное место?

– Есть разные способы, – отвечает Атлейф. – Если плывешь с Острожного острова, нужно, чтобы суша оставалась слева. А весной, когда всходит Стрела, ее наконечник должен оставаться на две ладони справа от бушприта. По-разному то есть. Но дорогу должен выучить стирсман.

Поэтому он сперва плавает с отцом или кем-то, кто знает пути. Если человек побывал где-то хоть раз, после сумеет туда попасть. По памяти.

Я хватаюсь за голову, затем упираю локти в стол. Народ мореходов...

– Карта – это картинка, – говорю отчетливо и не торопясь. – Ее рисуют на коже, полотне или чем-то таком. Это нарисованная страна, так, как ее видела бы летящая птица, только на ней все маленькое, чтобы полностью уместиться на куске полотна. Рисуют там леса, горы, дороги и реки. Смотри. – Я макаю палец в пиво и черкаю по столу. – Вот это – берег озера, это Драгорина, а тот кусок хлеба – наш город. Река ведет как-то так, вот тут – те соединенные озера, тут – дом того, что повесился, а там, где сидит Атлейф, – север и там порт Змеиное Горло. Понимаете? Карта!

Атлейф ошеломленно глядит на стол, словно ожидая увидеть на нем порт.

– Там, где он сидит, – возмущается Грюнальди, – восток. Север – здесь.

– На карте! На картинке я рисую север вверху, юг внизу и так далее. Понимаешь?

– Понимаю. А зачем эта картинка?

– Чтобы найти дорогу там, где ты никогда не был. Чтобы знать, где ты и куда нужно пойти. Проверяешь, где находится север, потом разворачиваешь карту так, чтобы направить ее, где север на самом деле, – и все видишь. Тут, например, та гора, за ней – ручей, и все такое.

– Ну хорошо, а как нарисуешь гору на куске кожи? Кожа плоская, а гора выпирает.

– Может, сделать ее из чего-то и прилепить? – осторожно предлагает Атлейф.

Непросто идет.

– Дайте мне кусок угля, – говорю – Смотрите на эту палочку и на то копье. Видите их длину? Называется: пропорции.

– Пройпперсейн... – повторяет Атлейф Кремневый Конь благоговейно. И правда непросто.

* * *

Проведываю арсенал и ищу вдохновение среди убийственного железа разнообразных форм и размеров. Топоры, мечи, копья, дротики. Но нет ничего, что могло бы заменить мне мой меч. Мой совершенный *синоби-кэн* фирмы Nordland Aeronautics, который носит, если верить снам, какой-то

щенок, изображающий великого героя.

Потому я возвращаюсь к кузнецам и прошу их отковать разные вещи. При мне рисунки, которые их очень интересуют, но мало что дают. Потому я описываю, как умею, а потом снова присаживаюсь на камни, смотрю на озеро в поисках вдохновения и ласкаю свою бессмысленную гаковницу. У меня еще есть запасы того, что по составу один в один порох, пахнет как порох и как порох же выглядит, только не имеет его силы. Слишком медленно горит. Мы делали черный порох в замке Даркмур. На всякий случай. Я прекрасно помню и знаю, как он должен действовать – да вот не действует.

Я сделал несколько попыток с разными составами, но эффект всякий раз оставался одинаковым. Пуля летела криво метров на пятьдесят, и ее без проблем можно было провожать взглядом. Даже праща рядом с моей гаковницей – смертельное оружие.

По крайней мере я отремонтировал свой лук.

В последний раз снаряжаю гаковницу и стреляю в сторону озера. Вижу, как заряд прыгает по волнам, словно утка. А потом сижу на скале с трубкой в зубах и смотрю на лоснящуюся, будто сталь, воду в поисках вдохновения.

– Я как-то видел такое, – отзывается знакомый скрипящий голос. – Не будет действовать.

Я нервно вскакиваю и смотрю на него. Не мог же он вырасти из снега вместе со своей тележкой и уродливым осликом, похожим на смесь окапи с жирафом. Не верю также, что он сумел ко мне подкрасться.

– Ты уже видел гаковницу, Воронова Тень?

– Да назови ее как хочешь. Но подумай о том, что было бы, если бы удалось. Через какое-то время всякий ходил бы с такой трубой. Ни к чему мужество, умение и мудрость. Власть захватывает тот, у кого больше труб, больше черной пыли и больше пуль. Или тот, кто делает их быстрее. Когда любой идиот может взять оружие, способное прикончить каждого, вскоре миром начнут править дураки. Такая идея – лучший способ приблизить мертвый снег. Подумай об этом, Спящий-на-Дереве.

– Такие разговоры ужасно помогут мне в час, когда миром начнут править безумцы, пользующиеся песнями богов.

– Поиски прямой дороги тебе тоже не помогут. Может, тебе будет проще, если скажу, что этот порошок когда-то действовал иначе и призвал мертвый снег? Тогда боги это заметили, и теперь их песни всегда слетаются туда, где кто-то смешивает уголь с селитрой. Так говорят в старых сказках. Есть вещи, которым не позволяют действовать, потому что так лучше. Их нет

в песнях людей, и потому люди не могут ими владеть. Иной раз потому, что не смогут, иной раз – потому что это принесет больше вреда, чем пользы.

– Значит, я могу пойти и метнуть в него копье или попытаться прокрасться с мечом в его спальню – или же садимся и ждем. Войны богов или мертвого снега. На выбор.

– Он Песенник. Убей его песней богов.

Я только фыркаю и сплевываю себе под ноги. Мне даже говорить неохота.

– Чудесно. Попытаюсь ослепить его своим магическим мастерством.

– Ты слишком быстро теряешь силу духа, Спящий-на-Дереве. Я приехал, чтобы кое-что тебе продать.

– Те твои предметы и вправду деют?

– Этот – наверняка. – Он показывает мне кривоватую палицу, сделанную словно из куса красного коралла.

– И что оно такое?

– Ты его прекрасно знаешь. Копье Дураков.

– То самое? А почему оно так выглядит?

– Оно сильное. Я скрыл его в обожженной глине, чтобы защитить от разума тех, кому неизвестны песни богов. Тут слишком много силы урочища.

– И в чем его сила?

– Я немного проверил, немного додумался. Это оружие Песеников. Должно быть, он тебя испугался, если схватился за копье. Сделал его на тот случай, если бы пришлось встать против Песенника, силой сравнимого с ним.

– Как оно действует?

– Убивает.

Я одаряю Воронову Тень тяжелым взглядом. Уже протягивал ему кувшин с медом, но теперь придержал руку.

– Убивает? – цежу ядовито. – Правда?

Он пожимает плечами.

– Ты спрашивал, как оно действует. Это копье. Можно ли спросить глупее? Ты не знаешь, как действует копье?

– Я спросил, чем оно отличается от нормального. Так трудно понять, о чем я спрашиваю?

– Оно чувствует силу урочища. Его к ней тянет. Как волка притягивает запах крови.

– Значит, когда Песенник мечет его, оно вернется и проткнет его?

– Нет. Тот, кто его делал, не настолько глуп. Оно ищет впереди. Прямо

по древку. Достаточно метнуть его в Песенника – и дело сделано. Даже если бросишь легко, оно полетит как стрела. Даже если Деющий начнет убегать, Копье Дураков его догонит, полетит следом и проткнет.

Он отпивает из кувшина, возвращает его мне. Я протираю горлышко рукавом и тоже делаю глоток. Мед теплой волной стекает в желудок и гонит оттуда мороз.

– Откуда ты так хорошо знаешь, как оно действует, Воронова Тень?

Он хитро ухмыляется.

– Потому что я убил Деющего. Хотел испытать его и при случае разрешить старую проблему.

Меня охватывает подозрение.

– И как тот Песенник звался? Как он выглядел?

– Нет-нет, – отвечает он. – Это не был тот, кого ты ищешь. Это был кое-кто, кого я знаю очень давно.

Мы минутку молчим, я пыхаю из трубочки, поглядываю на Копье Дураков.

– Насколько близко нужно подойти?

– Я знаю, что оно действует на Песенника, которого ты можешь увидеть. Возможно, и дальше, но я не пытался. И ты наверняка не можешь метнуть его здесь и полагать, будто копье полетит на Скалистые Вершины. Оно должно увидеть свою цель. А может, должен и ты, как знать? Но когда оно долетит...

Он прикрывает глаза и с наслаждением чмокает.

– ...бьет словно таран. Пройдет сквозь любую кольчугу или броню. Втыкается...

– Знаю, – обрываю я его почти жестко. Он не по-хорошему смеется.

– Если оно настолько ценное, отчего он не забрал его назад?

– А ты не знаешь?

– Потому что я был деревом? Он хотел, чтобы оно убило меня, если кто-то снимет заклинание?

Тот качает головой.

– Он полагал, что ты настоящий Песенник. Боялся, что ты сам снимешь чары. Поэтому послал своих людей в горы и приказал им найти Дерево. Чтобы забрать копье и сжечь тебя, пока ты деревянный. Тот, кто нашел бы, мог получить пять молодых невольниц, горшок золота и неделю в Садах Наслаждений.

– Как это искать? Насколько бы я сумел отойти, проткнутый навывлет и превращающийся в дерево?

– Все же ты туповат. Помнишь, где ты с ним встретился?

Представляешь, где Обиженная Вершина?

– Что?

– Обиженная Вершина! Голая девица, которая обиделась и плачет. Большая гора с сиськами, как ледники! Нужно быть слепым, чтобы...

– Представляю, где это. Названия я не знал...

– А видел ее, когда проснулся, когда вылез из ствола?

...Две затуманенные вершины, жмущиеся друг к дружке, словно ягодицы. Рваная линия скал, затянутая голубой дымкой. Видимые вдалеке два пятна леса, взбирающегося по склонам, горящего королевскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, покрученные так, словно они вышли из-под рук мастера бонсай... Но ни следа от Окаменевших Чудес, ни следа Плачущей Девушки.

– Тогда откуда я там взялся?

– Ты, несомненно, Песенник, только неосознанный. А этот колышек, – он взмахивает копьем, закатанным в керамический валик, – отяжелевший от силы урочища. Ты умирал, хотел оттуда уйти, вот тебя и перенесло. Не спрашивай, как. Ты исчез с моих глаз. Пропал. А он знал, что ты оставался слаб и что далеко тебя не унесло, а значит, ты должен быть где-то в его горах, но не знал точно, где именно.

Я отставляю кувшин.

– Значит, оно тоже может переноситься?

– Не копье! – кричит он раздраженно. – Что за козел! Не копье само по себе, а сила урочища! Сумеешь повторить это без наконечника в кишках?

– Не знаю, – говорю я. – Ладно, что ты за него хочешь?

– Я торговец. Хочу пять гвихтов.

– Ну нет. Ты сбрендил.

– Аакен платит целый горшок золота. Не говоря о прочих вещах.

– Погоди-ка. Копье и так было моим. Ты у меня его забрал.

– Я ведь тебе заплатил!

– Заплатил?! Ты бросил мне какой-то гнилой картошкой в морду! Хочешь, я заплачу тебе так же?

– Это был гриб из урочища! Полный силы. То, что в тот момент тебе было нужно больше всего! Ты предпочел бы тогда золото? Знаешь, сколько теперь Песенники платят за кусочек песни богов? За ее щепотку?! Урочища пусты! Пусты!

Я выбиваю трубку о камень.

– У меня еще остались какие-то деньги в сумах. В доме. Идешь со мной или подождешь?

– Подожду. У меня в повозке ценные вещи.

В переполненном доме непросто было найти нужную комнату. Большую, не слишком заставленную и такую, что никто не использовал как спальню. Он приказал закрыть тяжелые ставни, задернул еще и шторы и пригасил огонь в очаге.

На подворье собралась немалая толпа. Объявленный Драккайненом турнир слегка разгонял зимнюю тоску и обещал немало развлечений.

– Условия простые, – кричал Вуко с деревянной галереи над двором. – У меня на шее амулет. Камень на ремешке. Я сижу один в темной комнате, спиной к двери. У меня только деревянный меч и нож, детский. Кто хочет идти со мной в поход, должен войти сперва в сени, вооружиться такими же мечом и ножом, а потом войти в зал и отобрать у меня амулет. Все равно, как. У меня пять таких камней, и я возьму с собой пять человек, которые сумеют отобрать эти камни. Нельзя использовать другое оружие, чем то деревянное, которое лежит в сенях. Я не хочу, чтобы с кем-то случилась беда. Теперь я туда вхожу – и буду ждать. Предупреждаю: там темно. Удачи.

Он закрыл дверь в сени, а потом вошел в комнату. Передвинул одну из лавок и поставил ее напротив входа, попереносил железные лампы на треногах в случайные места, низко над полом растянул веревку, разбил об пол несколько глиняных кувшинов. Кое-где привесил к стропилам звоночки, взятые с конюшни, и пустой котел, который наполнил металлическими кубками и кувшинами.

Наконец отошел на другой конец комнаты, уселся на стол и положил на колени деревянный меч. Решил, что все готово, и налил себе меру пива в оловянный кубок.

– Это легко! Прежде чем вы досчитаете до ста, я выйду с амулетом, – кричал кто-то за дверью. – Сейчас увидите! И попытайтесь сделать это быстрее, чем Гьоллхад Каменный Волк!

– Это будет длинный день, – сказала Цифраль. – Но и тебе стоит чуть размяться.

В абсолютной темноте комнаты осторожно скрипнула дверь.

Гьоллхад и вправду вышел в рекордное время. Болельщики не успели сосчитать даже до девяноста. Вышел без амулета, но и без деревянного оружия, держась обеими руками за темечко. Ни с кем не захотел разговаривать, пока не лег на лавку, свернувшись в клубок, и только тогда слабым голосом попросил, чтобы ему принесли снег.

Смеркалось, когда Драккайнен снова вышел на галерею. Чуть прихрамывая, с подбитым глазом, шишкой на лбу и содранными, окровавленными костяшками на обеих руках.

– У меня было пять амулетов, – крикнул он. – Все пять у меня отобрали. Поздравляю победителей. Прошу прощения, но увидимся на завтраке. Мне нужно сходить в баню, а потом лечь. Плохо себя чувствую, как бы чего не повредил. И я немного устал.

Толпа искалеченных, избитых людей, прикладывающих к лицам горсти краснеющего снега, а то и перевязанные тряпками, выслушала его молча – и разошлась.

В тот вечер рано легли все.

* * *

– Грюнальди... – говорю я при виде камня, лежащего перед моей тарелкой и непроизвольно щупаю опухшую щеку. – Я тебя сразу узнал.

Грюнальди со стоном всовывается за лавку и отчаянно осматривается в поисках чего-то мягкого, что не нужно слишком сильно кусать.

– Творога?

Он горячо меня благодарит, крошит творог в миску и заливает пивом.

– Грунф... Ты ужасно шумел, но тебе все равно удалось.

– Я специально, – отвечает он. – Хотел погреть тем железом, чтобы ты не услышал, как я иду.

– Спалле. Поздравляю. Ты хорошо движешься в темноте, тебя почти не было слышно. Какое-то время я вообще думал, что ты не входил.

На стол ложится еще один амулет.

– Я Варфнир Бегущий-по-Склону.

– Это ты ходил осторожно, ощупывая дорогу мечом? Хорошо бьешься.

– Он у нас лучший, – говорит чуть завистливо Грюнальди. – Живет в моем дворе.

– А где пятый?

– Здесь!

Мы все замолкаем и смотрим, удивленные. Грюнальди качает головой и наливает себе пива.

– Да, это я! Сильфана Говорящая-с-Пламенем. Вам стыдно?

– Ты хочешь идти с нами? – спрашивает неуверенно Грунф.

– А что, думаешь, я не смогу? Что я из тех женщин, которые постоянно жалуются? Что я устану, испугаюсь или расплачусь? Я получила амулет

или нет?

– Получила, – признаю я. – Таковы условия.

– А ты что, дурень? Не узнал, что баба?

– Было темно, – объясняю я. – А кроме того, она хороша. Вошла тихо как мышь, а потом притаилась и заставила меня ее искать. Знает, как пользоваться своей ловкостью и быстротой. Ей не пришлось быть быстрее или сильнее меня. Дала мне в лоб котелком, который я сам там повесил. Раскрутила его и приманила меня так, чтобы я получил по черепу. Если бы не закрылся... Это было хорошо. Только что скажет на это Атлейф?

– Я уже не ребенок, чтобы спрашивать у брата позволения, – заявляет Сильфана.

– Стирсмана Людей Огня, женщина, – злится Грюнальди. – Я проходил такое десятки раз. В самых разных морских походах и всяком таком, потому что вторая моя женщина в точности, как ты. Не говорю, что ты справляешься хуже мужей, которым Ульф посчитал кости, понятно, что это неправда. Ты получила амулет, разбила ему башку, а он успел только подбить тебе глаз и что-то еще: уж очень странно ты сидишь. Многие так не сумели. Но дело кое в чем другом. Мы идем убивать Песенника. И только это идет в расчет. Может, мы все погибнем, а может – только половина. Это не настолько важно, лишь бы погиб проклятый король Змеев, потому что тогда, возможно, мир не закончится. Идя с мужами, мы это понимаем. Умеем вынести, когда кто-то погибает, хотя это непросто. Но мы можем не справиться, если между нами будешь ты. Тогда убийство Песенника не будет самым важным. Важнее будет, чтобы ты вернулась домой живой. Пусть даже прочее нам не удастся. Мы, Люди Огня, бережем своих – и ничего с этим не поделать. Мы можем делать вид, что ты рождена из железа и войны, как всякий среди нас. Но когда прольется кровь, мы все станем думать только о тебе. Так уж оно есть. И это не все. Ты будешь отважной и станешь демонстрировать нам, что справляешься не хуже. Будешь этим хвастаться. А мы будем стараться от тебя не отставать. А потом мы от тебя одуреем. Глянь на Ульфа! Только глянь на него! Как он нас поведет, если ты будешь с нами? Ему придется выжать из нас все силы, и я уже вижу, как он думает лишь о том, суха ли твоя худая жопка, тепло ли тебе и не грозит ли тебе чего. Ты что, слепая, женщина?

Устанавливается тяжелая тишина.

Мне кажется, я краснею и едва сдерживаюсь, чтобы не расколотить Грюнальди его рыжую голову.

Варфнир озабоченно откашливается и заглядывает в кувшин, Грунф с изрядным вниманием осматривает кусок мяса, что держит в руках.

– Ульф будет вести поход, и я хочу знать, что об этом думает он, – говорит Сильфана и меряет меня внимательным взглядом оленьих глаз.

– Мы не идем на битву. Мы идем прокрасться и убить, а это куда труднее. Для всех нас. Но то, что говорит Грюнальди, тоже правда. Я знаю, что ты справишься. Но не знаю, справимся ли мы. Скажу так: ты – сестра стирсмана. Думаешь, Атлейф не желает идти? Мы ругались весь вечер. Он понял, что нужен Людям Огня. А потому даже не входил в темную комнату, потому что кому-то следует остаться здесь, с ними. Так же обстоит дело с тобой. Что будет, если он погибнет?

– Люди Огня выберут себе нового стирсмана, – говорит девушка неуверенно.

– Когда-нибудь. Если сумеют решить. А до того времени предводительствовать придется его сестре. Стирсман решит. Если Атлейф согласится, можешь идти.

– Ты не сказал, что ты сам об этом думаешь.

– Потому что нынче время убить короля Змеев. Больше ничего не важно. Даже то, что я о таком думаю. Скажу так: я хотел бы, чтобы ты выжила, Сильфана. Если пойдешь с нами, не знаю, как оно будет. А я хочу вернуться и увидеть, как ты танцуешь с огнем.

* * *

Потом я выхожу на галерею, раскуриваю трубку и смотрю на подворье, полное людей. Дом большой, но из-за нападения Змеев буквально трещит по швам. К сортирам и бане – вечные очереди, непросто подсчитать, хватит ли припасов, хотя сюда свозили все, что удавалось. Я стараюсь сконцентрироваться на крутящемся в голове плане, но у меня тяжело на сердце. Грюнальди может быть прав: когда в воздухе висит вероятность, что Говорящая-с-Пламенем, девушка-серна отправится с нами, мы начинаем корректировать план, потому что он кажется слишком рискованным.

Она выходит из коридора и бесцеремонно вталкивает меня в какую-то комнату, где сидит несколько женщин – видимо, невольниц, – которые шьют. Шьют одежды и меха, которые я заказал.

– Выйдите! – фыркает она.

Мы остаемся одни. Она прижала ладонь к моей груди, удерживая двумя пальцами полу кафтана, словно ожидая, что я сбегу.

– Хочу узнать, что ты думаешь, когда тебя никто не может услышать.

Скажи мне: «Сильфана, иди со мной». Или: «Сильфана, останься дома». Это просто.

– Сильфана, – говорю я, – останься там, где я найду тебя живой, если выживу сам.

Она легонько отталкивает меня.

– Хорошо, я останусь. Но только потому, что ты так сказал. Даже не пытайся погибнуть. Ты должен вернуться.

– Сильфана... Я тебе в деда гожусь.

Она фыркает смехом и подпирается кулаками.

– Я что, выгляжу дурочкой?!

Я вздыхаю.

* * *

Еще один разговор наедине случается у меня с Атлейфом. На этот раз в арсенале, где я раскладываю на большом дубовом столе убийственные железки.

– Моя сестра... – говорит Атлейф. Я играю желваками. Еще один станет меня сватать? – Наделала шуму, а теперь ходит какая-то веселая. Кто ее поймет?

– Стирсман... Я приказал ей остаться дома, хотя она хотела идти – как и ты. Не знаю, чему она радуется.

– Именно потому, что ты вообще что-то ей говорил. Она упрямая. Если вобьет себе что в голову... Ульф, только она у меня осталась. Отец погиб в заморском походе, мать убили Змеи, когда она защищала наши земли. Когда я услышал, что Сильфана хочет идти с тобой...

– Она сказала, что остается. Можешь не переживать.

– Не в том дело. Я хотел бы, чтобы она пошла.

– Как это?! – я прячу нож в ножны и испытующе смотрю на Кремневого Коня.

– Возможно, по той же причине, по которой ты желаешь, чтобы она осталась. Я думал, с тобой ей будет безопаснее. Если Змеи ударят в нас песнями и чудесами, возможно, нам придется отступить на север.

– Если Змеи ударят, это будет означать, что мы мертвы.

– Необязательно. Возможно, вам не удастся, но вы останетесь живы. Я в это верю. А теперь – и сам не знаю... Думал, что, возможно, ты сумеешь ее защитить.

– Я собираюсь туда, где непросто защитить хоть кого-то.

Раскладываю на столе весь инвентарь, который удалось собрать. Для каждого – моток веревки. У каждого мотка на одном конце есть карабинчик из моих запасов, на втором – петля. Мой лук и еще четыре, такие же короткие и компактные. Они не сумели бы скопировать мой, но оказалось, что у них есть приличные небольшие луки, похожие на монгольские, которые они возят на кораблях. Железные пирамидки из шипов тэцубиси. Если бросать их за спину при бегстве, один из шипов всегда будет смотреть вверх, и при том их можно носить безопасно, воткнув один в другой. Отковали мне их низенькие пастыри кузнецов с гор, как и звездочки для метания. Мечи. Их мы выбирали часами, каждый себе. Мои новые клинки – два палаша-близнеца с полузакрытым эфесом, и я с ними ежедневно по три часа тренируюсь. Плетеные гарроты из ремней, ножи, фляги, мисочки, целая кипа съестных припасов. Все высокоэнергетичное и концентрированное. Сыры, которые у них вполне приличные, сушеное вяленое мясо, хлебцы – что-то вроде кексов, который можно есть и через десяток дней. Я проследил, чтобы они были сладкими, фаршированными орехами и вареными в меду фруктами. К счастью, в отличие от остальных моих изобретений, это для них совершенно понятно, и нет нужды ничего объяснять. Они полжизни проводят на кораблях, и долго хранящаяся пища – привычное дело.

Я попросил сшить длинные попоны для лошадей, с одной стороны белые, с изнанки – бурые, как и полотняные штаны и кафтаны, которые мы натянем на меховые штаны и анораки. Еще специальные капюшоны, позволяющие закрыть все лицо. Надеваемые на перчатки и сапоги накладки с шипами тэкаги, для подъема по стенам. Мешки и разгрузка, позволяющая тащить все это на себе. Несколько недель все, кто умел шить одежду и шкуры, благодаря мне получили занятие. У нас горы полезных вещей, но прежде всего – Копье Дураков. Оно закрыто в глиняной скорлупе, к тому же вложено в меховой футляр.

С той поры как наше снаряжение готово, я ежедневно приказываю моим ассасинам надевать все на себя и гоняю их в снегу вокруг озера. Ночами мы похищаем и вырезаем небольшие банды Змеев, что стоят лагерем на краю леса или бродят окрест. Потом я безжалостно учу друзей по оружию языку жестов и метанию сюрикенов.

Сам же хожу на берег озера, где одинокий карлик закидывает меня камнями и проклятиями.

– Еще раз! – орет он. – Сконцентрируйся, ты, дурень! Только тратишь остатки песни. Пой о щите! О щите!

Я концентрируюсь, визуализирую, хотя дает это немного. Камни больно бьют меня по голове и груди, но щита нет. Чаще всего. Иной раз мне удастся отбить камень в воздухе, но правила я ухватить не в силах.

Однако наука Вороновой Тени все-таки пригождается.

– Ты обязан хорошо знать, что должна делать песня. В точности. Что, с кем, где и когда. Представь, что она будто порошок, которого тебе должно хватить. Как соль. Бросаешь щепоть в суп – и суп делается соленым. Только песнь богов – такая соль, которая может все. Ну, почти все. Ее щепотки хватит на котелок, но она наверняка не засолит все озеро, понимаешь? Скажем, ты что-то солишь песней богов: всыпаешь в суп и думаешь о соленом вкусе. Но если ты ошибешься и начнешь думать о горечи или сладости, суп придется вылить.

Я осматриваю его товары и ищу что-то полезное, но большинство из них вряд ли пригодится.

Песни богов в чистом виде, чего-то, отравленного силой урочища, нет вовсе.

– Ты купил копье, – говорит он. – Используй его.

Городище переполнено и шумно. Когда бы не редкий момент тишины однажды вечером, я бы ее не услышал.

В первый миг я не обращаю внимания на монотонные звуки, долетающие из-за дверей. До того, как понимаю, что слышу английские слова, – и мне делается холодно.

Я открываю дверь с таким чувством, словно вот-вот упаду в обморок.

Девочка сидит за чем-то, напоминающим прялку, и прядет. У нее старенькое платье, все в дырах, сквозь них видны кровавые шрамы от ногтей на коже. Я вижу, как она механически качает головой и очень быстро говорит по-английски со странным, угловатым акцентом. *Особенно поразительна особенность оказания сознательного влияния на аспекты реальности, которые в рамках старой системы наблюдения оказались бы подвергнуты тирании материалистического осознания, а в новом свете должны уступить перед неосознанным использованием креативного разума. Благодаря исключению аспектов, относящихся к мифам материализованной объективации действительности, а также археокультуры, относящейся к самоподдерживающейся ерунде так называемой этики и привязанности к персональной индивидуализации, возможно будет достичь этапа креативного сверхсознания, полностью действующего на базе материальной реальности и способной к ее полному*

переформированию в акции креативно-творческие, каковые акты сделаются полностью автономным физическим бытием. Это мир, представляющий собой конечное объективное доказательство отсутствия сущностей, объективированных материалистически, и возможности формировать сущности как живые, так и вновь созданные, выводящиеся из сверхсознания. Дальнейшей целью было бы такое формирование социальной массы, чтобы освободить ее от археокультурных псевдоограничений, от зависимости, начиная с ценностей, после отказа от концентрации на мифе существования индивидуального единичного сознания. Благодаря этому, на дальнейших этапах будет возможно создание социальной массы, способной к достижению единства с суперсознанием и предпринимающей общие акты творения...

Я хватаю девочку за плечо, и английское бормотание обрывается на полуслове. Она поднимает на меня крысиную мордочку, шипит «Пададь!», а потом худая ручка с кривыми пальцами ныряет в мою сторону. Я уклоняюсь, поэтому она рвет сломанными ногтями собственную грудь.

Это девочка-краб. Я ее знаю.

Я сам ее спас.

– Бедняжка, она совсем рехнулась, – говорит кто-то из женщин, входя в комнатку и хватая девочку за руки. – Грюнальди нашел ее в лесу. Она совсем с присвистом. Болтает, но никто бедняжку не понимает.

– Я понимаю, – говорю вполголоса. Это не она с присвистом, а ван Дикен.

Который как раз пишет книгу.

* * *

– На что ты смотришь? – спросила Цифраль.

Драккайнен сидел в ошеломлении на полу своей комнаты и с неестественным интересом на лице осматривал старую осеннюю куртку, сшитую ему Синьей и Сильгой в несуществующем домике в горах.

– Погляди-ка, – бормочет он. – Во внутреннем кармане был сверточек с ягодами. А теперь вся куртка, сверточек, даже грязь, которой они были покрыты, светится. Они пронизаны песнью богов! У меня есть магическая куртка, Цифраль. Это как излучение. Можно положить нечто богатое на песнь богов в бочке – и через какое-то время получишь бочку, наполненную магической жидкостью. По крайней мере, я так подозреваю. А это означает,

что оно ведет себя, как микроорганизмы.

– И что ты с этим хочешь делать?

– Постирать куртку, – говорю я. – А потом бросить в воду еще и ягодку.

* * *

– Воронова Тень, – торжественно начал Драккайнен, подавая карлику солидный бочонок. – Ответишь ли мне на вопрос без виляния, обманов и глупостей?

– Если буду знать, и если ты задашь вопрос, на который есть ответ. Мне подвесить Наконечник Правды?

– *Objesi sebe ovo na kurcu*, – сказал Вуко. – Каким образом мы можем куда-то переместиться песнью богов? Куда-нибудь далеко. Исчезнуть здесь и появиться где-то еще? Я знаю, что это возможно.

– Возможно, но трудно. У тебя должна быть сила урочища. Причем – много. Ты должен дать ее земле, на которой стоишь. Кроме того, ты должен иметь то место перед глазами, до последнего стебелька травы и последнего камешка. Должен знать каждый кусочек земли под своими ногами. Так хорошо, чтобы, закрыв глаза, видеть его, как живой. Ну, и ты должен хотеть там оказаться. Никто не знает так хорошо ни одно место. Обычно мы вспоминаем место, где просто были. Но этого недостаточно. Одна ошибка – и тебя разорвет в клочья. Ты перенесешься, но сразу во все стороны. Песнь богов не поймет, куда ты хочешь попасть.

– А могу ли я перенестись на коне? В одежде? Вооруженным?

– Да. Если тебе удастся, то со всем, за что ты держишься.

– А если бы я схватил тебя? Мы бы перенеслись оба?

– Возможно. Если бы я был Песенником, знал, что происходит, и помнил, чтобы ни о чем не думать. Обычный человек испугается и собьет ноты песни богов. И – конец. Но не думай об этом. То, что ты помнишь какое-то место, потому что ты в нем был, этого мало. Слишком мало. Тебя разорвет.

– Бочонок твой, Вороновая Тень. Я бы еще кое-что у тебя купил. Покажи мне свои товары. Особенно травы.

Тень скалится соблазнительнейшей из своих улыбок.

– Хочешь, чтобы девка была к тебе приязненна?

Глава 10

Эрг Конца Мира

*Пустыня, суровая мать,
Любовница от миражей.
Черное сердце, Королева,
Прячешь ты под плащом песка.*

Кебирийская сказка

*За горизонт идти, нужно идти!
Путем соли идти, нужно идти!
Белый ковер дней, ковер дней!
Прядет песок сей, песок сей!
Еще одна ночь, еще три!
Соленый встает рассвет, солоней слезы!
Кожу жжет жар, с неба жар!
Глаза дурут чар, обманный чар!
Кто ляжет в песок, под песок!
Ему братом – призрак, братом призрак!
Путем солнца идти, нужно идти!
За горизонт идти, нужно идти!*

Кебирийская песнь контрабандистов соли

Так мы и покинули последний город в Амитрае, где тысячи беглецов ждали косы колесниц и клинки «Змеиноного» тимена. Выехали из покрытого шатрами предместья, окруженные двумя десятками больших вооруженных кебирийцев на бактрианах. На этот раз никто не поглядывал на нас и не хватал за удила, чтобы молить о еде. Разбойники из всех сил пытались на нас не глядеть, отворачивались или задумчиво подпирали головы руками, так, чтобы прикрыть глаза. Беглецы даже не пытались к нам подступать.

По дороге Н'Гома заставил нас продать лошадей.

– В песках они не выживут, – сказал. – Поедете на орнипантах. Только они да бактрианы умеют выживать в эрге. Ну, может, еще онагры. Кони

пали бы за пару дней.

Отвел нас к тому, кто без разговоров взял лошадей и заплатил золотом. По четыре дирхама за коня. Это была хорошая цена, но мы понимали, что она означает нынче в Нагильгиле. Кони шли под нож. Превратившись в полоски вяленого мяса, они будут стоять ровно столько, сколько весят в золоте. И все же чувствовали мы себя отвратительно.

Бенкей переносил все это хуже прочих. Выслушал весть с неподвижным лицом, а потом долго гладил своего коня по морде, прижимался к нему и что-то шептал. Когда купец подошел к нему, разведчик внезапно одним движением вынул нож и воткнул его коню за ухо. Жест этот был молниеносен. Животное пало на колени, словно громом пораженное, потом завалилось на бок. Бенкей еще присел подле него, погладил ноздри и без слова отошел, с окровавленным ножом в руке. Проходя, оттолкнул купца плечом так, что тот опрокинулся. Купец встал, поглядел на отходящего разведчика, но не осмелился сказать ни слова.

Бенкей даже не захотел взглянуть на деньги, в конце концов, их забрал для него Крюк. Хебзагал уселся на камне поодаль от нас, повернувшись спиной, и не отзывался, смотря куда-то вдаль.

– Это амитрай, – пояснил Крюк, пряча монеты за пазуху. – Для него конь был как брат. Он не позволил бы, чтобы какой-то хам лупил его животное молотом или перерезал ему глотку. Не подходите к нему. Он в большой обиде. Должен оставаться в одиночестве.

Еще когда шли мы к лагерю Н’Гомы, я видел, несмотря на натянутый на лицо капюшон разведчика, что Бенкей немо плачет.

Лагерь Н’Гомы находился в нескольких часах пути от города, в узком ущелье, по которому протекал ленивый узкий ручеек, не шире струйки воды из перевернутого кувшина, но даже этого хватало, чтобы внизу шумели пальмы и кусты.

Почти все дно яра было заставлено пакетами и свертками, повсюду кружили кебирийцы в коричневых и красных пустынных плащах, ревели бактрианы, поспешно складывались последние шатры.

Надо всем этим время от времени разносился ужасный звук, напоминавший рев трубы, а заканчивавшийся звуком, что бывает от тяжелого фургона, едущего по бревнам.

– Орнипанты, – объяснил Брус. – Ты видал их вблизи?

Я покачал головой.

Я и правда не видел, и мысль о том, что придется на одном из них ехать, вызывала беспокойство. Мне приходилось делать всякое, но я не знал, как справлюсь с таким. Сесть на гигантскую пустынную птицу,

способную одним ударом убить скального волка.

И что придется сделать еще? А вот Брус, конечно, казался человеком, повидавшим многое и ездившим на всем, у чего есть ноги.

– Опаснее всего, когда она встает, – заявил Брус. – Потом будет легче.

Когда мы шли дном ущелья, ступая по камням среди кустов и терний, легким казалось вообще все. Ну, война. Ну, придется ехать на орнипанте. Но когда мы вышли на каменистую проплешину, а я увидел одного из кебирийцев, который проехал перед нами на спине орнипанта с копьем в руках, мои ноги просто вросли в землю.

Кебириец сидел словно на крыше дома, высотой в два роста высокого мужчины, а кривой клюв птицы, на котором я бы поместился в длину или даже сумел бы усесться, возносился еще выше. За седлом имелось нечто вроде паланкина, над которым на изогнутых прутьях растянули кожаную крышу. Всадник, выше на голову обычного мужчины, на птице выглядел карликом.

Кебириец подъехал к нам, большие трехпалые лапы ударили в щебень. Моя голова была, может, на уровне колена создания, вряд ли выше. Я ничего не сказал, но понял, что у меня трясутся ноги. От пальцев, заканчивающихся кривыми когтями, до шпоры размером с рог буйвола, что втыкалась в камни сзади, в лапе орнипанта было добрых четыре шага.

Птица кивнула башкой, странные трензеля, оплетающие клюв, звякнули пряжками, после чего клюв раскрылся и послышался глухой рокот, от которого зазвенело в ушах. В лицо дохнул отвратительный смрад, несхожий ни с чем, что я чувствовал ранее.

– *Та кхаа!* – крикнул кебириец, ударив создание по коленам кончиком копья. – *Та кхаа!*

Орнипант затоптался на месте, разбрасывая камни, размером с небольшие плоды, дернул башкой и яростно загрохотал. Толстые, как бревна, ноги сложились назад, и птица неохотно присела на землю, придавив небольшое деревце. Мне показалось, что каменистое дно ущелья содрогнулось.

Когда всадник стал слезать со спины орнипанта, я заметил, что стремена двойные и представляют собой лесенку. Иначе не удалось бы залезть на спину птицы, что напоминала гору, поросшую жесткими желтоватыми перьями.

Птица закинула на спину длинную, с высокого человека, шею и повернула голову, тараща на меня глазом размером с хорошую тарелку. Моргнуло синеватое веко. Я сглотнул.

– Это просто, она лишь должна знать, кто главный, – сказал кебириец,

вручая мне палицу. Я отступил на полшага. – Иначе начнет брыкаться.

Я представил себе, как орнипант брыкается, и мне сделалось нехорошо.

– «Та кхаа» – сесть, «рахии» – спокойно, «мбайо» – бежать, «хайя» – вперед, «ахима» – быстрее, «кусита» – налево, «хуме» – направо. Стой – «симанга» или «смиии»... – говорил кебириец. – Все просто. А теперь сделаем круг. Садись передо мной, я покажу, как действовать палицей. Легко. Запомнил?

К счастью, впервые я свалился уже при подъеме, поэтому не убился насмерть. Во второй раз я слетел со спины едущей твари, и это было так, будто я падал с крыши, но успел ухватиться за сеть, покрывавшую бока, а затем попасть ногой в стремя.

Это было самое короткое обучение в мире. До начала марша оставался, может, час, а я все еще учился пристегивать огромное, но не слишком тяжелое седло, повторяя по кругу команды: та каа, хайя, симанга...

Когда встаешь, нужно изо всех сил вцепляться в большую торчащую луку с ухватами, но Брус ошибался. Когда тварь садилась, было еще хуже. Когда она опускалась на колени, мне казалось, что я падал на задницу с высокой стены.

В лагере нарастал хаос, на спины бактрианов складывали и привешивали последние тюки, животных начали выстраивать в длинную цепочку, одного за другим.

– Уходим! – орал Н'Гома. Его птица внезапно одним шагом переступила меня, похожая на движущуюся башню. – *Ахима н'те!*

Когда мне удалось проехать несколько шагов прямо, а затем повернуть, я был горд, будто сделал что-то необычное.

– Назад, вшивая птица! – орал Крюк, яростно размахивая палицей и проносясь мимо меня на идущем трусцой орнипанте, который, похоже, направлялся в Нахильгил.

Мне приказали ехать справа от каравана, в его голове, и держаться в одной третьей корпуса. Идти ровно, не сворачивая. И все.

Бесконечная змейка бактрианов, людей, онагров выходила из ущелья, а я смотрел с птицы, как с вершины башни.

Седло, сидевшее на спине у самой шеи твари, было достаточно удобным, особенно когда я начинал понимать, что там и к чему. Та часть, что находилась передо мной, напоминала конское седло, но более глубокое и с высокой лукой впереди. Сзади, со спины, находилось широкое ложе, обитое кожей и набитое волосом. С боков на нем были поручни, и наверняка в нем можно было даже спать, если просунуть ноги вперед.

Мой багаж свисал с боков орнипанта, но не выглядело, что птица замечает хоть какую-то тяжесть. У меня имелась баклага с водой и сумка с горстью полосок мяса да сушеных фруктов. Крыша над головой отбрасывала тень, по бокам я мог опустить дополнительные заслоны.

Вот только я не мог привыкнуть к ритму длинных шагов птицы, меня то и дело бросало со стороны в сторону, и все время приходилось судорожно держаться, чтобы не упасть. Ущелье еще не исчезло из виду, там даже не появился хвост каравана, а я уже чувствовал, как от усилий у меня начинают ныть все мышцы.

Тем кебирийцам, которым, как и нам, достались орнипанты, езда, казалось, не доставляет никаких хлопот. Они полулежали на паланкинах, подвернув ноги, и лениво правили птицами, едва шевеля длинными вожжами либо тыкая в них палицами. Выглядели они так, словно правили бричкой, запряженной медленными онаграми, которые и сами знают, куда идти.

Я же постоянно путал команды, ремни переплетались у меня в руках, и я чуть не потерял палицу.

– Надеюсь, сражаетесь вы лучше, чем правите, – заметил кто-то из всадников. – А то эскорт из вас окажется и вовсе никуда!

Я мрачно глянул на него, уже насквозь пропотев, чувствуя боль во всем теле и отчаянно стараясь удержаться в седле. Не мог и мечтать о том, чтобы расслабиться в паланкине – иначе сразу выпал бы оттуда. У меня даже не было времени крикнуть ему что-либо в ответ.

Я полагал, что Нахель Зим – бесконечное мертвое море песка, а мы, тем временем, ехали пустошами, полными скал, камней, зарослей травы и каких-то деревьев, растущих там и сям. От степи, по которой мы сюда добирались, пейзаж не слишком отличался.

Орнипанты шли быстро. Даже слишком быстро, поскольку один шаг птицы был в несколько человеческих, а идти надлежало вровень с достойно вышагивающими бактрианами.

– Не выходить из строя! – орал кто-то каждую минуту.

– *Рахи*... – прохрипел я, натягивая вожжи. Тварь повернула свою большую голову, глядя на меня с возмущением.

Странствие пустошами на спине огромной птицы длится бесконечно, когда ты его переживаешь, но после мало что остается для воспоминаний и еще меньше – для рассказа.

Были лишь удары огромных лап в землю, которые я ощущал всем хребтом, точно меня раз за разом пинали под зад, были проплывающие внизу камни и кусты, жар, стекающий с раскаленного, словно море ртути,

неба, мухи, кружащие вокруг лица, и бесконечная вереница вьючных животных.

Часть из них несла запасы еды, воды и корма, часть – толстые прямоугольные плиты соли, запакованные в кожаные мешки, а еще часть – какие-то другие пакеты и свертки. Животные были гружены так, что из-под груза не удавалось рассмотреть их спины, но шли они ровно и неудержимо, будто не чувствуя тяжести.

Марш тянулся бесконечно. Я ощущал боль в спине, бедрах, затылке – почти в каждом пальце, судорожно стиснутом на ремне вожжей.

Через какое-то время боль перестала доставать меня, поскольку меня начало тошнить. Седло колыхалось не только из стороны в сторону, но и вперед-назад, голова птицы при каждом шаге словно тыкала в воздух клювом.

Еще одну бесконечность спустя, меня стошнило прямо с седла, но дотянуться до баклаги с водой я не мог. Чувствовал, что если еще немного переменю позу, соскользну со спины орнипанта и сверну себе шею.

Птица вышагивала вперед, кто-то то и дело покрикивал, что я выхожу из строя, желудок будто наполнился уксусом и завязался узлом, как старая тряпка; солнце жгло кожу, даже ветер напоминал дыхание из печи – и так без конца.

Без конца.

Я помнил, что в какой-то момент уже точно знал: до поста не доживу.

Длинная змея каравана из людей и животных вилась по пустыне. На восток. К Эргу Конца Мира.

Туда, куда вела меня судьба.

После полудня я то и дело поглядывал на солнце, которое, казалось, приклеилось к небосклону – будто хотел насильно подтянуть его к горизонту.

Мы остановились на отдых, только когда оно повисло в ладони над кромкой мира. Змейка животных принялась свертываться спиралью, бактрианы ревели, кебирийцы выкрикивали команды. А мы ехали на птицах вокруг них, поднимая клубы пыли. Это тоже тянулось целую вечность.

Когда мне указали мое место и после долгих попыток удалось принудить орнипанта сесть, я просто выпал из седла на песок. Дрожащие от усилия ноги не могли удерживать меня, а в голове все кружилось. Я лишь сумел – прежде чем рухнуть снова, – отвязать баклагу.

– Расседлай его! – орал какой-то кебириец. – Ты должен дать ему еды. Он должен знать, кто его кормит.

Корм смешивали в больших деревянных бочках. Это была золотистая клейкая масса, исходящая отвратительным смрадом.

– Их накормили перед дорогой, – сказал кебириец, мешающий в бочке деревянной палицей. – Каждый сожрал по три коровы. Теперь им не нужно много есть и пить. Достаточно дурры с жиром, пеплом, кровью и сушеными крысами. Лепи шар. Большой, с твою голову. Плотнее, он не должен распадаться. Еще. На одну птицу берешь три шара. Подаешь в клюв на конце палицы. Только осторожно, она не должна видеть их все сразу. И не позволяй орнипанту вставать.

В пустыне вода – только для питья, и ее выдают удивительно скуп.

А человек начинает понимать, что значит не иметь возможности умыться. Я был липким от высохшего пота, мои ладони покрыты прогорклым жиром, и от меня на сто шагов несло крысиной падалью.

Я накормил тварь, подавая вонючие деликатесы на конце копья и стараясь не покалечить орнипантову голову, потому что меня предупредили: иначе «он разозлится». Птица глотала шар корма размером со среднюю дыню целиком, прикрыв глаза и дергая вверх клювом. Я видел, как ком движется вдоль пищевода.

Лишь когда я снял седло, накормил орнипанта и отложил копье, смог свалиться в тени своего паланкина и некоторое время лежал как мертвый. Казалось, меня поколотили, потом отпинали, а в конце какое-то время волочили по гравии.

– Сумеешь встать? – спросил Брус. – Мы развели огонь. Нужно что-то съесть.

Я перевалился на бок и встал, словно не до конца воскрешенный труп. Голова моя все еще кружилась.

Я прошел за Брусом мимо полного лагеря кебирийцев, слушая чужой язык, глядя на разместившихся вокруг странных тварей и слыша далекое пение, доносящееся от остальных костров. Чувствовал я себя до странного чуждо и только сейчас до меня дошло, насколько я одинок.

Поэтому, когда я подошел к горке тлеющих лепешек сухого навоза, что изображали костер, туда, где сидели мои люди, почувствовал себя так, будто вновь оказался среди семьи. Н’Деле молча подал мне чару свежего отвара, в одном котелке булькал жидкий, адски острый хишмиш, в другом исходила паром каша из дурры. Другой посуды тут не было. Нужно было взять немного дурры из общей миски, намочить ее в соусе и кинуть в рот. Я вытер ладони песком, но те, покрытые теперь еще и пылью, продолжали вонять.

– Добрый вечер, – вежливо произнес неизвестный кебириец, подавая

мне бурдюк. – *Ньямбе* Н'Гома шлет эскорту пальмовое вино. *Ньямбе* Н'Гома переживает о парне. Говорит, тот может и не выжить. С этого места еще можно вернуться. *Ньямбе* Н'Гома в таком случае готов продать парню одного бактриана.

– Спасибо, – ответил Брус. – Скажи *ньямбе* Н'Гома, что парень не может вернуться. Никто из нас не может. Мы отправимся с вами за самый эрг. *Мосу кандо!*

– *Олимвенга усури*, – вздохнул пришедший. – Если так, *ньямбе* Н'Гома говорит, чтобы я помог парню иглами. Это снимет усталость и поможет ему отдохнуть. Могу еще снять тошноту. Четыре иглы – и он будет как новый.

Я окаменел. Отекающий соусом шарик дурры встал у меня поперек горла, словно разросшись до размеров моей головы.

– Спасибо, – спокойно ответил Брус. – Но парень не может лечиться иглами. Передай благодарность *ньямбе* Н'Гома за заботу, но все будет, как будет.

– Жаль, что вы так боитесь игл, – сказал Н'Деле, когда тот поклонился и отошел. – Это действительно помогает. Помню, как однажды...

Сноп пнул его по ноге, расплескивая отвар, и сделал несколько быстрых жестов. Алигенде замолчал и опустил голову, словно устыдясь. Кто-то подал ему бурдюк с вином.

* * *

Прежде чем я ушел спать, увидел, что Брус сидит в одиночестве на скале за лагерем и всматривается в ночное небо. Я подошел к нему так тихо, как сумел, но, как обычно, он отозвался, словно имел глаза на затылке и видел, что я стою сзади.

– Я курю трубку и смотрю на запад. Туда, откуда мы пришли. Все нормально.

– Удалось. Мы покинули страну, как и должно, – сказал я. – Есть еще немного вина.

– Там, куда указывает наконечник Стрелы Запада, далеко, осталась Фатайя, – ответил он. – Одна в своей башне. Одна со своей богиней. Своей Праматерью. Фатайя... У нее все еще есть кусочек моей души.

Он повернулся ко мне.

– Ничего страшного, Арджук. Я не превращаюсь в жреца Чекедея. Это лишь тоска. Тоска – человеческая. Ее вызывает пустыня. Преподобный Мрак говорил, что это пройдет. И наверняка пройдет, вот только...

Он подтянул рукав, показывая пурпурный знак размером с дирхам.

– Чем дальше я уйду, тем сильнее он болит.

Он замолчал на миг.

– *Олимвенга усури...* Так говорят кебирийцы. Мы в таких случаях говорим, что нам жаль, они же – что «мир подл». Как и мы, они считают, что с тем, каков мир, нельзя ничего поделать. Это стихия. Он таков, каков есть. Надо просто научиться с ним жить. А она... они считают, что должно быть по-другому. Полагают, что подлый мир надлежит сжечь и выстроить такой, который подлым не будет. Но им не удастся...

– А ты не видел их мир? – спросил я. – В башне, на улицах? В Маранахаре? И что? Он лучше? Наш мир бывает подл, а бывает прекрасен. Случаются вещи хорошие и плохие. Но их – их просто подл. Не может быть иначе, потому что он придуман.

– Знаю, Молодой Тигр. Знаю. Я просто сижу, а пустыня говорит со мной... *Олимвенга усури...*

Когда я шел спать, перед моими глазами все еще стояло лицо Бруса. Второй раз в этот день я видел, как несокрушимый воин плачет. И не хотел бы видеть этого снова.

* * *

Следующий день был подобен предыдущему, с той разницей, что в первый день я сел в седло орнипанта отдохнувшим, а во второй чувствовал себя, как столетний старик с ревматизмом.

Кроме этого, остальное было таким же. Горящее жаром небо, мухи, боль в мышцах, порывистые колыхания птичьей спины и палица в уставшей руке.

Бесконечная череда людей и животных, вьющаяся через каменистую пустошь.

Только на третий день что-то изменилось. Я научился сидеть свободнее, расслабил пальцы, сжатые на ремнях, и даже осмеливался тянуться к нужным мне вещам, повешенным на боках орнипанта. Или осторожно заползать под паланкин. Тошнота появлялась реже. Оказалось, что для того, кто был всадником, нет разницы, сидит он на птице, коне, драконе или буйволе. Нужно просто-напросто привыкнуть.

Вот только дорога оставалась той же. Бескрайняя степь, кусты и скалы, холмы, тянущиеся один за другим. И солнце на небе, раскаленном, как печь.

А еще на третий день нас догнали колесницы.

Я заметил их, хотя в первый момент в моей голове появилась глупая мысль, что те несколько насекомых, что ползут рядом с далекого холма на горизонте, – мародеры нашего собственного каравана.

Но потом я услышал, как трясется земля, и увидел, как один всадник из арьергардной стражи мчится на орнипанте, что выбрасывает ноги в длинных прыжках, с вытянутой вперед шеей.

Кебириец летел вдоль каравана к голове его и кричал:

– *Хатара! Хатара! Нгени ньюмайя!*

Я ничего не понимал, но вдоль каравана прошла волна хаоса. Раздались крики, животные стали останавливаться, раздался рев бактрианов, колотых пиками, пустынная змея начала свиваться в клубок, как на ночной стоянке.

– Чего он хотел?! – крикнул я Крюку, ехавшему за мной.

Он покачал головой и беспомощно развел руками, а потом постучал себя по лбу.

– К оружию! – закричал кто-то. – Колесницы сзади! Они нас нашли!

Я почувствовал внезапную морозную дрожь. словно вдруг озяб, несмотря на льющийся с неба жар.

Остальное я помнил, как сквозь сон.

– Сесть! Сесть! – кричал Сноп, пробегая вдоль сбивающихся в круг животных. – Пусть они пока не видят орнипантов!

Бактрианы, которых дергали за плетеные оголовья, неохотно присаживались рядом, с них сбрасывали тюки, чтобы возвести какое-нибудь прикрытие под их боками.

– Плотнее! За скалами! – раздавались крики.

Следопыты рылись в своих сумках, выбрасывая на землю тесно связанные бухты веревок.

Кто-то сунул мне несколько железных складных якорьков, приказал привязывать их к веревкам, и я принялся раскладывать железные зубцы и заплетать узлы на проушинах внизу каждого якорька, несмотря на трясущиеся руки.

Все бегали с луками и колчанами в руках, кебирийские крики смешивались с перекличкой следопытов. Я вязал ремни и удивлялся, как странно течет время. Оно либо просачивалось между пальцами, и я тогда был словно оглушен, или мне все виделось удивительно резко и отчетливо, каждый камень и каждое зерно песка вокруг, будто мир останавливался.

– Спокойно! Они думают, что мы – беглецы, потерявшие дорогу! – кричал Сноп. – Это только разъезд, разведка!

Кто-то забрал у меня все якорьки, Крюк и Н'Деде выскочили из-за живой стены и погнали по пустому полю. Бенкей побежал следом, таща перекинутую через плечо свернутую цепь.

– Возвращайся к орнипанту! – крикнул Брус, бросая мне тяжелый, огромный сверток темной кожи. Я подхватил тот в объятия и едва не упал. – Повесь на бока и хватай лук!

Снова пришлось что-то застегивать и привязывать трясущимися пальцами, поглядывая на ближайшие холмы. То, что бросил мне Брус, оказалось накидкой из толстой, поскрипывающей шкуры, покрытой редкими волосами с многогранными вросшими роговыми пластинами, похожими на плитки черепаховой скорлупы. Но эти были поменьше, размером с монету, а кожа оставалась гибкой, хоть и представляла собой защиту лучшую, чем плетеная кольчуга. Шкура каменного вола. Я пристегнул ее с обеих сторон к седлу, там, где видел железные пряжки; заворачивающиеся вперед полы можно было с легкостью провести под шеей удивленной птицы, которая теперь выглядела, как помесь орла с черепахой или как сказочная рептильно-птичья химера.

Я еще отцепил от седла круглый кебирийский щит из тонкой кованой стали и воткнул его вертикально в песок, а потом приготовил лук и стрелы.

Только это я успел, когда колесницы выехали на вершину холма и встали рядком в клубах пыли.

Установилась глухая тишина.

На верхушке стояли пять колесниц – новые не появлялись. Я разглядел колючие букранионы на головах запряженных в них бактрианов, превратившие их в чудовищ, и тяжелые попоны из кожи каменных волов. Косы торчали наискось в гнездах на ступице колеса, а не на обруче, чтобы не побиться о торчавшие отовсюду скалы и валуны.

Продолжалось все несколько ударов моего сердца, а то оказалось где-то высоко в горле.

Я вынул пару стрел, воткнул их в землю рядом со своей ногой, потом проверил пальцем тетиву. Вдруг возница самой крупной колесницы издал дикий вопль, словно мгновенно обезумев, и повозки ринулись с холма, поднимая клубы пыли.

Полагаю, они и правда приняли нас за случайную группу беглецов. Колесницы плохо подходят для штурма чего бы то ни было, но в погоне за беглецами или в стычке с разбитой пехотой им нет равных. Наверное, их командир был уверен, что мы разбежимся в панике по пустыне уже после первой атаки.

Колесницы катились все быстрее, умело становясь в одну шеренгу, я

слышал нарастающий свист крутящихся кос.

– Это те новые, с подвижными дышлами, – крикнул Сноп, присев за своей птицей неподалеку, с луком в руках. – Если возница хорош, она сможет развернуться на месте!

– Где наши?! – крикнул в отчаянии я. Крюк, Н’Деде и Бенкей, которые минуту назад выскочили за баррикаду из бактрианов, исчезли, и я никак не мог их высмотреть.

– Там, где нужно, тохимон! – ответил он загадочно.

– *Рахуи!* Ждать! – крикнул Н’Гома. Косы безумно выли, слышимые несмотря на топот копыт бактрианов, а шеренга адских машин все быстрее приближалась к нам.

Первые стрелы полетели вверх, в раскаленное небо. Мне показалось, что они летят медленно и никому не причинят вреда. Но они ускорились и одна за другой упали на толпу людей и животных. Ударили так быстро, что казалось, выросли внезапно между скалами и бактрианами, как странные растения. Раздались испуганные крики и сразу – рев раненого животного.

– Ждать! – крикнул Н’Гома. – Не стрелять! Подпустить ближе! *Нгодани! Рахуи!*

Новые стрелы полетели вверх еще до того, как упали первые. Я слышал их стонущий посвист, когда они взбирались в небо, а потом отчаянный визг, когда ударяли в землю внутри защитного круга.

Я натянул лук и взял на прицел ближайшую колесницу, что находилась уже в сотне шагов.

Видел клубы пыли, разогнанных бактрианов, что казались шипованными морскими тварями, и фигуру возницы, стоявшего на присогнутых ногах, заслоняя голову и щеки широкой кованой перевязью.

– Ждать! *Рахуи!* – запел Н’Гома голосом, полным напряжения. – Стрелять, когда будут проезжать мимо вас! От головы... по очереди... прямо... залп!

Возницы добрались до свернутого в кольцо каравана. Выбрали это место, поскольку здесь из песка не торчали скалы. Я услышал хруст и стук, когда раскрученные косы одна за другой лупили в бока бактрианов, защищенные лишь багажом.

Раздался отчаянный рев животных и людей – вместе; взметнулись фонтаны распыленной крови и полетели какие-то ошметки, а колесницы, развернувшись перед скалами, помчались вдоль каравана, то и дело плюясь стрелами. Когда те посыпались в нашу сторону, поднялся неописуемый шум и хаос.

Повозки пролетали мимо на расстоянии в пару шагов с визгом

вращающихся клинков, обрызгивая меня горячей кровью, и я выстрелил в первого возницу, потом еще пару раз по последнему – так быстро, как только сумел натянуть тетиву.

Колесницы миновали нас и разделились, чтобы объехать наш живой форт с другой стороны. Я не видел, попал ли я в кого-то, и попал ли вообще кто-то из нас. А вот они – попали. Отовсюду сзади неслись крики раненых людей, смешанные с ревом испуганных животных. Везде торчали длинные древки с ярко-красным опереньем.

Я смотрел, как возницы разворачиваются, выбрасывая из-под колес фонтаны песка; смотрел на танцующих на задней платформе стрелков. Кто-то из них на повороте ухватился за борт и свесился наружу, навалившись на противоположный бок колесницы, совсем рядом с яростно вращающимися косами. Повозка развернулась, поднимаясь на колесе, и снова погнала на нас, еще один лучник вытягивал стрелу за стрелой и выпускал их в нашу сторону, держа лук горизонтально и почти не целясь.

Одна из тех стрел мелькнула над моей головой, еще одна отскочила от брони моей птицы. Я спустил тетиву, но моя стрела только с треском ударила в мелькающие окованные спицы большого колеса и исчезла. Я прицелился в возницу, но тот уклонился одним движением напряженного, согнутого тела, и стрела воткнулась в выпуклый, будто нос корабля, передок колесницы, не нанеся никому вреда. Он небрежно сломал ее и дернул вожжами, издав дикий вопль.

Рядом со мной высокий худой подросток бился в муке на песке, ужасно крича: стрела пробила его навывлет, по медной коже текла кровь. Кто-то хрипел, утопая в крови из пробитого горла. Я видел вокруг лежащие неподвижно тела, запутавшиеся в пустынных плащах.

Услышал знакомый вопль – косы колесницы сумели вспороть еще одно место в нашей живой баррикаде, несколько бактрианов вскочили на ноги, и я увидел, как два из них гонят в пустыню, теряя товары и оставляя за собой полосу крови. Один волок запутавшегося в упряжи орущего человека, за вторым тянулись красные кишки.

Влекомый животным человек сумел освободиться, я видел, как он встает с земли и бросается назад, к каравану. Он бежал, словно обезумев, перебирая длинными ногами, среди наших криков. Мы кричали ему, кебирийцы скандировали что-то, кажется, его имя, но на спину ему из колесницы прыгнул леопард, и они оба скрылись в туче пыли.

Крик застыл у нас в глотках.

Колесницы кружили, словно скальные волки, нарезая круги, разворачиваясь на месте в свисте кос и засыпая караван стрелами. Они

казались заговоренными. Я помню, что выпустил три стрелы, одну за другой, прямо в пролетающую мимо повозку, но не увидел никакого эффекта.

Зато с колесницы в меня полетел дротик, рассекий бок и воткнувшийся в песок, а еще стрела, пробившая мне ногу. Я почувствовал точно удар бичом, закричал и тяжело свалился на землю.

Сразу пришел в себя, удивленный, что не чувствую сильной боли. Дергало, но как-то легко. Стрела торчала из моей ноги, треугольный наконечник выглядывал с тыльной ее части, багровое оперение покачивалось впереди. Я сломал древко, ухватился за наконечник и потянул. Сразу же почувствовал облегчение, но потекла кровь. У меня потемнело в глазах, и показалось, что высохшая красная пустынная земля под моими ногами превратилась в трясину.

Колесницы продолжали кружить, в нас с визгом летели стрелы, точно так же втыкаясь в землю вокруг.

Я ухватился за лук скользкими от крови пальцами и, тряхнув головой, в которой то и дело все плыло, наложил новую стрелу.

Одна из колесниц с воем кос пронеслась мимо, и тогда что-то изменилось. Сбоку от нее песок внезапно взорвался фонтаном, и я увидел фигуру Бенкея. Амитрай вырос буквально из ниоткуда, натягивая цепь, которая вылетела из-под песка перед летящими вперед бактрианами. Один конец ее был обмотан вокруг скалы, второй оставался в руках следопыта – и тот оббежал валун, натянув звенья и упершись ногой.

Все случилось за миг. Возница натягивал вожжи, но было поздно. Бактрианы налетели на натянувшуюся цепь, та ударила их по ногам, Бенкей отпустил свой конец и полетел на песок, как тряпичная кукла.

Все это я отмечал, словно время внезапно замедлилось. Бактрианы запутались и столкнулись, стали одним клубком из ног, морд и колючих доспехов. Взлетел фонтан песка и камней, над кучей ревущих животных пролетела повозка, вращая косами в воздухе, с уткнувшимся в песок дышлом; дерево с треском лопнуло, после чего короб перевернулся колесами вверх со звуком крушения.

Через миг из-за баррикады животных раздался победный рев.

Остальные колесницы умело развернулись на месте, две стали объезжать разрушенную повозку, а две, свистя косами, бросились за Бенкеем.

Песок взорвался в другом месте, сразу за второй колесницей, и в туче пыли появился Крюк. Кирененец крутанул над головой якорем и метнул его в проезжавшую мимо колесницу.

Раздалось бряканье, якорек сплелся с клинками и спицами кружащего колеса, которое принялось накручивать веревку, словно коловорот; та же, привязанная к скале, натянулась, отрывая колесо. Колесница повалилась на одну сторону, рубя землю клинками и выбрасывая верещащего копьеносца, полетевшего прямо в крутящиеся косы. Затем вся упряжка свалилась на баррикаду наших бактрианов.

Бенкей развернулся на бегу и чем-то махнул. Кебирийский метательный клинок, рукоять с торчащими во все стороны серповидными остриями, – точно такой же, как тот, что во дворце я видел в руках тайного убийцы, который пробил грудь моей Ирисы, – мелькнул в воздухе и воткнулся куда-то между бегущими животными, отчего колесница свернула, изменив направление движения.

Внутри каравана возница и лучник отчаянно сражались за жизнь. Все продолжалось едва минуту, несколько посвистов изогнутой кебирийской стали. Леопард с рыком прыгнул над баррикадой из товаров и хотел броситься на одного из кебирийцев, но промахнулся. Кебириец же вывернулся в небывалом изгибе, словно был песчаным смерчем, оттолкнулся ладонью от песка и распорол большой кошке брюхо кончиком сабли. Еще один подпрыгнул и ударил сверху, разрубая леопарду загривок.

Я выстрелил в колесницу, что мчалась за Бенкеем и Крюком, но стрела буквально утонула в реке стрел, полетевших от баррикады. Лучника ударило под мышку, возницу – в бедро, но борта колесницы были покрыты шкурой каменного вола, и большинство стрел отскакивали или пролетали мимо.

Н’Деде появился в том месте, где миг назад прокатились колеса повозки, и бросил свой якорь. Его зубцы воткнулись в нагрудник возницы, веревка натянулась, втыкая того в борт колесницы, солдат дико завопил, но вопль его потонул в треске ломающихся осей. Корпус колесницы упал на землю, отлетевшие колеса поволоклись за ошалевшими бактрианами, вихляя обломанными осями.

– Орнипанты! В атаку! На помощь! – заорал Н’Гома. – *Хайяа!*

Понадобилось несколько мгновений, чтобы понять: он кричит мне.

Когда я заскакивал в седло, чувствуя себя так, словно мою ногу пожирает тигр, видел, как Сноп и Брус уже выдвигаются и их птицы поднимаются: живые горы перьев, покрытые чешуйчатыми кафтанами. На каждой под паланкином сидело двое кебирийцев.

– Жди, парень! – услышал я. Двое высоких воинов, один – с копьем и луком, второй – с саблей в зубах и пучком каких-то ремешков, взбирались на мою птицу, влезая под навес, пока птица распрямляла ноги во всю

длину. Еще две птицы, оседланные кебирийцами, бежали, перепрыгивая сбившихся в кучу зверей из живой стены. Мы выдвинулись, чтобы отрезать дорогу двум оставшимся колесницам, что гнались за убегающими следопытами.

Самая большая из них, направляемая, должно быть, командиром, мигом повернула в клубах пыли и двинулась прямо на нас, в трепете похожих на язычки пламени флажков. Запасные клинки торчали в захватах по сторонам предводителя, как стальные крылья.

Я видел, что он гонит прямо на птиц, лучники из-за спины возницы стреляли раз за разом; тот одной рукой правил, а второй потянулся за спину и схватил со стойки дротик, воткнув его в пол рядом с собой.

– *Хайя! Мбайо! Мбайо!* – кричал я, мой орнипант дернул головой и помчался быстрее. Горячий ветер свистел в моих ушах. Один из моих кебирийцев расплел свои ремни, снабженные тяжелыми железными грузилами.

Колесница, что летела на нас, вдруг свернула и сумела проехать косами по ногам птицы, бежавшей слева от меня. Правда, клинки полетели во все стороны, а повозка подскочила, вихляясь на колесах, но и орнипант упал головой вперед, сбросив людей и подняв огромное облако пыли.

И тут я увидел, что вторая колесница минует бегущего Крюка. Следопыт оглянулся и плашмя упал на землю. Крутящиеся косы пронесли над его головой, колеса обсыпали песком, а потом повозка развернулась на месте и снова ринулась на него. Крюк встал, в спине его торчали стрела и дротик.

Я отчаянно заорал и погнал орнипанта.

Крюк глянул на приближающуюся колесницу, сплюнул кровью, а потом, кривясь, потянулся за спину и вырвал дротик.

Мы летели прямо на повозку, орнипант вытянул голову горизонтально, а ногами ударял в землю, подбрасывая камешки.

– Стреляйте! – крикнул я за спину.

– *Ахима*, парень! – крикнул кебириец, натягивая лук.

Стрела свистнула мимо моего уха, но лишь воткнулась в пыль сразу за колесницей. Зато следующая пробила лучника: тот вскрикнул, упал на колени и повис, запутавшись в вожжах.

– *Хайя!* – закричал я снова, привставая в стремях и зажимая копьё под мышкой.

Колесница неслась на шатающегося Крюка, изо рта того текла кровь, но он сумел в последний миг отскочить за скалу. Клинки брякнули о камень, Крюк взмахнул дротиком, но тот отскочил от борта и с лязгом

соскользнул на песок. Колесница проскочила его, но потом сразу развернулась. Однако мы уже были близко.

Орнипант завопил по-боевому и махнул головой, желая ударить повозку в борт клювом, и едва не наделся на крутящиеся косы. Я дернул вожжами, один из кебирийцев ударил своими ремнями в бронированный бок птицы.

– *Хайяа!* – крикнул он.

Птица ускорила.

Мы пронеслись мимо колесницы, стрела чиркнула мне по виску, рассекая кожу, и улетела в небо, а кебириец внезапно свесился с бока, держась лишь одной рукой и стоя ногами на боку птицы; затем раскрутил над головой ремень и бросил его под ноги несущимся бактрианам.

Ремни развернулись в воздухе на три соединенные части, каждая из которых заканчивалась грузилом, а потом спутали передние ноги животных. Повозка перевернулась с отвратительным треском, теряя колеса и клинки. Оба кебирийца выскочили на ходу, выхватывая сабли, а я приостановил птицу и развернул ее на месте.

Последняя колесница, ведомая сотником, сумела увернуться от нападающих на нее птиц и теперь неслась прямо на Бенкея и Н'Деле, которые волокли оступающегося и истекающего кровью Крюка.

Колесница уже потеряла обоих стрелков, один из них, превратясь в красные лохмотья, тянулся сзади, повиснув на упряжи. Но командир казался невредимым, стоял на согнутых ногах и правил бактрианами. Ему удалось оставить несущихся птиц позади.

Я видел, как Брус и Сноп несутся бок о бок и орут, словно одержимые, а за их орнипантами встает туча пыли.

Со стороны каравана навстречу колеснице бежало с десятков-полтора яростно воющих людей с круглыми щитами и саблями, но они были слишком далеко. Я видел это, стремглав мчась и яростно лупя орнипанта концом трости.

Следопыты же разделились. Бенкей волок слабеющего Крюка. Н'Деле отстал, поднял с земли оторванный кусок цепи и теперь ждал встречи с колесницей, раскручивая цепь, на широко расставленных ногах, внимательный и сосредоточенный.

Однако командир проигнорировал его и быстро миновал. Повозка проскочила на одном колесе, Н'Деле метнул цепь, которая лишь сорвала косы с колеса.

Колесница миновала кебирийца и достигла двух беглецов, когда до нее оставалось три, может, четыре прыжка орнипанта. Бенкей оттолкнул

раненого Крюка в сторону и выхватил меч, но запряжка ударила его в бок, подбросив в воздух как куклу.

Сотник едва не слетел с козел, придержался одной рукой, наклонился далеко в сторону, а потом ударил Крюка через спину серпом всадника.

Следопыт упал в пыль, а я яростно зарычал. Командир колесниц вернулся на свое место, развернулся перед подбегающими кебирийцами и погнал в пустыню, волоча за собой труп своего лучника.

Я помчался следом. Птица, в конце концов, была быстрее колесницы, но повозка оказалась куда маневреннее и лучше набирала скорость. Когда орнипант бежал, ехать было удобнее: его ноги переступали так быстро, что не чувствовались рывки, и я словно летел над каменистой пустыней.

Не знаю, как долго я его догонял. Во мне пылала ярость. Перед глазами стояли разведчики, падающие, словно кегли; Крюк, рубленый поперек спины; Бенкей, ударенный бактрианами. Я жаждал крови. Крови того, кто не пожелал позволить нам уйти, думая, что нападает на безоружных беглецов. И, конечно, нельзя было допустить, чтобы он вернулся к своим и рассказал о большом караване, идущем за Эрг Конца Мира, но в тот миг об этом я даже не думал.

Мы были уже за холмом, сотник, ведущий колесницу, больше не пытался маневрировать и рвался вперед, как только мог быстро. Он оглянулся через плечо и увидел, что я приближаюсь. Немного повернул, заслоняясь от меня косами, что остались у него на одном из колес, но я направил птицу к другому борту.

Развлекались мы так с минуту: он сворачивал вправо, я заходил слева – и все время нас разделяло несколько шагов.

Я уже видел его круглый железный шлем, отличный от кожаных масок, которые скрывали лоб и щеки остальных возниц на колесницах. Кованая маска, что-то вроде черепа, заслоняла лицо по самый рот, на висках были прикреплены два веерка из заточенных клинков – будто небольшие крылышки. Позади шлема развевался конский хвост. Похоже, я напоролся на того, кто и правда любил то, что делал.

Он издал безумный боевой крик, вырвал из пола дротик, одним движением оплел его рукой и заслонил им спину, продолжая править другой.

Я ударил палицей словно копьем, желая подрубить его колени, он уклонился и нанес укол, но я сумел его парировать. Он ускорился, и мы снова разъехались.

Он оторвался от меня на некоторое расстояние, а потом сделал дикий разворот на одном колесе. Повозка накренилась, клинки закружили в

воздухе. Прямо напротив брюха моего орнипанта.

Я отчаянно дернул поводья, будто сидел на лошади, уперся в седло, и птица действительно прыгнула. С ужасающим карканьем, развернув странные, маленькие крылья, она пролетела над клинками и запрокинутым бортом колесницы. Огромные лапы ударили в песок, я снова дернул вожжи, и орнипант развернулся на месте в направлении повозки, моментально ударив большим клювом вниз, над самым колесом, а потом рванул голову вверх. Повозка подскочила в туче песка и камней, с грохотом треснула ось, и колесница перевернулась набок, волоченная бактрианами.

Миг я стоял в седле неподвижно, потом прохрипел «та кхаа...», ударив птицу по коленям концом палицы.

Я свалился на песок, потому что подогнулась простреленная нога, но сейчас же поднялся, подпираясь мечом. Подошел к перевернутой колеснице, цепляясь за все, что попадалось под руку, как древний старик.

Одно колесо повозки еще вращалось. Возница с трудом приходил в себя, кровь потоком лилась по его лицу. Левая рука была как-то странно выгнута, может, сломана. Но в правой он держал дротик, что пока служил посохом, но он сразу крутанул им, согнул колени и положил дротик на затылок.

Я уже знал, как он проведет этот укол, одной рукой, с древком вдоль спины, и был готов. Отразил его мечом, а затем получил пинок в раненую ногу – и это застало меня врасплох. Я должен был с визгом упасть на песок, но боль меня отрезвила. Я заблокировал удар дротика и ударил лбом в сломанную руку воина. Услышал вопль, и сотник рухнул на землю.

Был он ниже и, кажется, легче меня. На колесницы брали именно таких. Мы встали одновременно и бросились друг на друга как псы.

Дротик лязгал о короткий меч следопыта, снова и снова, а потом я одной рукой ухватился за древко, второй ткнул клинком противнику плоско в глотку.

Что это была девушка, я понял, лишь когда отрубил ей голову и увидел, что конский хвост сверху шлема – ее собственные волосы.

Позже я взгромоздился на спину орнипанта, залитого моей кровью, и позволил ему ехать, куда он хотел, следя лишь за тем, чтобы не потерять отрубленную голову сотницы.

Пустыня раскачивалась вокруг меня, и я не знаю, как добрался до каравана. Похоже, орнипант сам вернулся. Я уплывал куда-то над пустыней и залитым кровью миром. Тонул в пульсирующей, словно далекий барабан, красной тьме, из которой меня вырвала боль.

Мне промывали ногу чем-то, что пенилось и жгло, словно огонь, я

дергался в руках кебирийцев. Кто-то сунул мне бурдюк. Сначала я получил воды, пил ее большими глотками, а потом чару амбрии.

Подавился огненным напитком, кто-то придержал меня за плечи, пока я кашлял.

А потом я очнулся снова.

Нога у меня была перевязана чистым полотном, еще одна повязка стягивала бок, на лбу я чувствовал что-то липкое, что держало кожу, будто кусок засохшего воска.

– Мы своих мертвых сжигаем, – услышал я недалеко Бруса и сразу пришел в себя.

– Мы тоже, – ответил какой-то кебриец. – Но тут не на чем жечь. На этих костерках из коровьих лепешек? В пустыне просто нужно сделать так, чтобы мертвые не стали добычей шакалов.

Мои люди! Бенкей! Крюк! Н’Деде! Сноп! Я встал, качаясь, и оперся в землю какой-то палицей.

– Кто выжил, Брус? – прохрипел я.

Он обернулся и посмотрел с удивлением.

– Все, тохимон. Из наших – все, – сказал неуверенно. – Но Крюк умрет.

– Как?! Не дайте ему умереть!

– Его пытаются спасти. Но мне приходилось видеть немало ран. Дротик выпустил ему воздух из легкого и, наверное, зацепил сердце. Стрела прошила почку. Он умрет.

Я нашел его в длинной шеренге стонущих и истекающих кровью людей, около которых крутились блестящие от пота кебирийцы с кипами повязок и долбленками лекарств. Один из них окуривал лежащих дымом, сочащимся из серебряного сосудика, и обметал метелкой из конского волоса. Еще один сидел рядом с ними на корточках с кубком, полным иголок, и втыкал их в головы и другие места. Меня удивило, что раненых так много.

Крюк лежал сбоку, его перевязали очень тщательно, хотя повязки и казались мне странными. Удар серпа был неглубоким, рану сшили нитью из конского волоса и заклепили пластырями, но из груди торчал деревянный прут, который я сперва принял за древко стрелы. Но оказалось, это обрезок тростника, заткнутый небольшой пробкой.

– Откупорь... тохимон... – прохрипел Крюк, глядя на меня странно блестящими на мертвенно-бледном лице глазами. – Откупорь... пробку...

Я осторожно вынул пробку и услышал свист воздуха.

– А теперь заткни... Я был бы уже мертв... если бы... не этот...

тростник...

Он закашлялся, по подбородку потекла кровь. Судорожно ухватил меня за руку.

– Тохимон... я был... плохим... человеком... Зажги для меня лампу...

– Ты выживешь, сын Бондаря, – сказал я сквозь слезы. – Я запрещаю тебе умирать!

– Тохимон... ты его достал?

– Да, Крюк. Отрубил ему голову. Мы убили всех!

– Это... хорошо...

– Я запрещаю тебе умирать, – крикнул я отчаянно. – Ты принес *агиру*! *Агира, аскар!*

– *Кано*... Я должен отдохнуть... тохимон... а потом... пойду с тобой на край мира...

Жизнь вдруг покинула его ладонь. В один миг она сделалась предметом. Мертвой вещью, словно пустая перчатка.

– Ко мне! – орал я. – Спасайте его! Разбуди его своими иглами!

Кебириец присел подле нас, помассировал Крюка за ушами и сбоку шеи.

– *Матуфу*, – сказал. – Смерть. Иглы для живых. Его уже нет внутри. Иглы не помогут.

– Но он еще жил! – крикнул я. – Куда он делся?!

Кебириец повел руками над головой.

– Теперь он там, над нами. Как облако, которого мы не видим. Здесь будет недолго, а потом уйдет. Станет искать вашего Создателя. Его тело, как брошенная одежда. Это уже не твой следопыт.

Мы положили Крюка, завернутого в белое полотно, рядом с убитыми.

Во время битвы я был уверен, что погибло очень много людей, но кроме Крюка там лежало лишь восемь тел. Тот, кого загрыз леопард, парень, прошитый стрелой рядом со мной. Двое, на которых свалилась разбитая колесница. Двое, что упали с покалеченного орнипанта. И двое убитых стрелами. Кроме того, мы потеряли пятерых бактрианов и получили множество раненых. И все. В пламени битвы мне казалось, что все гораздо хуже.

Н'Гома сидел рядом, заходясь в ужасных рыданиях и посыпая голову песком.

– Кто-то из них был тебе близок? – спросил я с сочувствием, вытирая рукавом слезы.

– Все! – крикнул он с отчаянием. – Взгляни! Вот там лежит второй сын третьей жены моего двоюродного брата по дяде! А там, взгляни! Это

Унгеле! Второй сын шестого брата первой конкубины моего отца! Омбана! Третий сын второго сына первой жены второго мужа моей бабки по дядьям! Алимбе! Бедный Алимбе! Твоя Аглайя зря тебя ждет, а ты лежишь мертвым в песке Нахель Зим!

– Кем был Алимбе?

– Моим племянником по сестре, – ответил он.

Долго в ночи горели костры. Кебирийцы играли на барабанах, пели, танцевали и справляли тризну по своим погибшим.

Мы забрали тело Крюка и насыпали ему курган из самых больших камней, которые сумели принести. Молча. Я поставил зажженную лампу, а Сноп целый день пытался что-то высечь на плоской стороне одного из валунов. Ему удалось выцарапать «Крюк» и вырезать там символ клана Льда.

* * *

На следующий день мы отправились дальше.

Нога моя распухла, потом начался жар, поэтому я ехал, лежа под паланкином, а Брус правил моим орнипантом.

Пустыня изменилась. Мы выехали из-за очередного взгорья, среди скал и валунов, чтобы увидеть ряды пологих, покрытых морщинами холмов: до самого горизонта, словно застывшие волны. Сколько видел глаз, не было ничего, кроме песка. Ничего, к чему можно было править, и ничего, что следовало бы запомнить. Только песок и небо.

– Эрг Конца Мира, – сказал Брус с седла. – Взгляни назад, тохимон. С этого момента ты не увидишь больше ничего иного. И мы уже не увидим нашу страну.

– Она и так уже не была нашей, – ответил я неохотно, поскольку в этот миг меня занимала исключительно собственная нога, которая одновременно болела и чесалась.

Новые дни складывались из тоски, жары и бесконечной монотонности. Бактрианы ступали по песку; вдоль ползущего каравана вышагивали орнипанты; воздух дрожал, как вода в ручье. Солнце вставало перед нами, постепенно догоняло нас, а потом провожало, выжигая глаза и заливая головы жаром, пока не укладывалось за нашей спиной.

Вечерами приходил холод, и нас накрывало черно-синее небо – глубокое, пугающее и усеянное звездами, висевшими, казалось, на расстоянии вытянутой руки. Еще казалось, будто оно – колодец, куда

можно нырнуть, если смотреть очень долго.

Мы сидели вокруг тлеющих кусочков сушеного навоза, макали вылепленные из дурры шарики в огненный хишмиш и экономно потягивали глоточки пальмового вина. Дни текли один за другим, длинные и монотонные, но уходящие, словно зернышки на четках с оборванного шнура. Я позабыл бы о течении времени, если бы не моя нога. Через несколько дней я мог ходить почти нормально, без посторонней помощи взбираясь на спину птице. Еще несколько дней, и я занял место в седле, а Брус вернулся на собственного орнипанта.

Изменилось не много, поскольку с некоторого времени мой подданный почти не говорил. Весь день едучи на одной из птиц, мы обменивались не более чем несколькими фразами. Он неподвижно сидел в седле, а на постоях находил себе место подальше от остальных, смотрел на запад и что-то бормотал себе под нос.

Мы брели сквозь пустыню, и это было все равно что плыть по морю. Когда идешь под парусом, наступает момент, когда ничего, кроме корабля и моря, уже не имеет значения. Невозможно добраться до берега, как ни пытайся. Тут было так же. Жизнь оставалась исключительно там, где шел караван. Никто не сумел бы вернуться, пусть бы даже взял припасы и заводных коней. Его поглотили бы пески.

Я ощущал это всякий день, погружаясь в пустоту все глубже и глубже.

Кроме нас здесь не было никого. Нигде. Лишь пустота. Я еще никогда не был настолько одинок. Пустыня словно зеркало подсовывала мне перед глаза лишь Филара, сына Копейщика, каи-тохимона клана Журавля, поскольку кроме него была только покачивающаяся голова огромной птицы, песок и небо.

Постепенно мы так глубоко погрузились в пустыню, что по ночам начинали слышать голоса. Я думал, это стонет ветер среди барханов, но потом начали слышаться гневные слова на неизвестном языке, порой смех, а иной раз и вскрики. Они приходили из-за хребта бархана, но когда мы туда прокрадывались, склон оказывался пуст, там не было никаких следов, лишь вырезанные ветром мелкие волны.

Несколько раз я просыпался с чувством, что кто-то на меня смотрит.

Раз видел, как мой орнипант внезапно вскакивает, порываясь – словно увидел в темноте что-то, чего не замечал никто другой.

В другой раз я заметил несколько темных фигур, очень высоких и худых, куда выше самых высоких кебирийцев; фигур, которые прошли через лагерь, не оставляя следов, и исчезли в ночи.

Только бактрианы не обращали ни на что внимания, слишком тупые,

чтобы чуют хоть что-то. Они лишь с хрустом жевали насыпаемый им корм.

Я быстро сообразил, что другие следопыты тоже это заметили. Порой они вскакивали и обходили лагерь с оружием в руках – но ничего не находили.

Кебирийцы не желали об этом упоминать.

В конце концов, мы отправились поговорить с Н'Гомой.

Он долго молчал, попыхивая своей трубочкой, угостил нас отваром и не сказал ни слова, пока мы не остались под распятой на песке крышей в одиночестве.

– Такова пустыня, – сказал он наконец, – если заберешься так глубоко, куда не ведут никакие пути. Всякий странник песков знает об этом, но никто не говорит. Пустыня не принадлежит нам. Тут, где не выживет ни один человек, где нет и стебелька или капли воды, лежит царство существ, которые старше нашего мира. Им нет нужды ни пить, ни есть. Они сами суть свет и огонь. Они те, кем хотят быть. Дрожащий столп воздуха или песчаный вихрь. Мы идем сквозь их царство. Они либо позволяют нам пройти, либо нет. Порой они кричат или насмеются, но это ничего не значит. Мы должны тут идти, как если бы шли сквозь чей-то дом. Тихо и осторожно. Не пытайтесь нападать, даже если они начнут появляться в лагере, дергать за паланкины и ворошить вещи.

– Кто они? – спросил я.

– Мы зовем их живым огнем, *Н'Мату*. У вас про них говорят «ифрисы», но вы не понимаете, о чем говорите. Амитраи не умеют выжить в пустыне.

– Мы кирененцы, – рявкнул я.

– Знаю, сынок, но здесь это значения не имеет. Есть лишь небо, песок, ифрисы и люди. И вы, и мы тут одинаково чужие.

* * *

Порой это были шепоты, порой призывы, а порой мы будто чуяли чей-то взгляд. Если не считать этого, пустыня оставалась такой же. Были скупые мерки воды и еды; мелкий, словно мука, песок проникал в каждую складку одежды. Мы проводили дни напролет, варясь в собственном поту, плотно укутанные в пустынные плащи, в тюрбанах, защищающих головы и лицо. Мне было отвратительно жарко, но, по крайней мере, не жгло солнце.

Брус почти перестал отзываться. Перестал сиживать вместе с нами при огне, говоря, что он не в силах вынести жару, что следопыты курят трубки.

Я заметил, что он съедает лишь шарики дурры, экономно макая их в соус, и старательно избегает кусочков мяса, за которыми охотились остальные. Пил только воду и довольно грубо отказывался, когда ему предлагали скупую порцию пива.

Кривился, когда Н'Деле начинал петь и охотнее всего держался с краю. Я заметил, что его предплечья постоянно остаются закрыты, даже когда приходит вечерняя прохлада и можно одеться полегче. Еще заметил, что следопыты, особенно Бенкей и Сноп, глядят на него подозрительно. Но сам Брус не делал ничего подозрительного, если не считать, что каждый вечер мрачно глядел на запад, сидя на краю лагеря, но уже без трубки и баклаги.

Я все еще слышал голоса. Мне не раз казалось, что я замечаю какие-то фигуры, и, как и следопыты, тогда непроизвольно тянулся к мечу или сжимал ладонь на копье. Но кроме этого ничего не делал.

Порой в лагерь летел камень, брошенный не пойми кем; иногда сложенные кипой вещи падали без видимых на то причин. А однажды я проснулся в рассветный час, когда все еще спали, и увидел ифриса, стоящего прямо надо мной. Я не был уверен, действительно проснулся или продолжаю спать, поскольку чувствовал себя странно и не мог шевельнуться. Едва я моргнул, он уже встал надо мной, призрачно высокий и худой; черная, словно сажа, фигура на фоне сереющего неба. Он не был тенью – просто темным пятном. Как дыра, ведущая во тьму, а не кем-то в темной коже. Его невозможно вытянутое тело было настолько темным, что казалось плоским: контур, нарисованный на ширме.

– Вскоре ты войдешь в Пустоши Снов, – услышал я шепот, доносящийся изнутри моей головы. – Но должен пройти ее настороже. Единственным, который видит. Не пей воды онемения, сын Копейщика.

Я хотел что-то сказать, но не мог выдавить ни слова. Ифрис внезапно побледнел, сделался сперва тенью, а потом столпом дрожащего воздуха и светом утра. Тогда я проснулся по-настоящему, солнце уже стояло на пару пальцев над горизонтом, а вокруг сворачивался лагерь.

Слова из странного сна я понял позднее.

В один из дней голова каравана остановилась, несмотря на то, что солнце стояло еще высоко. Н'Гома приказал разбить лагерь, хотя я не понял, отчего. Когда же я выехал на вершину бархана, увидел совершенно белую пустынь, на которой не было песка.

Это была идеально ровная скала, покрытая самыми странными постройками, какие мне доводилось видеть. Стояли там огромные, как императорский дворец, идеальные конусы, словно из-под камня торчали

рога каких-то монструозных существ; были белые каменные шары, неподвижно висящие над землей; были столбы, что выныривали прямо из камня, чтобы расцвести на верхушке огромными веерами – точно небывалые цветы.

На скале разгорались и гасли идеально прямые линии, будто их наполнял огонь.

Мы стояли, онемев, не знали, на что смотрим и что произойдет дальше.

– Это город? – спросил Бенкей беспомощно.

– Это Тупана Усинги, Пустошь Снов, – ответил Н’Гома, который въехал на своей птице между нами, а я вдруг вспомнил сон, который видел несколько дней назад. – Проклятое место, но только так мы сумеем перейти на ту сторону пустыни. Войдите в лагерь. Я знаю, что делать, но мы должны подготовиться. Не смотрите туда. Даже простой взгляд может привести к безумию, а то и убить.

* * *

– Дорога ведет нас прямо на другую сторону, – объяснял он нам потом. – Всякий, кто туда войдет, быстро начнет видеть, что хочет. Это центр пустыни, здесь всякий о чем-то мечтает. Чаще всего – о цели путешествия или о тех, кого он оставил. А порой человек чувствует здесь страх. Это пустыня. Нахель Зим. Смерть поджидает нас на каждом шагу. Но Тупана Усинги слышит все эти мысли. Слышит и отвечает. Тот, кто бредит о саде среди текущей воды, о девушках и свежих плодах, – увидит такой сад. Порой на эрге видно села, озера и города, но все они не настоящие. До них нельзя дойти. На Тупана Усинги все иначе. Тупана дает тебе, что захочешь – и можно туда пойти. Ты можешь войти в сад. Можешь увидеть родных. Но тогда останешься здесь навсегда. Тупана Усинги может дать тебе и твой страх. Может дать демонов, которых ты боишься, но здесь они и вправду разорвут тебя в клочья. Многие вошли между тех странных шаров и башен. И все остались там. Пойманные в свои мечты и кошмары.

– И как нам преодолеть это место? – коротко спросил Сноп. – Ведь это безумие.

– Сегодня мы съедим плотный ужин. Станем танцевать, играть на барабанах и петь. Наедемся досыта и выпьем остатки пальмового вина. А еще выпьем зелья, которые нас усилят. Завтра же выстроим караван, во главе которого встанет Ундуле Малинда. Кузен по дяде третьей жены брата

моего деда. Ундуле слеп, но ему не нужно зрение. Он всегда знает направление. Он нас и поведет, направляя первого бактриана. Все животные пойдут за ним, пойдут и птицы. А мы будем спать. В седлах и паланкинах. Между горбами бактрианов. Спать глубоко, потому что выпьем воду онемения. Весь караван пройдет сквозь Тупана Усинги в глубоком сне, ведомый слепцом. Это единственный способ войти туда и выйти.

– Ты уже делал это раньше? – спросил Бенкей. – Или это сейчас пришло тебе на ум?

– Мы много раз проходили Тупана Усинги, я и мой брат Н'Бени. И каждый раз мы возвращались оттуда богаче, чем туда входили.

Было так, как он сказал. Половину угольно-черной, звездной ночи мы танцевали, пили и ели, а я все это время не мог избавиться от слов, которые услышал во сне.

Мог ли я выжить, не выпив воды онемения? Что должна дать мне Тупана? Мечты или кошмары? Как я оттуда выберусь, если никому другому не удалось?

Утром после скромного завтрака я делал то же, что и все. Помогал с вьючными животными, оседлал мою птицу, выпил чару отвара. Все выглядели перепуганными, хотя старались этого не показывать.

Когда приготовили пальмовое вино с тщательно отмеренными каплями воды онемения, настроения стояли такие, словно мы намеревались совершить самоубийство. Но у отмеряющих жидкость кебирийских чародеев не тряслись руки.

– Не ошибись, – процедил Бенкей. – Я следопыт. Я имел с этим дело. Ненавижу, когда у меня болит голова.

– Одна капля усыпляет, вторая убирает боль, третья убивает, – процитировал кебириец. – Тут нельзя ошибиться.

Я был напуган больше остальных. Они должны были довериться усыпляющей воде и очнуться по другую сторону – или не очнуться вообще. Мне же приходилось доверять собственным чувствам.

Нам подавали напиток в маленьком чайничке, перед тем как мы поднимались в седло орнипанта. Объясняли, что нужно взойти и как можно быстрее привязать себя к поручням паланкина, чтобы не соскользнуть с седла во время езды. Поднять орнипанта и двинуться вперед. А потом уснуть.

Я взял чайничек, отпил из горлышка свой глоток, но придержал его во рту. Тихонько выплюнул вино, едва оказался на спине птицы и прополоскал рот водой из баклагы, выплевывая и ее, хотя все равно почувствовал, как

немеют мои щеки и язык.

Птица двинулась за остальными вниз по бархану, караван, ведомый слепцом, направлялся напрямик в призрачную пустошь, где двигались странные, остроконечные башни, то выступающие из-под земли, то прячущиеся снова под скалу.

Я видел, как люди один за другим опадают на подстилки, как опускаются их головы, как они раскачиваются, привязанные к седлам, словно трупы. Кто-то потерял трость, и та покатила со стуком по гладкой скале.

На Пустоши Снов царила призрачная, глухая тишина. Был слышен лишь стук десятков копыт выючных животных и тяжелое фыркание орнипантов. Впереди уверенно ступал высокий слепой старик, идя на восток, постукивая о каменную плиту кончиком трости и ведя под уздцы первого бактриана. Казалось, он шагает по собственной тени.

Я не погрузился, как остальные, в тяжелый, бессознательный сон, но все равно сражался с опускающимися веками. Должно быть, немного воды онемения добралось до моего тела через язык и губы, но избежать этого было невозможно. Но то, на что я смотрел вытаращенными глазами, сражаясь со сном и поклевывая головой, могло быть как реальностью, так и странным сном.

Я смотрел на встающие надо мной гигантские, пробадывающие небо шпили, по которым ходили вверх и вниз большие шары; на каменные шипы, чье основание сумело бы накрыть целые деревни, и которые разделялись вдруг на возносящиеся в воздух пласты; на огромные, шипящие молнии, которые выстреливали между вершинами башен.

А потом я погрузился в туман. Клубящийся и густой, как сметана, в котором я будто стоял на ногах. Птица моя будто куда-то пропала, я нигде не видел и каравана.

Из тумана выплыла неясная фигура высокого мужчины в капюшоне и кирененской куртке под плащом.

– Филар! – крикнул мужчина ломающимся голосом. – Мой маленький тигренок...

Мы бросились друг другу в объятия. Мой отец выглядел моложе, чем когда я видел его в последний раз, пах слегка завядшими цветами и бакхуновым дымом.

Я даже не заметил, когда слезы покатились по моему лицу.

– Отец... – прошептал я и вдруг вспомнил, что такое Тупана Усинги. Вечный сон, который успокаивает тоску, но не выпускает из объятий. – Отец, мне придется уйти...

– Да, мальчик, – сказал император, мой отец. – Ты не можешь здесь оставаться. Не можешь сделаться частью сна. Поэтому я и не приветствовал тебя в саду. Взгляни. Тут нет ни кустов, ни павильонов, нет твоих любимых женщин, нет твоих братьев и матери. Мы здесь только вдвоем. В тумане.

– Отец... я так устал...

– Знаю, Филар. На тебе бремя выше всяких сил. Но ты – тот, кто может сквозь все это пройти и снова вернуть мир на его дорогу.

– Почему я?

– Потому что только ты выжил, сын. Ведающие на миг увидели одну из твоих судеб. Ступай этой дорогой и дальше.

– Скажи мне, что я должен делать!

Он покачал головой.

– Не могу. Судьба как дым. Я не знаю всего, что случится, и не знаю, как оно будет на самом деле. Я – лишь воспоминание, не настоящий дух.

– Ты не мой отец?!

Он улыбнулся.

– Я то, что ты из меня запомнил. Я все, чем был твой отец, что осталось в тебе и было призвано Тупана Усинги. То, где оказался дух твоего отца, та единственная в своем роде искра личности, должно остаться закрытым, как и тайна смерти всех людей. Оно никогда не может встать пред лицом живых.

Он взял меня под руку.

– Пойдем. У нас столько времени, сколько есть у твоего каравана. Я скажу тебе несколько вещей, которые ты запомнишь, и несколько, которые запомнить не сумеешь. Но они придут в твою голову в нужное время.

Из тумана показались вдруг боевые колесницы, едущие медленно, одна за другой: на козлах, опустив головы, сидели солдаты в старинных доспехах. Стрельцы тоже сидели отрешенно, сзади, свесив ноги наружу. Колесницы были старого образца, с жесткими, странного вида дышлами и небольшими колесами, обитыми железом.

– Где восток?! – кричал высокий муж в красном плаще и доспехе, какие я видел лишь на старинных рисунках и барельефах. На его голове был старинный шлем тимен басаара с кисточками по бокам и колючим жестяным гребнем; в руке же он держал Глаз Севера. Зрачок Глаза находился в непрерывном движении.

– Где восток?! – крикнул он снова. – Солнце не может быть всюду!

Колесницы миновали нас, туман поглотил их.

– Бедный Китаргей, – сказал мой отец. – Все еще не может отыскать

дорогу.

– Отец...

– Ты – найдешь, только не сомневайся. Я должен тебе это сказать, потому что Брус недолго уже будет тебя вести. Придется полагаться на себя.

– Отец! Брус не предаст. Это невозможно... Он...

– Нет, он приближается к развилке. Ему придется выбирать, сын. Поэтому помни: кровавые слезы означают прощание друзей, не врагов. Запомни и вот что: если тебе доведется выбирать, отступить или идти в неволю, иди в неволю. И еще одно: неволя не бывает вечна. Найдешь дорогу к свободе. Силой или хитростью. И тогда смотри на небо. Однажды вечером ты увидишь, как небо перечеркивает огненная звезда. Ищи ее. Иди туда, куда она упала. Столько ты должен помнить. Ты справишься, сын.

Отец обнял меня и поцеловал в лоб, а я снова оказался под ослепительным солнцем, на спине моего орнипанта. У меня кружилась голова, а вокруг вставали призрачные строения.

Если я начинал присматриваться, передо мной опять вставал туман, и внутри него – сады, дома, павильоны, а еще люди, которые бежали навстречу каравану, но вдруг натыкались на невидимую стену, прижимались к ней и ударяли в нее ладонями, но не могли ступить и шагу. Кричали, я видел, как они открывают рот и зовут меня, но не слышал ни слова.

А потом голова каравана, ведомая слепцом, вышла из Тупана Усинги, копыта бактрианов углубились в песок. Люди начали просыпаться.

Дни потекли своим чередом, словно ничего не случилось. Некоторые страдали от головной боли, некоторые помнили туманные и жуткие сны. Но никто не погиб и не оказался пленен Пустошью Снов.

Караван двигался вперед. Однако чувствовалось, что конец путешествия становится все ближе. Я не знал, откуда это чувство, но что-то эдакое висело в воздухе.

Однажды ночью один из бактрианов сорвался с привязи и побежал в пустыню. Мы нашли его утром, идя по следам на орнипантах: животное было порвано на куски. Бенкей долго осматривал разодранное тело, трогая ножом края ран, которые выглядели так, словно нанесли их косы колесницы.

– Живет ли в глубокой пустыне нечто такое, что могло бы нанести такие раны?

– Я знаю, о чем ты думаешь, – ответил я с высоты своего орнипанта.

– Ройхо, – сказал Брус, подъезжая ближе на своей птице.

– Приходит время снова разрисовывать себя узорами, – мрачно сказал Бенкей. – Но где тут взять текущую воду, я не знаю.

– Вопрос в другом: говорим ли мы о том кебирийцам?

– Да, но только через несколько дней, – заявил Брус. – Через два или три.

– Почему?

– Потому что пока нет уверенности. У тебя в последнее время были сны?

– Сны глазами упыря? Нет. Их не было с самого Нахильгила.

– Так, может, это вовсе не ройхо.

Я не был убежден. И не был уверен, о чем именно говорит Брус, когда утверждает, что на следующий день мы все узнаем.

Мы отправились дальше, только я и мои следопыты теперь оглядывались чаще остальных. Я и правда не видел больше тех снов, хотя у меня было определенное предчувствие. И говорило оно, что мое проклятие идет пустынным следом за нашим караваном. И что оно жаждет.

Пустыня снова начала меняться. На нашей дороге появились камни и скалы, а через пару часов мы наткнулись на сухое колючее деревце и мелкий лишайник на камнях.

Если бы кто-то глядел со стороны, счел бы, что мы свихнулись от солнца. Сухое деревце, что не заинтересовало бы и онагра, привело нас в дикую радость, словно было прекраснейшим садом. Пару шакалов, что ошеломленно взирали на нас, мы приветствовали как долгожданных родственников, танцуя и валяясь в пыли.

Но днем на нас обрушилась буря. Стало удивительно душно, и было понятно, что Н'Гому беспокоится. Он то и дело выезжал из строя и, прикрывая глаза, поглядывал на юг, словно ожидая оттуда кого-то. Днем же небо в той стороне потемнело и затянулось скверным, бурым цветом.

Проводник приказал встать лагерем, и караван начал свиваться.

– Буря! Ветер несет пыль! – пояснил нам кто-то из кебирийцев. – Нас засыплет, если не успеем приготовиться.

К счастью, мы уже добрались до каких-то скал, закрепили и привязали все, что удалось, но чувствовали, что погода становится странной. Мы все ворчали друг на друга, уставшие и изможденные странствиями, солнце яростно жгло, но одновременно нам будто не хватало воздуха, а в ушах звенело.

А потом огромное темное облако упало на нас, словно бич, и мир погрузился во тьму. Песок хлестал по коже, забивал нос и врвался под одежду, ветер выдавливал воздух из легких. Чувство было ужасное, но

ничего, кроме как прятаться за живой заслон из бактрианов или орнипантов, сделать было нельзя. Лишь прикрывать глаза и рот да слушать жуткий вой ветра, в котором слышался рев животных и призраков, а порой – будто громогласный рев Красной Башни.

Продолжалось это довольно долго, пока наконец худшие из вихрей не ослабли: мир оставался занавешен пологом красной пыли, ветер рвал полы плащей, но это уже не была безумствующая стихия. Мы все обессилели, и большинство из нас уснуло там, где прятались от пыли, едва ополоснув рот глотком воды.

Я смотрел на мир, залитый мрачным желтоватым светом, что время от времени резала синяя вспышка молнии, и ждал дождя, но дождь не шел.

Зато я увидел Мирах. Она стояла на дальнем холме: белая фигура с дырами вместо глаз. На этот раз она была одета в какое-то рубище и стояла сгорбленная, с опущенной головой, заслоненной волосами.

Я крикнул, но свет вспыхнул лишь на миг – и погас. Я ожидал с бьющимся сердцем очередную молнию, но когда ее дождался, вершина холма была пустой.

Потом кто-то ухватил меня за плечо.

Все случилось сразу.

Мой сдавленный вскрик, движение, которым я перехватил трогающую меня ладонь, и блеск клинка, который я выхватил из-за пазухи.

Брус отбил удар, стукнув меня в предплечье, и нож полетел на камни.

Мой орнипант удивленно завохтал.

– Прости, тохимон, – сказал Брус.

– Ты тоже ее видел? – крикнул я.

– Арджук, парень... Молодой Тигр... Я пришел попрощаться.

В следующей вспышке я увидел, как по лицу его текут ручейки крови. Два из них катились через уголки глаз, словно верткие горные ручьи. Кровавые слезы. «Прощание друга», – сказал мой отец.

Прощание...

– *Кодаи масса*, тохимон, – прошептал невнятно Брус, охватив кулак ладонью и склонив голову. И тогда я увидел, что его череп щетинится иглами. Поэтому по его лицу текла кровь. Дыхание увязло у меня в глотке. – Прости, господин, но я не сумею быть твоим защитником. Я ухожу, мое место в душе занимает кто-то другой. Может, и не жрец Чекедей, но это точно не я. Остаюсь собой до того времени, как в моей голове торчат иглы. Я сам их воткнул. Воткнул их и на время вернул свою душу. Чтобы исполнить мое последнее *агиру*.

– Брус... – прохрипел я, трясаясь всем телом. – Брус... сын

Полынника... ты не можешь...

– Нет, парень, – сдержал он меня. – Ты был мне как сын. Ты не можешь идти по миру... Нести судьбу всего Киренена, когда рядом с тобой тот, кто превращается во врага. Ты не можешь странствовать с амитраем, который ненавидит все свободное и настоящее, а любит лишь Подземную Мать и желает, чтобы все сделалось единым. Я – не таков, но я слабею. Меня пожирает изнутри. Я становлюсь скорлупой, в которой обитает змея. Я живу, пока в моей голове торчат кебирийские иглы.

– ...Слушай меня, парень, слушай! У меня мало времени. Со мной разговаривали ифрисы. Я знаю, что делать. Я могу ее уничтожить, если сумею собой пожертвовать. Так это действует. Ты для меня как сын, тохимон. Я ее задержу. Позволю себя пожрать. Отдамся ройхо. Ее ненависть сгорит в огне моей преданности. Я соединюсь с ней. Ты знал ее, верно?

– Она звалась Мирах, – прошептал я.

– Мирах... Она винит тебя, но убил ее я. Прости, тохимон, у меня нет времени. Следи за небом и морем. Они тебя поведут. Ищи огненную звезду. И помни... мое *агиру*...

– Брус... – я почувствовал, как горячие слезы текут по моему лицу вместе с пылью. Красные от песка, похожие на кровь. Мы оба плакали кровью. Больше я ничего не мог сказать своему другу и защитнику, потому что мне перехватило горло.

– Ромассу... – сказал Брус. «Ромассу» значит «моя жизнь».

Он встал и ушел во тьму. С неподвижным лицом, опустошенный и превращенный в гарь. Я уже терял в своей жизни людей, которые были мне более близки, чем Брус. Женщин, которых я любил так, как любит мужчина. Моих родных, моего отца и моего учителя. Всякий раз это была потеря, после которой мир казался невозможным, и каждая прошибала меня насквозь, выжигала, как печь выжигает глину. Но дело в том, что Брус был последним. У меня не осталось никого, кого я знал бы дольше месяца. Никого, кто видел меня, когда я был ребенком, и кто знал, кто я таков. Теперь я был совершенно один.

Я рассказал моим следопытам, что случилось, но это были мои солдаты. Они поняли и ждали приказов. И все. Я видел в их глазах блеск понимания, но мимолетный. Полевому командиру не сочувствуют. А если даже и так, высказывать это невозможно.

Прежде чем отправились дальше, я сходил на тот холм, но ничего там не нашел. Ни капли крови, ни даже следов, все выгладил ветер. Я нашел лишь ремешок с маленьким кастетным ножом-клинком не длиннее

большого пальца: Брус всегда носил его на шее. Тот зацепился за камень и медленно колыхался под порывами ветра. Я надел его – и это было мое последнее прощание.

Потом я провел день в седле и был рад, что я один. Удобно сидел, прикрыв лицо капюшоном, позволяя ноге отдыхать – та все еще давала о себе знать. Управлял одной рукой, второй лаская мой шар желаний.

Становилось холоднее.

На следующий день пески эрга незаметно закончились, и вокруг нас встали растения. Чужие, каких я раньше не видел.

Перед нами раскидывалась плоская каменистая равнина, а за ней вставали серые, печальные горы. Небо затягивали ровные серые тучи.

Все танцевали меж камней, бактрианы ревели, а я не хотел спускаться на землю, смотрел на все сверху. Нашли небольшой ручей. Бенкей принес мне баклагу с водой, и я наклонился в стремени, чтобы принять этот подарок, улыбнулся амитраю, но мне казалось, что у меня треснет лицо.

Я отпил глоток пресной воды, отдал баклагу, а потом вынул трубку из багажа Бруса и набил ее бакхуном.

* * *

– Условия совершенно ясны, – объяснял Н’Гома. – Посреди пустоши есть линия, выложенная большими камнями. И еще одна. Мы можем пересекать первую, но не можем и шага ступить за вторую. Никто не может ее пересечь, иначе погибнет. Они, люди-медведи, ведут себя точно так же. Переходят через первую из них – но не могут перейти через вторую. Между линиями мы выкладываем свой товар и отступаем. Они его осматривают и рядом кладут плату. Если она достаточная, мы подходим и забираем ее в мешки. Если слишком мала – отступаем и ждем. Они либо добавляют, либо нет. Мы тоже можем что-то добавить либо убрать. Так это действует. И действует уже много лет.

– И никто не обманывает?! – спросил Бенкей. – Это же легко.

– Если мы обманем, они начнут убивать караваны. Если они – мы перестанем приезжать. Все просто. Даже амитрай должен это понять.

* * *

Следующие дни мы носили товар. Мешки с плитками соли, хорошо

запечатанные кувшины и свернутые шкуры каменных волов. Всего было немало. Мы складывали товар за линией валунов, в местах, которые показывал Н'Гом, и возвращались за следующим.

На нашей стороне горел большой костер, который должен был передать весть о прибытии каравана, но люди-медведи не появлялись.

Мы ждали. Скучая и теряя время, жгли костры и пытались охотиться. Но кроме кроликов, на этих пустошах мало что можно было добыть.

Через четыре дня мы услышали мрачный рев рогов, и у подножия гор появился огонь. Большой гудящий костер.

Мы смотрели, как они подходят к нашим товарам, как подъезжают их грубые повозки с плетеными будками. Потом мы едва ли не окаменели от удивления.

Люди-медведи были чудовищами. Я полагал, что это просто название племени, как наши клановые имена. А это оказались огромные, кудлатые монстры, вполонину выше взрослого мужчины, с клыками, которых не устыдился бы тигр, и с мощными руками, что доставали до самых коленей. Я видел какие-то части одежд, пояса, фрагменты доспехов, но видел также, что им необязательно ходить на двух ногах, как людям.

Я подошел, насколько было дозволено, и смотрел на них из-за скал. Не слышал ничего, что напоминало бы человеческий язык. Только хриплое порывание и нечто, звучащее как лай – если бы собака была размером с пони.

Я почувствовал беспокойство и пошел к Н'Гому, что грелся у огня с кубком отвара в руке.

– Но это же чудовища, – сказал я. – Как они могут торговать?

– Не знаю. Я видел и меньших. Те тоже выглядят ужасно, но, кажется, поумнее. По крайней мере, считать они умеют. И у них есть чем заплатить.

– Ты никогда ни с одним из них не говорил?

Он пожал плечами.

– Естественно, нет. Я объяснял тебе, как торгуют. Кладешь товар и забираешь плату. Сам. С кем тут говорить? Смысл разговора – немного больше соли или золота.

Я сел, скрестив ноги, принял чару, осторожно поставил ее на циновку и взглянул в тигриные глаза Н'Гомы.

– Ньямбе Н'Гом, как ты сделаешь, чтобы мы попали в страну людей-медведей?

– Ты разве не понял, киренец? Никто не может зайти за валуны. Никто. Ни я не сумею этого сделать, ни Подземная Мать – никто. Тот, кто пойдет туда, будет убит.

– Ты знал, что мы должны пробраться дальше. Что мы идем в страну волчьих кораблей, я говорил тебе это сто раз, *ньямбе* Н’Гома. Ты нас обманул!

– Вы сказали: Н’Гома, проведи нас сквозь пустыню, куда ходят твои караваны. Я это сделал. Не могу сделать так, чтобы вы перешли за валуны, потому что не сумею. *Олимвенга усури*.

Я выпил отвар и ушел, трясясь от злости. Ничего не говорил Н’Гома целый день, зато собрал своих следопытов.

– Мы можем прорваться, – предложил Бенкей. – И не такое мы делали.

– На чужой земле? Сквозь толпы торгующих чудовищ? Как? Переодевшись в медведей? – разозлился Сноп.

– Мы можем пойти на юг, пока не кончится то место, где они торгуют. Это ведь не базар, что тянется до конца мира, – сказал я.

– Я бы на их месте был осторожен, – заявил Н’Деле. – Если правила таковы, наверняка не без причин. На этой пустоши заметно, кто уходит по линии раздела вместо того, чтобы возвращаться в пустыню. Они пойдут за нами, и всё. У них тут горы и леса, а у нас плоское ничто до самого Амитрая. Мы не увидим их, но будем как на ладони.

* * *

На следующий день Н’Гома призвал меня снова. Я пошел, хотя при виде его меня одолевала злость.

– Ты знаешь, что такое «*ньямбе*», сын Копейщика?

Я признался, что нет.

«Купец»? «Благородный»? А может, «обманщик»?

– Это значит «дядюшка», парень. А знаешь, что скажет тебе дядюшка Н’Гома?

– Что я могу ни с чем возвращаться в Амитрай. Просто под нож, дядюшка.

– А зачем в Амитрай? Поезжайте с нами, в Кебир. Это красивая страна. Степи, леса, солнце. И люди там смеются над вашей Праматерью.

– Мы не можем ни вернуться, ни ехать в Кебир, Н’Гома. Наша дорога ведет в другие места.

Я отвернулся. Он позвал меня снова.

– Есть один способ, кирененец! Способ пройти за камни.

Я подошел к нему.

– Какой?

- Вы не должны этого делать. Только если на то будет ваша воля.
- Слушаю.
- Линию камней может перейти товар, сын Копейщика. Чтобы ее перейти, вы должны стать товаром.
- Спрятаться в мешках с солью? В бочках?
- Нет! – крикнул Н’Гома. – Они бы посчитали такое обманом. Я не могу заменять соль людьми.
- Тогда как?
- Связанными. Усаженные рядом с мешками соли и шкурами. Как товар.
- Ты хочешь продать нас в рабство этим чудовищам?
- Это единственный способ, тохимон. Я дам вам спрятанное оружие, а путы мы завяжем так, чтобы было легко освободиться. Если вы желаете перейти валуны, должны сделаться товаром.
- Я должен поговорить с людьми.

* * *

Когда солнце встало над равниной, мы сидели в ряд между бочками, мешками и штуками шкур. Сидели молча.

- Иной раз я жалею, что я – кирененец, – вздохнул Бенкей.
- Ты совсем не кирененец, – фыркнул Н’Деле.
- Вы уверены, что хотите этого? – спросил я. – Я дал вам выбор. Сбросьте путы и убегайте. Я должен. Вы – нет. Езжайте с Н’Гома в Кебир!
- Я выбрал, – сказал Сноп, – в покинутом доме в Нахильгиле. Когда произнес *агиру кано*. И мои люди тоже, тохимон. Не о чем говорить. Мы кирененцы. Мы решили.
- *Мосу кано!* – сказал Бенкей. Я вздохнул. Сноп, Бенкей Хебзагал и Н’Деле Алигенде. Кирененцы.

Солнце вставало все выше. Со стороны гор приближались люди-медведи.

Глава 11

Копье Дураков

*Сурт едет с юга
с губящим ветви,
солнце блестит
на мечях богов;
рушатся горы,
мрут великаны;
в Хель идут люди,
расколото небо.*

Прорицание вёльвы

За день до выхода мы даем большой пир. Жареное мясо, пиво, мед, рыба.

Стол тянется через весь большой зал, горят масляные лампы. Мой спецотряд на почетных местах, все гордо оделись в маскирующие белые одежды, наброшенные на голое тело. Я лично рисовал сажей и жиром на белом полотне черные маскировочные пятна.

Слишком холодно для Танца Огня, но мы сидим подле гудящего от пламени очага, пьем и смеемся. Непринужденно. Эти люди прекрасно знают, какова цена жизней. Их – исключительно мала. Ужин перед отправлением в бой – настоящий прощальный пир. Потому пенистое пиво струей льется в кувшины, мы перекрикиваем один другого, а потом начинаем танцевать перед очагом, наскакивая друг на друга и ударяясь торсами. Вафнир льет пиво в глотку прямо из кувшина, все вокруг плещут в ладони и рычат, а Грюнальди, голый по пояс, дирижирует костью. Мы живы. Все еще живы. Все кипят неудержимой, естественной жизненностью, и я им завидую.

Ужин громко продолжается до самой ночи, и никому из моих людей не придет в голову уйти спать пораньше. Я знаю об этом, и это мне на руку.

Я жду момента, когда все крепко напьются, и выбираюсь из зала, бреду деревянным лабиринтом дворца в свою комнатку на чердаке. Осматриваю разложенную в идеальном порядке амуницию, раздеваюсь,

выкуриваю маленькую трубочку и задуваю лампу. Я и правда не хочу отсюда выезжать. Мне не хочется снова вставать лицом к лицу с безумным ученым, глядеть на жуткую босховскую диораму. Я хочу остаться здесь. В Доме Огня, с теми, кого я знаю. Спать до самой весны.

Она вскальзывает в комнату, едва я укладываюсь. Тихо и решительно. Садится на краю матраса, кладет мне узкую ладошку на губы. Медленно склоняется и накрывает меня гибким, заледенелым под тонким платьем телом.

– Не говори ничего... – Слышу я горячий выдох прямо в ухо. – Ничего... Ты не должен обещать, заклинать, не должен ничего... Только будь здесь. Будь со мной.

Я обнимаю ее и стягиваю ее платье через голову, а потом мои ладони соскальзывают на ее бедра. Наши губы встречаются, едва лишь ее голова выныривает из ткани.

Согласно приказу, я ничего не говорю.

* * *

Он вышел из города через тыльные ворота на рассвете, пока было темно, ведя Ядрана за узду и ступая как можно тише. Шел так легко, что даже снег не скрипел под подошвами сапог.

А вот его командос еле волочили ноги, правда, старались не спотыкаться и не сталкиваться в темноте с деревьями. Он дал им знак, чтобы сели на лошадей, и цепочка покачивающихся в седлах снежных ниндзя поплелась шагом по тропе.

Остановились на полянке, все еще молча. Грюнальди расшнуровал капюшон и отер лицо горстью снега, снятого с ветки.

Вуко сделал несколько жестов, и все встали в круг, конскими головами внутрь. Варфнир потрянул головой – словно похмелье было чем-то, что можно стряхнуть, как хлопья снега.

Драккайнен приложил раскрытую ладонь к губам, поэтому никто не сказал ни слова. Просто стояли и смотрели друг на друга сквозь щели белых капюшонов.

Драккайнен отстегнул обшитую кожей флягу от седла и подал им, показывая, чтобы пустили по кругу.

Они расшнуровали капюшоны, опуская клапаны, закрывавшие рот и нос, открывая полные благодарности улыбки. Пили длинными глотками, втягивая крепкий мед, горячую воду и травы, которые – как заверил

Воронова Тень, – за несколько мгновений усыпят самую сторожкую прислужницу.

Драккайнену даже не пришлось делать вид, что он пьет. Когда фляга добралась до него, белые всадники уже раскачивались в седлах, один за другим опадали на конские шеи.

– Начинаем, Цифраль, – пробормотал он под нос. Соскочил с коня, отвязал от седла баклагу, полил землю под конскими копытами мутной, илистой жижей, рисуя ею форму замкнутого круга. Жидкость блеснула просверком бриллиантовой пыли.

– Ты уверен, что это подействует? – спросила фея с ноткой нервозности в голосе.

– Я ни в чем не уверен, и ни в чем не могу быть уверенным, – сказал он, осторожно ударяя острием ножа в керамическую скорлупу Копья Дураков. Глина треснула. Кони, стоявшие странным строем, принялись фыркать и прятать ушами.

Драккайнен осторожно снял окаменевшую скорлупу с древка и спрятал ее за пазуху. Потом достал пучок ремней, взял их в зубы, а после потянулся к ладони первого из всадников и привязал ее к копыю. Когда привязал двоих, уже мог его не удерживать – частично скрытое в футляре, копьё висело вертикально между конскими головами. Вуко видел, как оно искрится перемигивающимся нимбом миниатюрных искорок.

– Готово... – он сунул руку за пазуху и достал высушенную ягодку, бросил ее в рот. Прикрыл глаза. – Две затуманенные вершины, жмущиеся друг к другу, словно ягодицы, – говорил по-фински. – Одни и те же рваные линии скал, затянутые синеватыми испарениями. Два пятна леса вдали, взбирающиеся по склонам, горя королевскими красками осени. Семьдесят три хвойных куста, кривых, словно они вышли из-под руки мастера бонсай. Рассыпанные вокруг бело-серые массивы меловых скал, синеватых, как порченное мясо. Искрящиеся плевки снежных шапок на вершинах...

Он знал, что не сумеет избавиться от этого пейзажа. Никакое другое место он не знал так, как знал это.

Чтобы это понять, нужно самому какое-то время побыть деревом.

* * *

Перенос был как вспышка и встряска. Выжженный под веками пейзаж вырос из ничего и ударил его в лицо.

Когда он открыл глаза, увидел именно то, о чем думал, – только

окуналось оно в глубокую черноту зимнего рассвета.

Заржал конь. Драккайнен развязал ремни, удерживавшие ладони воинов. Спалле сполз с седла бессильно, как мешок. Вуко посадил его и проверил пульс на шее. Потом – остальным. Все были живы и спали, глубоко дыша.

Он сунул руку за пазуху и снова вынул кусок отбитой керамической корки, а еще меховой мешочек с мягкой замазкой. Старательно и тщательно заклеил трещины, а потом застегнул кожаный футляр. Переливающийся проблеск силы исчез. Осталась поляна, полная черных, сожженных обрубков деревьев, покрытая снегом, на которой стояли необычные сугробы, напоминавшие всадников верхом на лошадях.

– Ядран, пусть кони лягут на землю, – пробормотал он на ухо скакуну.

Тот коротко заржал, а потом легонько ударил одного в бок, второго лягнул задней ногой. Коня легли. Грюнальди сполз в снег и захрапел.

Нужно было подождать.

* * *

Тропа, ведущая вниз, была отвесной, но лошадей удалось свести по ней без проблем.

– Нужно было сказать, что ты намереваешься делать! – глухо прошипел Спалле. – Так не годится. Ты усыпил нас, словно каких-то животных...

– Иначе не удалось бы, – прошептал в ответ Драккайнен. – Не шуми.

– От песен богов можно заболеть, – ворчал себе под нос Спалле. – Отвратительной болезнью...

Варфнир, что ехал в конце, заметал следы веткой. В нескольких шагах впереди крался Грюнальди: без коня, осторожно ступая по снегу. Вокруг вставал мрачный, свинцовый рассвет. Падал мелкий снег.

* * *

Их было четверо, и шли они быстро. Были в кожухах, расшитых зигзагообразными змеиными узорами, знак Танцующих Змеев вышит сзади, шлемы надеты на меховые капюшоны. От них бил пар. Должно быть, шли издалека.

Впереди – большой бородатый мужчина в шубе и шлеме,

украшенном гребнем, похожим на атакующую кобру, с капюшоном, напоминающим рыбы плавники; в руках нес лук и то и дело припадал к снегу, аккуратно поводя ладонью по засыпанным следам из прошлого дня: словно читал шрифт Брайля.

Воины молчали, внимательно осматриваясь. Казалось, они кого-то ищут – и нервничают.

Группа вошла на невысокий перевал. Гигант впереди вдруг остановился и поднял кулак вверх. Все мгновенно остановились, а потом как можно тише сняли из-за спин щиты и крепче взялись за копья.

Но бородач не сказал и слова, всматривался вниз по склону, с вертикальной морщиной на лбу. Его люди, сбившись группой чуть позади, терпеливо ждали.

Воин, прервав осмотр склона, взглянул на сугроб в паре шагов перед ним. Удивленно вскинул брови и наклонился, чтобы присмотреться внимательнее. Сугроб взорвался ему в лицо облаком снежной пыли.

Огромный воин развернулся к своим, продемонстрировав торчащую в груди стрелу с черным оперением, а потом кашлянул жутким, свистящим звуком – и в этот момент вокруг шеи его оплелась тонкая цепь.

Перевал взорвался хаосом.

Это не походило на привычный бой, один из тех, какие велись в горах непрерывно, с той поры, как Великий Аакен приказал Змеям захватывать все. Тут все шло молниеносно и напоминало резню. Не было в том ни капли рыцарственности. Вокруг Змей взорвался снег, и из ниоткуда появились две белых твари со щелями вместо глаз – и без лица. Один из воинов замахнулся копьем, но цепь с грузиком оплелась вокруг его запястья, тот, кого он хотел проткнуть, метнул ему в лицо стальную звездочку, моментально присел на расставленных ногах и ударил противника в бедро. Еще один выскочил между скалами, где миг назад не было никого, и секанул Змея, стоявшего позади, поперек горла, а потом снова исчез. Последний из Змеев перепрыгнул умирающего бородача и кинулся наутек, но тут взорвался еще один сугроб, и новый снежный демон пинком подбил ему ноги, вскочил на спину и окрутил на шее цепь.

Все продолжалось, самое большее, пару секунд.

Лежавший лицом в снегу воин чуть не ослеп от ужаса. Он не понимал, что из увиденного страшнее всего: белые, из ниоткуда вырастающие твари или их нечеловеческая тактика. Странная атака по несколько на одного с удивительным оружием. Те даже не пытались ни с кем сражаться. Один атаковал ноги, второй – лицо, третий спутывал оружие, и человек погибал в мгновение ока. А они принимались за следующего. Убивали молниеносно

и безжалостно, словно работая в поле или корчуя кустарник.

Ему запрокинули назад голову, выкрутили руки и втянули куда-то между скалами.

– Хорошо, – обронил Драккайнен сдавленным шепотом. – Прекрасная работа.

Спалле уже засыпал кровь свежим снегом, Варфнир и Грюнальди хватали первого из Змей за руки-ноги, чтобы сбросить в разверстую в стороне щель между скалами, прямо в журчащий внизу ручей.

– Погодите, – прошипел Вуко. – Снимите с них кольчуги, шлемы и щиты. Переодеваемся. Только потом – в пропасть.

– Слышал? – прошептал Грунф пленнику, приподнимая ему подбородок кончиком меча. – Вылезай из кожуха.

– Да... Да... – застонал перепуганный воин. – Уже... Отдаю... Не убивай.

– Я спрошу один раз, – произнес Драккайнен тем самым шипящим шепотом из глубины белого капюшона. – Не ответишь – выколю тебе глаз. Ясно?

– Да... Прошу...

– В какую сторону к Музыкальному Аду?

Парень ответил быстро, невнятно, глотая звуки. Еще минуту назад он догонял беглых рабов. На своей земле. То, что происходило сейчас, не удавалось понять. Казалось, это какой-то жуткий кошмар. Тем более, что все произошло в один миг.

Драккайнен придавил кусок снега. И принялся рисовать кончиком ножа.

– Это здешняя гора. Тут перевал. Тут ручей. Куда к Музыкальному Аду? Где Шип?

– Снова его карта, – проворчал Спалле. Но парень каким-то чудом, может от испуга, понял все мгновенно, и трясущимися пальцами дорисовал остальную карту.

– Хорошо, – подвел итог Драккайнен. Варфнир вынул из рукава короткий нож. Парень чуть не перестал дышать.

– Я ведь сказал... все... прошу...

– Поверни его на бок, – холодно бросил Вуко. – И не измажь кровью кожух.

– Ну, давай, молодой Змей, – сказал Варфнир. – Я сделаю все быстро. Больно не будет. Не то, что ваш Танец Огня.

Не было даже крика.

Раздался тихий свист, из снега на склоне выросли пять покрытых

белыми попонами коней. Пять воинов Змеев в кожухах со знаком Танцующих Змеев, с круглыми щитами и в шлемах отправились в дальнейший путь.

– И зачем нам эти тряпки? – спросил подавленным голосом Грунф.

– Мы должны пройти через долину, – пояснил Драккайнен, – ту, что зовется Садам Наслаждений. Большая часть аттракционов зимой не работает, но наверняка не знаешь.

– Хреново я себя чувствую, – признался Варфнир. – Это не был хороший бой.

– Никто из нас не ранен, они мертвы, у нас – информация и маскировка, а потеряли мы всего несколько минут, – ответил Драккайнен. – Так выглядит настоящая война. Знаю, паршиво, но это необходимость, а не развлечение. Когда закончим эту работу, снова будете сражаться с честью. Мы здесь не для того, чтобы вы гибли в глупых стычках.

* * *

Они шли через засыпанный снегом Сад Земных Наслаждений. Ехали в ряд, со щитами на спинах, изображая уставший патруль. Но не повстречали никого. Не было цветов; замерзший пруд и залепленные снегом памятники производили еще более странное впечатление, чем когда он был здесь в последний раз.

– Наверняка есть аттракционы под крышей, – проворчал он себе под нос.

– Та гора... – несмело произнес Спалле. – Она выглядит, как голая девка...

– Ага, – ответил Вуко. – После войны захвачу тебя сюда на прогулку, проверишь ее. Изнутри. Но я бы сказал, что реклама преувеличивает. Так, для туристов...

– Где они все живут? – спросил Варфнир.

– По той стороне долины и в следующей. В каменных строениях, но мы туда не поедem.

А потом они наткнулись на тропу. Широкий, вытоптанный в снегу тракт со следами многих людей.

Драккайнен вдруг остановился, вскочил ногами на седло и оглянулся.

– С коней, – прошипел. – В сторону, в глубокий снег. Коней вниз, спрятаться в сугробы! Исчезаем!

Через несколько минут по равнине проехал огромный угловатый

фургон на обитых железом колесах, оцетинившийся стальными шипами. Его тащили десятки людей в рваных кафтанах и остатках мехов: тянули, впрягшись в дышла, подталкивали спицы колес и толкали, падая и подымаясь.

Борта фургонов украшали цветные, хоть и довольно мрачные, примитивные рисунки, изображавшие змеев, пожирающих солнце, и два полумесяца.

Сидящий на козлах возница был укутан в косматую шубу; его голова обернута клетчатым шарфом, наружу торчала только крысиная мордочка. Он держал кнут из многих ремней, на кончике каждого – привешено грузило.

За повозкой маршировало несколько крабов, потом ехала пара всадников в ладных, хотя и подржавевших сложносоставных доспехах, другие держали совершенно лишние здесь турнирные копья.

Конвой прошел, и наступила тишина, прерываемая лишь карканьем ворон.

Прошло еще немного времени, прежде чем они осторожно выгреблись из-под снега. Грунф вывел из-за пригорка замерзших, сердитых коней в покрытых снегом пополах.

– Что это было?! – спросил Грюнальди с возмущением.

– Так станет выглядеть мир, если мы проиграем, – безжалостно пояснил Драккайнен. – Кажется, наш чародей как раз вернулся домой. По крайней мере, я на это надеюсь.

Они свернули и стали взбираться между скалами к подножию горы.

– Сейчас мы сокращаем дорогу, – рассказывал Вуко. – Тут, за горой, есть нечто, что он называет Музыкальным Адом. Там был Сад Наслаждений. Его непросто описать, но таким образом Деющие изменяют Змеев в то, с чем вы столкнулись. Страдание и наслаждение попеременно. А теперь мы разделимся.

Драккайнен отломил сухую ветку и оторвал от нее несколько палочек, а с конца двух стянул зубами кору, оставив голые кончики.

– Те, кто вытянет без коры, идут с лошадьми туда, на север, примерно на тысячу шагов. Найдете пустое, укромное место и спрячетесь. Огня не разводить. Ждать. Это может затянуться на несколько дней. Если мы приближаемся бегом, словно за нами гонятся демоны, готовьте коней. Это значит, что демоны гонятся. Тяните палочки.

Выставил к ним кулак с зажатыми кончиками палочек. Они тянули одновременно.

– Спалле и Варфнир остаются с лошадьми, – кивнул Драккайнен.

– Снова! – рявкнул разъяренно Спалле. – Раньше подвернутая нога, теперь – палочка!

– Не жалуйся, – ответил Вуко. – Тут нет работы худшей или лучшей. Любая одинаково паршива. Берите оружие и веревки. Нас ждет подъем.

Снег сделался гуще.

– О Тененбаум, о Тененбаум, та да ти, да, да, да, да, – мрачно пропел Вуко, распутывая бухту веревки.

Спалле и Варфнир отвели коней, что-то бормоча себе под нос, и уже через несколько шагов словно утонули в снегу, как духи метели.

– Поднимаемся по очереди. Первый останавливается на конце веревки и боится того, кто внизу. Те, что внизу, следят с луками, чтобы никто не увидел. И так по очереди. Пока иду первым. Это не слишком сложный склон.

* * *

Крепость, называемая Шипом, вращалась с грохотом, месила снежную метель, вращая косами, покачивая веерами и режа воздух колесами. Чувствовалось, как от нее веет ветер.

– Что это? – выдохнул Грюнальди с неописуемым ужасом. – Что это вообще такое?

– Двор колдуна, – сказал Вуко мрачно, раскладывая на снегу толстую шкуру и ложась на живот. Копье в футляре положил рядом. – Почему бы ему не взять и не смазать все чуток, а то и оглохнуть можно. Человеке, не торчите на фоне неба. Найдите себе удобные, тихие местечка с хорошим обзором, луки – наготове. Ваша работа состоит в том, чтобы мне никто не мешал. Хорошенько укройтесь и выпейте по глотку вот этого. Осторожно. Может обжечь.

– Что это? – просипел Грюнальди.

– Слиловица. Наилучшая. Далматинская. А теперь приготовьтесь к долгому ожиданию.

– Он в этом живет? Где?

– Это укладывается, как он захочет. Это Деющий. Я ведь говорил вам.

– Откуда нам было знать, что все это правда? Всегда ж чуток придумывают, чтобы звучало интереснее.

– Чему тут, *piczki materinu*, быть интереснее? Трехнулся совсем?

* * *

Ждали.

Мороз пробирал до мозга костей, но по крайней мере их присыпал толстый слой снега.

– Не засыпайте, *perkele*, а то не проснетесь!

* * *

Это тянулось несколько часов – часов бесконечных. Они лежали, укутанные в меховую одежду и прикрытые маскирующими комбинезонами, но холод запускал вездесущие щупальца к пальцам ног и к шеем. К тому же на скальной полке, где они притаились, дул ветер. Причем люто.

Но через пару часов что-то начало происходить. Сначала стало видно идущих отовсюду Людей Змеев. Маленьких с вершины, словно мураши, шагающих длинными шеренгами, как вращающийся железный замок был муравейником, куда они тащили сосновые иглы.

Сходились они с полчаса и в конце концов создали на безопасном расстоянии от замка буро-черный полумесяц голов, будто кто-то просыпал на снег горсть мака.

А потом снова приехал фургон. Другой, хотя тоже монструозный и угловатый, окованный железом и оцетинившийся шипами. У этого картинок на бортах не было; он был мрачным, черно-ржавым. Подкатил под замок и замер.

Над толпой разносился ропот, подобный шуму моря.

– Не спите?! – спросил Драккайнен. – Что видно?

– Чисто, – прохрипел Грунф.

– Никого, – вторил ему Грюнальди. – Только ног не чувствую.

– А ты шевели пальцами в сапогах, – посоветовал ему Драккайнен, отстегивая футляр на Копье Дураков. – Если нам повезет, гадский гад выйдет. Небось, толпа для того и собралась.

Он подполз немного вперед и выглянул.

Крепость Шип начала менять форму. Некоторые элементы притормаживали, другие переставали вращаться; шестерни заходили друг в друга с глухим громоуханием стали, передвигались какие-то рычаги и сцепки. Перед вращающейся шипастой астролябией размером с офисное

здание выстраивался помост, заканчивающийся полукруглыми подмостками. Постепенно, кусок за куском, в громыханье и скрежете железа.

– Чудесно, *paskiainen*, теперь только выйди... – процедил Вуко, подтягивая ближе копье. – Ну, давай к папочке.

Воз тоже заскрежетал, на нем отодвинули мощные запоры, и ошестинившийся острыми болтами поддон, похожий на рампу парома, опустился.

Они услышали топот множества подкованных сапог, а потом увидели десятка полтора Змеев, что тянули за цепи.

– Дракона ему привезли, – предположил. – Наконец-то падали удалось. Но это был не дракон.

– *Jebem ti duszu...* – пробормотал Драккайнен ошеломленно.

Цепи были привязаны к сети, а сеть держала круглый каменный диск, весь час медленно круживший вокруг своей оси, двигаясь над землей, словно на воздушной подушке. На камне сидел худой, словно дервиш, старик, похожий на обезьяну. Сидел со скрещенными ногами и руками, упертыми в колени, с опущенной на грудь головой.

– *Perkele...* – снова процедил Драккайнен. – Бондсвиф?! Оба Медведя?!

Замок заскрежетал в последний раз, и на помосте появился ван Дикен. В том же длинном плаще и с волосами, зачесанными назад, поблескивающими, как перья ворона. Опорой ему служил огромный топор с двумя лезвиями и топорищем, оплетенным змеями, что угрожающе разевали пасти.

– Ты все же воспользовался моим гостеприимством, Бондсвиф! – голос ван Дикена гремел, словно из колонок стадиона и эхом катился по горам.

Он вытянул руку и ткнул во вращающегося старика пальцем.

– Взгляните на него! Взгляните на последнего Песенника! Того, что сидел в пещере под Стонущей горой и осмеливался смеяться надо мной! Осмеливался смеяться над моими трудами! И где он сейчас?!

Толпа зарычала. Но без усиления это все равно напоминало отдаленный шум. Ничего особенного.

– Где твоя сила, Бондсвиф?! На этой земле по самое море – всего один Деющий! Только один, и он дает власть Змеям! Нет здесь места таким трусливым свиньям, и они ничего не могут поделать! Ничего! Ты можешь лишь вращаться на своем подносе и тосковать по нирване!

Очередной рык с тем же незначительным эффектом.

Драккайнен стал нервно развязывать завязки футляра.

– *Jebem ti svinjsku mater...*

Но тогда что-то начало происходить. Воздух вокруг Бондсви́фа загустел, камень стал вращаться быстрее. На нем появились искры и разряды.

– Ты никто, ван Дикен, – голос Бондсви́фа звучал как шепот, но шепот мощный; казалось, издают его сами горы. – Ты никто из ниоткуда. Ничего не понимаешь. Ты словно капризный ребенок, который все ломает и поджигает для чистого удовольствия, получаемого от разрушения. Даже имя твое ничего не значит. Оно как пердеж. Я ухожу, потому что не желаю смотреть на дело твоих рук. Оно наполняет меня отвращением. Ухожу, потому что пришло мое время.

Молнии окружили старика короной разрядов.

– Хватит! – шипение ван Дикена ударило как бич. Молнии вокруг вращающегося камня исчезли. Оба Медведя беспомощно и чуть испугано огляделся. Его диск перестал вращаться.

– Подохнешь, когда я разрешу, – заорал ван Дикен. – Твой разум – ничто рядом с моим! Но сперва я выжму из тебя все так называемые песни богов! Каждую кроху силы! И лишь тогда позволю тебе подохнуть!

Казалось, Бондсви́ф хочет пошевелиться, но не может. Казалось, он прирос к своему диску. Даже с высоты скальной полки было заметно, что он обеспокоен. Его стоицизм вдруг куда-то исчез. Оба Медведя был напуган.

Драккайнен вынул копье из футляра, после чего отбросил маскирующий белый мех, вскочил и разбил глиняную защиту о скалу.

– *Aiitisi nai poroja!* – крикнул он и метнул копье прямо в ван Дикена. То понеслось со скального склона, словно на крыльях. Ускорилось как ракета, потянув за собой хвост светящегося тумана, что напоминал бриллиантовую пыль.

Все длилось пару секунд. Ван Дикен испуганно завизжал, его голос разлился над равниной, словно скрип огромных дверей. Развернулся к двери замка, уже зная, что не успеет. Копье брало поправку на его движение, уже разворачивалось, как самонацеливающийся снаряд, волоча за собой хвостик бриллиантовой пыли.

– Пять... – начал Драккайнен отсчитывать с удовлетворением. – Четыре... Желаю хорошего... Ох, *perkele saatani vittu...*

В этот момент Бондсви́ф поднял руку и закричал с яростным удовлетворением. Копье Дураков вдруг приостановилось в воздухе, задрал наконечник, и выполнило короткий разворот. Хвост магической пыли размылся в воздухе в веер, после чего оно проткнуло Бондсви́фа Оба

Медведя навывлет.

Драккайнен стоял, окаменев, со сжатыми кулаками и оскаленными зубами, глядя, как проткнутый копьем старый Песенник вдруг раскаляется, точно сварочная дуга, и взрывается снопом радужных искр.

Очнулся он, только услышав яростный рык ван Дикена, раскатившийся по горам, как отзвук землетрясения.

Над Крепостью Шип выросла темная, веретенообразная туча, крутящийся торнадо. Под ней стоял ван Дикен с воздетыми руками и яростно рычал, а его рык смешивался с ревом урагана.

Толпа под замком в отчаянии разбегалась, словно просыпанные из шкатулки мелкие шарики.

– Валим! – заорал Драккайнен. – Сматываемся! Быстро!

Они стремглав, раня ладони о веревки, съезжали со стены, когда с крутящегося над ними торнадо ударил пучок молний, бомбардируя склон. Змея шипящей серебристой плазмы рыскала по вершине, сверху сыпались камешки, на карабинчиках веревок расцветали огни святого Эльма. Грохот и треск рвали уши.

– Вперед! – орал Драккайнен внизу, когда они уже съехали, а им на головы среди каменных обломков упала горящая веревка. Он не слышал собственного голоса. – Головы ниже! Подальше от деревьев! Это лишь молнии!

В установившейся вдруг темноте то и дело взблескивал ядовитый электрический свет, деревья вокруг пылали под ударами стихии.

– Вперед! Вперед!

Молнии били систематически, разнося все в клочья, но ни по одному из командос не попали. А потом Грюнальди получил обломком скалы прямо в лоб и упал, залитый кровью – черной в свете молний. Драккайнен поднял его с земли, закинул себе на спину. Ударил молния: снова и снова. Кафтан на спине Грюнальди загорелся. Вуко сбросил друга на землю, перевалил его в тающий снег, а затем поволок дальше. Грунф со смешным, ненужным луком в руке бежал за ними спиной вперед, пытаясь прикрыть обоих, словно мог стрелять по молниям.

– Где эти проклятые кони! – орал Грунф.

– Грюнальди, не умирай, *jebem ti duszu*, – надрывался Драккайнен.

Молнии продолжали лупить в землю и скалы, камни свистели вокруг, но торнадо остался позади.

Они брели пьяной трусцой, поддерживая обмякшего Грюнальди. Над ними вилась тьма и гремела гроза.

Коней они увидели чуть дальше, на дне небольшой котловины. Те

стояли, накрытые белыми попонами, сбившись в пугливую группку. Рядом на залитом кровью снегу лежало несколько Людей-Змеев, еще десяток-полтора высились вокруг, с мечами в руках. Спалле и Варфнир стояли на коленях в забрызганных кровью белых маскирующих одеждах. За каждым из них стоял Змей, приложив им к горлу клинок.

Драккайнен встал как вкопанный и опустил руки, положив на землю Грюнальди: тот повалился, словно мешок.

Грунф Колючее Сердце остановился за его спиной, с луком в руках и стрелой на тетиве.

Несколько секунд они молчали.

Молнии перестали бить и установилась тяжелая, звенящая тишина, и только вдали гудело пламя.

А потом воздух прорезал странный звук, напоминающий оглушительный стальной щебет или хихиканье. Крик железного журавля.

Топор перелетел через гору и, кувыркаясь, рухнул на них из-за туч.

Грунф оттолкнул Драккайнена, опрокинув его на безвольное тело Грюнальди. Раздался резкий хруст. Колючее Сердце свалился на землю, из его спины торчало выгнутое лезвие, украшенное раскрытой пастью змеи. Вокруг лежащих растекалось огромное красное пятно, топящее снег, превращая его в ржавую грязь.

Драккайнен вскочил на ноги быстрее, чем упал, но было поздно. Поздно для всего.

– Гру-у-унф! – крикнул он, затем вырвал из его тела топор и, пронзительно завыв «Ван Дикен!», перехватил оружие двумя руками и метнул его назад. Топор полетел в небо, стоящие вокруг провожали его взглядом. Казалось, он вернется, откуда прилетел, но топор взлетел, крутясь, по дуге, а потом упал куда-то в снег, как обычный мертвый кусок железа.

– Хватит игр, – отозвался стоящий во главе отряда юноша в черном плаще. – На колени и руки за голову, чудаки. Разве что желаете встретиться со Змеиным Жалом.

Он небрежно откинул полу плаща, показывая оплетенную ремнями рукоять универсального меча разведчика, выпущенного Nordland Aeronautics.

– Охотно, – процедил Вуко и достал свои палаши. – Очень охотно.

Юноша странно присел, а потом вынул меч и двинулся вперед. Лязгнула сталь, и мономолекулярный клинок оказался пленен между скрещенными палашами, а Драккайнен вмазал Змея головой в нос, послав его на землю.

– Его вообще-то так не держат, – заявил. – Ну да ладно, продолжим.

Змей вскочил с земли, вытирая льющуюся струйкой кровь, издал яростный, шипящий крик и бросился вперед, нанеся несколько молниеносных ударов. Клинки в руках Драккайнена замелькали, как лопасти турбины, сталь звякнула, а потом Вуко быстро отбил три следующих удара, крутанулся вокруг своей оси, рубанул юношу дважды через грудь, отрубил ему ладонь и горизонтально пропорол живот, выпуская кишки. Несчастный Змей свернулся в клубок и пал на колени, не в силах даже вскрикнуть. Драккайнен встал над ним, держа свой *синобикэн*.

– Ну и пусть, – сказал. И ударил парня по затылку, отрубая голову.

А потом развернулся к стоявшим над пленниками Змеям.

– Кто-то еще хочет стать героем? – спросил.

У него был спокойный голос, но с закопченным лицом и в белой, забрызганной кровью одежде выглядел он жутко. Змеи невольно отступили.

– Кто-то еще хочет быть героем? – спросил он снова, с легкой ноткой истерии в голосе.

– Ты! – взвыл Змей, стоявший за Спалле и удерживавший трясущийся клинок у его шеи. – Кинь оружие, а то я его убью!

Коротко свистнуло. Змей подпрыгнул на месте и безвольно выпустил меч. Попытался взглянуть вверх, на собственный лоб, в котором торчала стальная звездочка и откуда стекала струйка крови, а потом удивленно сел на землю. Спалле дернул головой и ударил его в лицо. Стоя на коленях, все еще ошеломленный Грюнальди выпустил вторую звездочку и опрокинулся на бок. Одновременно Варфнир схватил запястье Змея, который держал клинок возле его шеи, второй рукой ухватил его за воротник, кинул через спину и воткнул вырванный меч тому в грудь, приколов к земле.

– Кто следующий?! – истерично завыл Драккайнен, а потом прыгнул к Змеям и вскинул меч. По крайней мере так выглядело. Трое ближайших воинов неподвижно застыли, а потом один из них повалился, окрутившись вокруг своей оси, второй кашлянул кровью и свалился, как мокрая рубаха, а третий повис на руках тех, кто стояли позади, судорожно хватаясь за чей-то кафтан.

Змеи начали отступать.

Спалле и Варфнир встали по сторонам от Вуко, и Змеи бросились наутек.

Спалле привел коней. Грюнальди посадили нормально, позволив ему опасть на шею скакуна и придерживая с боков; Грунфа Колючее Сердце,

рулевого Атлейфа, перевесили через седло.

– Никто не остается... – прошептал Драккайнен, вытирая слезы, бегущие по закопченному лицу.

– Но мы его хотя бы убили? – спросил Спалле.

– Нет. Там был другой Песенник, который хотел умереть. Притянул Копье на себя.

– Плохо.

– Да.

– Что теперь? – спросил Варфнир.

– Теперь, – сказал хрипло Странник, – домой. В Землю Огня. Не останавливаясь.

– А если кто встанет на дороге?

– Не останавливаясь, – повторил Драккайнен, наклонился за ножнами своего меча и очистил их снегом.

* * *

Гнали как безумные, не заботясь о камуфляже. Из-под копыт летел лед и клубы снега, кони фыркали паром.

Напрямик.

В Землю Огня.

Позади все еще безумствовала гроза; огромная черная туча, поднятая гневом ван Дикена, кружила над долиной, пронизанная нитями молний. Треск грома без перерыва раздавался где-то за спиной, молнии раз за разом били в деревья и склоны гор бестолково и хаотично. Похоже, Песенник не знал, откуда пал удар – или просто метался в слепой ярости.

Похоже, он не контролировал собственную грозу.

А они, даже когда на дне какой-то долинки наткнулись на группку дезориентированных Змеев, что вытягивали из сугроба фургон, просто прорубились сквозь них, с криками и в посвисте железа. Отрубленные голова и рука упали в снег, там остался лишь накрененный фургон и черно-красные изогнутые тела, подрагивающие в ржавой грязи.

Несколько раз они таились в каких-то схронах и пережидали, засыпанные метелью, теснясь вокруг лежащего без сознания Грюнальди и Грунфа, завернутого в собственный плащ, застывшего, поскольку он лежал переброшенным через конскую спину.

В ловушку они попали посреди темной, как смола, зимней ночи, среди снега, падающего с неба крупными хлопьями, где-то на границе ничейной

земли. Буквально на расстоянии вытянутой руки от Земли Огня. По крайней мере, так казалось.

Змеев было немного, самое большее десятка полтора, но они сумели запереть их в небольшой котловине, окруженной скалами.

Сами виноваты. Змеи, возможно, и не были предупреждены ван Дикеном. Возможно, передовой отряд. Просто Люди Огня выбрали самый короткий и логичный путь на другую сторону гор. Возможно, они не стали первыми, кто попал в такую ловушку. Но – попали.

Поняли, что нет выхода, только когда перед ними выросла натянутая сеть, а вокруг начали падать факелы.

– Пятеро с луками вверху, прямо, – мрачно процедил Спалле. – И, как минимум, несколько с дротиками.

– Позади так же, – сказал Драккайнен.

– Что теперь?

– С лошадей.

– Мы не сдадимся!

– С лошадей! – повторил Драккайнен и расшнуровал маскировочный капюшон, выпуская клубы пара.

– Мы можем встать спиной друг к другу, – неторопливо и спокойно сказал Варфнир, – или разбежаться и попытать счастья в одиночку и пешком. Но что-то мне подсказывает, что нас тут перебьют.

– Привет от Змеев, собаки! – раздалось откуда-то сверху. Первая стрела с глухим фырканием ударила в сугроб, выбросив фонтан снега.

– Положите лошадей. Накройтесь щитами и лежите лицом к земле. – Голос Драккайнена был неестественно спокойным, даже равнодушным. – Просто лежите неподвижно и не двигайтесь.

– Что ты собираешься делать?

– На землю! – прошипел Вуко. Сунул руку за пазуху и достал несколько ссохшихся, как изюминки, ягод, что искрились в темноте радужным переливом. – Не вставайте, пока все не закончится.

Он снял капюшон, бросил ягоды в рот, поправил меч на спине, а потом достал оба палаша. Ртутно-радужный проблеск появился в уголках его глаз – сперва как отдельные пятнышки, а потом как однородное сияние.

– Оружие на землю и на колени! Не ложиться, трусы! – отражалось от стен оврага.

– Начинаем, Цифраль, – прошептал Драккайнен.

– Ты уверен? Чтобы потом не было претензий...

– Запускай меня, Цифраль! Делаю, что захочу.

Новые факелы с шипением падали вокруг, рисуя в воздухе полосы, как

метеоры.

Вуко раскусил ягодки и проглотил, чувствуя странный, пенистый привкус, который ударил в ноздри и мозг. Ему показалось, что снег стал цвета крови, а на овраг опустилось красное сияние.

* * *

Их увидели с боковой башни. Сперва триумфально затрубили рога, раздались крики и удары в щиты. А потом увидели, как едут шагом, нога за ногу, и вместо всадника перевешивающийся поперек седла мешок; фигуру, что покачивалась рядом; уставшие, серые лица остальных и обильно окропившие камуфляж капли крови.

Радостные крики постепенно стихли.

Прибывшие молча подъехали под частокол и остановились как вкопанные.

На озере покачивался корабль. Вполовину длиннее и выше «волчьих» лодок, сбившихся подле укрепленной пристани. Более того, он весь светился и посверкивал, будто статуя изо льда, даже казался полупрозрачным. На корме высилась надстройка, слегка похожая на ту, что была на кораблях Людей Огня, но на этом корабле имелась лишь одна мачта, а еще странный, задранный нос с торчащим штевнем, что заканчивался драконьей головой. Все это выглядело жутковато и, казалось, светится странным, зеленоватым блеском. Он стоял на большой льдине, та окружала корпус, а на льду лежало несколько тел.

– Что это такое? – прошептал Спалле.

– Не знаю, – ответил Драккайнен. – Но ничего хорошего.

Ворота городка осторожно отворились, когда они подъехали, воины выбежали, заслоняя их стеной щитов от озера и призрачного корабля; а тот стоял на воде неподвижно и молча, словно ожидая.

– Появился утром, сразу как вы вышли, – сказал Атлейф после приветствий, когда они уже сидели в большом зале, трясущиеся и измученные. – Сразу встал на озере. Никто не видел, как он приплыл, никто с него не сходил. Выглядит как пустой. Лед еще не встал на озерах, но корабль принес собственный мороз. Лед – только вокруг него. Мы сперва кричали в его сторону, но это ничего не дало. Трое поплыли лодкой и взошли на лед, но едва приблизились – упали. Гери и Геральди, отец и сын. А еще Орофнир Дождевая Тень. Теперь лежат там, все поросли цветами изо льда, и никто не может принести их тела назад. Люди, которые

поплыли в неудачный набег, после говорили об острове, на котором живет Песенник. Острове, где растут ледяные кусты и деревья. Наверняка там были и такие корабли. Но мы не знаем, что бы это значило. С Ледяного Острова вернулось немного людей.

Драккайнен некоторое время молчал, вертя в руках серебряный кубок с медом и специями.

– Что с Грюнальди?

– Если до этого времени не умер, будет жить, – отозвался мужчина, сидящий рядом с Атлейфом. – Порой просыпается и блюет. Немного бредит, но людей узнает. Хороший знак.

– Корабль появился в тот самый день, когда мы вышли? Не позже?

– Я ведь сказал. В тот же день.

* * *

Вуко стоял на краю пристани и смотрел на корабль. Огромный, зеленовато-стеклянный корпус колыхался на воде, лед под ним слегка подтаял, остался только продолговатый язык, на котором лежали тела.

– Это твоя работа, ван Дикен? – прошептал. – Тебе подумалось, что я скандинав, поэтому ты прислал за мной ледяной драккар, да? Ты что-то бредил о Нибелунгах. Но такое не в твоём стиле. Ты же знал, что я на борт не взойду. В твоём стиле – Босх. Не вижу я тут твоей руки. Ты любишь чванливый сюрреализм и голландских мастеров шестнадцатого века. А этот корабль выглядит по-другому. У меня мама была художницей, почерк мастера я различать умею, пусть даже такого жалкого бумагомараки, как ты. Этот корабль сделал кто-то другой.

– Ты ведь не хочешь туда лезть? – спросила Цифраль. – Это ловушка.

– И что за ловушка?

– Что-то притягательное. Как блесна на кончике лески. Что-то, привлекающее внимание того, кто ищет ответы и не знает, что делать дальше.

– Если честно, не знаю. Копье пропало. Ван Дикен жив. Колючее Сердце погиб, спасая мне жизнь. Поражение.

– Мы живы. Как и остальные. Ты потерял одного, но трое вернулись. Могло быть и хуже.

Драккайнен встал и взглянул на воду. Та была мутной, словно по ней текли молочные испарения. Длинной полосой, от помоста до борта корабля. Поверхность была покрыта беспорядочно плавающими иголками

льда, которые ложились на воду и превращались в тоненькие плитки, соединялись в блестящую поверхность.

А потом поверхность эта вдруг замерзла с мелодичным, хрустальным звоном, соединяя причал и корабль тропинкой льда. Морозное дыхание пахнуло ему в лицо.

– Вуко, нет... – попросила Цифраль.

Драккайнен уселся на край причала и осторожно поставил подошву сапога на свежий лед. Тот легонько затрещал, но выдержал.

– Не делай этого, не глупи, – повторила Цифраль.

Он молчал и осторожно делал шаг за шагом, выпуская изо рта огромные клубы пара.

Фея летела рядом с его головой с сосредоточенным выражением на лице, сопровождая в мрачном молчании, пока он подходил к борту и осторожно поднимал лежащих людей. Негнущихся, покрытых космами инея, как серебристым мхом, из которого торчали маленькие ледяные цветочки с хрупкими стебельками и листьями: они крошились от прикосновения руки.

Поднимал их, одного за другим, замерших в странных, выгнутых позах, легких, словно пустые скорлупы, и переносил на причал.

Стоял потом над ними, грея ладони под мышками, и задумчиво смотрел на корабль. На форштевень с головой ледяного дракона с пастью, полной ощеренных сосулук, и с узкими змеиными глазами. Поверхность чудища покрывало сложное плетение узоров.

Потом раздался странный скрип, и рот одного из трупов раскрылся, выпуская облачко пара. Вуко окаменел, встретив взгляд покрытых инеем, замороженных бледных глаз.

– *Отвращение*, – раздался странный голос: словно треск лопающегося льда. Голос говорил по-английски. – *Да, это было отвратительно.* – Голос продолжал монотонно, словно что-то читая. – *Но если у человека хватит мужества, то он признается, что отвратительная откровенность этого призыва пробуждает в нас слабый ответный отголосок, смутное подозрение, что скрыт в нем смысл – смысл, который может открыться вам, так далеко ушедшим от мрака первых веков.*

– Кто мы... – отозвался второй, скрученный баранкой, точно так же покрытый серебристым мхом и настолько же мертвый, – ...забравшиеся сюда? Сможем ли мы подчинить эту немую глушь, или она подчинит нас? Насколько величественна ее немота, лишенная, быть может, и слуха...^[9]

Драккайнен стоял и слушал в ошеломлении, но тела замолчали.

Он поднял первое из них и зашагал к городку.

Корабль молчаливо колыхался на воде, а дракон на носу устремил змеиный взгляд в спину уходящего разведчика.

* * *

Пир на этот раз – скромнее, чем обычно. Мы слишком много пьем в память о Грунфе, а еще больше спорим о том, что делать дальше.

– Способ в конце концов найдется, – говорю я. – Собственно, я намерен его найти. Вы пока сидите здесь. Пошлите за подмогой к прочим людям. Скажите им, что ван Дикен не остановится на Земле Огня. Он пойдет до самой Змеиной Глотки. Не остановится, пока не подожжет весь мир. Чтобы убить такого Песенника, нужно больше песен и сильных Песенников. Я привезу способ. Защищайтесь. А если не получится иначе, садитесь на корабли и плывите отсюда. Песенник по имени Аакен – мое дело. Я прибыл сюда, чтобы его убить, и я это сделаю. Вот что я хотел сказать.

– И отчего слова твои звучат так, словно ты прощаешься? – спрашивает Атлейф. – Ты мудрый человек. Ты должен знать, что нечто настолько сложное, что вы пытались сделать, порой не удастся. Песенник не погиб. Ему повезло. А может, именно это значит быть Песенником, не знаю. Но вы вернулись. Погиб Грунф, мой рулевой, но – лишь он. Мы оплакиваем его, хотя могли бы сегодня оплакивать вас всех. Вы знали, что так может быть. Муж должен уметь принимать поражение. Любой глупец умеет радоваться победе, но в жизни бывают и поражения. Среди Людей Огня у тебя есть дом, Ульф. Ты здесь среди своих. Мы не смеемся над смельчаками, которым не повезло. Мы – пахари моря. Мы знаем, что иной раз ты побеждаешь, а иной – нет.

– Ты слышишь в моих слова прощание, потому что я и правда прощаюсь, – отвечаю я. Чувствую себя ужасно, словно бросаю их на произвол судьбы. – Не навсегда. Я вернусь сюда, в Дом Огня. Вернусь и освобожу вас от проклятого короля Змеев. Я догадываюсь, что такое тот ледяной корабль, который стоит на озере. Я узнал форштевень с головой дракона. Знаю, что его прислали за мной. Поэтому завтра утром я взойду на ледяной борт. Я должен. Тут, в Земле Огня, песен уже нет. Их отобрал для себя король Змеев. Но они есть за морями. Может, в том Ледяном Саду. Поэтому я поплыву и найду такую песнь, которая победит ван Дикена. И тогда я вернусь. Так быстро, как сумею.

– Если не король Змеев прислал его, – говорит Атлейф, – то из

Ледяного Сада тоже никто не возвращается. Это проклятое место, пожирающее людей.

– Такие места ни за кем не присылают кораблей, – говорю я. – Его прислал человек. Он заговорил со мной словами старой книги. Старой песни о ком-то, кто оказался посреди чужих лесов, в окружении диких людей и решил сделаться между ними богом. А потом сошел с ума, потому что человек не может быть богом. К тому же, ты сам сказал, что никто оттуда не возвращается. Но Грюнальди вернулся, насколько мне известно.

– Это безумие! – кричит кто-то.

– Все, что нынче происходит с миром, безумие.

* * *

Утро встает туманным и каким-то грязноватым; идет легкая оттепель. Туман клубится над почерневшим, тяжелым снегом.

Я выхожу в ворота, ведя Ядрана и неся на плече упакованные сумки. Калитка отворена, на пляже – толпа. Молча смотрят на меня.

Я иду между протянутыми ко мне руками. Так много рук и загришков для пожатия, так много застрявших в горле слов.

Ледяной корабль стоит иначе, чем вчера. Вчера он стоял к пляжу бортом, а нынче – кормой к пристани. От досок помоста на его борт снова ведет посверкивающий ледяной трап. От корабля уже не веет холодом, блестящий лед трапа выглядит как стекло и не тает под ладонями.

Ядран фыркает и утыкается мне в руку носом. Я глажу его по шее.

– Ты не должен входить на этот странный корабль, – говорю ему. – Можешь остаться в конюшнях Людей Огня.

– *Ядран и Вуко вместе*, – ворчит он упрямо.

Ладно, вместе.

Мы идем.

Я слышу топот шагов по доскам, разворачиваюсь и вижу приближающихся людей. Тянутся от города, волокут какие-то тюки и бочки. Впереди идут Спалле и Варфнир, груженные вьюками, оба с оружием, луками, в полной экипировке. Ведут лошадей. Хотят, чтобы я попрощался с их конями?

– Что происходит?

– Это вот, – Спалле машет рукой в направлении толпы с грузом, – припасы. Что ты собираешься есть и пить в пути? А это – наш багаж. Мы плывем с тобой.

– Хотите взойти на ледяной борт проклятого корабля? Вы сдурели? Вчера мы сожгли людей, которые просто к нему приблизились. Неизвестно, что случится. Может, он повезет меня напрямик к королю Змеев? А может – в ледяной ад? Не позволю вам...

– Ты сказал вчера, что плывешь. Что корабль говорит к тебе словами песни, и что ты догадываешься, кто его прислал. Мы – твоя дружина. Песенник еще жив, а потому мы должны закончить дело.

Я играю желваками и не знаю, что сказать. Чувствую комок в горле.

– Но ведь неизвестно, что со мной там произойдет.

Он только пожимает плечами.

При виде Грюнальди с перевязанной тряпками головой, который тащит седло и какие-то свертки, мои руки опускаются.

– А ты куда? Ты должен лежать и пить травы.

– Я что, корова, чтобы лежать всю зиму? Я из твоей дружины, и что за разница, если я получил камнем? Моя голова тверже камня. Морское странствие мне поможет. К тому же, у меня собственное дело в Ледяном Саду. Не забывай, только я там был.

Я поворачиваюсь, когда кто-то касается моей щеки. Вижу узкую ладонь, которая держит покачивающийся на ремешке камень, и блеск оленьих глаз.

– Я отобрала у тебя амулет. А значит, тоже вхожу в твою дружину, как и те. Я согласилась не идти в Землю Змеев, но сейчас – кое-что иное.

– Вы сдурели?! Это не пикник! Я даже не знаю, дойду ли живым до борта! Запрещаю!

Они стоят стеной, плечом к плечу, держа узлы и глядя на меня с тупым упрямством.

Я прощаюсь с Атлейфом. Мыжимаем друг другу руки и загривки.

– Сделай что-нибудь, – рычу я. – Ты стирсман! Это же твоя сестра!

– Забери ее отсюда, – шепчет он мне на ухо. – Ты не должен с ней цацкаться. Все равно с тобой она будет в большей безопасности, чем здесь. Найди дорогу, – добавляет.

– *Boh*, – отвечаю я по-хорватски.

– Да ладно, – говорит Грюнальди. – Если ты можешь плыть и не считаешься безумцем, мы поплывем с тобой. Пойдем за тобой – или тебе придется с нами биться. Я сказал.

Я моргаю, отворачиваюсь и молча иду, держа коня за узду. Это шок. Я вбил себе в голову, что поплыву в неизвестность один, в сопровождении Ядрана, и потому сейчас не могу ни принять, ни понять, что происходит. Чувствую себя побежденным. Пусть плывут, если хотят.

Мы поднимаемся по ледяному трапу. Он даже не слишком скользкий. Ведет косо к открытому люку на борту, прямо в темноту. В полную темноту, где может скрываться что угодно. В самое сердце тьмы. В ее мрачное сердце.

Я слышу топот ног сразу за мной и стук копыт.

Мы выдвигаемся.

Конец второго тома

---

notes

Примечания

Цитаты из «Старшей Эдды» даны в переводе А. И. Корсуна.

- Добрый день, Вуко.
- Добрый день, Миленка. Хотелось бы эспresso.

- Прости, Милена!
- Поляки, поляки! Пойду сварю кофе! (Хорв.)

– Миленка, можно мне апельсиновый сок, круассан и салат из осьминогов?

– Можно, Вуко! Конечно!

– Спасибо!

- Милена, есть сигареты?
- Есть, «Ларсы» подойдут? (*Хорв.*)

Рыбным рестораном (*хорв.*).

«Жаворонок» – песня, происходящая из французской Канады и считающаяся ее неофициальным гимном.

Все стихи Амитрая и Кебира – авторства Майи-Лидии Коссаковской.

Пер. А. Кравцовой (с изменениями).